

ISSN 0131—6656

СМОЛНА

ДЖЕФФАРИ КОНВИЦ • СТРАЖИ • ЛУИС ОРТЕГА • СТИХИ

ДЖЕФФАРИ КОНВИЦ • СТРАЖИ • ЛУИС ОРТЕГА • СТИХИ

10'93

ТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ

• ЦАРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ

ВЛАДИМИР ПОРТНОЙ. *Вечерняя служба.*

(Читайте стр. 143)

10'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВИДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 19.07.93.

Подписано к печати 23.08.93.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 292 300 экз.

Заказ № 627.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

257-33-87 — отдел рекламы

и реализации.

250-49-98 — отдел писем.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации. Рег. № 166.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография: издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

10 (1548) ОКТЯБРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993.

В НОМЕРЕ:

2

На нашей
обложке:
фототюд
ВЛАДИМИРА
ПЧЕЛКИНА

Проза

88

ВАЛЕРИЙ ХАЙРЮЗОВ. ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ
Рассказ

158

ДЖЕФФРИ КОНВИЦ. СТРАЖ-I
Мистический роман

Поэзия

22

ЛУИС ОРТЕГА

123

ИРИНА ПУТЯЕВА

Человек и общество

4

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ. ЦАРСКАЯ КОЛЫБЕЛЬ

36

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ. КАПИТАНСКАЯ ТОЧКА

80

ВЛАДИМИР ДЕДИКОВ. ГОРЯЩАЯ РОССИЯ

98

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО. ГОРОД ПО СТАТУСУ

108

АЛЕКСАНДР АРСЕНЬЕВ. ПУГАЧЕВ: ДЕЛА АМУРНЫЕ

126

АЛЕКСЕЙ ХОХЛОВ. «СПУТНИК» НА ОРБИТЕ

132

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ. РЫБНЫЙ ДЕНЬ

146

ВЛАДИМИР МАЛЫХИН. КОРЕЕЦ ФЕДОР

154

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА. БОЛЬШИЕ ЛЮДИ

Культура, музыка, искусство

46

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ. ГАРСИА
Хроника певческой семьи

143

АЛЛА ТРИСТАН. ВЛАДИМИР ПОРТЯНОЙ

151

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. ВСЕ ЖАНРЫ РОК-Н-РОЛЛА

33

АНКЕТА «СМЕНЫ»

35, 78

ВАШИ ПИСЬМА

272

МНОГОБОРЬЕ ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

11-93

3

■ **ЗДУАРД РОЗЕНТАЛЬ.** «ЗНАКИ И ВОЗГЛАВЬЯ»

В марте 1917 года, в самый разгар массовой эйфории по поводу славной Февральской революции, поэт и философ Максимилиан Волошин предсказал России близкий террор, гражданскую войну, расстрелы и Вандею, озверение, потерю лица и раскрепощение духов стихий. И кровь, море крови. Его тогда называли чудаком, а от пророчества отмахнулись. Сегодня Волошин своими книгами предостерегает от второй гражданской войны в России...

■ **ГРЕГОРИ МАКДОНАЛЬД.** «ВЫБОР ФЛЕТЧА»

В США — выборы очередного президента. В каждом из городов, где проходит предвыборная кампания, случаются загадочные убийства. Жертвы маньяка — молодые женщины. И тут — как это всегда бывает в романах Грегори Макдональда — появляется обаятельный Флетч. И события принимают неожиданный оборот...

■ **ТАТЬЯНА ШАШКОВА.** «РОК-ШАМАН»

Вот уже два поколения пытаются разгадать — увы, безрезультатно — непостижимую тайну Джима Моррисона. Поэта? музыканта? хулигана?

«Я вижу себя... огромной огненной кометой, летящей звездой. Все останавливаются, показывают пальцем и шепчут в изумлении: «Посмотрите на это!» А потом — фьюить, и меня уже нет... и больше они никогда не увидят ничего подобного... и никогда не смогут меня забыть — никогда»

АНОНС:

Царская

СТАНИСЛАВ ЛЕСНЕВСКИЙ

КОЛЫБЕЛЬ

Бож. Царя хранит'

В. А. Жуковский

Кто бы мог еще недавно подумать, что мы отметим 380-летие основания династии Романовых и что в Костроме, которую издревле именовали колыбелью Дома Романовых, множество людей со всей России и даже со всего мира соберет десятидневный историко-художественный праздник.

Я знаю, что идею провести фестиваль «Вехи» первым высказал и взялся за ее осуществление костромской артист Анатолий Жадан, воодушевив своим замыслом влиятельных земляков. Но не знаю, чья это была мысль — сделать эмблемой «Вех» зрительный образ памятника, которого давно нет. А стоял памятник на центральной площади Костромы... И вот по всему городу — на щитах, плакатах, афишах — бюст юного Михаила Романова на вершине колонны, а у подножия колонны — коленопреклоненный и молящийся Иван Сусанин.

И площадь — снова Сусанинская, а еще недавно — площадь Революции. До установления памятника (в 1851 году) была она Екатеринославской. Впрочем, костромичи в обиходе именуют ее запросто — «сковородкой». А мне она напоминает чашечку цветка, от которого лепестками улиц расцветает Кострома. Говорят, что когда государыня Екатерина Великая утверждала план Костромы, на пол упал веер императрицы. Оттого, мол, вышло повеление, чтобы улицы города расходились от центра лучами...

Уютный лад Сусанинской площади создают милые творения губернского ампира, заглядевшиеся на пожарную каланчу, которая сегодня стала почти игрушечной, но хранит полузабытые предания русской провинции. И, может быть,

отсюда какая-то душевная мягкость, старинная гармония разливаются лепестками улиц, сообщая костромичам природную доброту, гостеприимную ласковость, взаимную терпеливость, а всех, кто спешит и озбочен, невольно останавливая, замедляя, чтобы можно было услышать в душе давний дорогой мотив.

Костромой, сказывают, древние славяне называли божество весны. На праздниках бога солнца Ярилы Кострому делали из веток и соломы, а потом бросали в реку или в огонь. Недаром и Снегурочка великого русского драматурга — костромичка.

Кострома — весна, пробуждение, надежда...

В жизни православной Святой Руси суждено было Костроме в 1613 году принести измученному войной и лишениями русскому народу весеннюю весть о конце смутного времени, о воцарении первого государя из древнего рода Романовых — Михаила Федоровича (так писали в старину, да еще через «фиту» — Ф). И в канун весны погиб, спасая царя, костромской (из села Домнино и деревни Деревеньки) крестьянин Иван Осипович Сусанин. Нет выше подвига, сказано в Писании, чем положить живот свой за други своя. Сусанин отдал жизнь за царя, значит, за Отечество. Царь, помазанник Божий, хранил Россию. Вот почему памятник, стоявший на центральной площади Костромы, изображал Ивана Сусанина коленопреклоненным и молящимся у подножия колонны, которую венчал бюст царя Михаила Федоровича.

Мысль о сооружении монумента была высказана государем императором Николаем Павловичем в октябре 1834 года, во время высочайшего посещения Костромы. Строился памятник на средства,

Памятник царю Михаилу Романову
и крестьянину Ивану Сусанину
(автор — В. И. Демут-Малиновский)

собранные по всей России. Торжественная закладка состоялась в 1834 году, открыт был памятник 14 марта 1851 года. Автор монумента — выдающийся петербургский скульптор В. И. Демут-Малиновский. Скульптор создал памятник и царю, и крестьянину. Лицевую сторону пьедестала украшал барельеф, запечатлевший мученическую гибель героя. На другой стороне золотом была высечена надпись: «За Веру, Царя и Отечество живот свой положившему поселянину Ивану Сусанину благодарная Россия». Герб Российского государства и герб Костромы подтверждали державный смысл монумента.

Но где же этот прекрасный памятник? Ведь он стоял на Сусанинской площади, и государи, посещавшие Кострому, кланялись величественному и простому монументу... Вокруг памятника Ивану Сусанину и Сусанинского сквера следовал путь государя императора Николая Александровича в мае 1913 года, в дни празднования 300-летия царствования Дома Романовых.

Памятник разрушили в 1918 году. Гранитная колонна была закопана в землю под сквером, а сейчас она — на складе. Больше ничего не сохранилось. Но возвращение площади прежнего имени — залог того, что памятник со временем будет восстановлен. Зрительный образ старинного монумента любим и популярен в Костроме, хотя на взгорье над Волгой поставлен новый памятник Ивану Сусанину (работа Никиты Лавинского).

Но именно традиционный образ украсил город в дни фестиваля «Вехи» в мае — июне 1993 года. Так начал оживать снесенный монумент...

Костромичи помнят предание,

что еще святой Геннадий Костромской был первым провозвестником славы Дома Романовых. Он посещал семейство Романа Юрьевича Захарьина и благословил детей боярина — Даниила, Никиту и Анастасию. Анастасия стала супругой Иоанна Грозного, а сын Никиты — Феодор — это будущий патриарх Филарет, отец Михаила Феодоровича Романова. Народ видел в Михаиле Романове достойного, природного наследника царского трона и царской державы.

Родовой вотчиной матери Михаила Феодоровича Романова — инокини Марфы, урожденной Ксении Ивановны Шестовой, — было село Домнино, в 70 верстах от Костромы, в кремле которой находился «осадный двор» Романовых.

После изгнания польских захватчиков из Московского Кремля инокиня Марфа и Михаил, вышедшие из плена, покидают Москву и едут в свою костромскую вотчину Домнино. Между тем 21 февраля 1613 года Земский Собор в Москве единодушно избирает царем Михаила Феодоровича Романова.

2 марта 1613 года из Москвы в Кострому двинулось великое посольство. 13 марта посольство прибыло в село Новоселки (Селище), в 2 верстах от Костромы, за Волгой, напротив Ипатьевского монастыря, где поселились инокиня Марфа и Михаил Романовы.

14 марта 1613 года стало днем основания царствующего Дома Романовых. Произошло это событие в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, где после долгих просьб от посольства инокиня Марфа дала согласие на вручение царского скипетра своему 16-летнему сыну Михаилу. Чудотворной иконой Феодоровской Божией Матери был умолен и благословлен на царство Михаил Феодорович Романов.

Осенью 1619 года государь вместе со своей матерью побывал в Костроме, в Домнине, в Макарьевском Унженском монастыре. Поклонился Феодоровской иконе Божией Матери и святому угоднику и чудотворцу Макарию Унженскому — за спасение и умиротворение Отечества и Церкви, за свое избрание и за освобождение своего отца патриарха Филарета из польского плена.

С тех пор государи российские, путешествуя в Кострому, непременно посещали Ипатьевский монастырь, Троицкий собор в монастыре, Успенский собор в костромском кремле, где хранилась и почиталась Чудотворная икона Феодоровской Божией Матери, покровительницы Дома Романовых и Костромы. Трижды земным поклоном кланялись Чудотворной иконе российские цари и императоры, целовали образ Богородицы.

14(27) марта — день восшествия на Российский престол первого государя из рода Романовых — празднуется Русской Православной Церковью как день Чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери.

Рассказывают, что в 1918 году в Екатеринбурге, в доме Ипатьева, где были злодейски убиты последний российский император и царская семья, нашли принадлежавшую императрице икону Феодоровской Божией Матери. Есть свидетельство, что без этой иконы императрица никуда не выезжала и не представляла себе жизни... А начиналось все в Ипатьевском монастыре...

Ипатьевский монастырь, колыбель Дома Романовых, пережил трудные времена. В советскую эпоху святую обитель закрывали, разоряли, заселяли... И, наконец, после реставрации, уже в недавние десятилетия, создали в мона-

стыре государственный музей-заповедник.

Сияют главы Троицкого собора, где словно первозданными предстают росписи Гурия Никитина — великое творение костромского изографа XVII века. Поражают мощью крепостные стены и башни монастыря. Но не слышны молитвы... И до недавнего времени, в сущности, ничто не напоминало о Романовых, о царском Доме. Даже в палатах бояр Романовых... И только в самое последнее время приходят в эти стены фотопортреты государя императора Николая Александровича, царской семьи — царственных мучеников...

*Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...*

Какие прекрасные лица,

И как это было давно...

Какие печальные лица,

И как безнадежно бледны —

Наследник, императрица,

Четыре великих княжны...

(Георгий Иванов)

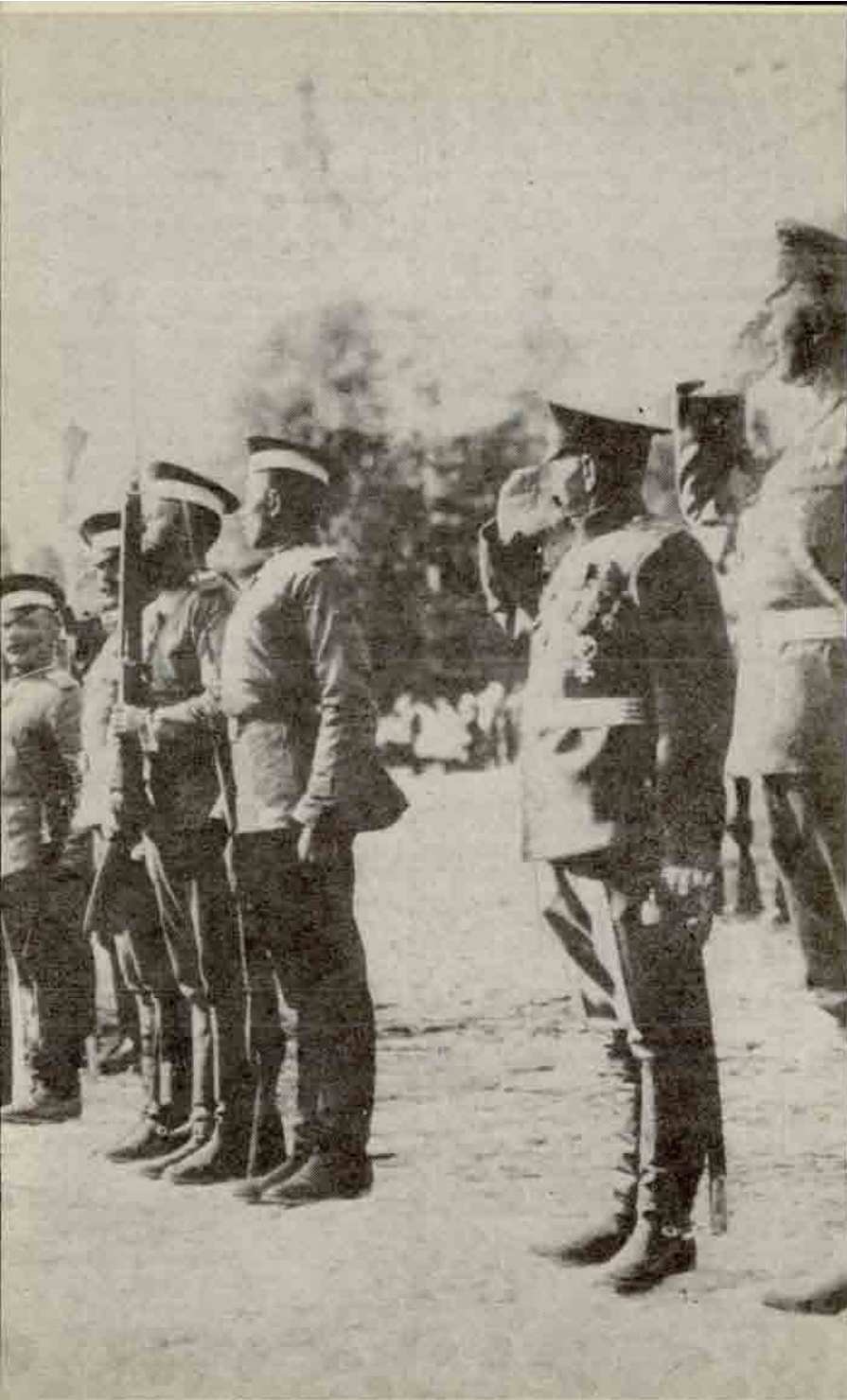
Красота и благородство этих трагических лиц — выражение красоты Дома Романовых, зримым подобием, могучим образом которого является Ипатьевский монастырь: Вера, Царь, Отечество. «Палладиум России», — сказал Карамзин о самодержавии. Паллада — защита, оборона, оплот.

Почему дом церкви, дом молитвы — Ипатьевский монастырь стал колыбелью Дома Романовых? Почему у истоков династии стоит самопожертвование русского крестьянина? Вот великие ответы, над которыми мы слишком долго потешались: Православие, Самодержавие, Народность — в единстве!

Н. А. Бердяев был убежден: «Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея Царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он

*Государь-император Николай II обходит войска.
Кострома, май 1913 года.*

органически вошел в религиозное воспитание народа». И философ полагал: «То, что создано долгой историей народа, не может быть так скоро изменено. К этому все относились слишком легкомысленно...»

Я уверен, что дом молитвы, колыбель Дома Романовых, должен вернуться в лоно Русской Православной Церкви. Первые шаги на пути к возвращению в Ипатьевский монастырь делает сегодня Церковь, но пока здесь еще музей, которому больше нигде быть. Лишь начинается осознание, что Ипатьевский монастырь не просто «учреждение культуры», а национальная святыня...

В воскресенье, 30 мая 1993 года, поздним вечером тысячи людей заполнили огромную лужайку Нового города Ипатьевского монастыря. Фестиваль «Вехи» проводил, наверно, свое самое грандиозное торжество: Большой театр давал в стенах Ипатьевского монастыря оперу Михаила Ивановича Глинки «Жизнь за Царя». И здесь это возвращенное название великой оперы обрело особый смысл. Проектора осветили Зеленую башню монастыря. Зазвучали знакомые звуки, любимые арии. Погибал и воскресал Иван Сусанин.

И пусть это было всего лишь зрелище, я думаю, никогда костромичи с таким волнением не слушали классическую оперу, никогда такой серьезностью не наполнялись произносимые у стен Московского Кремля (а сейчас в Ипатьевском монастыре) хрестоматийные слова: «Славься, славься, Святая Русь... Славься, славься, наш Русский Царь...»

Когда стоишь на высоком костромском берегу Волги, там, где поднимались — еще шестьдесят лет назад — златоверхие главы Успенского и Богоявленского соборов, можно представить, как

встречали приплывающих белокаменные стены костромского кремля.

Но труднее вообразить, даже видя фотографии и кинохронику, что всего восемьдесят лет назад сюда прибыл последний российский император. Кто же знал тогда, что до катастрофы оставалось четыре года.

«Боже, Царя храни!» — звучали слова народного гимна, и эти же слова были начертаны повсюду. Невольно думаешь о том, что стало потом с людьми, которые тысячами высыпали тогда к Волге... Как сложились их судьбы? Да и было ли все это?

Между тем действительно солнечным днем 19 мая 1913 года у городской пристани Костромы толпы народа смотрели на медленно подплывавший под императорским штандартом царский пароход «Межень» в сопровождении императорской флотилии.

Кострома вместе со всей Россией праздновала 300-летие царствования Дома Романовых. Это был не просто внешний юбилей. Удалось сделать много полезного для города — построена электростанция, открыт музей, создана больница. На берегу Волги возвели целый городок — промышленную и сельскохозяйственную выставки. Для Костромы ведь это был особый праздник.

И вот Кострому посещает государь император Николай Александрович вместе с августейшей семьей, как принято было именовать высоких гостей.

Это были насыщенные, величественные, а для нас сегодня и поучительные дни. 20 мая 1913 года императорский пароход «Межень» отплыл от Костромы вверх по Волге, в Ярославль. Летописец тогдашний повествует: «Ударили в большой колокол у Ипатия, и тотчас же начался пе-

резвон на колокольнях городских церквей. Кострома провожала Августейшего Гостя и его семейство в дальнейший путь».

Вот фотоснимок, на котором — отплывающая «Межень» и толпа народа у городской пристани. Видно, что многие прощально машут вслед... Современный историк констатирует: «Уплывал вдале царский пароход, и будто медленно уплывали вместе с ним 300-летний Романовский Дом, прежняя Россия. Народ в путь добрый провожал, но впереди уже виднелись совсем иные берега...»

Медленно, но «отплывал» и великолепный соборный ансамбль костромского кремля, поднимавшийся над Волгой... В 1934 году он будет взорван... На постаменте памятника 300-летию царствования Дома Романовых (в основание его государь положил закладной кирпич) будет водружена огромная скульптура «вождя мирового пролетариата», с простертой указующей дланью (а на месте соборов едва не построят обком партии...).

Мы стоим под этой протянутой рукой на высоком берегу Волги, на зеленой лужайке, где в траве видны кирпичные осколки. Историк Татьяна Войтюк, влюбленная в Кострому, рассказывает, что когда-то все, плывшие по Волге, не могли оторвать глаз от Успенского и Богоявленского соборов, от высокой колокольни, творения костромича Степана Воротилова, выдающегося зодчего XVIII века... И многим примечателен, дорог памяти костромской кремль! Там были и городские часы, и библиотека. В Успенском соборе хранилась и почиталась святыня — Чудотворная икона Феодоровской Божией Матери.

Но, оказывается, есть в нынешней Костроме люди, мечтающие о восстановлении ансамбля ко-

стромского кремля. Антонина Васильевна Соловьева, ответственный секретарь местного фонда культуры (правда, месяцами не получающая зарплату), говорит об этом как о реальном деле. И приводит меня в реставрационные мастерские, знакомит с архитектором Леонидом Сергеевичем Васильевым, который разыскал чертежи и обмеры соборов, чудом сделанные почти перед самым взрывом кремля. Леонид Сергеевич показывает — готовы эскизные проекты реставрации храмов. Может быть, маленький Кузьма, сынишка Тани Войтюк, сумеет полюбоваться на вознесшийся к небу костромской кремль.

Кто знает, сколько надо прожить, чтобы увидеть над Волгой восстановленные соборы, но ведь дожидаясь наших дней девятиностолетняя Вера Александровна Шитова, которая видела и запомнила приезд государя в Кострому в мае 1913 года. А разыскала ее современная молодая женщина с гимназической косой — краевед Татьяна Гончарова, которая записала рассказ Веры Александровны, Верочки, смотревшей в окно восемьдесят лет назад и на всю жизнь запомнившей белое платье и бусы императрицы, бородку и симпатичное лицо царя, дочерей, Алешу, белых царских коней, крики «ура» и звон Успенского собора...

Помню, мне было лет девятнадцать, когда я и мой сверстник Вадим Кожинов (на год младше меня), странствуя по России в основном с помощью студенческого билета, едва ли не случайно приплыли в Кострому, и могучая Молочная гора втянула нас от Волги в город, сразу в знаменитые торговые ряды. И с этого мига Кострома осталась во мне...

С Виктором Бочковым, архивистом и краеведом, мы шли по улицам Костромы. Он читал город,

как открытую книгу, и в окнах домов словно возникали Островский, Писемский, Розанов, Сологуб, Рязановский, Ремизов, герои этих писателей. (В шестидесятых я приходил к Бочкову в архив, который помещался тогда в Бого-явленском монастыре, и видел, как со стен осыпаются бесценные фрески Гурия Никитина. Архив все собирались переселить, пока не случился пожар, уничтоживший и фрески, и архив...)

Мы шли к Игорю Дедкову, и вот где было пиршество споров, книг, идей! Здесь читались, обсуждались и Леонтьев, и Розанов, и Бердяев, и Солженицын. А в областной библиотеке можно было посмотреть такие книги, о которых в столице мало кто слышал. Все это знали, изучали и Дедков, и Бочков, и Пьяных, и Леонович...

Кострома стала для меня кладзем мыслей, образов, веяний. Здесь бушевали краски Николая

и Татьяны Шуваловых, Алексея Козлова, Евгения Радченко. Звучало слово Юрия Куранова. Здесь, должно быть, началась моя собственная дорога к храму.

Я застал Ипатьевский монастырь еще полуразрушенным, полуброшенным, полужасленным. Потом на моих глазах он становился едва ли не образцовым советским музеем. Но ведь я никогда не чувствовал его монастырем. И совершенно абстрактно

представлял себе как место пребывания инокини Марфы и ее сына Михаила...

Кострома для меня была домом друзей, произведением искусства, романтическим воспоминанием. Но я, собственно, не знал и не чувствовал Костромы царской, да и Кострому церковную вбирал островками, фрагментами и больше художнически, чем духовно.

Тут были свои вехи. Русский усадебный мир открыл живописец

Григорий Островский. Русский деревенский и сказочный мир — Ефим Честняков. Этими открытиями мы обязаны подвижничеству Виктора Игнатьева, Савелия Ямщикова...

Но совершенно особым событием стала для меня в мае прошлого года религиозно-философская конференция в Костромском духовном училище, посвященная В. В. Розанову и отцу Павлу Флоренскому. Я услышал не только филологов, историков, краеведов, но и священников — отца Евгения и отца Григория, говоривших увлеченно и свободно. Привлек своим словом епископ Костромской и Галицкий Александр.

«Церковь есть не только корень русской культуры... но она есть и вершина культуры», — понимал В. В. Розанов. Этому меня учили и Оптина пустынь, и Черниговский скит. И вот тогда я понял, что приехал в новую Кострому. Нет, это не личная исповедь — хочу объяснить, почему стали возможны в Костроме «Вехи». Я не представлял, что здесь пришло в культуру новое поколение тридцатилетних молодых людей, для которых естественно все то, что я слишком поздно стал открывать для себя.

Например, Николай Муренин фактически создал журналы «Костромская старина» и «Губернский Дом», которые поместили к 300-летию династии Романовых целый ряд совершенно новых публикаций. Андрей Анохин собрал дома редчайшую «Костромияну» и подготовил к «Вехам» уникальное репринтное издание — «Празднование Трехсотлетия Царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 года» Н. Н. Виноградова. Татьяна Войтюк, Антонина Соловьева, Лариса Сизинцева выпустили к юбилею Дома Романовых инте-

реснейшие краеведческие книги. Священник и поэт Вячеслав Шапошников трудится на ниве православного книгоиздания и просвещения. Монах отец Вадим собрал в своей келье маленький музей Дома Романовых...

Не смогу назвать всех, но хочу сказать об атмосфере — здесь помнят о наследии. Готовятся к выпуску книги выдающихся историков-краеведов. А. А. Григорова и В. Н. Бочкова, проводятся чтения, им посвященные. Я слышал, как спорят искатели истины на заседаниях религиозно-философского общества. Эта бескорыстная увлеченность осталась в русской провинции. Нигде не встречал такого ревнителя просвещения, как городской голова (мэр) Костромы Борис Коробов. А к профессору Юрию Лебедеву прислушиваются филологи Москвы, Петербурга, Сорбонны.

Я не изучал весь механизм организации фестиваля «Вехи» (знаю только, что средств постоянно не хватало). Но прекрасные концерты, спектакли, выставки убеждают лучше выкладок. Я бы назвал шедевром реставрации здание и интерьер Дворянского собрания, где размещена галерея великолепных портретов российских императоров и где в присутствии великокняжеской семьи с благословения епископа Александра был основан Романовский фонд. Признаюсь, мне неведомы тонкости генеалогии и престолонаследия, но вместе со всеми я разделил общее теплое чувство к высоким гостям праздника — к великокняжеской семье, к их императорским высочествам — Марии, Леониде и юному Георгию, совершающим паломничество по Святым местам России и являющимся живым воплощением памяти Дома Романовых. Вместе все мы стояли в храме, вместе шли, повторяя путь следо-

вания Государя и царской семьи восемьдесят лет назад. Вместе обошли и объехали сусанинские края...

Я впервые побывал в Сусанине (бывшее Молвитино) лет тридцать назад, видел грустную церковку, что нарисовал Саврасов в картине «Грачи прилетели», ночевал в какой-то сиротской гостинице и пытался представить себе гиблые болотистые чащи, куда завел польских завоевателей Иван Сусанин.

И с этим непроявленным чувством вернулся в Кострому...

Дважды посещал Сусанино нынче. Я и не знал, что в 1988 году в Воскресенской церкви открыли «Музей подвига Ивана Осиповича Сусанина». Церковь утонченная, красивая, старинная — 1690 года. Музей неплохой: я ценю такие добросовестные провинциальные музеи со множеством фактов и предметов. Он и оформлен поэтично, любовно, патриотически. Здесь и история призвания Михаила Романова на царство, и судьба Ивана Сусанина, и громадное эхо подвига — легенда и была одновременно.

Мария Ивановна Рыбкина, смотритель музея. Много лет она была главным агрономом района, все тут знает, и мы с ней обошли и объехали сусанинские окрестности, да и музей она нам представила подробно. Душевно близка мне оказалась Мария Ивановна тем, что она не излагает разных версий историков, а знает подвиг Сусанина по стихам Рылеева, которые читает наизусть и с удовольствием. Я тоже с детства помню эти стихи, и для меня они самый авторитетный первоисточник.

Мария Ивановна обратила мое внимание на розоватый гранитный камень у церкви. С одной стороны надпись легко читается: «Благо-

дарные крестьяне Молвитинской волости». С другой стороны надпись сбита, но разобрать можно: «Царю-освободителю». Видимо, это был постамент памятника государю Императору Александру II. (В Костроме в прежние времена стояла Александровская часовня — в память мученической кончины Императора Александра II. Тоже снесли...)

Живой, конфликтной оказалась ситуация с храмами в Сусанине. Если в теплом Воскресенском храме — музей, то в холодном Никольском — действующая церковь. Служит там молодой красивый священник — отец Павел. У него и матушки Натальи трое детей. По первоначальному образованию они историки. С энтузиазмом говорит о своей миссии отец Павел, надеется, что музей переведут в другое здание, а Воскресенскую церковь тоже отдадут верующим. И мне эта встреча больше сказала об Иване Сусанине, чем любая экспозиция.

Сусанино — село большое, а Молвитино было еще больше. В музее есть снимок гостиницы, которую построили молвитинские купцы Сутягины; не зря они называли ее «Париж».

Молвитино и его окрестности были, конечно, знамениты, почитаемы на Руси еще со времен царя Михаила Феодоровича. В апреле 1866 года молвитинский крестьянин Осип Иванович Комиссаров спас в Петербурге, у Летнего сада, государя Императора Александра II от каракозовского выстрела. Некрасовские строки об этом: «Сын народа! Тебя я пою! / Будешь славен ты много и много: / Ты велик, как орудие Бога, / Направлявшего руку твою!»

В 1879 году в Костроме возникло Александровское православное братство, стремившееся обустроить и отметить места, связан-

Опера М. И. Глинки «Жизнь за царя»
(постановка Большого театра)
звучит в Ипатьевском монастыре —
«царской колыбели».
30 мая 1993 года.

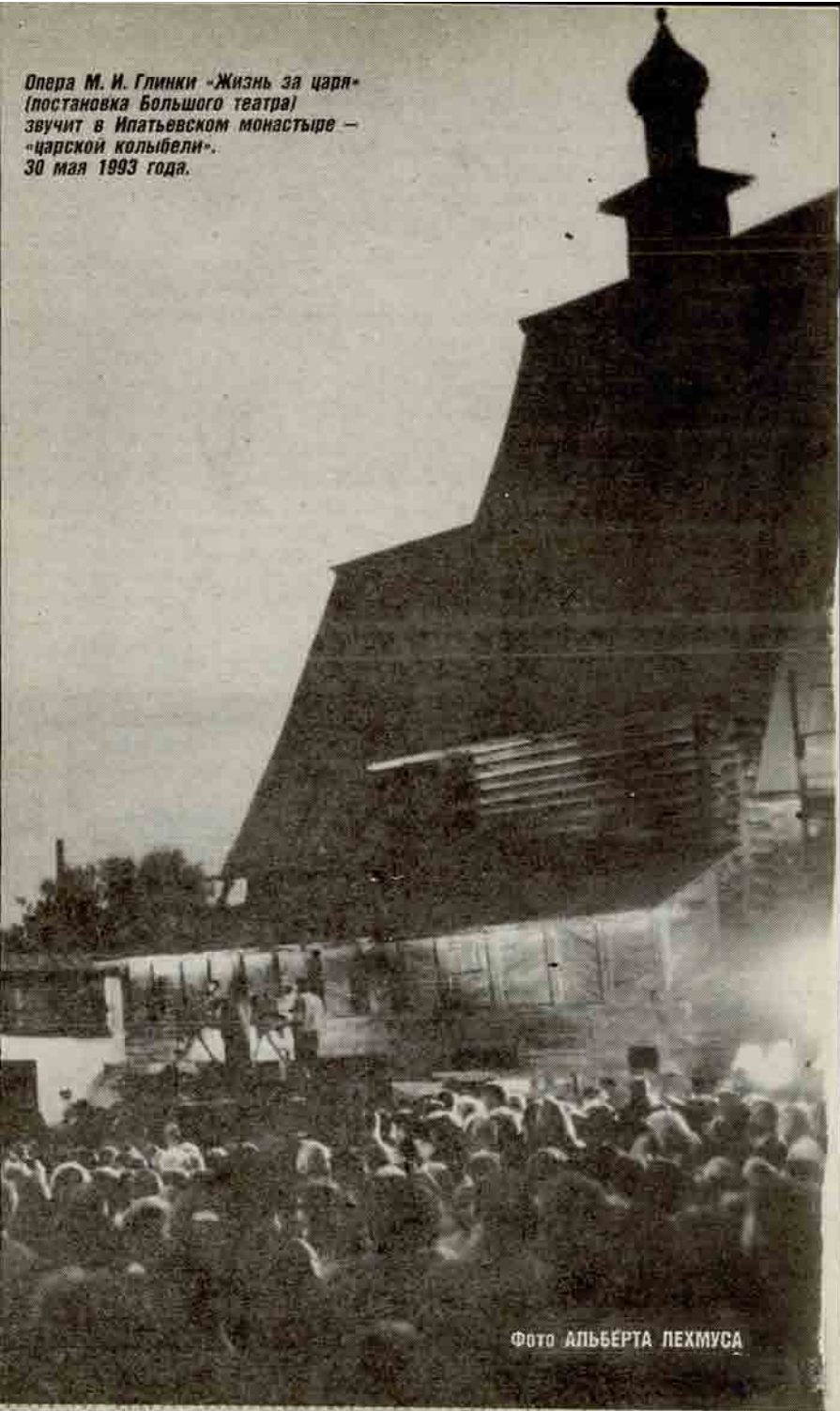

ФОТО АЛЬБЕРТА ЛЕХМУСА

ные с памятью царя Михаила Феодоровича Романова, его матери — инокини Марфы (Ксении Ивановны Шестовой), Ивана Осиповича Сусанина. Обществу и его деятельности покровительствовал государь Император Александр II. Были построены новые дома, открыты училища, богадельня, сельскохозяйственная школа. Конечно, братство заботилось о церковных приходах и храмах. В 1913 году на средства местных крестьян соорудили часовню на месте, где, по преданию, в деревне Деревеньки стоял дом Ивана Осиповича Сусанина. Деревни теперь нет, одинокая часовня стоит на краю леса...

А на высокой горе, под которой стелется заросшее Исуповское (ныне Чистое) болото, где совершил свой подвиг русский поселянин, уже в наше время поставлен огромный природный камень — валун с надписью: Иван Сусанин. 1613.

Но в Домнине мы увидели, наверно, самый живой памятник великой истории. Место это возрождается. Сейчас здесь подворье Богоявленско-Анастасьинского монастыря во главе с матушкой игуменьей Иннокентией из Пюхтицкой обители. Дело Александровского православного братства продолжается; даже небольшая ферма сестрицами и послушницами создана, помощники приезжают отовсюду, в том числе из-за рубежа (например, из Швейцарии).

Седой отец Георгий благословляет, крестит и целует нас, открывая церковь Успения Божией Матери, построенную в 1827 году на памятном великом месте — месте дома Ксении Ивановны Шестовой, матери царя Михаила Феодоровича, о чем гласит старинная надпись, начинающаяся так: «Во славу Бога храм сей благословил

построить Епископ Евгений 1809 года января 16 при иерее Данииле Иванове. Освящен при сыне его протоиерее Алексее 1818 мая 9 и 1827 ноября 30». По преданию, на прицерковном кладбище села Домнино похоронен Иван Осипович Сусанин. Стояла здесь когда-то древняя церковь во имя Воскресения Христова.

Вся наша надежда на Воскресение...

И хоть все еще простерта над Волгой тяжелая рука, летит и летит посланная 21 февраля 1913 года царская телеграмма: «Радуюсь мысли быть в скором времени среди близких Моему сердцу Костромичей. Николай».

А вот и к заполненному народом берегу подплывает под императорским штандартом царский парход «Межень»...

*Боже, Царя храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу нам,
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный!
Боже, Царя храни!*

*Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли;
Гордых смирителю,
Слабых хранителю,
Всех утешителю
Все ниспошли!*

Дорогие читатели!

70

В январе 1994 года исполнится ровно 70 лет со дня выхода в свет первого номера журнала «Смена».

День рождения, к тому же такую солидную дату, принято отмечать вместе с близкими людьми и друзьями.

Мы тоже не хотим нарушать эту традицию и надемся — если, естественно, нам не помешают какие-нибудь исторические катаклизмы — скромно, но с достоинством отметить свой юбилей. Семьдесят лет для журнала, конечно, не старость. Это прежде всего традиции, это верность определенным идеалам, это огромный творческий и интеллектуальный багаж, это новые люди, новые герои и старые, верные друзья — читатели. И потому мы не хотим отмечать юбилей в одиночку. Приглашаем на наш праздник всех, кто давно любит и читает «Смену», кто верит ей и остается с ней во все времена.

Но мы хотим, чтобы и вы, наши дорогие читатели, внесли свой вклад в общий праздник. Каким образом? Очень просто. Пусть каждый, кто давно связан с журналом, пришлет нам свое «слово» о «Смене», своеобразный тост в честь «Смены», в котором будут и личные воспоминания, и какие-то факты причастности «Смены» к вашей жизни и судьбе. Все это будет, естественно, опубликовано в юбилейном январском номере журнала.

А самых наших старых, давних подписчиков, которые пришлют убедительное доказательство своей любви к «Смене», мы пригласим на наши торжества.

Ждем, дорогие друзья, ваших писем и сообщений до 1 декабря — это крайний срок, когда юбилейный номер сдается в печать.

Итак, до встречи на нашем юбилее!

ЛУИС ОРТЕГА

Из книги:
«ВОРОТА СЕНТЯБРЯ»

==
*Преисполнена праздным
бесцельной души ремеслом
одинокая ночь, одинокого вечера чаша.
И на досках, сколоченных наспех
последнего часа,*

легкой казни в ушах все стоит перезвон.
Я простился с тобой, —
в отвернувшемся зеркале сна.
В пустоте между смертью и жизнью,
украшенной пеплом.
И в картинах судьбы,
манускрипте усталом и бледном,
перечерчен огнем белый крест колеса.
И ожога соблазна,
и усталого голоса пепел
снова горькую чертят победу колонн.
Бесконечный мятёж отрицания светел.
Крест молчания
светел в пещерах времен.

≡

Причесан шелест бытия, но парика
осенний локон оплетен испугом,
взъерошен смехом, и горька рука
весны, и пальцы сведены недугом.
Жемчужный дождь, тусклоголовый ливень,
архипелаг простуженных лачуг,
зачем тебе весь лабиринт извилин,
в пространстве слов не сопряженный в круг?
В аллеях сада кружатся планеты.
Базальта непокрыта голова.
И тайна бестелесности жива
в разбитых зеркалах сонета.
Он зрим. Но существует ли покров?
И время горько в ночи кипарисов.
Бледней весенней тени шум веков.
Стрекозы прилетают к нам на пристань
сквозь белый сон, сквозь нимб колоколов.

30 июня 1989

Гравюры на дереве — автора

Вдоль осени, реки речные вздохи
сворачивают пелену холста —
пустынных берегов, ненужного моста,
осенних листьев — непрочитанные строки.
И в мастерской уже пуста
палитра. И эскизы слишком строги.
Строитель барок, парусов ценитель,
в челне плывущий в дебрях простоты.
Молчанье мели. Крест звезды в зените.
И на воде фригийские следы.
Реки речные вздохи вдоль рассвета
свивают свиток старого холста,
и блески недосказанного лета
спят в раковине полотняной бредя.
И осень расскла погибшая звезда.

Землетрясение — и розы лепесток.
Осенних листьев красные ресницы.
Смывает слов зачеркнутые лица
ночей и дней раскрытый водосток.
И в лужах оловянная посуда
скрывает черных веток письма.
А в манускрипте — терпкий дух вина,
и непрерывность глины и сосуда.

*В старинном пепле запеклась рука,
земная окись, грифель и пергамент.
Ожог — грядущей осени слуга
и взгляд огня, клеймящий камень.
Я знаю — белых ожиданий тень
прозрачна. Гибель безначальна лета.
И в амальгаме осени одета
грусть сентябррей встречает каждый день.*

1981

≡
*Вновь осень профиль желтый
чеканит на монетах.
Все тот же дождь смывает цвет костров.
И ветер, белый, в перечеркнутых сонетах
из трещин выдувает вздохи слов.
В одном окне весна, в другом — узоры лета.
В глазах все то же постоянство света.*

≡
*В разбитой амфоре обижен воздух лета,
сосуд незримый обнажен для ветра,
в лохмотьях чешуи осьпался покров.
Чертеж прозрачной гибели бесцветен,
дрожащий на камнях. А серый ветер
пронизан смерчем воплощений сна.
Но тень вина стесняет белизну порыва
купальщицы, сквозь очертания вины,
вплесненной ветром в горечь розмарина
и тишину пустыни.*

21 февраля 1988

Покинут пчелами, обманутый всерьез
 архипелаг дождей, ковер туманной встречи
 витает над судьбой. И старая звезда
 теряет дух медовый, и нечем ей
 остановить оскомину колес.
 Как оголенный камень, ждущий неги,
 хотя бы слез бездомного дождя,
 луны и ветра не дождался вечер.
 Лицо покрыто горечью полос.
 Сегодня ночь осталась без почлега.
 Бесцельно одиночество борозд.
 Открыла ставни ночь — и белокурый локон,
 и свиток слов, спасительные строки,
 легли молитвой на кольчугу мостовой.
 И воск часовен. Гнезда мертвых окон.
 Архипелаг туманный и далекий.
 Пустые соты дней без меда твоего.

≡
Вернулось сердце к сердцевине,
упавшее на дно картины
в картинной галерее сна.
Лохмотья мыслей одиноки
как снега тающие вздохи,
как полуземля весна.
Наверно, близко, наверно, скоро
услышим неба белый голос.
В груди птенец открыл глаза.
Молчи, уйди, мудрец нелепый.
Мы здесь. Твое безумно небо.
Ниспослана одна роса.
Причуда слов закрыта взору.
Лелеет черный камень ссору.
Письмо молчать обречено.
И за горами облак белый
предсказывает перемены,
полета горькое вино.

17 октября 1987

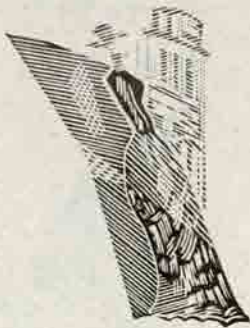

ДОН КИХОТ, ДВОЙНИК ИСПАНЦА

Колодец дней, кувшины судьбы
с полупрозрачной сердцевиной,
Диагональный свет руки.
Письма потеряннго шей.
Речь льющейсы воды, букварь.
Веретена пустые нити.
Живого почерка спираль
на смуглом дереве событий.
Глаз, шар прозрачный ясновидца.
Цветных картин резной кристалл.
Сосуду брошенному снится
объятый пламенем нектар.

На пристани тревожной разниц,
сквозь осень, ласточку, чердак,
у взгляда, брошенного навзничь,
стрелы раздвоена черта.

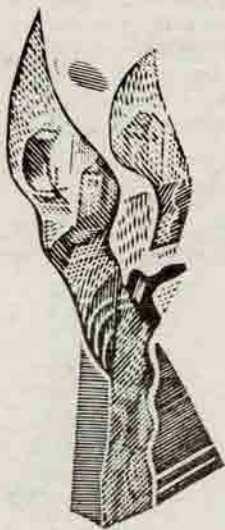
И влагу скорби сохраня,
подошвы легкие лелею.
И крылья мельниц — сквозь аллею
крестов — приветствуют меня.

Бег пальцев, медленно листавших осень,
прожилки света, поволоку черни.
Цвет листьев и дорог, разноголосен.
Твой шаг, переступающий ручей,
перчатки красной маленькие козны.
Твой смех, упавший на траву испугом,
гравюры трещин на прохладе лета,
— я помню, — бриз огня, я знаю слухом
разводы памяти на глади следа,
спиралевидный дождь, покрывший море кругом.

==

*Нетлением прославлена рука
художника, что заключил в пространство
мелькнувшее крылатое убранство
и глаз небесный ангела, пока
летающий вестник в белом постоянстве
хранил чертеж полета, и слегка
смежил глаза, вдыхая ветер странствий
и незнакомый аромат цветка.*

На полосах 26 и 28 авторские автографы алхимических стихотворений «Покинут пчелами, обманутый все-рьез» и «Ливни перевернуты над железной чешуей града».

ОТВЕТЬТЕ НАМ!

Анкета журнала «СМЕНА»

Дорогие друзья! По правде сказать, чем выше растут в стране цены на все услуги и товары, в том числе и на наш журнал, тем острее мы ощущаем потребность знать, кто же он сегодня, наш постоянный и преданный читатель, и как он оценивает нашу работу. Поэтому просим Вас заполнить эту анонимную анкету и выслать ее в редакцию. Результаты анкетирования с нашими комментариями будут опубликованы в одном из последующих номеров журнала.

Отметьте нужный ответ или впишите свой.

- 1 Вы читаете наш журнал:
 - регулярно,
 - от случая к случаю.
- 2 Обычно Вы читаете номер:
 - целиком,
 - большинство материалов,
 - отдельные материалы.
- 3 Этот номер Вы:
 - купили,
 - взяли у друзей, знакомых, родственников,
 - получили по подписке.
- 4 Удовлетворяет ли Вас этот номер журнала в целом? Оцените его по пятибалльной шкале:
 - 5 — очень хороший,
 - 4 — хороший,
 - 3 — удовлетворительный,
 - 2 — плохой,
 - 1 — очень плохой.
- 5 Назовите материалы этого номера, которые заслуживают следующих оценок:
 - 5 — _____
 - 4 — _____
 - 3 — _____
 - 2 — _____
 - 1 — _____
- 6 Назовите три лучших материала, опубликованных за 1993 год.

- 7 Материалов какого направления, по Вашему мнению, не хватает (политика, экономика, социология, искусство, поэзия, судебный очерк, спорт и пр.)?

8 Материалы какой жанровой направленности Вы больше цените (очерк, интервью, публицистическая статья, историческое эссе, поэзия, беседа, мемуары, повесть, роман, детективный рассказ)?

9 Если Вам кажется, что какие-то материалы этого или других номеров ориентированы на слишком неразвитых, с низким вкусом читателей, просим назвать эти материалы:

10 Как бы Вы хотели получать журнал в будущем:

- по подписке,
- покупать.

11 Чего, по Вашему мнению, не хватает в этом номере?

12 Что, по Вашему мнению, в номере лишнее, без чего можно обойтись? Назовите конкретные материалы?

13 Удовлетворяет ли Вас направленность «Смены»?

- да,
- частично да,
- нет.

14 Какие другие газеты и журналы Вы регулярно читаете?

15 Вам наиболее близки общественные позиции каких

- политических партий _____
- лидеров _____
- социальных движений _____

16 Ваши любимые современные

- писатели _____
- поэты _____
- публицисты _____

Сообщите, пожалуйста, некоторые сведения о себе:

17 Ваш возраст:

18 Пол:

- муж.
- жен.

19 Образование:

- высшее,
- незаконченное высшее,
- среднее специальное,
- среднее.

20 Профессия: _____

21 Кем работаете: _____

22 Женаты (замужем) ли Вы:

- да,
- нет.

23 Есть ли у Вас дети:

- да (сколько? _____),
- нет.

Эта история произошла со мной после войны.

В 1946 году Одесса, как и вся страна, голодала. И на семейном совете меня решили отправить в Шауляй, к Тане — моей тетке, которая была замужем за майором: он, конечно же, не даст мне умереть с голоду.

Лето в том году выпало дождливое. Солнце светило только до обеда, а потом начинался дождь, который шел всю ночь... И лагерь, в котором содержались военнопленные немцы и где мой дядя занимал важный пост, по утрам не казался мрачным. И колючая проволока, и сторожевые вышки, и бараки — все, что осталось от фашистского концлагеря и где сейчас по воле судьбы обитали несостоявшиеся завоеватели, меня почему-то не пугало. Я смело расхаживал между рядами колючей проволоки, собирая незабудки для тетки. Солдаты с автоматами, стоявшие на сторожевых вышках, молча наблюдали за мной, вероятно, вспоминая своих детей...

В то лето мне исполнилось девять. Но я был, конечно же, взрослее сегодняшних мальчишек. Мне пришлось пережить многое. И главное — бомбежки, на которые немцы не скупились, осаждая Одессу. По ночам я часто видел один и тот же сон: гул вражеских самолетов и летящие на меня со свистом бомбы. Нередко я просыпался от ужаса в слезах. Тетка успокаивала меня.

А по утрам я видел пленных немцев. Я не знал: есть ли среди них летчики, бомбившие Одессу. И, пожалуй, даже не хотел думать об этом. Я видел людей с уставлыми глазами, уже не солдат и офицеров, но еще и не штатских, которые хотели только одного: побыстрее домой. С одним из них — австрийцем Штоккером, который более или менее сносно говорил по-русски, — я общался чаще, чем с другими. Я его учил русским словам, он меня — немецким.

И вот однажды случилась беда. Переходя через деревянный мостик, я наступил на гнилую доску, и, провалившись, ободрал ногу до кости. А через несколько дней почувствовал недомогание.

Первым в лагере военнопленных мое отсутствие заметил Штоккер. Он обратился к моему дяде, спросил, почему ваш Женя перестал бывать у нас — пленные к нему привыкли и скучают. Дядя сказал, что у меня плохо с ногой. А через какие-то полчаса к дяде подошел пленный майор-врач и попросил разрешения осмотреть ногу.

«Остеомиелит» — таков был диагноз. Операцию под общим наркозом немецкий врач мне делал на дому. Дядя волновался, грозился даже застрелить доктора, если тот, упаси Бог, ошибется. Но врач потребовал, чтобы ему не мешали...

Прошло много лет. Почти треть века я прослужил в армии, вырос до полковника. И каждый раз во время диспансеризации, показывая оперированную немцем ногу, я с радостью говорю врачу, что она не болит.

Я уже забыл лицо немца-хирурга, делавшего мне операцию. Но всегда помню, что он спас меня.

ЕВГЕНИЙ ГРЯЗНОВ,
Москва

КАПУЦ

ВИТАЛИЙ СВЕТОВ

104

ДНЕВАЯ

ШТРИХИ К «ПРОЦЕССУ ВЫЖИВАНИЯ»

Рисунок БОРИСА СОПИНА

Пенсионеры выходят к метро торговать сигаретами. Инженер вечерами развозит на своей машине пассажиров. Способный журналист почти забросил писание статей и продает торты оптом...

Если раньше у каждого из нас было по две жизни — рабочая и домашняя, то теперь у многих появилась третья.

Граждане ее ласково зовут «халтуркой», а ученые именуют «вторичной занятостью».

1

Капитан ВВС Андрей Петров ждал меня в половине девятого у метро. Мы ехали торговать кроссовками.

Два года назад капитан ощутил, что денежного довольствия, которое выплачивала ему армия, на жизнь явно не хватает. Но дежурства на подмосковном секретном аэродроме отнимали у него двое суток в неделю. Прочие 120 часов оставались в его распоряжении. Глупо было не подрабатывать.

Начал он рекламным агентом. День напролет метался по Москве, уговаривая клиентов. За лето сносил до дыр крепкие башмаки, но зарабатывал в два-три раза больше, чем на службе.

К осени нашел более впечатляющий, как показалось поначалу, заработок. Лесхоз отвел малому предприятию, которое капитан открыл, делянки и разрешил рубку. Вдохновленный ценами на древесину, что царили на биржах, Петров уже считал будущие барыши.

Нанятые им рабочие свалили четыре тысячи кубометров леса. И тут возникла проблема: как вывезти древесину? Лесхоз машин не давал. «И поил я главного механика, и взятки ему совал — ни в какую», — рассказывал капитан. Недаром лесной начальник был неуступчив. В контракте значи-

лось: древесина, не вывезенная до 1 апреля, переходит в собственность лесхоза.

В итоге капитану удалось продать только сорок кубов местному приходу. Остальные балансы достались лесникам. Вырученных денег хватило едва-едва, чтобы расплатиться с вальщиками. Сам капитан заработал, как он выражался, «хрен целых, хрен десятых».

Зализав раны после впечатляющей неудачи, капитан нанялся страховым агентом. Беготни много, денег мало — скоро он оставил и эту стезю.

Наконец, стал зарабатывать тривиально: доставал оптовые партии товара и продавал его в розницу на вещевых барахолках. Сначала были джинсы «Ливайс», но сшитые в Китае, потом лосины с лейблом «Сделано в Италии», но сварганенные в Польше или даже в Литве, нынче вот кроссовки.

...Столько народу, стремящегося в Лужники, я видел лишь однажды, перед матчем СССР—ФРГ. Мы встретились с капитаном, и по пути к стадиону он просвещал меня:

— Мы взяли кроссовки оптом по 13,5 «штук» за пару*. Продавать будем по 18. Станут торговаться — можешь скостить полтыщи, ну, тыщу максимум. Оптовому отдадим и по шестнадцать с половиной. У нас четырнадцать пар, жаль, что размеры неходовые.

— Капитан, все улетит со свистом. Я столько книг по маркетингу прочитал — разрекламирую товар так, что никто не устоит. Я ж покупателя как родного обласкивать буду...

— На покупателей ты должен тратить десять процентов своего внимания. А девяносто — на милицию.

* Все цены середины мая с. г.

— При чем тут милиция? Здесь же официальный рынок, все торгуют...

— Билет с правом торговли стоит 15 тысяч. Его покупать никакого навару нехватит. Все простой входной билет берут и продают свои вещички. Вот зимой разрешение торговать стоило 800 рублей, народ, конечно, раскошелывался, зато милиция очень скучала. Ну, и повысили цены...

Мы взяли билеты по 50 рублей, дающие возможность только покупать, и вошли на территорию стадиона. Кое-кто уже торговал, но как-то вяло.

Капитан дал мне одну из сумок.

— Кроссовки «Рибок», правда, «желтой» сборки — сделано в Корее. И все они какие-то недоделанные — то клеим заляпаны, то строчка неровная. А у двух пар одна туфля вообще меньше другой на полразмера. Выбери себе кроссовку попрличней, будешь в руках держать. Да давай ее рассматривать, не бойся, с одной не убежит... И за ментами секи. Как увидишь — сразу прячь кроссовку под куртку. Сейчас, по холодку, они особо шустрят. Часам к двенадцати каждый наберет, чего ему нужно, да и народу будет — не протолкнешься, они и успокоятся.

— Так, может, переждем?

— Оптовики обычно по утрам приходят... Да, сумку между ног зажимай. В прошлую субботу у нас одну скоммуниздили, восемь пар увели... Ну, с Богом!...

Мы встали спина к спине в плотный еще ряд торгующих. Я держал кроссовку и (реклама — двигатель торговли!) периодически кричал: «Настоящий «Рибок»! Настоящая кожа! Настоящее качество! Цены снижены!» Немногочисленные покупатели равнодушно проходили мимо. Когда я замечал юношу, тем более рядом с девушкой, добавлял к своим ре-

кламным воплям еще один: «Для настоящих мужчин!»

Стражи порядка накатывались часто, и площадь порой просто кишела фуражками. Мелькали и кепки муниципальной милиции. Тогда кто-то из нас орал: «Атас!» Кроссовки прятались под полами курток, торговый ряд мгновенно рассыпался на группки, мы с капитаном поворачивались лицом друг к другу и начинали мирно беседовать, как бы специально за этим сюда пришли.

Через сорок минут нашей торговли, когда не было продано еще ни одной пары, капитан в очередной раз крикнул: «Атас!» — я лихорадочно спрятал кроссовку под курточку и повернулся к нему. И тут радостный голос произнес:

— А шнурочки-то торчат!..

2

Что думают о феномене вторичной занятости ученые — экономисты и социологи?

Мой первый собеседник — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Всероссийского центра по изучению общественного мнения (ВЦИОМ) Зоя Васильевна Куприянова.

— Впечатление, что все вокруг кинулись подрабатывать, — ошибочное. Наши опросы свидетельствуют, что дополнительный заработок имеет лишь каждый пятый трудоспособный россиянин. Причем этот показатель не увеличивается с течением времени (мы начали задавать вопросы о вторичной занятости с 1991 года), а колеблется (плюс-минус три процента) вокруг двадцати процентов от общего числа опрошенных. К тому же только половина подрабатывающих занимается этим постоянно. Остальные — от случая к случаю.

— Может быть, люди с вами не откровенны?

— Сейчас они откровенны как никогда... Правда, еще 20 процентов респондентов хотели бы иметь приработок или подыскивают вторую работу. Но говорить-то они говорят, а на деле число тех, кто подрабатывает, не растет. Либо кто-то выбывает из армии «вторично занятых», и они занимают его место, либо намерения остаются намерениями..

— А чем конкретно заняты «халтурщики»?

— Уличной торговлей — примерно пять процентов трудоспособного населения...

— Стало быть, около четырех миллионов россиян...

— Примерно столько же работают по совместительству, по контрактам и договорам и, наконец, оказывают услуги населению — ремонтируют квартиры, аппаратуру, машины, шьют, вяжут... Мы спрашивали о том, что заставляет людей работать после работы. В числе возможных объяснений дали подсказки, например: «занять свободное время» или «для самоутверждения». И, конечно, — что говорить! — на все эти «самовыражения» падает 6—10 процентов ответов. А главный мотив тех, кто подрабатывает, — деньги.

— Мне кажется, в «полутеневой» экономике возвращаются огромные средства. Я подсчитал, что, например, только за последний месяц заплатил 12 тысяч сборщикам мебели, полторы тысячи — машинистке, «штуку» — частнику, промышлявшему извозом... Сколько, по вашим данным, крутится в стране «левых» денег?

— ВЦИОМ оперирует мнениями людей. Мы знаем только, что они нам ответили. На ваш вопрос средний человек разведет руками. Однако мы можем утверждать: средний доход от приработка составляет примерно 12 процентов от суммарного дохода опрошенно-

го. Правда, есть люди, которые зарабатывают на дополнительной работе больше, чем на основной. Это, как правило, специалисты высшего класса — профессора, доктора, кандидаты наук: «технари», экономисты, юристы.

— Как вы сами оцениваете вторичную занятость как явление?

— Скорее положительно. Вместо того чтобы ждать, когда вам правительство чего-то даст, вы берете судьбу в свои руки. И если вы здоровы, у вас есть профессия или ремесло, вы сами можете решить свои материальные проблемы, и это прекрасно! Это совершенно новое явление в нашей жизни. Есть, конечно, и отрицательные моменты — перегрузки в ущерб здоровью, личной жизни... Но сейчас, мне кажется, не такое время на дворе, чтобы эти рассуждения были главными. Нынче самое важное — пережить кризис достойно, не свалиться в нищету.

— А как выглядит социологический портрет «среднестатистического» человека, который подрабатывает?

— Возьмем данные одного из опросов. Согласно ему, вторично заняты 23 процента респондентов. Если попытаться нарисовать типичный портрет «левака», то это чаще мужчина (27 процентов из них имеют побочный заработок); с высшим образованием (32 процента); разведенный или холостой; от 25 до 29 лет (36 процентов) или от 54 до 59 лет (37 процентов); руководитель «второго уровня» — цеха, отдела (38 процентов); живущий на селе или в маленьком городе. Портрет получился условным и противоречивым, как все среднестатистическое...

3

Милиционер препроводил меня в автобус с задернутыми шторка-

ми. Там уже скучала дюжина неудачников — женщины средних лет и молодой парень с лицом, позволяющим сделать вывод о его кавказском происхождении. Обращение было отменно вежливым. Какое-то время посидели, и я прислушивался к диалогу двух стороживших нас сержантов.

— Тебе электронная игра нужна? — интересовался один.

— Спрашиваешь! У меня же сын растет!

— Так вон там стоит старушка, — следовало подробное объяснение местоположения продавца. — Понял?

Капитан Андрей не оставил меня. Подошел к автобусу, сунул сквозь форточку три пятитысячные бумажки, сказал: «Не дрейфы!»

Вскоре автобус тронулся и довез нас до отделения, расположенного под одной из трибун. Нас провели в загончик — в «мирное время» гардероб, где даже стояли для нашего удобства складные стулья. Никто не кричал, не бился, не доказывал правоту. Правонарушители скучали.

Я стал наблюдать за внутренней жизнью отделения. Двое сержантов писали рапорты о наших преступлениях. Двое охраняли нас, и один из них, мордатый, со вкусом рассказывал напарнику о своей новой «девятке». Вот прошел лейтенант, похлопывая по ладони пластиковой бутылью заморской фруктовой воды и приговаривая: «После вчерашнего — вещь!» Вот два милиционера привели кавказца, у которого в огромном ящике на тележке лежали пакеты иностранных леденцов. — его почему-то не посадили к нам, а прямоком отправили в комнату, где, как я понял, должен был вершиться суд.

Вскоре туда стали по одному запускать попавшихся. Выходили

они обратно довольно быстро, оживленные, радостно говорили: «До свидания». Одна тетка даже сказала, уходя, «спасибо». Извечного антагонизма преступников и стражей закона не наблюдалось. Было похоже на игру в «казаки-разбойники».

Передо мной отпустили кавказца с тележкой. Меня вызвали последним.

Миллионер, притулившись в углу за каким-то журнальным столиком, быстро настроил протокол. Равнодушно повернул его мне:

— Подпишите!

— Я подписывать не буду. Здесь сказано: «Торговал в неразрешенном месте». А я не торговал. Кто докажет?

Сержант удивился, пошел за начальством. Из соседней комнаты пришел милицейский капитан, изумился тому, что рядом с его сумкой лежит пакет импортных леденцов, и с какой-то даже досадой сунул его в сумку.

— Не хочешь подписывать? — отечески спросил он. — Тогда согласно статье такой-то Уголовного кодекса я конфискую твои кроссовки, — он залез в мою сумку, пересчитал, — в количестве семи пар, а завтра явишься к народному судье, и суд решит, торговал ты — не торговал.

Я не сомневался, что редакция найдет хорошего адвоката и «процесс» я, наверное, выиграю, к тому же интересно было пойти в этом деле до конца, но ...рисковать чужим товаром почти на сто тысяч?

— Ладно, давайте подпишу.

— Штраф с вас, гражданин, пятнадцать тысяч рублей. Деньги есть?

Я отдал три чужие банкноты. Меня заставили дважды расписаться на квитанции, но корешок почему-то не отдали.

— И учтите: уплата штрафа не дает права на дальнейшую торговлю, — напутствовал меня капитан. — Можете быть свободным.

Я вышел. Настроение было пре-паршивое.

Вокруг стадиона заметно прибыло и торгующих, и покупателей. Я долго пробирался в толпе, прежде чем отыскал своего работодателя. Он не стал меня ругать за невнимательность, сказал только: «Не бойсь, отыграемся. Я уже одну пару толкнул», — и поставил в строй спиной к себе.

Соседи по ряду спросили, какой штраф я заплатил. Узнав, что пятнадцать, сказали: значит, залупался, мог бы и пятью «штуками» отделаться.

Терять было нечего, надо хотя бы вернуть другу деньги, и я закричал еще энергичнее: «Настоящий «Рибок»! Цены снижены! Настоящая кожа!»

Андрей подсказал: «Держи кроссовку «лейблом» к покупателям и помахай ей. Это ж психология — даже кошка на движущийся предмет прыгает».

И тут же клюнуло. Покупатель придирчиво осмотрел обувь, ощупал, потом померил. И отсчитал восемнадцать тыщ, не торгуясь.

Удача ходит косяками. Подле меня остановился юноша, стал рассматривать кроссовку. Видно было, что ему и хочется, и колет. Он мерил, потом мял в руках, нюхал, снова мерил... Я обхаживал его, словно сына, постелил для него на асфальт газетку. Грубо льстил, расхваливая товар, и сулил сексуальных побед благодаря обновке... Куда там до меня любому лавочнику с Брайтон-Бич! Долг Андрею придавал вдохновения. Наконец юноша сделал попытку поторговаться, я сразу уступил полтыщи, и он наконец-то отсчитал деньги.

Нескончаемой чередой двига-

лись мимо покупатели. Внимательно вглядывались в товар, что без всякой системы предлагался тут. По левую руку от меня раздраженная чем-то дамочка продавала плащ. Уверяла всех, что американский. Справа торговали китайскими комбинезончиками: жена демонстрировала вещи, а муж служил вешалкой и дозорным на случай милиции. Два парнишек с едва проклюнувшимися усиками сбывали футболки. «Бельгия! Бельгия!» — кричали они лживыми голосами.

Андрей продал еще пару, толкнул меня:

— Мы уже в плюсе!

— Помнишь преферансную примету? Не считай висты, пока «пуля» на закрыта.

— И впрямь, не сглазить бы...

Сглазил! Очередная облава, и вот уже милиционер схватил Андрию за локоть и влечет через толпу к автобусу.

Черт, вот напасть! Это я ему, что ли, несчастье приношу?

Жарило солнце, хотелось пить, и шершавый язык безо всякого вдохновения ворочался, присыхая к небу: «Настоящая кожа — для настоящих мужчин...»

4

Второй специалист, с которым я встретился, — доктор экономических наук, профессор, заведующая сектором Института экономики РАН Инга Сергеевна Маслова.

— Итак, Инга Сергеевна, около 4 миллионов россиян торгуют на улицах, еще примерно 12 миллионов подрабатывают каким-то иным способом. Отчего это явление, на ваш взгляд, возникло?

— Ответ лежит на поверхности. Зарплаты не хватает, чтобы воспроизводить рабочую силу. Невозможно жить на уровне, который был привычным. Где только подворачивается работа, человек ее

хватает. И дальше будет хуже, потому что кончаются запасы, купленные еще по прежним ценам, изнашиваются предметы длительного пользования: постельное белье, мебель, холодильники, одежда, телевизоры...

— Есть ли что-то положительное в этом явлении — вторичной занятости?

— Да. Это развивает активность людей, их профессиональную мобильность, гибкость. Человек может полнее раскрыться... Мы сейчас наблюдаем «эффект разрушенного зоопарка»: раньше все жили по клеткам, и кому-то клали в кормушку мясо, кому-то — пшено. Теперь действует «закон джунглей»: ест тот, кто сильнее, энергичнее, изобретательнее... Сказав «а» — рынок, надо говорить и «б» — конкуренция. Нужны самые разнообразные ее формы: и между производителями, и между людьми — за рабочие места, и между предпринимателями — за рабочую силу... Вторичная занятость способствует конкуренции. Моя дача — рядом с заводскими, я часто с рабочими беседую. Они не отказываются ни от какого дела. Нужно спилить дерево — найдете вальщика. Надо заготовить дрова — пожалуйста...

— Да, появляется выбор услуг и соревнование между теми, кто их оказывает. Когда мне понадобилось собрать мебель — открыл газету бесплатных объявлений: восемь предложений. Выбрал трех самых дешевых мастеров, а из них — того, кто с наиболее приятным голосом. Пришли два молодых человека, сделали все быстро и качественно. Оказывается, сборщики на мебельном комбинате. Там получают по 25 тысяч в месяц, а подрабатывая — по 75...

— Но и обратная сторона у этого явления есть. Люди изнашиваются, меньше уделяют вни-

мания самообразованию, творчеству, которое было привычно для россиян. Не читают, не ходят в театры, музеи... Меняется отношение к основной работе. Люди панически бросаются в полутеневую экономику. Работают плохо и здесь, и там. Стремятся надуть, прикрываясь тем, что везде платят мало. А рынок немалым с таким безответственным отношением к делу. Неприлично получать зарплату, пусть и маленькую, не выполняя своих обязанностей. И, конечно, с экономической точки зрения вторичная занятость неэффективна. Иначе увеличивался бы выпуск продукции, рос уровень жизни. Но производственная база сужается. И вторичная занятость — лишь инструмент, который перераспределяет в пользу сильных инфляционные средства и, как следствие, материальные ценности... А когда работа хорошо организована, с фиксированным режимом, когда фирма требует не только качества и количества, но и постоянных предложений, как улучшить дело, тут не до «халтурки». Такая ситуация, как у нас теперь, характерна лишь для инфляционной, кризисной экономики. Пышно расцвел индивидуальный эгоизм, рассчитывающий не на созидание, а на перераспределение...

5

Жара. Толпа. Покупатели текут мимо черепашьим шагом, протискиваясь меж рядами продавцов. Попить нигде. Да и не отойдешь: коллеги сомкнутся, назад не пойдут. Уже четыре часа торгуем, и хорошо, если не в убытке окажемся... Что же Андрюхи так долго нет? Вот он! Пробирается сквозь толпу.

— Ну, сколько слупили?

— Ни-че-го!

— Как это?

— Я говорю сержанту: начальник, бомба в одну воронку два раза не попадает — вы ж моего напарника брали. Фамилию твою называю, лицо твоё описываю... Он смотрит: да, был такой, с кроссовками, штраф платил... Ладно, мне говорит, ступай... Хороший человек.

Уже веселее. Но все равно, стоять на этом солнышке... А каково в дождь? В слякоть? Зимой? Ква-ску бы...

И тут приходит мое спасение — в лице оптовика Марса из Казани. Они коротко торгуются с Андреем, и татарин покупает все оставшиеся десять пар по 16 тысяч каждую. Мы отходим в чахлый скверик, где спят, питаются и справляют малую нужду продавцы и покупатели. Марс деловито отсчитывает 160 тысяч и почти не глядя бросает в свою немислимых размеров торбу кроссовки. Все ушли, все: и с плохой строчкой, и заляпанные клеем, и непарные! Привет, казанские потребители! Я еле сдерживаюсь, так мне хочется запрыгать.

Когда Марс удаляется со своим гигантским саквояжем матрацной расцветки, Андрей достает из набедренной сумки деньги, калькулятор и считает барыши. Выясняется, что мы с ним заработали, с учетом милицейской мзды, по 13 200 рублей на брата. Неслабо...

— Если меньше 20 тыщ на каждого — неудачный день. Больше 30 — очень удачный, — резюмирует капитан. — Эх, если б не менты!.. Ну, ничего.

И он идет менять вырученное на доллары. Его мечта — купить машину. Подержанную, естественно. О новой он не помышляет.

После я угощаю работодателя пивом. Мы располагаемся в запыленном и загаженном сквере у метро. Настроение — как после сданного «на халяву» экзамена.

И шальные деньги не задерживаются в кармане.

Идет неспешный разговор.

— Я рассчитывал к лету майора получить — не дали.

— Расстроился?

— Я больше расстраиваюсь при мысли, что скоро кроссовки кончатся. Чем тогда торговать?

— Где вы их взяли-то?

— Какой-то приятель майора Кузьмича в Калуге на складе держит. Вообще удивительно: не очень знакомому человеку дали под честное слово сто пар — больше чем на миллион... А потом мы те сто продали, деньги отдали — еще взяли... Жаль, уже остатки подребаем.

— Хочешь, я тебе достану партию настоящих французских духов — «Суар де Пари», по 7,5 «штуки» флакон?

— Нет, спасибо, здесь такой товар не пойдет... Тут нужно что-то броское, яркое, с фирменным «лейблом», но дешевое. То есть поддельное. Вот если б ты мне достал партию польских духов, на которых было бы написано «Париж», и по две «штуки» флакон, — такое на толкучке на «ура»...

— Слава Богу, этот рынок наступил, когда нам еще не по пятьдесят и не по сорок — можем как-то приспособиться.

— Да, мой отец, полковник, привык всю жизнь нас, семью, кормить. Для него шоком было, что пришлось денег на дачу у меня одалживать. А знаешь, мне так стыдно, что я здесь торгую. Иной раз думаешь: а вдруг пойдет режиссер нашего театра студенческого, который, бывало, говорил мне: «Ты, Андрюха, актер милостью Божьей! В тебе столько органики!»... И Славка — он ведь уже доцент...

— Да брось ты! Я ничуть не стыдился. Работа как работа.

По скверу бродят старушки,

мальчишки и цыганки, подбирают порожнюю тару и выпрашивают деньги. Они похожи на птиц, что питаются мясом из зубов крокодилов. А сами-то «крокодилы»? Они едят отбросы, что шутя сваливают официанты за борт парохода. «Официанты», средние бизнесмены, берут за взятки кредиты и покупают оптом в Азии некондиционное барахло.

А настоящие хозяева кутят в суперресторане теплохода и походя, в одну ночь, определяют ставки налогов и валютный курс и небрежно отстегивают на чай «официантам»...

И все дальше уплывает иллюминированная сказка, где музыка и огни. А мы остаемся в грязном скверике, закиданном сальными бумажками, в этом импровизированном клубе мелких торговцев.

Неподалеку от нас уселись тетки — перегружают в чудовищные, как рояли, сумки банки с растворимым кофе.

— Как торговали?

— Мы покупали. В Астрахань кофе везем.

Девушка пьет пиво и курит длинную коричневую сигарету.

Приглашаем ее к «своему столику» и через полчаса узнаем, что торгует она здесь по выходным, продает вьетнамское тряпье и безделушки, которые привозят «челноки», от милиции откупается своим товаром, сама уроженка Челябинска, в столице живет в общежитии, по основной профессии — медсестра, весь рабочий день на ногах у операционного стола, 16 тысяч зарплата... Увлекается психологией, однако разговор ей интересен только когда речь идет о ценах, продажах, выручке. При отвлеченных темах она скучает.

(Первый вопрос, который задает россиянин соседу, вернувшемуся из другого города: «Как там с продуктами? Какие цены?» Представ-

ляете, Антон Павлович встречает в Ялте Алексея Максимовича и: «А почем у вас в Нижнем колбаса?»... Впрочем, это к предмету статьи не относится.)

6

Дома, с наслаждением приняв душ, я перечитываю почему-то бунинские «Окаянные дни». Глаза невольно отмечают сближения.

«24 марта (1918 г.)... Серьезная сухая дама и девочка в очках. Торгуют на улице папиросами...

7 июня (1919 г.)... Был в книжном магазине Ивасенки. (...) И вот являются биндюжники, красноармейцы и забирают, что попало: Шекспира, книгу о бетонных трубах, русское государственное право... Берут по установленной дешевой цене и надеются сбывать по дорогой.

20 июня (1919 г.)... На базаре целые толпы торгующих старыми вещами, сидящих прямо на камнях, на навозе, и только кое-где кучки гнилых овощей и картошек».

7

Андрей напрасно боялся, что то, как он торгует, увидит наш бывший однокурсник, ныне доцент.

Позже я узнал, что в то время, когда мы продавали в Лужниках кроссовки, доцент ездил в Китай. Кожаные куртки скупал...

ГАРСИА

*Хроника
невческой
семьи*

Каждый день около 11 часов утра к дому семьи Гарсиа на Елисейских полях приходил большеносый высокий молодой человек с толстыми нотными сборниками под мышкой. Этот учитель музыки совсем не похож на осанистых, умудренных жизненным опытом знатоков музыкального искусства.

Вот как описывает его внешность знаменитая мадам Д'Агу, которой вскоре предстояло надолго связать с ним свою жизнь: «Высокий, ужасно худой, с бледным лицом и громадными глазами зеленоватого морского оттенка, в которых мелькали быстрые, белесые проталины... Властное, охваченное страданием лицо, нерешительная, вкрадчивая походка, которая заставляла его не идти, а скорее скользить по земле, рассеянный вид, а весь он охвачен каким-то беспокойством, словно привидение, которое нервно ожидает удара невидимого сатаны, зовущего его обратно в преисподнюю».

Невзрачный и нервный юноша, как и Моцарт, уже давно лишил покоя Европу. Это Ференц Лист. Весь Париж словно замороженный безропотно отдает ему свои симпатии, его повсюду сопровождает триумф.

Учителем игры на фортепиано юной четырнадцатилетней Полины Лист стал случайно. Однажды, услышав, как девочка наизусть сыграла две тетрадки «Хорошо темперированного клавира» Баха, он поразился. И в результате добился «честь» заниматься с «чудо-ребенком» игрой на фортепиано по два часа

ПОЛИНА ВИАРДО.

в день. Он был уверен, что при помощи его собственной методы Полину ожидает слава виртуозной пианистки.

Особая метода Листа для достижения виртуозности в игре была сродни «экзерсисам» строгого папаша Гарсиа. Часто учитель на ходу придумывал для Полины пассажи умопомрачительной сложности, нарочно нагромождая невероятные технические трудности, с озорством фортепианного гения приглашая усидчивую и прилежную ученицу разгребать хрупкими пальчиками эти «завалы». Иногда приносил ей черновые наброски своих сочинений. Казалось, они были созданы на одном дыхании, одним росчерком пера. И только Полина получала завидную привилегию первой прочитать с листа эти знаки, расшифровать их, наполнить звучанием, которое впоследствии очарует весь мир. «Это время заключило в себе самые дивные воспоминания моей юности», — скажет она потом. Гений Листа, очарование его личности притягивают к нему Полину словно магнит, юношеской страсти она не в силах оказать сопротивление. Они были счастливы. Но, увы, видимое счастье оказалось, как это часто бывает, скоротечным.

После смерти Гарсиа Лист намеревался сделать из Полины пианистку-виртуоза высокого класса. Но в его планы вмешалась Хоакима, вдруг глубоко уверовавшая, что после смерти супруга только ей предстоит решать дальнейшую судьбу дочери.

В день, когда Полине исполнилось пятнадцать, она строгим тоном при гостях приказала: «А теперь спой-ка нам какую-нибудь арию из Россини». Оставшись довольной исполнением, она без всяких обиняков заявила: «Превосходно. Будешь певицей...»

Полина была вынуждена повиноваться. Из ее памяти еще не стерлись сцены горьких семейных разладов, возникавших постоянно из-за строптивости и неповиновения старшей сестры. Она просто боялась возразить матери, памятуя, что и Хоакима не обделена испанским темпераментом!

Такое решение означало отказ от дальнейших занятий с Листом, от инструмента, который она так любила, но больше всего ее угнетало расставание со своими юношескими грезами. Вероятно, эта полудетская, полувзрослая любовь к Листу, к тому искусству, которое, казалось, витало вокруг него, очарование его личностью непревзойденного виртуоза фортепианной игры и объясняли ее любовь к инструменту, которую она пронесла через всю свою долгую жизнь. Став знаменитой певицей, она никогда не отказывалась сестра за фортепиано, выступить в роли аккомпаниатора...

Хоакима решила целиком посвятить себя воспитанию младшей дочери. Она заявила о своем намерении, подчиняясь заветам папаша Гарсиа, ни на йоту не отступая от того плана занятий, который предусмотрительный маэстро разработал на всякий случай и для второй своей дочери всего за несколько дней до смерти. Хоакима проявила себя суровым и требовательным педагогом, под стать тирану Мануэлю, и требовала безропотного подчинения дочери посмертной воле отца. Ежедневно совершенствуя свои природные вокальные данные, Полина постигала

справедливость отцовских жестких требований. Она разделяла опасения отца и старалась не следовать дурным примерам в искусстве. Именно поэтому отказалась от посещений спектаклей оперного театра. Нужно признать, ей удалось до конца постичь всю важность «научно-доктринального» наследия папаша Гарсиа.

Итак, с карьерой пианистки было покончено. На какое-то время Полина решила уединиться, чтобы без стеснений заняться вокальным ремеслом. Ради этого она уехала в Бельгию, к своему свояку Шарлю Берио. В Бельгии ее хорошо помнили по совместным концертам с Марией. Берио был уверен, что Полина обладает редким талантом, позволяющим ей стать «примадонной». Именно он организовал ее первое выступление перед широкой публикой в благотворительном концерте для бедняков в здании брюссельской ратуши. Это событие произошло 13 декабря 1837 года. Полине было только шестнадцать лет...

Следующий, 1838 год она провела с матерью в Германии. Здесь ей удалось завоевать симпатии самого «капризного» и «сложного» критика в Берлине — знаменитого Рельштаба. Он писал: «Слушая ее, чувствуешь, что у нее не только красивый, безупречный, лишенный всяких дефектов голос, нет, это даже не голос, это сама ее душа, дух, если хотите, который творит ее лик, ее образ...»

Возвратившись в Париж, молодая певица начала выступать в частных концертах и аристократических салонах. Но она еще боялась выходить на публику, у нее начиналась нервная дрожь при мысли о выходе на столичную сцену. В парижский «бомонд» ее ввела знаменитая светская львица мадам Жиберт, в доме которой постоянно собиралось изысканное общество. По слухам, знаменитый поэт Альфред де Мюссе сумел завоевать ее сердце. В тот вечер, когда там впервые появилась Полина, ее представили А. Мюссе и его брату Полю. «Мы все слышали голос ее сестры, но при первых же нотах, взятых этой девушкой, мы не смогли сдержать глубокого волнения», — напишет он впоследствии. Нужно сказать, что поэт обожал Марию Малибран, но на сей раз он был буквально потрясен искусством Полины. «У нее голос Малибран, но только более широкий, нежный и мягкий, отличающийся удивительной свежестью...»

Итак, Полина выиграла свою первую «схватку» с парижским светом. У нее появились, пусть и немногочисленные, поклонники, которые клялись в своей постоянной верности. Ей уже было не страшно выйти на театральную сцену перед строгими меломанами Парижа.

Ровно через год после своего брюссельского дебюта, 15 декабря 1838 года, она дала свой первый публичный концерт в театре «Ренессанс». Ее верные поклонники заняли все места, и она, конечно, рассчитывала на их горячую поддержку. Сомнения, однако, не покидали ее. Она отдавала себе отчет в том, что публика идет на встречу с сестрой самой Малибран, и Полина в тот вечер не могла унять предчувствий, что тень сестры будет непременно витать в зале, вызывая у слушателей вполне естественное желание сравнивать все — голос, тембр, стиль исполне-

ния, технику. И она ожидала этой встречи, по выражению Теофиля Готье, с «нервным беспокойством», даже с чувством полной обреченности.

Концерт прошел успешно и вызвал разногласия мнений. Не так просто для публики расстаться с прежними впечатлениями. Яростным столкновением мнений подвел итог влиятельный общественно-политический журнал «Ревю де де монд» большой статьей Альфреда де Мюссе под заголовком: «Малибран снова с нами...» В ней он, в частности, писал: «Сходство голоса у обеих сестер, если оставить в стороне физические отличия, настолько поражает воображение, что этот феномен вполне можно отнести к области сверхъестественного... Да если она и обладает голосом своей сестры, то она еще обладает и ее душой, ни в чем не подражая Малибран, она еще обладает и ее гением... А этот гений, дар Божий, так и выходит из Полины Гарсиа, словно шипящее вино из переполненного бокала...»

Имя, ставшее ореолом

Ободренная успехом, Полина решила остаться в Париже, где жил ее брат Мануэль Гарсиа-младший. Он тоже пел на сцене, но очень скоро понял, что его голосовым данным далеко до вокального блеска сестер, нашел в себе мужество отказаться от карьеры профессионального певца и целиком посвятил себя преподаванию вокала по школе «Гарсиа-старшего». В тридцать три года он стал профессором консерватории и готовил к печати свой знаменитый «Трактат об искусстве пения», в котором высказывал новые мысли о вокальном мастерстве и путях его совершенствования. Полина обратилась за помощью к родственнику и начала брать у него уроки, не считая это зазорным. Главным для нее было постижение тайн высшего вокального мастерства, без которого на будущей карьере можно было ставить крест.

50 Как ни странно, но первое приглашение для знакомства с новым талантом было прислано из туманного Альбиона. Королевский театр Лондона шел на определенный риск, предоставляя ангажемент пока еще неизвестной певице, причем на весь сезон 1839 года. Дебют намечался на 9 мая выступлением в «Отелло» Россини. Она хорошо понимала, что роль Дездемоны для нее теперь становится просто взрывоопасной, так как неизбежные сравнения с сестрой со стороны лондонской публики, привыкшей видеть в этой роли только блестящую Малибран, могли стать тем бикфордовым шнуром, который поджигал бомбу общественного мнения.

Увы, ее опасения оправдались. Первые два акта публика оставалась совершенно равнодушной к юной семнадцатилетней певице. Лишь в третьем, заключительном, акте чопорные англичане позволили проникнуть к себе в душу. Они простили ей неопытность, мелкие огрехи и некоторую сценическую неловкость. Публика волновалась, чувствуя, что через годик-другой перед ней предстанет несравненная, невиданная оперная «дива», которая затмит многие «звезды» прошлого и настоящего. И строгий критик Чорлей, тот самый Чорлей, который первым

открыл своим соотечественникам неизвестную певицу Малибран, не ошибся и на этот раз. «Гений Малибран возрождается на лондонской сцене!» — безапелляционно утверждал «король» музыкальных критиков.

В британской столице первый успех Полины был оценен по достоинству. Ее стали приглашать на частные концерты, в аристократические салоны, ее даже пожелала увидеть совсем еще юная королева Виктория. Теперь все «звезды» и прежде всего знаменитая Джулия Гризи были вынуждены с ней считаться и подвинуться на небосводе, высвобождая место для нее в великом оперном созвездии. Лондон с радостью покорился талантливой певице. Но Полина уже наполовину француженка, и ей ужасно хочется завоевать свою вторую родину — Париж. Как это сделать? Неожиданно она получает приглашение от самого директора Итальянского театра в Париже Луи Виардо...

Ее дебют в этом театре назначен на 7 октября 1839 года, и снова ей предстоит выступить в труднейшей роли Дездемоны. Она с головой окунулась в трудную подготовительную работу, прекрасно понимая важность своего первого шага на французской оперной сцене. Прежде всего Полина обратилась к Шекспиру, которого свободно читала по-английски (она владела пятью языками, а в двадцать восемь лет начала изучать даже греческий). Она разработала несколько мизансцен, которые резко отличались от тех, что были «изобретены» ее старшей сестрой. Сама «сочинила» для себя костюм, основательно проштудировала множество документов елизаветинской эпохи. И была уверена: из своей героини она сделает что-то свое, собственное, свой личностный образ, и уже никто не посмеет бросить ей упрек в «заимствованиях» у Марии. К этой трудной работе с удовольствием подключились ее друзья — Россини, Лист, Мейербер, Жорж Санд и Луи Виардо.

И вот наконец настал заветный день. Когда Полина вышла на сцену, в зале установилась мертвая тишина. Ясно чувствовалось, насколько напряжены нервы у зрителей и у самой певицы. Полина начала петь. Когда закончила, с замиранием сердца ожидала приговора. Вскоре в зале послышались отдельные хлопки, и вдруг взрыв — шквал аплодисментов. «Сколько взволнованных лиц, сколько увлажненных глаз», — прокомментирует эти счастливые для нее мгновения Альфред де Мюссе. Полина одержала полную победу.

Несколько дней подряд журналы и газеты пестрели отчетами об этом памятном дебюте. Мюссе со своей чувственностью поэта в «Ревю де де монд» дал подробный анализ различий между двумя Дездемонами, созданными сестрами Гарсиа. «Каждая из них создала свою Дездемону». Говоря о Полине, Мюссе подчеркивал: «Ее Дездемона не прекрасная амазонка, а молодая женщина, которая любит со всей наивностью, которая молит о прощении за свою любовь, которая плачет в руках своего отца в тот момент, когда он готов ее проклясть, и которая проявляет свою стойкость только в момент гибели...»

Даже самые строгие судьи наперебой расхваливали ее голос необычайной широты диапазона, в совершенстве разработанный

метод вокального исполнения, сильный и мужественный драматический талант. А ведь ей все время приходилось вести непримиримую борьбу с такими титанами, как Паста и Малибран, Гризи и Фанни Персиани, причем в самых сложных ролях итальянского репертуара, и все же она сумела самоутвердиться, найти свое место среди ярких «звезд».

«В течение какого-то получаса, — продолжал Мюссе, — перед нами открылась дивная судьба. Мадемуазель Гарсия смело, с первой попытки вошла в верную колею... Отныне уже никто не выражает сомнения в ее будущности. Ей предстоит преодолеть большой подъем».

Так Полина Гарсия сумела лишить публику чар, созданных Малибран, и стать самой собой.

Полина Гарсия уже Виардо

Возвратившись с дочерью в Париж, «мамита» Гарсия прежде всего занялась поисками приличного и недорогого жилища для своей семьи. С такой просьбой она обратилась к своей соотечественнице, испанке по рождению, супруге итальянского консула в Париже Марлиани, которая подыскала им приемлемую квартиру на Орлеанской площади (ныне улица Тедо, 80). В этом же доме проживали Жорж Санд, знаменитая балерина Тальони, квартировал Шопен. Само собой, все они вскоре сошлись на коротке и зажили одной веселой фаланшерой в духе утопических воззрений Фурье. Здесь часто устраивались вечера поэзии, музыки, литературные праздники. Среди завсегдатаев были Бальзак, Делакруа, Генрих Гейне, Араго, Мария Дюрваль, польский поэт Мицкевич со своими друзьями и, конечно, директор Итальянского театра, видный историк, критик, искусствовед, а также писатель и переводчик Луис Виардо. Ему, подобно Эжену Малибрану, предстояло дать свое имя Полине, под которым она станет известна во всем мире.

Луи Виардо знал Полину еще девочкой. И вот теперь в Париже он начал прилежно оказывать ей всяческие знаки внимания, добился положения «советника» и «защитника» новоявленной примадонны. Вскоре он стал ее импресарио и всерьез занялся ее певческой карьерой. Все это он делал лишь благодаря своей душевной доброте и любви к таланту, но в один прекрасный день этот пожилой мужчина был вынужден вдруг признаться самому себе, что не только этим объясняются его опекунские советы. В его сердце шевельнулось иное чувство, чувство любви. Он признался в сильных чувствах к молодой певице своему другу Жорж Санд, зная наперед, что та очень любит Полину, оказывает ей всяческую поддержку и имеет на нее громадное влияние. Но не все оказалось так просто. Его сердечные терзания осложнились одним немаловажным обстоятельством. Знаменитый поэт Альфред де Мюссе вдруг во всеуслышание заявляет, что по уши влюблен в Полину. Конечно, подобным заявлениям поэта — грош цена. Теперь главное выяснить: намерен ли он предложить ей руку и сердце? Жорж Санд побаивается, как бы молодая, не-

опытная девушка не «клюнула» на удочку и не устояла перед соблазном, ведь Альфред молод, красив, да еще и великий поэт! Она знает, что он, по его словам, «готов скрестить с ней шпаги», но никак не может решиться на окончательный шаг. С другой стороны, его привлекает красивая драматическая актриса Рашель. Да и мадам Гарсиа относится к Альфреду подозрительно, даже с некоторой суровостью. Само собой разумеется, Жорж Санд тут же приняла сторону Виардо, этого уравновешенного, серьезного и умного человека. А может, ее энергичные посреднические усилия, предпринимаемые с целью отдаления Полины от Мюссе, объяснялись заурядной ревностью женщины? Ведь всем было известно, что она и сама далеко не безразлична к молодому поэту. Расчет Виардо, если таковой и был, оказался точным. Жорж Санд стала его союзницей в хлопотах о будущем браке перед «мамитою» Гарсиа. Но и здесь есть одно весьма пикантное обстоятельство. Конечно, Луи Виардо — известный в обществе человек, у него солидное состояние, он обладает всеми положительными качествами, столь необходимыми для мужа, но он... на целых двадцать лет старше Полины! Не станет ли и этот брак такой же трагедией, как и опрометчивый брачный союз ее первой дочери Марии? Кроме того, он известный агностик, редактор журнала «Ревю републикен», и не скрывает своих радикальных взглядов. Все эти соображения тяжким грузом давят на психику предусмотрительной и заботливой матери. Сама Полина не спешит с решением, она хочет все трезво оценить и взвесить. Само собой разумеется, в этом браке не найдется места для страстной любви. Это скорее всего будет брак по расчету или даже... по дружбе.

Но бракосочетание все же состоялось. 18 апреля 1840 года они скрепили своими подписями обоюдное желание отныне жить вместе. Во время свадебного путешествия молодая жена пишет Жорж Санд из Италии: «В Париже мы называем вас нашим добрым ангелом. Это действительно так! И здесь, в Италии, не проходит и дня, чтобы мы мысленно не обращались к вам со словами благодарности, так как если наше счастье полноценное, незамутненное и всепоглощающее, то лишь потому, что вы умели точно предсказать, и все ваши предсказания совершенно подтвердились на практике». Полина — не из тех испанок, которые грезят о розовых раскатах страсти. У нее более скромные запросы в совместной жизни. Она всегда стремится к главному — к достижению вершин своей артистической карьеры.

И вот, как и прежде, она ежедневно часами занимается вокалом со своей матерью, с ее помощью успешно проходит все этапы «голосовой эволюции», предусмотрительно разработанной Гарсиа-старшим. Его «график» свято соблюдается. В результате ее высокий регистр принимает чуть более темную окраску, контральто и нижний регистр постепенно приобретают все более чистые оттенки. Полина избавилась от дефектов «грудного» голоса, этого прилипчивого недостатка, который Мануэль Гарсиа называл «самой страшной тривиальностью вокального инструмента человека».

Теперь, казалось, уже ничто не могло помешать ее триумфаль-

ному шествию по сценам Европы. Но, как ни странно, Полина оказывается не у дел. Ее не приглашают ни во Французскую, ни в Итальянскую оперу. К такому повороту событий не имеют отношения ни ее голос, ни ее вокально-драматическое искусство. Дело в том, что во Французской Большой опере всем заправляла посредственная певица П. Штольц, «фаворитка» всемогущего директора Леона Пилье, человека слабого по характеру и полного невежды в музыке. Да она и близко не допустит к себе опасную соперницу! Даже большая статья Жорж Санд, появившаяся в «Ревю де монд» в защиту таланта П. Виардо, ничего не изменила в ее судьбе. В Итальянской опере все творческие дела перешли к новому руководству, так как бывший директор Луи Виардо счел по своей скромности невозможным дальнейшее пребывание на этом посту после того, как стал супругом ведущей певицы. В театре тоже опасались возникновения жестокого конфликта между Полиной и Джулией Гризи, которая в это время находилась в зените славы. Ну для чего ей, скажите на милость, опасная соперница, которая не только превосходит ее в даровании, но еще на десять лет моложе!

Настырные закулисные интриги, как всегда, загоняют в угол беззащитное искусство. В марте 1841 года Полина вынуждена вернуться в Лондон, где у нее давно сложилась «собственная» публика. Она пела там в «Танкреде» Россини, затем в «Капулетти и Монтекки» Беллини, и, казалось, все шло хорошо. Но здесь судьба сыграла с ней злую шутку. Дирекция театра предложила ей выступить в роли Ромео, а на партию Джульетты по неизвестным причинам пригласила... ее ненавистного врага Гризи. Можно себе представить, что испытывала лондонская публика, когда эти две антагонистки, примиренные высоким искусством, создали незабываемый образ нежной пары возлюбленных из Вероны. Публика рыдала...

Полина по праву становится «лондонской оперной звездой». А в Париже к ней по-прежнему равнодушны, несмотря на все попытки друзей помочь ей занять достойное место на сцене. Жорж Санд в одном из писем подчеркивала ее «удивительную способность проникать в самую душу композитора, чье сочинение она исполняет. Она улавливает его дух, она вместе с ним мыслит, и если воспринимает его мысль, если исполняет музыкальную фразу, то мгновенно восстанавливает искаженный кем-то прежде смысл, отыскивает пропавшую невзначай букву...» Именно из-за такой способности Полины Жорж Санд увидела в ней прототип, главную героиню своего будущего романа «Консуэло», которая, как известно, преображает не только саму себя, но и всех окружающих только силой своего божественного искусства.

Многие музыканты без колебаний ставили ее в первый ряд знаменитых европейских певиц. Берлиоз ценил в ней огромный дар «музыканта», несравненную драматическую школу. Россини именно ей доверил первое исполнение своей «Стабат матер», сочинение, над которым он тайно работал целых десять лет. Но для первого публичного исполнения этого гениального произведения в зале Вандатур почему-то взяли Гризи, а Виардо по-

прежнему предоставляли сцену только для сольных концертов. Судя по всему, Полина не могла в ближайшее время рассчитывать на получение ангажемента ни во Франции, ни в Италии. Она принимает решение отправиться вместе с мужем в Испанию.

В мае 1842 года чета Виардо прибыла в Мадрид. Родина привела в восхищение Полину. Не менее восторженные чувства испытывал к этой экзотической стране за Пиренеями ее супруг Луи, знаменитый испанист, переводчик несравненного «Дон Кихота», автор «Истории мавров» и «Истории басков», знаток и собиратель испанской живописи. Полина с головой окунается в бесконечное уличное веселье простолюдинов, старательно изучает испанские песни, которые потом прочно войдут в ее репертуар. Повсюду темпераментные испанцы с живым интересом встречают свою соотечественницу, дочь знаменитого «испанского артиста — Мануэля Гарсиа из Севильи».

В Мадриде в то время не было постоянно функционирующего оперного театра, но для гастролей Полины срочно подобрали небольшую труппу, наполовину состоявшую из певцов-любителей. За две недели П. Виардо поставила «Севильского цирюльника», блеснув в своей коронной роли Розины, и «Отелло» Россини. Интерес к ее работе был настолько велик, что ее репетиции даже посетила двенадцатилетняя королева Испании Изабелла. Но, несмотря на шумный успех и горячий прием, оказанный ей испанцами, на сердце у нее было тяжело. Мысленно она все время находилась там, в Париже, где ее друзья — Жорж Санд, Шопен, Делакруа — делали все возможное, чтобы каким-то образом повлиять на будущую карьеру певицы. «Для всех нас вы первая, единственная, великая, истинная певица!» — пишет ей Жорж Санд, которая выработала свой план действий. По ее мнению, Полине нужно как можно скорее бросить растрачивать свой талант понапрасну, как она делала последние два года. Нужно начать «новый отсчет» времени, а для этого следует покинуть Париж, уехать в Италию или в какую-то другую музыкальную страну, доказать всем на деле, что она из себя представляет как певица, и тогда капризная французская столица сама позовет ее! Пока же здесь царит только Гризи, ей принадлежит «музыкальная империя», только она в ней неоспоримая властительница!

Смирненно выслушав «проповедь» подруги, Полина согласилась попытать счастья на других сценах Европы. Вначале она отправилась в Вену, где имела «колоссальный успех». Здесь совершенно случайно ее встретил знаменитый тенор Рубини, который возвращался домой, в Италию, после успешных гастролей в Санкт-Петербурге. Он предполагал вернуться в столицу России и впервые обсудил с Полиной возможность ее приглашения на ампула примадонны во вновь организованной «Петербургской Итальянской опере». Но нужно сказать, что она весьма скептически отнеслась к такой перспективе.

Вену сменила Прага. «Вызовы без конца», «бис», цветы, стихи, приглашения — всего там было вдоволь!» — сообщает она о приеме, оказанном ей в Праге. Наконец, Германия. «Холод-

ные» берлинцы вдруг проявили такой темперамент, о котором прежде никто и не подозревал. Они оказались даже «горячее» венцев. Концерты при королевском дворе в Потсдаме, спектакли в немецком Большом театре, вечер у короля Пруссии — повсюду высший свет и толпы немецких меломанов восторженно встречали молодую певицу. Мейербер, который называл ее «моя маленькая Консуэло», высоко оценил ее талант.

Париж, конечно, следил за тем, как Германия покорялась Полине Виардо. Завершив серию концертов в Лейпциге 25 августа 1843 года, она в сопровождении супруга возвратилась в Париж.

Поездка в Россию

Наступил новый «оперный» сезон. Полина так и не получила ни одного стоящего предложения. Все чаще всплывал в памяти случайный разговор с тенором Рубини в Вене, когда он намекнул о возможном приглашении на «итальянский сезон» в Санкт-Петербург.

56

Постоянного «Итальянского театра» в Петербурге уже давно не было. Он прекратил свое существование в 1831 году, но по инициативе министра двора Его величества П. М. Волконского было принято решение «о желательности представления в столице нескольких Италианских опер». Прибывший с этой целью в Россию в феврале 1843 года знаменитый певец Рубини со свойственным ему темпераментом наспех сколотил небольшую труппу и всего за шесть недель разучил с ней пять (!) опер на итальянском языке! Его гастроль в Петербурге началась 21 апреля в Большом театре оперой «Отелло» Россини и имела громадный успех у русской публики. Поэтому директор императорских театров А. М. Геденон решил продлить с Рубини контракт на следующий сезон, и тот, расстаравшись, пригласил в труппу знаменитого тенора Тамбурини и не менее знаменитое сопрано — Полину Виардо. Приглашение в Петербург явилось как нельзя кстати. Оно становилось большим событием в ее жизни, открывало новые, захватывающие перспективы на сцене и спасало от бездеятельности и постылого праздного прозябания во враждебно настроенной по отношению к ней среде парижского музыкального бомонда, где мог зачахнуть ее поразительный талант. В России узнали о предстоящем приезде знаменитой французской певицы, и ее имя надолго стало главной новостью в петербургских чопорных салонах. Но и здесь, в далекой России, слава знаменитой Малибран, которая дважды отказалась от выступлений в этой стране, бежала впереди Полины. «Сможет ли Полина Виардо удержать в руках яркий светоч гениальной семьи Гарсиа?» — гадали русские газетчики.

В Петербург Полина и Луи Виардо прибыли 14 октября. Они остановились в доме Демидова на углу Невского проспекта и Малой Садовой улицы (Невский, 54). Дебют Полины в «Севильском цирюльнике», этом «прелестнейшем цветке» итальянского репертуара, был назначен на 20 октября, но из-за внезапной болезни тенора Рубини перенесен на 22-е. Тем не менее

в «Русском инвалиде» 21 октября появилась восторженная статья-рецензия на несостоявшийся спектакль. Ее автор, журналист М. Сорокин, был настолько уверен в успехе, что несколько опередил ход событий. За проявленную «дерзость, выразившуюся в преждевременной попытке предсказать исход театрального спектакля», городское начальство отправило репортера на гауптвахту. Но, увы, он все же не ошибся. Успех Полины превзошел все ожидания. В сцене «Урок пения» Виардо исполняла различные пьески. Но вскоре, к удовольствию петербургской публики, она стала в этом месте исполнять «Соловья» Алябьева по-русски. Публика просто редела от восторга, выражая искреннюю благодарность французенке за такой «национальный» сюрприз.

В октябре она выступила в четырех представлениях «Севильского цирюльника». Успех ее рос. Сама Полина объяснила этот феномен особым расположением к ней русской публики, которая, по ее мнению, была значительно более восприимчивой к музыкальному дарованию артиста и не столь избалована и пресыщена знаменитостями, как это наблюдалось в Париже или Лондоне. Для нее русские оказались новой живой публикой. Полина не чает в ней души. Русские платят ей тем же. «Мадам Виардо — наша!» — безапелляционно заявила большая пресса.

Очень скоро Полина превратилась в идеал петербургской молодежи, которая неудержимо рвется на ее спектакли, с боем берет Большой театр, где проходили гастроли. 1 ноября 1843 года состоялся ее незабываемый дебют — партия Дездемоны в опере «Отелло» Россини. Зал сплошь оккупировала студенческая аудитория. Среди них своим ростом и статностью фигуры выделялся один светловолосый молодой человек в служебном мундире. Им оказался коллежский ассессор министерства внутренних дел, кандидат философии и молодой поэт — Иван Тургенев. Пораженный, он неотрывно смотрел на сцену, на нежную Дездемону, на этот «поющий точеный барельеф». Иван Сергеевич Тургенев, вероятно, в ту минуту и не помышлял, что окажется надолго близким связанным с этой паразитической женщиной. Не предполагал, что ему судьбой предначертано провести рядом с ней долгие годы жизни... «Это был священный для меня день», — признается он впоследствии.

Как-то его приятель А. А. Комаров привел Тургенева в дом Демидова и познакомил его с певицей. «Молодой помещик, отличный охотник, приятный собеседник и плохой поэт», — представил он Полине Тургенева. Полина не обратила особого внимания на двадцатипятилетнего юношу, отрядив его к общей толпе многочисленных русских поклонников. Долгое время она воспринимала Тургенева только как друга, не более. Он вызвался давать ей уроки русского языка, во время занятий подолгу читал свои стихи, знакомил с русской литературой и сочинениями друзей-литераторов. Он подружился и с Луи Виардо. Очень скоро они близко сошлись на общей почве самоотверженной любви к литературе и... охоте. Дружбе этой суждено было длиться всю жизнь...

Первоначальная холодность Полины смутила Тургенева, ведь у него встреча с ней вызвала совершенно иные чувства. По

словам А. Ф. Кони, в душу Тургенева проник какой-то всепоглощающий восторг и свил там себе гнездо навсегда, что, несомненно, «повлияло на всю личную жизнь этого «однолюба» и в некоторых отношениях сильно исказило, не дав этой его жизни стать тем, чем она могла бы стать». «Только однажды увидев вас, уже нельзя забыть вас, не привязаться к вам», — писал Иван Сергеевич в письме Виардо.

Отныне она становится владычицей всех его дум, вдохновительницей таланта и первым критиком его сочинений.

Новый сезон

Успех «Итальянской оперы» в России был настолько велик, что на театральный сезон 1844/45 года были ангажированы две труппы, одна — для гастролей в Санкт-Петербурге, а вторая — в Москве. Вначале предполагалось давать по шестьдесят представлений, но по требованию публики их число возросло до семидесяти пяти.

Второй раз в Россию Полина Виардо приехала в двадцатых числах сентября 1844 года. Здесь ее ожидала одна малоприятная новость. Оказывается, у нее в Санкт-Петербурге объявилась соперница — знаменитая примадонна Анаис Каstellан, певица, «обладавшая прекрасным высоким сопрано и прелестной наружностью». Последнее особенно беспокоило Полину, ведь она не обладала выигрышными внешними данными. Именно Анаис Каstellан, а не Полина открыла второй итальянский сезон в Петербурге 2 октября, исполнив главную партию в опере «Лючия де Ламермур». Ее выступление имело большой успех, и вскоре у певицы в России появилось множество поклонников.

Но петербургская публика отнюдь не забыла дивную Полину. Через неделю, 9 октября, она пела в «Сомнамбуле». В зале вспыхнули жаркие аплодисменты, не стихавшие несколько минут. Из партера и лож на сцену летели десятки букетов. Певица была настолько потрясена такой встречей, что от волнения потеряла голос и на глазах у нее навернулись слезы. Она долго не могла начать. Все в зале замерли. Одна попытка, другая — полная неудача. Третья — и наконец раздались чарующие звуки ее прелестного голоса. Все с радостью вслушивались в эти великолепные фиоритуры.

Не забыл Полину и Иван Тургенев. Годичная разлука не охладила его пылкой, нежной любви. Он всегда был готов доказать свои чувства, однажды даже полез из-за нее в драку.

Сторонники таланта Каstellан и Виардо разделились на две враждующие партии, между ними то и дело вспыхивали шумные потасовки. «Никогда еще глюкисты и пуччинисты, гвельфы и гибелины, арманьянцы и бургундцы, виги и тори не испытывали друг к другу такой злой ненависти, как виардисты и каstellанисты», — писал один из свидетелей таких рукопашных схваток. Само собой разумеется, Тургенев возглавлял партию «виардистов».

Он не скрывал своей любви, разглагольствуя о ней повсюду, во

всех салонах, вызывая раздражение у друзей и ставя тем самым в неловкое положение саму Полину, которая не выносила громких амурных признаний на публике. Тем не менее, несмотря на обиды, уроки русского языка продолжались. На них усидчивая ученица поражает влюбленного в нее учителя своими лингвистическими способностями. Но Полину прежде всего волнует собственная карьера, успех на сцене, и она довольно спокойно воспринимает пылки признания Тургенева.

Он же, подчиняясь неземной, по его представлениям, страсти, не требует взаимности в любви. Нет, он с радостью готов и впредь ограничиваться ролью ее скромного учителя и друга семьи.

Но в его беспокойной душе начинает постепенно вызревать план, который не дает ему ни минуты покоя. Он хочет покинуть Россию, уехать вслед за своими французскими друзьями, жить вместе с ними, следить за карьерой Полины, охотиться вместе с милым и ласковым Луи Виардо.

В начале апреля 1845 года Виардо едет на гастроли в Москву. Она дала три концерта в зале Большого театра, и московская публика ее восторженно приветствовала. «Теперь испанская соловушка восхищает Москву!» — писала «Северная пчела» в отчете о концерте певицы.

В Москве на вокзале Полину и Луи встречал Тургенев; на правах гида он повсюду сопровождал своих друзей, показывал им Кремль и даже поднимался с ними на колокольню Ивана Великого, чтобы полюбоваться с высоты птичьего полета на белокаменную, Тиранствующая, жесткая и требовательная мать Тургенева Варвара Петровна терпеть не могла «французскую певичку», так как опасалась за судьбу сына. Тем не менее все же сблаговолила однажды отправиться на ее концерт. По возвращении домой она не смогла сдержать своих эмоций и в сердцах сказала: «Хорошо поет, проклятая цыганка!»

В мае супруги Виардо вернулись в Петербург, а после шумного успеха специально поставленной для России «Нормы» Беллини выехали в Париж.

Ивану Сергеевичу Тургеневу удалось добиться отставки, и он, выправив себе заграничный паспорт, в июле 1845 года, несмотря на протесты матери, уезжает во Францию, в сельский домик четы Виардо, находящийся неподалеку от Парижа, в Куртаневеле. «Дорогой наш Куртаневель!» — напишет он потом в письме Полине. «Самое счастливое время в моей жизни!» — отметит он в своем дневнике.

Музыканты в Куртаневеле

Загородное поместье семьи Виардо Куртаневель было построено еще при короле Франциске I. Полина собственноручно принялась за перестройку старинного замка. На первом этаже, где когда-то квартировали королевские мушкетеры, оборудовала настоящий театр с гримуборными для артистов, со сценой, рампой, ямой для музыкантов и даже с сфлерской будкой! Кроме того, она устроила в доме небольшой салон для исполнения камерной

музыки, поставив два черных рояля. Так было создано что-то вроде загородного приюта для музыкантов и всех истинных любителей и знатоков классической музыки. Как и в парижском доме Виардо, им разрешалось запросто, без стеснения, по-дружески приезжать сюда, подолгу жить и работать.

Гостей в поместье перебивало немало. Для них были отведены специальные апартаменты с рабочим кабинетом, так как редко кто приезжал сюда на день-два. У Виардо гостили месяцами, наслаждаясь при этом полной свободой. Здесь умели оказывать какое-то особое, ненавязчивое гостеприимство, которое никому не было в тягость.

Душой общества была, конечно, Полина. Она не только великая, знаменитая певица, но еще и оригинальный композитор, сочинения которой нравились многим гостям. Шопен однажды заметил по поводу придуманной ею мелодии: «Вряд ли мне когда-нибудь удастся услышать что-либо более прекрасное в этом жанре!» Полина обычно представляла свои новые сочинения, не называя своего имени. Однажды Сен-Санс услышал, как она пела какие-то необузданные испанские мелодии в особом ритме — одновременно плавном и неровном, даже взрывном. Он был просто восхищен ими, как, впрочем, и Николай Рубинштейн, которому тоже довелось услышать эти новые композиции. Кто же написал эти произведения с совершенно новой музыкальной фактурой? «Мне понадобилось несколько лет, чтобы заставить ее признаться в своем авторстве», — утверждал впоследствии французский композитор.

60

В деятельной жизни Полины каждый час, каждая минута были заполнены работой, творчеством, поиском нового, неизданного, совершенного. «Стремиться только к лучшему» — таков был лозунг папаши Гарсиа, и Полина старательно следовала завету отца. Однажды Мюссе заметил по этому поводу, что работа Виардо — торжество «религии». Любой человек со стороны, тот, кому посчастливилось соприкоснуться с этой освежающей, радостной атмосферой труда, непременно и сам чувствовал в себе удивительный прилив творческих сил. Так, Мейербер переделал, гостя у Полины, роль Фидес, которую она и исполнила. Шопен создал целый цикл своих сочинений. Делакура набросал вчерне «Эскизы», а Коро вдохновился знаменитым подлеском этого чудного уголка Сены и Марны. Здесь Жорж Санд закончила свой роман «Консуэло», прототином которой стала хозяйка загородного дома. Флобер написал несколько прекрасных романов. Лист при участии мадам Д'Агу разработал и записал на нотной бумаге несколько набросков. Амбруаз Тома обсуждал с хозяйкой ряд своих будущих книг, уверенно полагаясь на ее безупречный вкус. Лало сочинил здесь свои прекрасные мелодии, а Сен-Санс закончил «Самсона и Далилу». Массне набросал контуры «Марии Магдалены», а окончательную форму ей придала сама Полина. Берлиоз, устав от домашних раздоров со своей не приспособленной к жизни гением женой, часто убегал из дома и находил приют в Куртаневеле. Окунувшись в блаженную, страстно желаемую тишину, он в полном уединении сочинял грандиозную дилогию «Троянцы», о создании которой мечтал

несколько лет. Берлиоз судорожно писал по ночам, а утром приносил еще свежие листы на суд Полине, знающему и беспристрастному арбитру, которая могла без всяких ухищрений высказать свое профессиональное мнение.

Чаще других в поместье бывал старинный друг семьи Гарсиа Россини, который очень пекся о сохранении чистоты «музыкальных традиций», выработанных главой этой семьи. Он мог приехать сюда, когда ему вздумается, и подолгу импровизировал на рояле. Ему выделили отдельный кабинет, личную комнату, инструмент и даже гардероб.

А рядом с гостями постоянно находилась Полина, удивительная, тонкая женщина, которая, кажется, распространяла вокруг себя магнетические волны такой интенсивности, что все непременно попадали под ее очарование. Многие из побывавших здесь могли с полной искренностью повторить вслед за Жорж Санд: «Когда я вижу вас всего один час, вся тяжесть моей прежней жизни исчезает, словно я только вчера родилась вместе с вами, и я живу всей той полной жизнью, которая таится и бьется в вас».

Полина уделяла особое внимание судьбе молодых музыкантов, и об этом было хорошо известно в музыкальном мире далеко за пределами Парижа. Великая певица и артистка любила молодежь, всячески поощряла молодые таланты, их творческие искания, оказывала любую помощь, чтобы только вывести их на дорогу будущей музыкальной карьеры.

...Однажды в Куртаневеле слуга передал ей визитную карточку. Какой-то молодой человек попросил принять его.

— Шарль Гуно? Кто это такой? — спросила Полина, обращаясь к своим друзьям. — Я его не знаю. Ну, да ладно, просите! Я вернусь через пару минут...

Прошли минуты, потом полчаса, потом час, а Полина в гостиной так и не появлялась. Вдруг все услышали ее мощный голос. Она исполняла какую-то неизвестную арию. Смолкла. Снова начала петь. Все были ужасно заинтригованы, напряженно вытягивали шею, поворачивали головы в направлении музыкального салона. Через полтора часа, взволнованная и счастливая, перед заждавшимися гостями появилась Полина.

— Извините меня. Думала покончить с ним в пять минут, да не тут-то было! Это замечательный, прирожденный музыкант! У него исключительный по силе талант... Кажется, его фамилия Гуно...

В 1850 году Гуно, воспользовавшись предложением Виардо, вместе с матерью поселился на все лето в Куртаневеле, где обрел одиночество и покой, столь необходимые для сочинения оперы «Сафо», которую он посвятил Полине. Знаменитый создатель «Фауста» стал частым гостем в доме Виардо, а Полина — его верным другом, не только распознавшим в нем талант, но и определившим его дальнейшую карьеру. Нестойкая, изломанная душа молодого Шарля постоянно склонялась к мистике, и он всерьез мечтал о пострижении в монахи. После долгих бесед с Полиной Гуно постепенно стал осознавать, что его истинное назначение — музыка.

Многим был обязан Полине и Габриэль Форе, которому она передала свои обширные познания в области высшей школы вокала, почерпнутые ею у отца Мануэля Гарсиа. Об этом она никогда не разговаривала ни с одним молодым музыкантом, опасаясь оказать на них свое влияние и тем самым лишить вокальные сочинения авторской оригинальности. Но в случае с Форе «уроки» Полины пошли впрок. Молодой французский композитор сумел выработать свой особый вокально-музыкальный язык.

Короче говоря, Куртаневель Полины Виардо стал настоящей «кузницей» молодых талантов, «полигоном» для их творческого испытания. В истории формирования знаменитых певцов, за исключением, вероятно, учителя Гайдна — Порпоры, не существовало другого примера, связанного с организацией и проведением музыкальных дружеских вечеров с участием такого большого количества композиторов. А ведь среди них были композиторы первой величины — Шопен, Цезарь Франк, Форе, Морис Равель, Ференц Лист, Шарль Гуно, Жорж Бизе. Здесь часто бывали выдающиеся личности, которыми по праву может гордиться культура Франции, — Доде, Золя, Мопассан, Флобер, Делакруа, Гюго, Теофиль Готье, Тен, Ренан, Гюстав Доре и многие, многие другие.

Большая любовь Ивана Тургенева

62 17 сентября 1845 года Полина и Луи Виардо выехали в третий раз на гастроли в Россию, взяв с собой маленькую дочь Луизетту. Сезон открылся 29 сентября «Лукрецией Борджиа». Сама Полина Виардо впервые в этом году появилась 5 октября в «Дон Паскуале», и ее выступление прошло с неизменным, уже привычным успехом. «Чудная» Виардо и на этот раз припасла для русской публики приятный сюрприз. В «сцене урока» с Бартоло она спела народную песню «Тройка» по-русски, приведя в восторг слушателей.

Однако весь третий «итальянский сезон» в Санкт-Петербурге проходил довольно вяло, обнаруживая некоторую прохладцу со стороны зрителей. Это не замедлила отметить «Северная пчела», которая писала через три недели после начала гастролей: «Итальянская опера продолжает свое блистательное существование, хотя прошлогодний энтузиазм наших дилетантов, видимо, охладел. Аплодисменты истощаются, крики восторга ослабевают. Что это? Отчего это? Увы, от непостоянства человеческой природы. Наша публика избалована до пресыщения...»

Но дело не только в публике. Нужно сказать, что привыкшие к успеху артисты уже не так старались, а «примадонна» — забываемая Виардо — была серьезно больна, что не могло не сказаться на ее голосе. Из Петербурга Виардо уезжала в самом подавленном настроении. Болезнь грозила потерей голоса. Ей требовался длительный отдых. 14 февраля 1846 года семья Виардо покинула Россию. «Разум помрачается, сердце разрывается...» — записывает она на прощание в альбом одной из своих русских приятельниц, княгине Н. С. Голицыной. Она оставляла

здесь милых друзей и среди них пылкого обожателя Ивана Тургенева, который на сей раз не мог последовать за своей «дивой» по вполне прозаической причине: своих денег у него нет, литература пока «не кормит», а своевольная матушка, опасаясь, как бы ее сынок не наделал «глупостей» с этой «пущышкой», «французской певичкой», наотрез отказалась субсидировать его заграничный вояж. Тургенев безутешен. Он часто пишет ей письма, посылает в Париж рукописи своих новых сочинений, ревностно, словно школьник после экзамена, ожидает ее оценок. «Возвращайтесь, здесь вы найдете все в том же виде, в каком оставили. Я все тот же и навеки останусь таким...»

Возвратившись из России, Полина искала в своем Куртаневле полного одиночества, избегала прежних шумных компаний и веселых балагуров. Она совершала продолжительные прогулки верхом по окрестностям, и казалось, что семья, близкие были ей в тягость. Что это — творческий кризис или же ответная реакция на волнующие ее воспоминания о том, что осталось там, в холодной, но близкой для нее России? Умная и практичная женщина не могла не сделать должных выводов из своего третьего «русского сезона». Она приняла твердое решение — отказаться от ангажемента на 1846/47 год в Санкт-Петербурге, мотивировав тем, что климат этой страны вредит здоровью ее мужа. Нет, она больше не поедет в Россию. Она отправится в Германию, куда ее уже давно зовет Мейербер.

Подписав осенью контракт с дирекцией Итальянской оперы в Берлине и с руководством берлинской Королевской оперы, она надолго уехала в Германию, ничего не сообщив об этом своему страждущему корреспонденту в Санкт-Петербурге.

Виардо участвовала в концертах, устраиваемых в салоне прусского короля, где блистали талантом самые известные в Европе певцы, среди которых была и превосходная Дженни Линд. Полина удостоилась самых высоких похвал за исполнение фрагментов из «Орфея» и арии Ринальдо Генделя. «Ледок недоверия» к ней со стороны «тяжелой на подъем» немецкой публики быстро растаял, особенно после ее первого блистательного исполнения на немецком языке партии Валентины в опере Мейербера «Гугеноты». Особый энтузиазм вызывала она в «Ифигении» Глюка, «Фиделию» Бетховена, а также в операх Россини, Галеви, Мейербера. Ее шумный успех отодвинул «на задний план» Линд, которая до сих пор была идолом местной публики. Однажды Полина поразила всех не только своим голосом и драматической игрой, но и удивительным проворством на сцене, исполнив сразу в один вечер две партии в опере Мейербера «Роберт-Дьявол»: свою — Алисы и чужую — Изабеллы, которую никогда прежде не пела.

Ее успех в Германии был полным. О нем Иван Тургенев узнал из берлинских газет довольно поздно, так как они доставлялись в Россию с большим опозданием. Эти известия больно подхлестнули его нежные воспоминания. Разлука с любимым человеком становилась нестерпимой. В январе 1847 года, забросив свои литературные дела, он под предлогом лечения «пошатнувшегося

здоровья» спешит в Берлин, чтобы постоянно находиться возле той женщины, которую не просто любит — обожает.

В середине мая чета Виардо вместе с Тургеневым отправилась в Дрезден. Там было предусмотрено четыре выступления. Но по просьбе публики Полине пришлось дать одиннадцать концертов. На одном из них ее впервые услышал Шуман. Через три дня он принес свою «Песнь», специально написанную для нее.

Лето семья Виардо провела в Куртаневеле. Вскоре к ним присоединился и Иван Тургенев. Казалось, это безоблачное лето омрачалось лишь тем, что двери французских театров по-прежнему были закрыты для певицы. В Итальянском театре все еще господствовала Гризи, а Большая опера и не думала приглашать на этот сезон Виардо. Она готовилась к новому оперному сезону в Германии. Веймар, Дрезден, Гамбург, Берлин — таков маршрут ее гастролей. Тургенев, к сожалению, не смог следовать за ней, так как опять столкнулся с финансовой проблемой. Ему пришлось остаться в Париже, но, судя по всему, он не был сильно огорчен. «Все идет отлично, даже сверхотлично!» — пишет он в письме к Полине. Может, теперь он уверен в ее любви к нему, ведь последние месяцы в Берлине и здесь, в Куртаневеле, были самыми счастливыми для него. Тургенев пишет ей прекрасные длинные письма. Она охотно отвечает. Они обсуждают новые книги, театральные постановки, музыкальные новинки; Полина рассказывает о работе над ролями, о воплощении их на сцене, о придуманных ею сценических костюмах. Иногда в письмах проскальзывает нечаянная, умильная фраза, уносящая ее к мимолетным, далеким воспоминаниям: «А помните ли вы тот день, когда мы глядели на ласковое небо через золотистые листочки осин?» Конечно, он помнит. Каждое ее слово, каждый жест.

После выступлений в Гамбурге немецкое турне Виардо подошло к концу.

Наступал 1848 год, грозный год для многих стран Европы. Что принесет он Полине Виардо? Неожиданно она получает официальное приглашение подписать контракт с Парижской Большой оперой, но не от дирекции, а лично... от Мейербера. Вначале певица расценила все это как новогоднюю шутку, но, как выяснилось, Мейербер совсем не шутил. Вот уже несколько лет он вел трудные переговоры с дирекцией оперы о постановке своей новой оперы «Пророк». Непременным условием композитор ставил участие Полины Виардо в главной партии Фидес. Но «султанша» Штольц не допускала и мысли о том, чтобы подпустить Виардо к дверям Большой оперы. Но все же судьбе было угодно «свалить» с трона «оперную самодержицу», и Виардо 11 февраля 1848 года отправила в Париж свое согласие...

В феврале произошла революция в Париже, Берлине, Австрии и Венгрии. Закончив гастролы в Германии, Полина с Луи возвратились в бурлящий Париж. Революция увлекла Виардо, ведь ее республиканское мировоззрение давно сложилось под влиянием «левых» идей супруга и ее приятельницы Жорж Санд. Она даже сочинила гимн «Молодая республика» на слова П. Дюпона, который был торжественно исполнен 6 апреля в театре Револю-

ции. Но Полина не стала свидетельницей дальнейшего развития событий и гибели революционных идеалов: в конце апреля она уехала на «итальянский сезон» в Ковент-Гарден, где ей предстояло выиграть битву, которую она окрестила «кровавой».

Общественное мнение было накалено до предела. Еще бы: такое ристалище на сцене увидишь не часто. Королевский театр ангажировал на сезон Дженни Линд, мадам Тадолина, Лаблаша; Ковент-Гарден — Полину Виардо, Гризи, Персиани, Альбони, Тамбурини. С двух сторон — две «крепчайшие стенки». Кто же кого «развалит»?!

Дебют предстоящего тяжелого сражения назначили на 9 мая. Но Виардо приходилось вести борьбу не только с английской соперницей. Даже в своем «итальянском» стане ей противостояли два непримиримых врага — Гризи и Альбони. Они давно пользовались популярностью в Англии и незамедлительно включились в тайную борьбу с соперницей. Но стоило Виардо выйти на сцену и начать свою арию, все тут же забывали о закулисных баталиях. В труднейшей опере «Гугеноты» она продемонстрировала, на что способен ее голос. «Всякий, имеющий уши, да слышит, всякий, имеющий глаза, да видит», — написал в своем комментарии к ее выступлению не склонный к игре эмоцией суровый критик Чорлей. Успех был полный. Ковент-Гарден завоевал публику. Соперницы тихо ретировались. Музыкальная «битва при Гастингсе» на сей раз завершилась победой франуженки. Но, как ни парадоксально, у нее на пути по-прежнему возвышалась неприступная крепость — Париж. Для окончательного завоевания французской музыкальной столицы она выбрала надежное оружие — сложную в вокальном отношении оперу Мейербера «Пророк»...

Как известно, Мейербер поклялся, что партию Фидес в своей опере он не доверит никому, кроме Полины. Она была написана для нее, для ее голоса, и он сам разучивал с певицей «кусочек за кусочком». Посему маэстро был прямо заинтересован в том, чтобы премьера его оперы в Париже стала заметным событием в музыкальной жизни. Весь Париж был не на шутку взбудоражен, все только и говорили о предстоящей опере и дебюте в ней Полины Виардо. Во Французской опере спектакль репетировали по два раза на день — утром и вечером. «Я уверена на сто процентов, — воскликнула однажды утомленная Полина, — что такое пение очень скоро превратит меня в загнанную клячу!» Она буквально валилась с ног от усталости, но ранним утром все же мчалась «в свою лавку».

И вот, наконец, наступил долгожданный день: 16 апреля 1849 года. В зале ни одного свободного места, заняты даже приставные скамейки. В опере собрался весь музыкальный Париж, чтобы услышать главное сочинение знаменитого немецкого композитора. Ради этого из Брюсселя приехала «мамита» Хоакима. Хотя музыка Мейербера вызвала самые разноречивые мнения, все крупные музыкальные критики сошлись в одном: в труднейшей партии Фидес Полина Виардо была просто неподражаема. По словам композитора А. Адана, «дело Виардо было выиграно с первых же фраз речитатива». Полина поняла, что одержала

настоящий триумф. В час ночи после спектакля она села за письмо Жорж Санд, но сумела написать ей лишь три взволнованных слова: «Победа! Победа! И спокойной ночи!» Мейербер в ту же ночь написал матери: «Виардо как певица, как актриса достигла таких высот трагизма, которые мне в театре еще видеть не приходилось». Берлиоз в серьезном авторитетном «Журналь де деба» написал большую статью под названием «Великий успех великой певицы». Все парижские газеты выражали с ним полное согласие. «Иллюстрасьон» заявила: «Это — Малибран и Рашель, соединенные вместе».

Теперь ни у кого уже не оставалось сомнений: Полина Виардо завоевала и Париж. Она теперь не просто певица Полина Виардо, а знаменитая, блистательная Виардо, любимица парижской публики.

Возвращение в Россию

66

После апрельского триумфа «Пророка» Мейербера этот спектакль летом 1849 года готовился к постановке в Ковент-Гардене с Виардо в роли Фидес. Но неожиданно стало известно, что театр обанкротился, и нужно было срочно спасать не только «лицо» знаменитого театра, но и судьбу самой постановки. Приехав в Лондон, Полина, по ее словам, обнаружила не театр, а «настоящее кораблекрушение». Надеяться на помощь со стороны было поздно, и великая певица сама взялась за постановку оперы, приняла на себя все хлопоты, став и музыкальным руководителем, и режиссером спектакля. Труппа в течение нескольких недель работала, как «негры». В последних числах июля благодаря невиданному энтузиазму Полины и всех ангажированных певцов состоялось, наконец, первое представление «Пророка» в Лондоне, которое прошло с не меньшим блеском, чем накануне в Париже. Критик Чорлей в журнале «Атенеум», говоря о пении и игре Виардо, закончил свою статью такими весомыми словами: «Ее невозможно сравнить ни с какой другой актрисой». Через несколько месяцев в «Отечественных записках» появилась статья о «Пророке» и исполнении Виардо за подписью И. С. Тургенева. В ней он изложил свои взгляды на постановку, но в статье проскальзывали и те нежные чувства, которые он переживал, находясь в это время в Куртаневеле. В тот тревожный день «второй» премьеры он записал в своем дневнике: «Одиннадцать вечера. Только что закончился четвертый акт. Вас вызывают, и я тоже хлопаю в ладоши и тоже кричу — браво! Браво! Полночь. Я аплодирую изо всех сил и бросаю вам букет цветов... Спокойной ночи... Почивайте спокойно на своих лаврах...»

Недавно оправившись от холеры, Тургенев отдыхал у своих гостеприимных хозяев, писал рассказы для будущего сборника «Записки охотника», пьесу «Завтрак у предводителя», ловил рыбу, играл на бильярде, изучал испанский язык, на котором говорили все в доме Гарсия-Виардо. В грозных письмах матушка требовала немедленного возвращения домой, того же требовали и его литературные интересы. Пьесу «Месяц в деревне» собирались ставить в Санкт-Петербурге, а для этого было необходимо

присутствие автора. Он долго отбивался от надоедливых просьб и строгих требований, но вдруг, резко изменив свои планы, решил возвратиться домой. Что же произошло? Может, у него вызывала подозрение та благосклонность, которой стал пользоваться у Полины молодой Шарль Гуно? Или он заметил признаки недовольства у сдержанного и обычно дружески расположенного к нему Луи? А может, сама Полина дала ему понять, что тот культ, предметом которого она стала у него, несколько ее тяготит? «Любовь умирает, — напишет она ему позже, — если ей только не дают загореться снопами огня». Может, глухая борьба между ее тайными чувствами к Тургеневу и строгими нравами, между влечением и властным самоподчинением привела к возникшей вдруг между ними напряженности? Трудно ответить... В середине июля 1850 года Тургенев уехал. «Я не вернусь до тех пор, пока вы сами не прикажете мне вернуться...» — написал он по-немецки, на том языке, которым они пользовались для своей частной переписки. Она не ответила...

Новые встречи

Он продолжал засыпать ее письмами — к этому побуждает его страдающее сердце, ноющее от разлуки с женщиной, наполнявшей все его существование. Он по-прежнему любит ее и в одном из писем заверяет: «Будьте уверены, что в тот день, когда я перестану вас любить, я перестану жить...» В седьмую годовщину их встречи, 1 ноября 1850 года, он отправляется навестить тот большой дом на Невском проспекте, где впервые коснулся при рукопожатии ее руки. «Помните ли вы это?» — спрашивает он в длинном вдохновенном письме...

Вернувшись из Парижа, Тургенев после тяжких сцен с матерью решил забрать у нее свою дочь Пелагею (Полину) и отправить ее в Париж, к Виардо. Но в ноябре 1850 года деспотичная Варвара Петровна умерла, и Тургеневу предоставилась возможность распоряжаться по своему усмотрению довольно большим состоянием. В то же время к нему пришел первый настоящий литературный успех. «Записки охотника» доброжелательно приняла критика, а в январе 1851 года была поставлена его пьеса «Провинциалка». В письме к Полине он писал, что, будучи человеком суеверным, на премьере перед поднятием занавеса трижды прошептал ее имя, и только это обеспечило успех пьесы.

Время от времени его охватывала глубокая меланхолия. Разлука с Полиной все больше угнетала, безысходность положения лишала всякой радости жизни. Да еще ему сообщили, что 22 мая 1852 года у Полины родилась дочь Клоди. Означает ли это, что Луи Виардо сумел вновь «завоевать» свою супругу, стать для нее самым близким, самым необходимым человеком? Ведь Тургенев отлично понимал, что она мужа никогда не любила, а их долготный брак крепко держится на взаимном уважении и милой взаимной приязни.

Полине часто приходилось становиться жертвой страданий своего любвеобильного сердца и связанных с этим душевных терзаний. Однажды она открыла душу Юлиусу Ричу, композито-

ру, дирижеру, директору Дюссельдорфской оперы. «Вы даже себе представить не можете, какое внутреннее счастье испытываешь всякий раз, когда тебе удается одержать победу над страстью, над инстинктом! Хотя и чувствуешь себя совершенно разбитой, больной, но сознание того, что тебе удалось подняться еще на одну ступеньку по направлению к добру, тебя поддерживает и придает новые силы, чтобы выдерживать иногда просто непосильные страдания...» Нет ли здесь намек на их взаимоотношения с Тургеневым?

В это время у Тургенева возникли серьезные неприятности с властями. В «Московских ведомостях» он опубликовал резкую антиправительственную статью, посвященную памяти Н. В. Гоголя. 28 апреля «по высочайшему повелению за ослушание и нарушение цензурных правил» он был подвергнут заключению на съезжей 2-й Адмиралтейской части, где провел месяц и написал свой знаменитый рассказ «Муму». После этого его выслали на постоянное жительство в родовое поместье Спасское-Лутовиново. Из сообщений «Северной пчелы» он узнает поразительную новость: в столицу Российской империи пожаловала «неожиданная гостыя — сама г-жа Виардо-Гарсиа...».

Но, увы, на сей раз им не суждено встретиться: приказ императора строг, и ему запрещено властями выезжать за пределы усадьбы. Друзья, критики Боткин и Анненков, подробно информировали опального писателя о гастролях французской певицы в столице. Она вновь потрясла слушателей в «Севильском цирюльнике», «Отелло», «Сомнамбуле», но еще больше очаровала в бетховенской «Фиделио», в той партии, которая так шла к ее уже зрелому возрасту.

Весной 1853 года одна из приятельниц Тургенева, княжна Мещерская, сообщила потрясающую новость: в Москву приезжает Полина Виардо, без мужа, который на этот раз по состоянию здоровья был вынужден вернуться в Париж. Какая счастливая весть! Ну, теперь она от него не уйдет! Что бы с ним ни случилось! Любовь выше любых императорских повелений! Он ухитрился раздобыть фальшивый паспорт и, обманув бдительность «полицейских чинов», все же приехал в Москву. Здесь и состоялась их краткая, столь желанная встреча.

Выбранное Виардо время для концертных гастролей в Москве оказалось неудачно-роковым. Накануне ее визита, 11 марта 1853 года, сгорел Большой театр, и она была вынуждена давать концерты в Дворянском собрании. Этот прискорбный факт привел в уныние москвичей.

Днем 26 апреля 1853 года в зале Дворянского собрания состоялся «прощальный вокальный и инструментальный концерт» Полины Виардо. Певица исполняла Глюка, романсы Даргомыжского, который сам аккомпанировал ей на фортепиано, сочинения М. Глинки. Концерт оказался действительно «прощальным». Больше русская публика ее никогда не увидит. Это был ее последний визит в Россию...

Вернувшись во Францию, Виардо снова оказалась не у дел. Перед ней вновь закрылись двери Большого театра, да и прочие не очень торопились с приглашением. Театральные чиновники

Наполеона III надменно взирали на жену республиканца, который так и не сумел «ужиться» ни с одним правительством и не желал иметь ничего общего с «господами сегодняшнего дня»...

В конце 1853 года ее вновь выручила Англия. Она пела в ораториях «Мессия» и «Самсон» Генделя в Лондоне, Ливерпуле и Бирмингеме, исполнила арии Вебера, Мейербера. С обычным успехом пела в Ковент-Гардене «Пророка» и «Дон Жуана». Вместе с Бозио и Гризи впервые в этой стране они исполнили «Стабат Матер» Россини...

1855 год — снова «лондонский сезон». «Досадно петь повсюду и везде, кроме того места, где тебе хочется!» — печально вздыхала Полина. На этот раз она совершила большую гастрольную поездку по Англии. Здесь ей удивительно повезло: удалось приобрести бесценное сокровище — оригинал партитуры оперы Моцарта «Дон Жуан»! Правда, ради этого пришлось расстаться с собственными сокровищами — семейными бриллиантами. Об этом узнал Россини и поспешил в дом Виардо, чтобы взглянуть на бесценную находку. Он был так растроган, увидав собственными глазами знаменитый росчерк своего музыкального идола из Зальцбурга, что даже опустился перед партитурой на колени. «Только он умел быть столь искусным, сколь и гениальным...» — прошептал благодарный старик.

Полина не забывала Тургенева, продолжала переписку с ним. Но заметный холодок в стиле изложения достаточно убедительно говорил о том, что этой твердой женщине с решительным испанским характером все же удалось одержать победу над своей потаенной любовью. Тургенев, судя по всему, оставил все надежды на взаимность и даже начал вынашивать планы «счастливой» семейной жизни с другой избранницей. Но краткое увлечение О. А. Тургеневой завершилось полной утратой всяческих иллюзий. Он все больше старел на родине, а душа все время рвалась во Францию, куда звали воспоминания. Время от времени его охватывали «приступы глупости», заставлявшие мечтать о встрече с Полиной, но он что было сил им сопротивлялся. Сил становилось все меньше, неотступная мысль о поездке во Францию не покидала его.

В 1856 году закончилась Крымская война, и после подписания Парижского мирного договора у него вновь появилась возможность увидеть Полину. Без всякого приглашения Тургенев заявляется в Куртаневель, не зная наперед, какой ему будет предоставлен прием. Но, к счастью... страхи его не оправдались... и он по-прежнему счастлив.

«Я здесь чувствую себя как дома; никуда не хочется, на душе тихо и светло», — писал Тургенев из поместья Виардо графине М. Н. Толстой.

Неужели, наконец, наступило то счастье, о котором он мечтал в далекой России? Но если оно и было, то оказалось очень скоротечно. Через несколько месяцев Тургенев был вынужден покинуть Куртаневель и снять квартиру в Париже на улице Риволи, так как его дочь Полина больше не хотела жить в семье Виардо. Эта разлука стоила ему больших страданий. Значит, между ним и Полиной Виардо все кончено? Будущее их отноше-

ний представляло перед ним в какой-то неясной, размытой перспективе. Все стало противно.

Франция, французы, Париж, литература, с которой он намерен порвать, считая себя человеком вздорным и бесталанным. Тургенев порвал все написанное и поклялся отныне не печатать ни строчки. Уехал в Лондон, затем в Германию. Вероятно, в этот момент писатель переживал жестокий внутренний кризис. Все чаще подумывал о возвращении в Россию. Он писал Боткину: «Что ни говори, а мне все-таки моя Русь дороже всего на свете, особенно за границей я чувствую это...» А в августе 1857 года он писал Некрасову: «Нет, уж точно: этак жить нельзя. Полно сидеть на краю чужого гнезда. Своего нет, так и не надо никакого...»

Когда он лечился на водах в «прирейнской долине» в Зинциге, до него дошло известие, что у Полины родился сын Поль. Он отправил ей пылкое поздравление, умолял поподробнее рассказать об этом событии: «Ура! Ура! Vive le petit Paul! Да здравствует маленький Поль! Bravo!..»

Что могло означать на самом деле столь необузданное извержение страстей, чем можно объяснить столь радостное возбуждение у человека, казалось, достаточно далекого от происшедшего события?

...На зиму 1857/58 года он вместе со своим приятелем Боткиным уехал в Рим. Писем от Полины не получал и, вероятно, сильно этим мучился. «Темный покров упал на меня и обвил меня», — писал он П. В. Анненкову. Этот зимний сезон Полина Виардо провела в Большом театре в Варшаве и имела громадный успех в «Севильском цирюльнике». В марте 1858 года она произвела невероятный фурор в Германии, а в Дрездене, в одном из концертов в Гевандхаузе, она так исполнила сцену из «Орфея» Глюка, что в ее честь пораженный оркестр сыграл туш — такой чести до нее здесь достаивалась лишь одна певица, Дженни Линд!

На следующий год она уехала на весь «итальянский сезон» в Ирландию и там впервые выступила в контральтовой партии Орсини в «Лукреции Борджиа» Доницетти. Когда певица искусно миновала все опасные заводи незнакомой тональности, она была ошарашена, даже испугана реакцией ирландской публики. Все оглушительно свистели. Как выяснилось впоследствии, у ирландцев свист — высшая оценка заслуженного успеха.

Во взаимоотношениях между Тургеневым и Полиной Виардо никаких перемен не наступило; по-прежнему она не писала ему. Лишь однажды сухо сообщила о смерти Ари Шефера, известного художника, своего преданного друга и советчика.

Новая прохладная встреча произошла летом 1859 года, все в том же Куртаневеле, где Полина отдыхала и набиралась сил к предстоящему сезону. Она мало уделяла внимания писателю, так как была поглощена другим: готовила еще одну крупную победу, которая могла оказаться последней в ее артистической карьере. Она понимала, что ее голос ухудшается. «Я хотела спеть все на свете и испортила голос», — удрученно признавалась она близким друзьям. Но гордая испанка была абсолютно увере-

на, что ее уход со сцены должен быть триумфальным. И для своей последней решительной схватки с избалованной публикой она выбирает труднейшего композитора — Глюка.

Королева Баден-Бадена

Ее планы, к счастью, совпали с желанием директора Парижского лирического театра Л. Корвалью, чутко реагировавшего на новые музыкальные веяния в парижской среде. Он задумал поставить «Орфея» Глюка с Виардо в главной роли. Музыкальное руководство постановки поручил Гектору Берлиозу, который в августе 1859 года приехал в Куртаневель и лично, сидя за роялем, «прошел с певицей всю партию — от начала до конца».

В октябре начались репетиции с оркестром. Но незадолго до премьеры случилось несчастье: тяжело заболел маленький Поль. Все попытки отменить первое представление ни к чему не привели. 18 ноября премьера все же состоялась. За дирижерским пультом стоял Берлиоз. Виардо пришлось петь, глотая слезы. В антрактах общими усилиями ее приводили в чувство, и все же успех ее в этой роли был полный. Публика, ничего не зная о болезни сына певицы, принимала слезы за искусную драматическую игру, за искреннее выражение скорби и сама не могла сдерживать рыданий. «Большая битва, крупная победа!» — писала Полина своему приятелю Юлиусу Рицу. Простота, благородство музыки Глюка удивительно подходили ее чарующему голосу. Она знала, что в этой роли ей еще долго не будет равных. Высшая точка в певческой карьере достигнута. Но за этим, как ни печально, неминуемо следует спад. И она скрепя сердце принимает решение уйти со сцены...

Ее малыш выздоровел, но Полина еще долго не могла прийти в себя. В эту трудную минуту она обратилась к своему испытанному другу, в искренности и верности которого не сомневалась. Она звала Тургенева в Куртаневель. Он тут же откликнулся на ее зов. Но, к сожалению, в отношениях между ними по-прежнему стелется «легкий, печальный туман». Поздней осенью произошло серьезное объяснение, после чего Тургенев окончательно понял, что ему больше не на что надеяться. В декабре 1860 года он написал своей доброй приятельнице, хранительнице всех его душевных тайн, г-же Ламберт: «На днях мое сердце умерло... Вы понимаете, что я хочу сказать? Прошедшее отделилось от меня окончательно, но, расставшись с ним, я увидел, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним...» Последнее печальное письмо в нечастой переписке. Последовал новый продолжительный разрыв...

Хотя Полина и рассталась со сценической деятельностью, она все же продолжала часто петь в концертах, особенно в Германии. Здесь, в лесах Шварцвальда, в изумительной по красоте долине Тиргартен в Баден-Бадене, она нашла одно старинное поместье, которое отвечало ее вкусам и личным пристрастиям. С башни на горе Меркурия открывался величественный вид на Рейн. Она решила купить этот особняк, принадлежавший какому-то англичанину. Дом в Куртаневеле был продан, а парижский дом на

улице Дуэ отдан внаем. Здесь, в Баден-Бадене, началась новая жизнь. Полина становится королевой в новом музыкальном замке...

Прибытие в Германию на постоянное жительство знаменитой французской певицы произвело настоящий переполох среди немецких поклонников ее таланта. Ее имя у всех на устах. Как всегда, деятельная Полина радикально перестроила весь дом и даже установила, на зависть всем музыкантам, собственный орган. Лист собственноручно занимался доставкой двух превосходных роялей. Они так и останутся стоять на том месте, которое было определено для них великим пианистом и композитором.

Постепенно вилла в Баден-Бадене стала центром светской музыкальной жизни. Со всех концов Европы и даже Америки, где еще помнили выступление Итальянской труппы Мануэля Гарсиа и пятилетнюю Полину, к ней потоком идут письма. Она горкой складывает их на своем письменном столе. «Чем больше я на них отвечаю, тем больше эта стопа растет!» — ворчит Полина. Однажды она натолкнулась на длинное письмо, написанное по-немецки едва различимым почерком. Она, возможно, и не стала бы напрягать глаза, если бы не прищиленная внизу коротенькая рекомендация Мейербера. Она бросила взгляд на подпись: «Рихард Вагнер». Незнакомец просил принять его, обещая занять всего несколько минут.

72

Когда Вагнер приехал, «несколько минут» растянулись на полтора дня. Но это была лишь «прелюдия» к будущим продолжительным встречам. Прежде всего он высказал просьбу: доверить музыкальное воспитание своей дочери Иоанны брату Полины, Мануэлю Гарсиа. Ведь он, кроме всех прочих достоинств, имеет честь быть учителем музыки и вокала Джени Линд, а эта шотландка находится в родственных отношениях со знаменитой Матильдой Везедонк, ставшей вдохновительницей его оперы «Тристан и Изольда». Кстати, он захватил с собой и партитуру, не угодно ли мадам Полине прослушать второй акт? Композитор сел за рояль и, аккомпанируя себе, спел все арии высоким, почти писклявым голосом, постоянно извиняясь за несовершенство своего вокала. Полина безропотно переворачивала страницы. Вечером перед друзьями она блестяще исполнила незнакомую ей доселе партию Изольды. Вагнер был поражен. Разве мог он представить себе, чтобы певица-француженка сумела столь профессионально «разобрать» сложнейшую партию, да еще и исполнить ее на великолепном немецком языке? Разве могут сравниться с ней немецкие певицы? Этот вечер запомнился Вагнеру надолго. Именно Вагнер представил работы ее супруга Л. Виардо искусствоведам Германии. А сама Полина станет одной из первых завсегдатаев «вагнеровских» вечеров в Бейрейте...

...Новоселье в Баден-Бадене праздновали четыре дня. Состоялось несколько музыкальных вечеров, на которых Мейерберу была предоставлена честь первому опробовать «семейный» орган. Само собой разумеется, в своем чемодане он привез очередной вариант партитуры Фидес из «Пророка», которую постоянно переделывал. Видно, здесь сыграли свою роль колкие замечания

Полины, которая с самого начала, как первая исполнительница, выражала неудовлетворение оригинальной версией.

Впервые оба рояля зазвучали в доме Виардо под пальцами Антона и Николая Рубинштейнов, которые не могли пройти мимо такого события, как открытие «концертного зала» в Баден-Бадене. Здесь же находился еще один страстный «игрок» — Гюстав Доре, который, правда, все вечера проводил за игрой в местном казино! Созданный «на скорую руку» квартет из различных музыкантов впервые исполнил несколько сочинений Телемана для струнных. Брат Полины, Мануэль Гарсиа, ставший к этому времени знаменитым учителем пения, привез из Лондона одну из своих учениц, Дженни Линд, идола знаменитого датского сказочника Андерсена. В Королевской академии музыки в Лондоне Гарсиа основал собственную школу вокального пения и, занимаясь ремеслом, позволял себе время от времени вторгаться, так сказать, в смежные области науки. В результате чего изобрел для врачей ларингоскоп, который сам применял для обследования глотки певца.

Главной притягательной силой в доме был орган. На нем играли все попеременно — то Клара Шуман, то Полина, а то и Лист, который после своей встречи с Цезарем Франком не оставлял мечты о новых сочинениях для органа. На сей раз он исполнил отрывки из «Фауст-симфонии». Полина, сидя за роялем, ему помогала. Под влиянием момента он начинал импровизировать, добавлять такие перефразы, которые навсегда остались в памяти присутствовавших как выдающиеся пассажи из области «музыкальной акробатики»...

С августа 1864 года в Баден-Бадене устраивались знаменитые музыкальные «утренники», в которых принимали участие главным образом певцы. К ним с удовольствием присоединялась и хозяйка дома. Сюда приезжали «стажироваться» известные и малоизвестные оперные исполнители со всей Европы, и все они хотели чему-то научиться у знаменитой Виардо, хотя, нужно признаться, побаивались строгого и требовательного характера «этой наследницы» педагогического таланта «папаши Гарсиа». А. Патти, П. Лукка, Д. Арто, А. Оргени, В. Чекуанова. Последняя влюбилась в А. Г. Рубинштейна и впоследствии соединила с ним свою жизнь. Среди немногочисленных гостей на свадьбе присутствовали Н. Г. Рубинштейн, П. Виардо и... Иван Тургенев.

Да, вероятно, Тургеневу вновь каким-то образом удалось «завоевать» Полину. Постепенно тот «легкий, печальный» туман, о котором он писал своему другу Боткину, рассеялся. Он уже два года находился возле нее, в Баден-Бадене, куда приехал в августе 1862 года. Ее близость постоянно вызывает у него легкое сентиментальное волнение, вероятно, любовь и в старости не выпускает из своего сладостного плена этого умного седого человека, много повидавшего на своем веку.

В 1865 году Тургенев приобрел в Тиргартене участок земли, прилегавший к вилле Виардо. Для удобства сообщения между двумя домами в садовой ограде проделали калитку. По парку протекал быстрый прозрачный ручей, на берегу которого Турге-

нев возвел небольшой летний павильон, где иногда пил чай по утрам. Но здесь, в этой «географической близости», все его мысли по-прежнему касались одного объекта — дорогой его Полины.

Судя по переписке, их роман возобновился. Он пишет ей каждый день. Она благосклонно отвечает. Какое сильное душевное волнение вызывают у него строчки ее нежных писем: «Мне, право, неловко быть столь любимой, я даже готова за это извиниться, но все равно я так счастлива. Спасибо миллион раз...»

Странный сложился здесь «треугольник»: Полина, Луи, Иван. Но Луи для Полины, как известно, «лишь дорогой друг, и не больше». Ну, а Иван? Кто он для нее? Что говорит по этому поводу их долготелняя переписка? Из сохранившихся писем И. Тургенева трудно сделать какой-то определенный вывод. А письма Полины Виардо к нему до нас не дошли. Вероятно, она все их предала огню, когда к ней поступил архив Тургенева после его смерти в 1883 году. Был ли Поль сыном Тургенева? Об этом можно только гадать. Если некоторые друзья лишь склонны видеть в Тургеневе отца Поля, то во французских источниках довольно часто встречается безапелляционный положительный ответ на этот туманный вопрос. Дочь Поля Виардо Алиса в своих воспоминаниях напишет о том, как однажды отец привел ее в парк в Буживале, где постоянно жил в последние годы Тургенев, и усадил ее, семилетнюю девочку, под густой зеленой пихтой. «Видишь, — сказал он, — это дерево приехало к нам из России. Мы посадили его вместе с дедушкой Тургеневым 1 ноября». 1 ноября, как известно, дата священной для писателя первой встречи с Полиной Виардо. «Ну вот, сорви веточку и отнеси ее бабушке!»

На следующий день Алиса отнесла веточку Полине. Она тут же прикрепила ее к своим волосам и тяжело вздохнула. «Я никогда не забуду, — вспоминает Алиса, — как меня бабушка долго-долго не отпускала от себя, все время обнимала, целовала и гладила мои длинные белокурые волосы».

Когда ей исполнилось девятнадцать, Поль передал ей несколько личных вещей Тургенева: этажерку, тарелку, чайную чашку, подсвечник, написанное им небольшое стихотворение-сонет, его крест и прежде всего иконы в кожаных с золотом окладах — фамильную драгоценность XVII века. Затем подарил и рекомендательное письмо, которым снабдил его Тургенев, когда он отправлялся на гастроли в Россию, предварительно зачитав его ей. «Когда он закончил читать, — вспоминает Алиса, — голос его дрожал от волнения. Он низко наклонил голову, пытаясь скрыть от меня слезы. Взял меня за руку и чуть слышно прошептал: «Боже, как он меня любил!»

Безмятежная старость

В Баден-Бадене жизнь шла своим размеренным чередом. Полина продолжала педагогическо-музыкальную деятельность, много работала как композитор. Ведь ее талант сочинителя

отмечал еще в далекой молодости сам Россини. Большую помощь ей оказывал и Тургенев. Под его наблюдением она перекладывала на музыку стихи Пушкина и Лермонтова, Кольцова, Фета и Тютчева, делала их перевод на немецкий. Тургенев помог издать альбом романсов П. Виардо в Карлсруэ и два альбома в музыкальном издательстве А. Иогансона в Санкт-Петербурге. Но больше всего она увлекалась сочинением веселых оперетт, которые ставились здесь не только для развлечения, но и в педагогических целях. Они служили ее ученицам своего рода «испытательным полигоном», сценической площадкой для «музыкальных упражнений». И в этом слышатся отголоски старой школы «папаши Гарсиа», который написал немало маленьких комических опер для своих учеников.

Либретто для ее оперетт обычно писал Тургенев. Успех первой оперетты «Слишком много жен» быстро преодолел рамки «узкого круга» и даже дошел до ушей королевы Пруссии, которая пожелала немедленно ее увидеть. Второй опереттой «Последний колдун» заинтересовался Лист. Проиграв клавир, он потребовал ее исполнения на сцене Веймарского придворного театра, что и было исполнено профессиональными певцами 8 апреля 1869 года, в день рождения великой герцогини. Третью оперетту «Кашей Бессмертной» разыграли в присутствии прусской королевы в Баден-Бадене, в доме Тургенева, причем великий писатель с блеском сыграл в ней роль «самого людоеда». По сообщению немецких газет, «Последнего колдуна» готовили к постановке в Берлине, но этому, к сожалению, воспрепятствовали серьезные политические события и грянувшая за ними франко-прусская война...

Оглушительные залпы немецких гаубиц в июле 1870 года стали «похоронным звоном» по империи Наполеона III. В Баден-Бадене от канонады дребезжали стекла. Заговорили пушки, значит, музам предстояло замолчать. Верная своим республиканским традициям, семья Виардо отказалась уехать в Париж и отправилась в Лондон. Тургенев вскоре присоединился к ним, жизнь в разлуке с друзьями ему была неприятна и тяжела.

В Англии Полина все так же неутомимо работала, давала уроки музыки, выступала с концертами. После окончания войны Виардо решили больше в Баден-Баден не возвращаться и перенести свою «виллу» в предместье Парижа. В местечке Буживаль Полина приобрела особняк, в котором по привычке оборудовала концертный зал. Вслед за ней здесь же выстроил небольшой дом-павильон Тургенев. Страсти уже давно остыли, и Тургенев, и сама Полина постепенно прищвартовываются «к молу старости». Новая жизнь на закате существования начала свой скоротечный бег.

В новом благоустроенном поместье возобновились знаменитые «музыкальные четверги». На них часто пела сама Полина. Поль, ее сын, играл на скрипке, дочери, Марианна и Клодин, исполняли дуэты. Здесь постоянно бывали Сен-Санс, Массне, Форе, Тургенев со своими русскими друзьями. Париж уже привык видеть статную высокую фигуру седовласого русского писателя в окружении «дам» — так парижане любовно называли Полину

Виардо со своими дочерьми. Казалось, Тургенев и сам становился моложе в окружении этих трех обожаемых им женщин.

Тем временем здоровье Тургенева ухудшается. По его словам, он уже чувствует «холодок могилы». Иногда испытывает «тихий ужас», особенно если рядом нет Полины. Вероятно, приближение конца чувствует и его многолетний друг Луи Виардо, который становится все молчаливее, все замкнутее; в 1882 году сердечный приступ едва не закончился для него фатально. Чуть позже болезнь заставляет слечь в постель и Тургенева. Везде — в Париже, в Буживале — Полина стойчески ухаживала за больным Тургеневым.

Весной 1883 года сильно расхворавшегося писателя привезли в Буживаль, где его препоручили заботам дочерей Полины. В Буживале и произошла знаменитая душераздирающая сцена. Когда Тургенева снесли с лестницы со второго этажа, чтобы повезти на прогулку, с другой стороны к двери дома подкатили на кресле умирающего Луи Виардо. Друзья пожали друг другу руки, печально сказали «Adieux!» и расстались навеки. Их связывала сорокалетняя дружба! Через две недели Виардо умер.

В Буживаль приехала Полина, чтобы ухаживать за больным Тургеневым. Он уже был не в силах терпеть жестокие припадки, постоянно призывал к себе смерть. К навестившему его в Буживале Мопассану он обратился с горячей мольбой вложить ему в руку револьвер, чтобы он мог навсегда расстаться с жизнью.

1 сентября 1883 года, находясь в твердой памяти, Тургенев вдруг очень ясно сказал: «Мне осталось жить два дня». Затем начал бредить. Он еще узнавал Полину и однажды, когда она подошла к кровати, произнес в ее сторону, сделав неловкий жест: «Вот царица цариц, сколько добра она сделала!» Обвел взглядом всех присутствующих, внятно произнес: «Прощайте, мои дорогие!» И впал в забытие. Он умер 3 сентября в окружении членов семьи Виардо...

После этой смерти Полина оказалась не в силах выдержать вид Буживаля, его погребальную атмосферу. Она решила провести несколько месяцев в Швейцарии. В Париже дети, жалея мать и пытаясь уберечь ее от тяжелых воспоминаний, сняли для нее новую квартиру на бульваре Сен-Жермен.

Но, вернувшись в Париж, Полина вовсе не желала предаваться скорби. Она сразу же приступила к своей обычной активной педагогической деятельности. Как прежде, она вела ежедневные музыкальные занятия со своими учениками, сама долгие часы проводила за фортепиано, которое ей досталось в наследство от сестры, знаменитой Малибран. Ее сын Поль уже давно пользовался заслуженной славой отличного скрипача. Кроме того, в тридцать лет он стал дирижером Парижского оперного театра. Ее дочери вышли замуж. Старшая, Луиза, отличается композиторским талантом, и ее сочинения часто фигурируют в концертных программах, главным образом в Германии. Вскоре она станет профессором Франкфуртской и Санкт-Петербургской консерваторий. Семья Гарсиа продолжала служить избранным чуть ли не столетие назад музам.

На Рождество 1909 года у Полины появляются явные призна-

ки переутомления. Вечерами она больше не засиживалась за своим письменным рабочим столом. У нее ухудшилось зрение, ей грозит операция по удалению катаракты. Но и это не сломило ее неумной энергии. Старалась все время находиться в движении, хотя от окружающих ей было трудно скрыть некоторую вялость. Днем она никогда не ложилась в кровать, чтобы немного вздремнуть. Иногда даже проводила часок-другой за фортепиано.

После жестокой зимы 1910 года, когда невиданное наводнение разорило весь Париж, наступили прекрасные, умиротворяющие дни. Окна ее квартиры на Сен-Жермен, выходявшие на усмиренную и теперь тихую, как всегда, Сену, оставались постоянно открытыми. Однажды в мае ее навестили друзья. Несколько неуверенными движениями она поправляла, охорашивала яркие цветы в букетах, которые ей ежедневно доставляли на дом анонимные поклонники. Вдруг она отчетливым голосом произнесла: «Теперь я знаю, что-то мне подсказало — мне остается жить два дня...» Помнила ли она, что именно эти слова произнес ее печальный друг Тургенев? Прикрыв рукой наморщенный лоб, закрыв глаза, она медленно опустилась в кресло.

Два дня она все время обращалась к каким-то невидимым фигурам-призракам и задумчиво качала головой. 14 мая 1910 года, находясь уже на смертном ложе, в присутствии всех родственников она произнесла лишь одно слово, которое вдруг вынырнуло из глубины ее подсознания каким-то неясным обрывком далекого воспоминания: «Норма».

«Норма» была самой трудной из всех ее ролей и самой любимой, как и у ее сестры Малибран. Удивительно, но последнее слово Полины Виардо говорило не о смерти, оно говорило об искусстве, о том самом бессмертном искусстве музыки, которому она, как и вся ее многочисленная музыкальная испанская семья, посвятила свою жизнь без остатка.

ЧИТАТЕЛЬ-«СМЕНА»-ЧИТАТЕЛЬ

┌ Во всем виноват отчим?

┌ «Цените близких, пока они живы!»

┌ Мне 18 лет. В семье все было нормально, пока отец не начал пить. Он приходил домой каждый день пьяный и страшно кричал на маму, два или три раза даже избивал ее. Я очень его боялся. И что я мог сделать, шестилетний карапуз? Как-то раз отец стал ругаться с мамой, а потом схватился за нож. Мать успела выбежать со мной на улицу. Больше мы к нему не вернулись, стали жить в общезитии.

Матери одной было очень трудно. Через год она познакомилась с дядей Сашей. На первый взгляд он показался очень добрым, но через несколько месяцев у меня появился братишка, и его доброта сразу куда-то улетучилась. Он кричал на меня безо всякого повода, а потом стал пускать в ход кулаки. Я убегал из дома. Но любовь к маме все время тянула меня обратно.

Когда мне исполнилось шестнадцать лет, я познакомился с одним парнишкой. У нас с ним было очень много общего, и самое главное то, что он также ненавидел своего отчима. Мы все время проводили вместе, не бывали дома иногда целыми неделями. Как-то раз ночью залезли в столовую, понравилось — не поймали. И с того дня поцелось: то машинку угоним, то

в чью-нибудь квартиру заберемся. Но всему есть конец, и мы в «один прекрасный день» оказались в милиции. До суда я жил дома и все терпел со стороны отчима: и ругань, и унижения. На суде нам дали два года лишения свободы с отсрочкой приговора на год.

Но ничего я не понял и опять пошел воровать. И опять суд и срок. От меня все, кроме матери, сразу отвернулись, у меня не осталось ни друзей, ни подруг. Не понимаю, неужели я такой конченый человек, ведь у всех в жизни бывают ошибки. Конечно, я причинил много зла. Но что я видел в жизни? Зло и насилие...

Евгений К.,

Калуга,

(фамилия и адрес есть в редакции). ┘

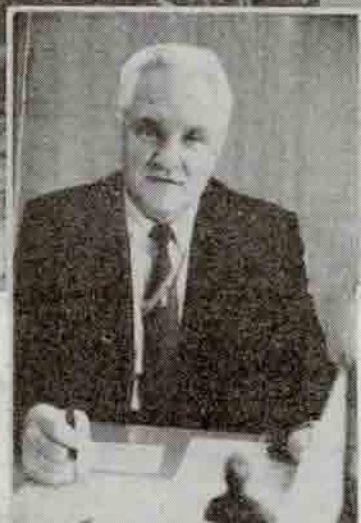
┌ Я выросла, как теперь говорят, в неполной семье. Мама — молодая, красивая, всегда занималась собой. Помимо четырех официальных браков, на моих глазах были бесконечные случайные связи. Поэтому до 17 лет я воспитывалась бабушкой. Уже с 15 лет за мной увивались молодые кавалеры моей мамы. Но, видя бесчисленные знакомства матери, я не могла спокойно относиться к мужчинам. А она все время пыталась меня с кем-то знакомить. И вот

однажды, идя на работу, я взглянула на водителя автобуса и... влюбилась с первого взгляда. В мечтах я рисовала образ любимого: высокий, черноволосый. А милый оказался полной противоположностью: чуть выше меня, полноватый и светло-русый. Но глаза, улыбка! Мы стали встречаться. Через полгода я забеременела. Зная мою семью, его родители, будучи порядочными людьми, посоветовали ему жениться. Тут он попал в аварию, долго лежал в больнице, даже заявление в загс я писала за себя и за него. Потом у меня был выкидыш. И все же мы расписались. Жили с моей мамой, и ее знакомства раздражали мужа. А она не любила его и всеми средствами пыталась нас развести. Через год у нас родился сын. Мы ссорились так, что муж мог меня и стукнуть. Но моя любовь к нему была безграничной. Я понимала, что мы разные люди и с обидой в душе подстраивалась под него, шла на перемирие первой. Из-за наших ссор ребенок рос очень болезненным, не говорил до четырех лет. И вот через пять лет мы разменяли квартиру и переселились в коммуналку. В нашем доме наступил мир. Моя мать вскоре вышла замуж. Мы стали больше общаться с семьей мужа. Сын пошел в первый класс, а вскоре у нас родился второй сынишка. Муж любил детей. Он купал их, гулял, играл с ними. Помогал мне по дому. Я стала самой счастливой женой. Он все время восторгался моей внешностью, ценил меня. Я расцветала, несмотря на хвори, — он не обращал на них внимания. Окружающие завидовали нашей сплоченности и любви, жалели, что живем в тесноте. А у нас еще и дочка родилась! Впятером

в пятнадцатиметровке. Да еще собака и попугай. Физически тяжело. Дети на наших руках, бабушки работают, свекор — инвалид I группы. Мы с мужем всегда вместе — дома, на прогулке. Одни темы для разговора, общие книги. И все же я более контактна, поэтому муж оставался с детьми, отпуская меня на вечера, на экскурсии. Но к детям иногда ревновал, ворчал, что их я люблю больше, и часто говорил мне, как будто зная, что самому не придется воспитывать: «Танюшку люби больше всех. Как девочку в детстве будешь любить, такой она и женщиной вырастет». Получили квартиру. Теперь бы жить да радоваться. Но судьба так несправедлива порой. Через два месяца после новоселья муж погиб. Я осталась вдовой в 31 год. Старшему сыну 10. Среднему — 4. Он чуть с ума не сошел. Все кричал: «Папа, я жить не хочу, возьми меня с собой!» А маленькой полтора года. Она все щебетала: «Не плачь, успокойся». Как он мечтал услышать ее говорок, увидеть ее косички! Я потеряла все: жизнь, любовь, опору. Жизнь невозможна. Но я ее не оборву, ради детей и ради того, чтобы на другом свете с ним не разминуться. Я так долго трудилась над своим счастьем, что оно будет всегда во мне. Ведь сердце-то осталось! И когда пишу: помогите разделить боль, я говорю, что нельзя этого сделать. Так же и счастьем не делится, разве что со смертью.

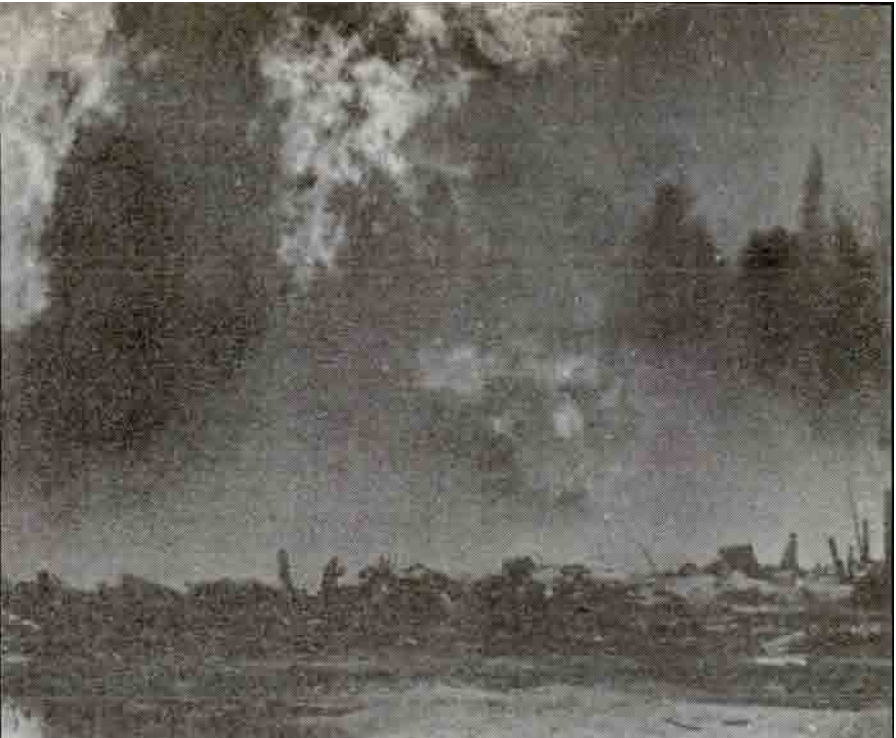
Любовь есть, и ничего не может быть дороже ее. Цените близких, пока они с вами!

**Галина,
Зеленоград
Московской области**

С Главным государственным инспектором Российской Федерации по пожарному надзору, начальником Службы противопожарных и аварийно-спасательных работ МВД России генерал-майором ВЛАДИМИРОМ ДЕДИКОВЫМ беседует обозреватель «Смены» ВЛАДИМИР АНИСИМОВ.

ГОРЯЩАЯ РОССИЯ

— Владимир Евгеньевич, около трех лет назад группой специалистов — и вами в том числе — был подготовлен доклад Президенту России под названием «Горящая Россия». О чем доклад и каковы его последствия?

— Немного истории... Название доклада неоригинально. Мы сознательно использовали аналогичное — «Горящая Америка». Он был опубликован двадцать лет назад в США и принес большую пользу этой стране. А началось все с того, что группа руководителей противопожарной службы, обеспокоенных большим числом пожаров, собралась в 1966 году для обсуждения этой проблемы в штате Висконсин. Они пришли к выводу, что их служба нуждается в серьезной и срочной помощи правительства.

В то время шла война во Вьетнаме. Там ежегодно погибало 3—4

тысячи американцев. А в США живо сгорало 11—12 тысяч! В год случалось примерно 2,4 миллиона пожаров. По этим показателям страна занимала печальное первое место в мире. Одним из дополнительных факторов, всколыхнувших Америку и весь мир, была гибель от мгновенного пожара трех астронавтов.

В результате был принят Закон о пожарных исследованиях и безопасности. На основе этого закона Президент назначил Национальную комиссию по предотвращению и тушению пожаров, была разработана программа исследований, связанных с пожарной безопасностью. После того как 4 мая 1973 года был опубликован обширный отчет «Горящая Америка», создали Пожарную администрацию США, Национальную пожарную академию, Центр пожарных исследований, Закон о предупреждении и тушении пожаров, мно-

гочисленные программы по разным направлениям пожарной безопасности.

— И каковы у них результаты?

— При растущем населении количество пожаров уменьшается. Примерно вдвое сократилось число пожаров в зданиях. Это можно объяснить и тем, что в начале семидесятых дымовые извещатели имелись в тысячах, а теперь в десятках миллионов помещений. Гораздо меньше — более чем вдвое — погибает людей при пожарах.

— Можно ли сравнить наши потери от пожаров с потерями других развитых стран?

— У нас они самые высокие. Есть методика подсчетов в сопоставимых показателях. Так вот, в Японии уровень потерь меньше в 6,3 раза, в Великобритании — в 4,5 раза, в США — в 3 раза, в Венгрии — в 6 раз. Темпы роста числа пожаров и ущерба от них втрое превышают американские. С каждым годом в России все больше пожаров со все более тяжкими последствиями. За прошлый год произошло более 314 тысяч пожаров. Уничтожено огнем свыше 68 тысяч строений, восемь с лишним тысяч автомашин и тракторов, погибло 60 тысяч голов скота. Материальные потери составили около 19 миллиардов рублей — это, заметьте, в ценах 1992 года. А сегодня для восстановления уничтоженного потребуется, конечно, гораздо большая сумма. И еще, учтите, я сказал только об убытках прошлого года. Какой прогноз на год текущий? Плохой. Только на восстановление сгоревшего в апреле завода двигателей на КамАЗе (без учета так называемых не прямых потерь) потребуется 7 миллиардов рублей и 150 миллионов долларов.

— Вы доверяете государственной статистике?

— Нет. В статотчетности не отражаются реальные убытки, а они, полагаю, равняются триллионам. Часть данных закрыта даже для меня. Например, я не знаю, сколько пожаров произошло на предприятиях Минобороны и какой ущерб они принесли. На основании одного этого факта вы можете сделать вывод об отношении в России к пожарной службе.

— И все-таки главные потери от пожаров — люди, гибнущие в огне...

— Количество жертв увеличивается. В прошлом году погибло 10 296 человек. А вообще динамика роста такая. Если брать число погибших на 1 миллион человек, то в 1990 году их было 46,7, в 1992-м — 69,3. В этом, по прогнозам, будет 100! Если не принять срочных мер, к концу века число погибших превысит 14 тысяч, а травмированных — 130 тысяч человек в год. Нынешний же уровень превышает втрое средний уровень развитых стран.

— Самый страшный по своим последствиям пожар нашего века — Чернобыль. Никогда не забудется. Тогда — кажется, впервые — директор понес серьезное наказание: надолго сел в тюрьму. Но были ли сделаны какие-то выводы? Были ли проверены все АЭС на предмет повышения безопасности?

— Я скажу только одно: с того времени на атомных станциях произошло более 120 пожаров, причем 60 процентов из них — в машинных залах и помещениях реакторных отделений. Причины все те же: грубейшие нарушения норм и правил пожарной безопасности, эксплуатационных регламентов, низкая трудовая дисциплина персонала.

— Можно поподробнее о пожаре в Набережных Челнах?

— Завод двигателей начал гореть с крыши. Ее площадь — 45 гектаров, это примерно 60 футбольных полей. Представляете?! Беда в том, что в качестве утеплителя кровли используется пенополистирол. Американцы сравнили его с напалмом и у себя не применяют. Он горит со скоростью 10 метров в минуту, выделяя при этом токсичные газы. Утеплитель и битумная мастика лили с потолка огненным дождем... Огонь распространился по всему цеху, попал в подвалы, где стояли установки с маслом емкостью около 1700 кубометров. Металлоконструкции деформировались и разрушились за 10—15 минут. Тушить пенополистирол — все равно, что тушить порох. Недаром известная американская компания отказалась страховать этот завод. И правильно, а то сейчас она бы вылетела в трубу. А мы еще в 1973 году били тревогу, доказывали в правительстве, что одна искра может принести неисчислимые убытки. Требовали, чтобы заменили пенополистирол на негорючий материал. Но сам Косыгин «попросил» пожарных не вмешиваться. Ну, как же, стройка века... В результате все двенадцать заводов КамАЗа были утеплены вот таким «напалмом».

— Можно ли что-то предпринять? Заменить эти пороховые бочки?

— Можно. Не все сразу, наверное. Такая же кровля на множестве предприятий: Атоммаше, ВАЗе... Все не перечислишь. Мы предлагаем на том же КамАЗе: проложите крыши полосами из негорючей минераловатной плиты. Но они говорят: денег нет...

— Кто-либо был наказан?

— Пока уголовное дело не за-

крыто, но навряд ли посадят кого-то... Косыгин давал распоряжение: принимать завод без всяких госкомиссий. Госстрой согласовал вот эту «напалмовую» крышу из полипенистирола. Наши усилия не привели ни к чему. И сейчас такое же положение...

— Как я понимаю, никаких рычагов воздействия на нарушителей пожарной безопасности вы не имеете.

— Практически нужен Указ Президента об объявлении государственного пожарного надзора надзорным органом.

— А разве вы сейчас не надзорный орган?

— Теоретически да. Но пользуемся еще актами СССР. А они ведь уже недействительны на территории России.

— Владимир Евгеньевич, вы недавно вернулись из города Березники Пермской области. Что там случилось?

— Трагедия на нефтехимкомбинате. Утром произошел пожар в здании приготовления нитробензола. По вызову номер три — а это наивысшая опасность пожара — туда были направлены 20 отделений на автоцистернах, пенный и порошковый автомобили, автолестница. Минут через двадцать после начала тушения взорвались пары бензола. Трехэтажная часть здания, где находилось это производство, разрушилась полностью.

— Жертвы были?

— Четверо пожарных погибли сразу — их завалило обрушившимися конструкциями. Пятеро получили ожоги и травмы, доставлены в больницу. После взрыва обстановка еще более обострилась: из поврежденного оборудования потек горящий продукт, причем в направлении складов с бензолом.

Тем не менее через три часа пожар ликвидировали.

— Скажите, а кто-то из виновников подобных трагедий понес когда-нибудь серьезное наказание?

— По факту пожара всегда возбуждается уголовное дело. Но часто эти дела сложно завершить. Сложно доказать виновность, потому что умысла нет. Есть небрежность, халатность. Жесткой ответственности наше законодательство не предусматривает.

В Березниках ведь тоже «экономили». Посмотрели бы взорвавшийся цех — ужас! Кругом течет бензол из худых труб, никаких регламентных работ, как положено. Как раньше не рвануло?! Сейчас любой производственник не заглядывает в следующий год. Ему важно сегодня выжать из техники, оборудования все, что можно, получить прибыль, а там, мол, видно будет. Экономят в первую очередь на противопожарных мерах. В итоге такая «экономия» бьет по экономике тысячекратно. Сами ж себя обкрадываем...

— Почему свертываются научные работы по пожарному делу?

— Денег нет!

— Может, потому и люди гибнут?

— Да... Была б в этом цехе в Березниках автоматическая система пожаротушения, сигнализация, оповещение о пожаре — все обошлось бы без таких трагических последствий.

— Неужели это так дорого?

— Не дорого, но жалеют, экономят на своей же безопасности. Проектируют, строят, вводят объекты без выполнения противопожарных мероприятий. Только некачественные электропотребляющие изделия являются причиной пятой части пожаров.

В проектных организациях сократили специалистов по вопросам пожарной безопасности. Работы над созданием новых поколений приборов и оборудования средств противопожарной защиты практически не ведутся. Постоянно сокращается выпуск такой продукции. Разработка и производство новых автоматических систем защиты сдерживаются малыми объемами финансирования и отсутствием в России единого заказчика. Много лет не решается вопрос технического обслуживания и ремонта установок пожарной автоматики. При этом мы не имеем никаких действенных рычагов воздействия на изменение сложившегося положения...

И еще о научно-техническом прогрессе в нашем деле. Каждый рубль, вложенный в пожарную науку, дает не менее 4 рублей прямого экономического эффекта. Но относительные затраты на нашу науку сейчас втрое ниже, чем в других отраслях непромышленной сферы, и в 30 раз ниже, чем в развитых зарубежных странах. (А уж капиталисты умеют деньги считать!) Необходимо создать эффективный механизм координации и финансирования научных исследований. Целесообразно сделать это на основе ассоциации, которая объединит нашу службу, добровольные противопожарные формирования, научные, проектные и конструкторские организации и предприятия.

— А оставшиеся цеха в Березниках уцелеют?

— Там сейчас целая пожарная команда охраняет. Ясно, что уже сточен режим. Часть предприятий такого профиля будем закрывать.

— Вы имеете такое право?

— Имеем. Но все равно нам надо начинать с правового положения государственного пожарно-

го надзора. Есть ведь Гостехнадзор, Госстрой, Санэпидемнадзор и так далее. Но Госпожнадзора нигде в документах нет, будто кто-то специально вымарывает. Мы протестуем, заявляем... Мне недавно один товарищ рапорт интересный прислал. Слушатель Академии МВД России подполковник С. Груздь ведет речь о ряде законодательных актов России — «О предприятии и предпринимательской деятельности», «Об образовании», «О градостроительстве» и других. Что их объединяет? Этими актами предусмотрено лицензирование как форма предварительного госконтроля, в том числе и за пожарной безопасностью. Постановлением правительства России утвержден примерный порядок лицензирования отдельных видов деятельности на территориях страны. Что же беспокоит подполковника, да и всех нас? Недоброй традицией, пишет он, стало появление ряда законодательных актов, ухудшающих пожарную безопасность. Так, среди целей лицензирования (защита интересов потребителей, соблюдение градостроительных, экологических и санитарных норм...) противопожарные нормы почему-то отсутствуют. Положение ухудшается местной администрацией на основе примерного порядка, разработанного на федеральном уровне. Проще говоря, все происходит без нашего участия.

— *Еще одна проблема — многоэтажные дома. Как-то мой приятель, живущий на семнадцатом этаже, услышал вопли сверху. Пацаны с крыши спустились на козырек его лоджии, а обратно — никак. Ну, вызвал пожарных — кого ж еще? А у них лестница не достает. Пришлось им лезть на крышу и оттуда доставать «верхолазов».*

— У нас есть только пятидеся-

тидвухметровые лестницы. Разделите на три — вы получите семнадцатый этаж. Но это по прямой. А машина стоит на некотором расстоянии от дома... Больших лестниц нет даже в Нью-Йорке. Но там это компенсируется автоматической. Там стоят извещатели о пожаре, система, подающая воду, там пожарные краны в домах.

— *У нас они тоже вроде есть...*

— Вот именно, вроде. Но давления не хватит на высокие этажи. Посчитайте: на десять метров теряется одна атмосфера. На пятьдесят метров надо в водопроводе держать пять атмосфер — это только на излив. А чтоб струя была — восемь атмосфер. Но такого водопровод не выдержит. «Там» стараются использовать материалы негорючие — у них есть ГОСТ на возгораемость. А у нас... Крыши какие лепят! Сегодня мы не можем гарантировать спасение людей с верхних этажей высотных зданий. В марте в московском 25-этажном здании погибло 5 человек, 11 пожарных получили ожоги и травмы. Жилья горит вообще очень много: ежегодно более миллиона человек — население крупного города — лишается квартир.

— *Горят в основном только в городах?*

— Около тридцати процентов пожаров приходится на сельскую местность. Лишь треть хозяйств России имеют боеспособные добровольные пожарные дружины. Но и они, возможно, прекратят свое существование после ликвидации колхозов и совхозов. А ведь только за пять месяцев этого года в огне погибло более 15 тысяч голов скота. Откуда ж взяться дешевому мясному изобилию?

— *Нельзя не сказать и о лесных пожарах. Каждое лето полыхает вся Россия...*

— В засушливые годы ущерб от

лесных пожаров исчисляется многими миллиардами рублей — это еще в «старых» ценах. Гибнут флора и фауна, невосполним экологический ущерб. Несколько лет назад заместитель председателя Госкомлеса признал: если будет принята кадастровая оценка лесов и подсчитан ущерб от пожаров по настоящему, то сумма окажется больше национального дохода страны. Еще бы, если выгорает более пятой части промышленного объема вырубки. Затраты на все виды лесоохраны в конце восьмидесятых годов составляли 13 копеек на гектар в год. В том числе на охрану от пожаров — 2 копейки! Для сравнения: аналогичные расходы в Канаде и Австралии составляли 4 доллара. Мы пришли к выводу, что, учитывая масштабы страны, системы лесопользования и лесовладения, профилактика лесных пожаров в России нереальна. Значит, надо сосредоточить усилия на своевременном обнаружении и тушении пожаров. Это невозможно без авиации — надо ежегодно строить 250—300 пожарных вертолетов.

Но, где бы ни горело — в лесу или городе, — есть общие объяснения низкой результативности борьбы с пожарами. Это — отсутствие единой продуманной стратегии в этой борьбе; нехватка современной техники и оборудования; сокращение финансирования охраны; нестабильность нашего кадрового корпуса — люди уходят по причине относительно низкой зарплаты, предусмотренной без учета риска, вредности и режима. Пожарный, постоянно рискуя жизнью, плохо защищен от огня, агрессивных сред и излучений. Производство современной боевой одежды также под угрозой срыва из-за отсутствия ассигнований.

— *Наверное, самые большие*

неприятности доставляет вам «большая химия»?

— Очень напряженная обстановка с авариями на нефтеперерабатывающих предприятиях. Взрывы и пожары, гибель людей происходят в Нижнем Новгороде, Орске, Киришах, Ярославле... В результате роста городов около 500 нефтебаз оказались в черте жилых массивов. Половина нефтебаз расположена на возвышенных площадках по отношению к рекам, портам, причалам. Все это реальные предпосылки для крупных катастроф. А нефте- и газопроводы?

— *Да, взрываются и горят они страшно...*

— Еще бы. Параллельно прокладывалось несколько «ниток» большого диаметра вблизи линий электропередач высокого напряжения. Во многих случаях без необходимых противопожарных разрывов до населенных пунктов. Аварийность растет из-за старения труб, приборов и оборудования по контролю за состоянием нефти и газа.

— *Что же делать?*

— Менять трубы — иного выхода нет.

— *Каковы перспективы на будущее — не сгорим ли дотла?*

— Ну, тогда нас всех выгонять надо... Со становлением российской государственности наши функции несколько изменились; усложнились связи с бывшими республиками: одни предприятия поставляли нам порошок, другие — веревки; у нас несколько тысяч наименований. Как ни странно, в самой России ничего не производилось. Но последние два года много дали. Сейчас появляется некоторый оптимизм. Неплохо нас снабжают техникой, даже лучше, чем раньше. Единственное, что у нас в загоне, — это правовая

база. Ходим в правительство, Верховный Совет, но там, в Совете, пока не до нас...

— *Какова же судьба вашего доклада «Горящая Россия»?*

— Сейчас закончили согласования во всех инстанциях. Подготовили постановление, которое утверждает Положение о пожарной охране, готовится Указ Президента. А два закона — о государственной пожарной службе и некоторых вопросах противопожарной безопасности — лежат без движения в Верховном Совете.

— *Допустим, будет принят Указ Президента. Но во всех документах, направленных ему, есть одна просьба — дополнительное финансирование. Однако деньги теперь просят все отрасли нашего бывшего народного хозяйства...*

— Мы выход находим. Он называется «дифференцированная оплата на содержание пожарной охраны». Что это такое? Есть ЗИЛ, например. Он содержит пожарную охрану. У соседнего завода такой охраны нет. Но случись пожар, туда и заводская, и городская техника поедет. Предприятие скажет «спасибо», и все? А в Америке, в других странах предприятие платит определенную сумму на противопожарные меры. Но ЗИЛ не будет платить ни копейки, потому что он сам содержит пожарную охрану. А вот соседнее предприятие будет, поскольку у него нет охраны. Такое практикуется уже в некоторых республиках. Возьмите частные предприятия. Почему государство должно бесплатно защищать частника? Пусть платит на содержание пожарной охраны. А мы будем его обслуживать, тушить, если надо.

В докладе «Горящая Россия» мы предлагали разработать государственную программу исследования и сертификации веществ по

пожарной и токсической опасности, обязать законодательно производителей осуществлять такую сертификацию по всем новым веществам и материалам. Назрела необходимость пересмотра нормативных актов по пожарной безопасности — их около 1500! — сокращению их объема, унификации. Так как в России не налажена эффективная эксплуатация технических систем противопожарной защиты, то ежегодно бессмысленно тратятся миллиарды рублей на их содержание. В связи с этим надо перейти от административных мер по внедрению к экономическому поощрению, то есть льготам при страховании от пожаров, взиманию налогов с прибыли.

Прошло уже больше двух лет после того, как с докладом «Горящая Россия» ознакомился Президент. Подготовлены проекты законов о пожарной безопасности, ряд других актов. Однако они третий год «бродят» по различным структурам власти и управления. А Россия тем временем горит...

ТРЕТИЙ

На Рёлке она появилась в начале июня — тоненькая, в легком синем сарафанчике и сандалиях на босу ногу. Ничего особенного, как и все остальные наши девчонки. Но с ее появлением произошло неслыханное: центр улицы, вокруг которого из года в год мы вращались, как мураши, переместился к дому Речкиных, где гостила новенькая.

Первым за ней стал бегать Вадик Иванов, следом — Олег Оводнев. Повторилась та же история, что и год назад, когда к Чекутовым приехала из Ангарска Юлька. Она потрясла нас огромным, похожим на запрещающий знак светофора красным бантом. Мы, чуть-чуть знакомые с правилами дорожного движения, на целый месяц затормозили около дома Чекутовых.

Хитрый Вадик понял: не подмажешь — не поедешь и стал таскать для нее конфеты из дома. Мы попробовали составить ему конкуренцию. Олег напластал для Юльки морковки у своей бабушки. Но она, сморщившись, сказала, что этого добра у них на огороде полно. Я принес из дома кедровых орехов. Юлька великодушно позволила ссыпать их в карман своей курточки и, поболтав немного, ушла к Ивановым кататься на качелях. Реакция наша была глупой, но скорой. Мы срубили за огородами деревья и на пеньках рядом с Юлькиной фамилией нацарапали Вадикину, увековечив их рядом. Юльке с Вадиком это не понравилось: целый вечер они корчевали собственные памятники. Вскоре Юлька уехала домой, и наша жизнь потекла прежним порядком, пока на Рёлке не появилась новенькая. Я опоздал и на этот раз. А потом и вовсе держался в стороне. Причиной тому стал один случай.

Возвращаясь с рыбалки, мы решили искупаться на Большанке. Поскольку время было раннее и девчонок поблизости не ожидалось, сбросили одежку и попрыгали в воду нагишом, чтобы потом не тащиться домой в мокрых трусах. Я переплыл на противоположный берег, оглянулся и обомлел: к речке спускались девчонки. Большой беды в том не было — подумаешь, прихватили голым, но среди них оказалась новенькая. Те, кто был поближе к берегу, успели выскочить и одеться, мне же времени не осталось. Я махнул рукой брату, показав ему на лежащую одежду. Тот, вытаращив глазенки, понятливо махнул головой, сунул трусы под майку и сдуру бросился вверх по реке.

ЛИШНИЙ

РИСУНОК АЛЕКСАНДРА ГРИНА

— Стой! Куда ты? — задыхаясь, крикнул я. — Кинь, я поймаю!

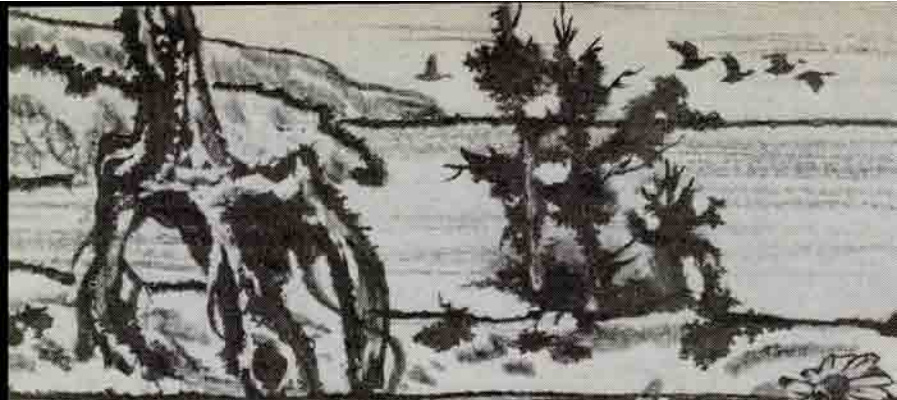
Брат, вздрогнув, остановился и бросил трусы в реку. Описав плавную дугу, серый комочек, как парашют, опустился на воду в стороне от меня. Я бросился наперерез. Когда усталый и расстроенный выполз на берег, девчонки встретили меня смехом. Громче всех хохотал Вадик, но, натолкнувшись на мой взгляд, замолчал. Он подошел к новенькой и начал показывать улов — с десятков нанизанных на кулан тощих хариусков.

Покусывая травинку, новенькая с улыбкой поглядывала то на меня, то на Вадика. Я молча собрал свои вещички и отошел от веселой компании. Минуту спустя ко мне присоединился Олег. Вадик, поколебавшись немного, остался с девчонками. Я понял: для него настоящая рыбалка только началась.

Между тем солнце забралось на самую середину неба и зависло прямо над Большанкой. Вода стала почти парной. Накупавшись, мы вылезали на берег и зарывались в горячий песок. Хотелось есть, мы знали, у Иванова остался хлеб, но терпели. И тут Вадик, словно прочитав наши мысли, раскрыл сумку, достал из нее бутерброды и начал угощать девчонок. Потом вспомнил и про нас, но мы, переглянувшись, послали его подальше. Вадик психанул и обозвал нас дураками.

Вечером мы увидели его около дома Речкиных. На Вадике была белая рубашка, через плечо на ремешке болтался фотоаппарат. Он усадил девчонок на лавочку и стал щелкать затвором. К ним на разведку подъехал на велосипеде Олег, начал строить рожицы, но его быстро прогнали.

То, что Вадик имеет фотоаппарат, не вызывало у меня зависти. Ивановы — люди хозяйственные, обстоятельные. Нам казалось, что у них есть все: патефон, радиола «Балтика», телевизор. Мы частенько собирались посмотреть телевизор или послушать пластинки. Фотоаппарат — мелочь, но я разозлился на него, посчитав, что он действует запрещенным приемом. Если говорить честно, меня всегда раздражала его предусмотрительность. Например: собираемся на рыбалку, Вадик обязательно возьмет с собой запасную леску, крючки, бутерброд с маслом. Сознывая Вадикино преимущество, мы целиком полагались на него. Отец держал Вадика в ежовых рукавицах, если и отпускал на улицу,

то всего на полчаса. Чуть заиграется, тут же следовал грозный окрик — «Домой!». У Ивановых все было разложено по полочкам, каждый знал свое место, и даже собака Шарик строго выполняла свои сторожевые обязанности.

Мне тоже хотелось к Речкиным. У Вадика фотоаппарат, у Олега велосипед, а тут — ни того, ни другого. И тогда я применил тактический ход — собрал вокруг себя вооруженную деревянными саблями и мечами шпану. Натянув на глаза поношенные солдатские пилютки, выставив вперед гнутые из разобранных фанерных бочек щиты и распугивая кур, двинулись по улице. Не доходя до Речкиных, разделились на две половины. Сражение началось.

Был теплый вечер, под окнами цвела черемуха, на проводах, прижавшись, о чем-то щебетали стрижи, весь июньский воздух пропитался тишиной и покоем.

Но затея наша провалилась. Вскоре почти все войско сбежало к девчонкам. Ушел и Олег. У моего правого ботинка оторвалась подошва, он распахнул пасть во всю ширь и, как говорили на Рёлке, запросил есть. Спрятав ногу за бревно, я с тоской смотрел на друзей и размышлял, что делать дальше: идти домой или сыять ботинки и присоединиться к остальным.

Кто-то предложил игру в «третьего лишнего». Стали искать ремень. И тут Люська Лысова, зыркнув по сторонам, остановила взгляд на моем широком ремне с офицерской пряжкой.

Люська была моим злейшим врагом. Прошлым августом я залез к Лысовым в огород. Она засекала и настучала моей матери. Суд был скорым. Этим же ремнем мать отделала меня так, что я долго примерялся к стулу, прежде чем сесть.

Но Люська — хитрющая. Просить сама не стала, шепнула новенькой. Та, стрелнув в мою сторону темными глазами, согласно кивнула головой и, прыгая то на одной, то на другой ноге, подскочила ко мне.

— А почему ты не идешь играть? — спросила она. — На Вадика обиделся, да?

— Еще чего, — шмыгнув носом, буркнул я. — Хочу и стою.

— А ты их снимй, земля теплая. Можно и босиком, — указав глазами на ботинки, быстро проговорила она.

Меня обдало жаром: надо же, заметила, глазастая. Но я долго не упряился. Поломавшись для приличия секунду-другую, развязал шнурки, засунул ботинки за бревно и понесся со всеми по кругу. Поочередно Олег, Вадик и я старались встать в пару с новенькой. Но кто-то из нас обязательно становился лишним и тут же получал ремнем от ведущего.

Когда стемнело, стали играть в прятки. Новенькая плохо знала Рёлку, и ее обычно находили первой. Тогда я пошел на хитрость, нарочно поддался и, застучав Вадика, заставил его голить. Когда разбегались прятаться, я шепнул новенькой, чтобы она следовала за мной, и дунул к Мутиным за бревна. Чтобы попасть туда, надо пролезть сквозь узкую щель между заросшим черемухой палисадником, где у самого забора был крохотный закуток. Уняв дыхание, мы, прижавшись друг к другу, затаи-

лись. Время от времени новенькая поглядывала на меня своими глубокими, как омут, глазами. И меня охватывало неведомое доселе обморочное чувство, будто я заглядывал в колодец. Пахло свежей корой, смолой, ночным небом — впервые в жизни мне было хорошо с девчонкой.

— Завтра мы собираемся в кино, — неожиданно шепнула она. — Пойдешь с нами?

— Ладно, — быстро согласился я. — На пять часов.

Вроде бы ничего особенного, сказали друг другу несколько слов. Я бы и так пошел в кино — речка да клуб, больше идти некуда. Важно другое — она хотела пойти со мной. Мы чутко ловили долетающие из-за бревен звуки: нас уже искала вся ребятня. Я с каким-то восторгом думал: они и не догадываются, что происходит в этом закоулке.

Вадик нас все же разыскал. Просунув голову между бревен, он не стал кричать, а просто смотрел, шмыгая носом.

— Ты бы еще на чердак забрался, — язвительно произнес он. — Я уже не хотел искать, отец домой гонит.

Заигравшись, мы не заметили, что Вадик перебрал отпущенное ему время. Мы проводили девчонок и разошлись по домам. В ту ночь я долго не мог уснуть, вспоминая весь вечер по минутам. Казалось, так будет всегда.

Проснувшись я с ощущением счастья, вот сейчас выйду за ворота и вновь начнется то, что с такой неохотой я оставил вчера. Вначале мы ходим на речку, потом в кино. И так будет завтра, послезавтра, впереди еще много летних дней...

Но, к моему огорчению, на улице шел дождь. Я подошел к зеркалу и начал изучать свое лицо, прическу. Затем завел радиолу и поставил песню, которая очень нравилась моей старшей сестре, — про любовь.

«Воды арыка я вспомнил впервые. Глянули эти глаза на меня. Только у любимой могут быть такие необыкновенные глаза».

Арык, — я не знал, что это такое. Мне казалось, это речка вроде нашей Большанки, но все остальное — точно про Рёлку и про меня.

Звали новенькую кошачьим именем — Муська. И от этого она тихо и безнадежно страдала.

На другой день, когда мы всей рёлской компанией сидели в клубе мелькомбината и смотрели фильм «Без вести пропавший», она в полутьме вдруг наклонилась ко мне и быстро прошептала, что вообще-то ее зовут Марусей, а в метрике записано Мария.

Мне она нравилась с любым именем, но я, повинаясь уличным законам, называл ее как все — Муськой. Она взяла за правило давать мне разные медицинские, как она говорила, советы. Вылазим из воды — Муська подает полотенце, чтоб я вытер лицо, не то пойдут прыщи. Скажи это сестра, я бы отмахнулся от нее, как от мухи. Но Муську послушался. Дальше — больше. Лежим на песке, Муська наберет из речки воды и обрызгает — для закалки нервов. Я лежу, и блаженная улыбка во все лицо. Однажды она похвалила мой загар, и я целый день провалялся

под солнцем. К вечеру запылал, как сухая головешка. Верно говорят — похвали дурака, он и лоб расшибет. Муська осмотрела меня, покачала головой, затем принесла от тетки банку со сметаной...

Все было бы прекрасно, если бы между мною и Муськой не клинился Вадик!

Между тем лето отмеряло свои дни. В солнечную погоду после обеда мы ходили на Большанку, а на обратном пути собирали на поле жарки. Я старался нарвать самых красивых и крупных, потом отдавал их Муське. По вечерам гурьбой направлялись в кино, а после опять играли в прятки или испорченный телефон.

Однажды Муська вместе с другими девчонками зашла к нам домой. Я поставил пластинку и вместе с Рашидом Бейбутовым спел для гостей «Зулейку-ханум». Но этого мне показалось мало, я усадил Муську на диван, достал из шкафа затрепанную книгу без обложки с чертежами самолетов. Я тогда бредил авиацией, и мне хотелось, чтобы она знала о моей мечте стать летчиком.

Муська рассеянно поглядывала на мою старшую сестру Аллу. Та кружилась перед зеркалом, собираясь на танцы. В легком крепдешинном платье, обдав нас духами, она порхнула мимо.

— У тебя красивая сестра, — сказала вдруг Муська.

От неожиданности я захлопнул книгу. Никогда не всматривался в сестру, для меня она была вроде шкафа, на который натыкаешься каждый день. Откуда мне знать, красивая она или нет. За ней одно время бегал с Новостройки Толька Рубцов, потом его отшил плясун и гармонист Ленька Фонарев. Ленька мне нравился. У него можно было выпросить рубль на кино. Он хоть и сердился, но давал. Попробовал бы не дать, тогда не видать ему моей сестры как своих ушей.

С появлением Муськи мне открылось многое, я по-другому взглянул на свою улицу, на эти два десятка задвинутых в болото домов, окружающий мир наполнился звуками и запахами, которых я не замечал и не слышал ранее. Муська время от времени уходила к себе в поселок, тогда я страдал, вся рёльская жизнь казалась пустой и ненужной. Впрочем, вскоре я понял — страдания те и были ожиданием счастья.

О том, что я бегаю за Муськой, узнали все. Как-то, возвращаясь с вечеринки, подвыпивший отец, увидев нас в огороде, растопырил руки и пошел на нее.

— Давай-ка обниму тебя, невестушка!

Муська, смеясь, убежала к нашим соседям Сутыриным.

— Мать, а мать, ты слышишь! — громко говорил дома отец. — Наш-то уже всюю за девчонками ухлестывает. Жених! А ты все его маленьким считаешь.

Поскольку я признавался женихом, то уговорить родителей взять меня с собой по ягоды уже не составляло особого труда. Впервые я увидел Байкал и тайгу. Я собрал целых одиннадцать поллитровых банок черники и впервые почувствовал себя полноправным членом семьи. Когда вернулись домой, я насыпал в кулек ягод и, удучив момент, сунул его Муське. Она покрасне-

ла, начала отказываться, спрятала руки за спину. Но я сказал, что если она не возьмет, то я выброшу ягоды на дорогу. Муська бросила взгляд на сидевших девчонок и взяла кулек.

— Можно, я угощу их?

— Конечно, — облегченно ответил я. — Ешьте на здоровье.

Вечером мы сидели с девчонками на завалинке и болтали обо всем на свете. Муська рассказывала о себе, о своих братьях. А затем вновь играли в «третьего лишнего». А когда Рёлку поглотила темень и мы, набегавшись, стояли около Мутных, ко мне вдруг подошла Лысова.

— Муська хочет тебе что-то сказать, — зашептала она.

— А чё она сама не подойдет? — недоуменно спросил я.

— Она стесняется, — быстро проговорила Лысова. — Ты ей нравишься. Она хотела бы с тобой дружить.

— Пусть она сама скажет, — выдохнул я. Мое сердце вдруг отчетливо напомнило о себе, забухало, застучало, готовое выпряться наружу и улететь куда-то вверх.

— Ты там подожди. — Лысова кивнула на те самые бревна, за которыми мы уже однажды прятались, и торопливо пошла к стоявшим у столба девчонкам. Я ушел за палисадник, сел на бревно и стал ждать. Сейчас должно произойти самое-самое важное в моей жизни. Неужели это не сон?

Муська неслышно подошла ко мне и остановилась.

— Это правда? — сломал я тишину.

— Да, — тихо проговорила она. — Правда.

Что-то огромное, горячее и легкое качнулось во мне, и я вместе с палисадником и бревнами поплыл в темноте.

Она постояла секунду-другую, потом быстро повернулась и ушла. Мне бы догнать ее, посадить рядом, но я не остановил...

На другой день Муська ушла к себе в поселок. Я расстроился, но Люська успокоила, сказала, что она просила написать ей. Но я так и не написал. Побоялся наделать ошибок? Или еще не умел? Трудно сказать. Ну что можно передать на бумаге? Да и можно ли вообще доверяться ей?

Вначале я хотел подарить ей открытку, которую нашел среди бумаг у себя в комодке. «Давай пожмем друг другу руки, и в дальний путь на долгие года», — было написано внизу. Я повертел открытку, а потом передумал и решил подарить ей свою фотографию. Попросил Вадика сфотографировать меня на поле. Когда пришел за карточками, то на этажерке увидел фотографию Муськи, а рядом с ней открытку с актрисой Изольдой Извицкой.

Вадик, поймав мой взгляд, сунул фотографию за книгу. И я вдруг догадался, почему он так смутился: Муська очень походила на эту актрису. Я решил выпросить Муськину фотографию, предложил Вадика за нее перочинный нож, затем книгу с самолетами. Вадик молчал. И тогда, отчаявшись, я снял свой ремень. Он как-то странно улыбнулся, исподлобья поглядел на меня, достал фотографию и протянул мне. Я не мог поверить, что вот так, за просто так, Вадик отдает мне Муську.

— Бери, бери, — грубовато сказал он. — Я себе еще напечатаю.

На другой день Вадик уехал к родне в Балаганск. Перед тем как расстаться, он принес трех играющих на балалайке фарфоровых зайчиков, поставил их на скамейку, грустно улыбнулся, затем сгреб в кучу, сунул одного мне, второго Олегу и, повертев оставшуюся в руке фигурку, спрятал в карман куртки. Своим подарком он первый как бы попрощался с нашим детством и с этим летом. Муська стала для нас самым серьезным испытанием, и он выдержал его. Не знаю, смог бы я ответить тем же?

Сунув фотографию под рубашку, я пошел к себе. Но заносить домой побоялся, догадаются. Спрятал ее под сени, а через некоторое время выудил оттуда и чуть не заплакал от досады — фотография была в кирином помете. Когда я попробовал отмыть ее в бочке, она съезжилась и пожелтела.

«Здесь, на далекой Рёлке голос мне слышится твой. Верю, моя дорогая, в скорую встречу с тобой», — усыпляя свою младшую сестренку Лариску, тихо напевал я.

Хлюпая носом, сестра смотрела куда-то в потолок, в глазах у нее стояли слезы. Наверное, меня было жалко. Раньше я пел бодрые военные песни и марши про красных кавалеристов или тачанку.

Муська так и не пришла...

Лето кончилось, начались занятия в школе.

Мне оставалось одно — ждать, когда Муська вновь сама придет на Рёлку. Никогда не думал, что это такое тяжелое и мучительное занятие.

Я сделал несколько попыток отыскать ее. Возвращаясь из города, доезжал до «военного городка» и, делая крюк, шел через поселок мимо Муськиного дома. Но почему-то так и не встретил...

На седьмое ноября, когда уже вовсю лежал снег, мы с Олегом поперлись в поселок на Муськину улицу в одних вельветках. Нам только что купили их, и мы решили похвастать.

Муська с девчонками сидела на лавочке, тут же неподалеку гоняли по снегу мяч ее братья. Пока мы прохаживались перед ними, продрогли до костей. Гулянье не прошло даром, я заболел воспалением легких и месяц пролежал в постели. Мать сажала меня над горшком с картошкой, несколько раз вызывала врача, мне ставили банки, мучили уколами. И все же где-то в глубине души я был доволен: пострадал из-за Муськи. Мне говорили, что она приходила к Речкиным. Но, увы, после того признания точно кто-то невидимый делал все, чтобы мы разошлись в разные стороны. Правда, здесь могла пригодиться Люська Лысова, но у нее в то время появился свой интерес — Шурка Мутин, и ей стало не до моих переживаний.

Во время зимних каникул несколько раз я встречал Муську на стадионе «Локомотив», где по вечерам проводились массовые катания на коньках. Она была со своей компанией, и со своей. Мы переглядывались, но не подходили друг к другу. Сделай она шаг навстречу, оставшуюся часть я пробежал бы сам. Но она не сделала, а я не мог преодолеть в себе робость, просто смотрел и молчал.

На другое лето она однажды появилась на Рёлке. Мы играли в футбол, и, когда стемнело, на поле прибежал Олег и позвал меня.

Было темно, я пошел к Речкиным. Муська сидела на лавочке, ждала. Я поздоровался и, чувствуя за собой вину, замолчал, не зная, что говорить и как себя вести дальше. Но, слово за слово, разговорились. Она после восьмого класса собиралась поступать в медицинское училище. Говорили тихо, односложно, словно не доверяя друг другу. Казалось, между нами сидит кто-то третий. Потом вдруг разом замолчали. Из громкоговорителя, что висел на заводском клубе, доносилась песня:

*Вдали погас последний луч заката,
И сразу тишина на землю пала.
Прости меня, но я не виновата,
Что я любить и ждать тебя устала.*

Года через два я встретил ее на автобусной остановке. Муська вошла в автобус вслед за поселковыми девчонками. Напудренные щеки, подведенные ресницы, узкая черная юбка, белая кофта, темный пиджак — она собралась на танцы.

Увидев меня, Муська вдруг сделала шаг назад и выскочила из автобуса. Автобус тронулся, а она осталась на остановке, растерянная и смущенная.

Жарким летом я увижу ее еще раз, но это будет позже. Поговорив немного, мы без грусти разойдемся, и я догадаюсь, что сам теперь третий лишний...

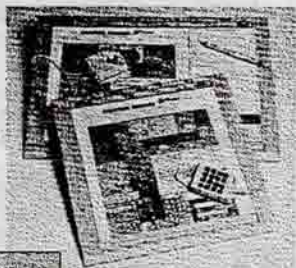
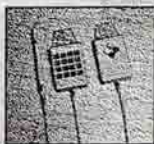

EcoSoft GTCO Co.
ЭкоСофт ДжиТиКо

Дигитайзер
производства США

- не только заменит Вам устройство "мышь", но и откроет **новые возможности в компьютерной графике** и автоматизированном проектировании -
- качество и производительность.

Вы рисуете на планшете
- вы рисуете на экране!

✉ 125047, Москва,
3-я Тверская-
Ямская ул., д. 46,
☎ 972-63-69

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО

Город

по

статусу

Визитная карточка

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Адрес: Московская область, Ногинский район. Расположен в 36 километрах от Москвы по Горьковскому направлению железной дороги.

Население: 20 тысяч человек. 5,5 тысяч — пенсионеры. Из десяти жителей города 6 работают в промышленности, 1 — в бытовом обслуживании, а еще трое непонятно где и что делают. Средняя обеспеченность жильем — 8 кв. м, земель — по три сотки.

Экономика: Заводы «Электроугли» и технического углерода, Кудиновский комбинат керамических изделий (теперь акционерное общество «Керамик»), Научно-исследовательский и проектно-технологический институт электроугольных изделий (НИИЭИ), автотранспортное предприятие и колонна грузовиков, четыре котельные. Кудиновский машиностроительный техникум.

Экология: За год жители города вдыхают примерно 5420 тонн вредных выбросов, включая графит, угольную пыль, медь, окислы азота, свинец, сероводород и двуокись серы. По отдельным водозаборам зафиксировано несоответствие требованиям ГОСТа на питьевую воду.

Культура и быт: ДК, кинотеатр, спортзал, два стадиона, поликлиника, больница, пять продовольственных и три промтоварных магазина.

Происхождение

В 1956 году, когда восстала Венгрия, а Египет прибрал к рукам Суэцкий канал, в мире произошло еще одно событие, глубоко взволновавшее жителей поселка Кудиново. Он получил статус города под дивным именем «Электроугли». Для бывших кудиновцев этот

факт был в высшей степени знаменательным — он явился бесконечным источником тревог и надежд. С одной стороны, стали строить городские пятиэтажки и даже пообещали скорый коммунизм. Но с другой — когда были поселком, то имели свой суд, свой торг и даже пекарню. А теперь, что ни понадобится, пожалуйста на электричку — и в Ногинск. А там — перерыв, санитарный или неприемный день и прочие «технические причины».

Милиции хлопот прибавилось — она теперь обязана охранять общественный порядок в пяти окрестных сельсоветах. Сточные воды тоже со всей округи собирают на очистку «Угольцы» (они-то и со своими еле справлялись...). Поэтому городская СЭС приостановила строительство по всему городу.

С экологией до «гайдаровских реформ» здесь вообще была беда. Говорили, что летчики из Быковского авиаотряда ориентировались на посадку так: что там внизу за черное пятно? А, значит, Электроугли... Еще бы, один бывший кудиновский сажевый, а ныне «Электроуглинский завод технического углерода» чего стоит! Кудиновский керамический и производство НИИЭИ воздух тоже не озонируют. Зато нынче полная экологическая благодать — заводы еле живы, еле курятя. Люди впервые увидели на улицах белый снег, но... остались без зарплаты. А городской бюджет — чуть ли не без рубля...

В Электроуглях недавно умер замечательный краевед Иван Иванович Семенов. Он любил говорить, что на Руси всегда так было с властями: одной рукой дадут, другой вдвое из того отнимут. И приводил пример: еще в 1616 году хозяин здешних земель князь Волконский, человек по тогдаш-

ним понятиям не родовитый, но много служивший, бил челом государю, что ему по своей службе меньше боярина Головина быть невместно. Головин ответил челобитчику встречной жалобой — дескать, князь Волконский его и родичей его обещестил и опозорил, и просил государя «дать ему оборонь». По указу государя бояре в думе разобрали дело и приговорили послать князя в тюрьму, сказав ему, что он человек неродословный, а по государеву указу неродословным людям с родословными суда и счета в отечестве не бывает; что же касается до службы Волконского, то «за службу государь жалует поместьем и деньгами, а не отечеством». Вот так: либо деньги, либо знатность. В приложении к нашему случаю — либо деньги, либо экология.

Кстати, в имении Волконских — усадьба и господский дом с флигелем сохранились, хоть и сильно пострадали. — сегодня создается «Экоцентр». На коммерческой основе. Директор керамического комбината ведет переговоры об открытии банка.

В городе зарегистрировано 54 коммерческие структуры, хотя какую-то реальную продукцию выдают немногие. Такие, как кооператив «Контакт». Он поставил на поток производство стеноблоков и облицовочной плитки из мраморной крошки. «Фрагмент» делает мебель (не хуже шатурской!) и полиэтиленовые пакеты. Есть швейники, ремонтники: керамику выпускают частным порядком. Производственники НИИЗИ заняты ширпотребом — пледы, одеяла, коврики с электроподогревом; великое множество самых разных батареек для микроэлектронной и бытовой техники, часов, фотоаппаратуры и охранной сигнализации...

Чтобы не оставаться один на один со своими бедами, Электро-

угли вступили в Союз малых городов. Реальной пользы от этого пока не ощутили, но создаются «политические предпосылки». Уже на первом своем учредительном съезде обратились к президенту и парламенту с просьбой убрать из всех административных актов эту нелепую приставку «города районного подчинения». И в общем-то их услышали. Теперь это просто «города», без всяких унижительных приставок.

Несмотря на все трудности, продолжается строительство жилья. Нашли хорошего спонсора — концерн «Газпром». Он дал 70 миллионов на 12-этажный дом, а комбинат керамики добавил три, взяв на себя функции заказчика и подрядчика. Из 136 квартир 44 получили газовики, остальные — комбинату и администрации города. Сейчас заложили второй такой же дом.

Положа руку на сердце, сегодня в Электроуглях всем пришлось бы туго. И в первую очередь мэру, когда бы у него не было такого взаимопонимания с советом директоров. Ведь от каждого предприятия напрямую зависит жизнеобеспечение города. На заводе «Электроугли» — вся канализация и очистные сооружения. НИИЗИ — это 24 километра водопровода, комбинат керамики — практически вся теплотрасса. Куда от этого денешься?! Поэтому, когда возникают проблемы, администрации, совету директоров, горожанам гораздо легче договориться о совместных действиях, чем кому-либо другому. По духу они все тот же рабочий поселок.

«...Проходит как хозяин»

Вот это по-нашему: когда местные запасы ценных гжельских глин истощились и на Кудинов-

ский комбинат пришлось завозить их издалека, у самого забора завода «Электроугли» обнаружили огромную линзу ценнейшей голубой глины. Но директор завода велел немедленно ее закопать, а место разровнять. Испугался, что придется переносить забор.

Улицу Пионерскую спланировали на торфяном болоте. Пришлось возить горы земли, чтобы его засыпать и начать строительство. Угрохали кучу денег, а могли бы в сотни раз больше заработать, выбрав торф и продав его Арабским Эмиратам. Они платят долларами, чтобы засыпать торфом пески и превращать их в райские кущи.

На лесосеках окрестных Мещерских лесов полно метровых пней, оставленных лесорубами. Продайте их бельгийцам — топить каминь, или австрийцам — гнать деготь и делать полуфабрикат под красное дерево. Это же валюта!

Отнюдь. У нас свой менталитет — пни сгноим, торф засыплем, глину закопаем и будем стенать: «Инфляция! Рост цен! Безработица!»

...А вообще-то, сойдя с московской электрички на станции Электроугли ранним утром, вы ни за что не подумаете, что страну потрясают перемены и она сползает в пучину кризиса. Все, как прежде: красненький автобус подвозит спешащих в столицу молодых «электроугольщикова» и, приняв выгрузившихся из электрички, везет их мимо типичных подмосковных домиков с палисадниками и дымком над трубой, мимо «хрущобных» пятиэтажек, мимо разоренного храма (церковь Живоначальной Троицы, построенная в память «священного коронования императора Николая Александровича и императрицы Александры Федоровны») и магазина — к нему впритык.

Вот и бывший «Московского товарищества производства электрических углей», а позднее акционерного общества «Электроугли-Кудиново» завод, давший жителям сел и деревень Кудиново, Васильево, Горки, Сафоново столь неудобоваримое прозвание «электроугольщики». Начинали с киноуглей, прожекторных, элементных, спектральных и сварочных. Продолжают выпускать и по сей день, прибавив к ним большое производство для всех стран СНГ так называемых щеточных углей. Сфера их применения — тепловозы, электровозы, прокатные станы, башенные краны, троллейбусы, метро, шахтное и карьерное оборудование... Проще сказать, где их нет. Словом, монополист, без которого перестанут крутиться колеса на одной шестой планеты. Да плюс еще авиационные щетки для всех видов самолетов, включая самые последние МИГи...

По мнению наших ученых людей, на ужесточение финансовой политики предприятия должны были ответить разорением, банкротством, безработицей, снижением цен, конкурентной борьбой и ростом производства. А наши директора-монополисты ответили по-своему: кризисом взаимных неплатежей. А деньги всеми правдами и неправдами стали перегонять в зарплаты. Реформы в их классическом понимании рухнули, и началось подобие пещерного рынка: я тебе каменный топор, а ты мне за него две шкуры. Отсюда и пошли акционерные общества без акций и акционеров, вместо рынка — конкуренция, кто больше заломит, вместо классической формулы «товар — деньги — товар» — криминальная триада: «взятка — вымогательство — рзкет».

И все же директору «Электроуглей» Смирнову удалось заключить

договора на миллиард 211 миллионов.

— Но кто гарантирует, что мне их заплатят? — сетует Евгений Алексеевич. — И вообще мы с июля прошлого года работаем только так: я ему выставил счет, он оплатил, и только тогда начинаем выполнять заказ. Прикинули, должно выйти триста миллионов прибыли. Но в одночасье все может измениться. Придется каждый месяц дебет-кредит считать...

Увы, сырье теперь осталось за кордоном. Украина назначает за тонну угля миллион 200 тысяч. Во сколько же должна обойтись несчастная стартерная щетка для «Жигулей»?!

Заказов нет. Потребители «Электроуглей» простаивают. На авиазаводах Москвы, Саратова, Днепропетровска и других падение производства 60 процентов. На складе скопилось продукции — можно целый квартал не работать. Авиационный цех пуст и холоден. Люди сидят по домам и получают по две тысячи в месяц... В год делали 16 миллионов щеток для бытовой техники. Сегодня они тоже не пользуются спросом. (Где же они, те оборонные заводы, которые пошли по пути конверсии и переключились на пылесосы, кофемолки и фены?!)

Коммерческая цена батареек подскочила до 200 рублей, а у директора Е. Смирнова простаивает цех элементных углей, потому что потребители — заводы в Клайпеде и Ельце — стоят уже ровно год. За это время Смирнову пришлось уволить 600 человек. Зато оставшиеся не в обиде. Уборщица здесь получает 7 тысяч, рабочие 35—40 в месяц. Директорский оклад — 60 тысяч. Так что «Электроугли» все еще «греют» тех, кто не попал под колесо реформы.

Там утки кричали...

У научно-исследовательского института электроугольных изделий много общего с Санкт-Петербургом. Для его строительства также выбрали болотину и, несмотря на трудное послевоенное время, каторжным трудом создали целый комплекс, в котором смелая мысль ученого могла тут же найти воплощение на могучем опытным производстве. В 1947 году институт заложили, а через семь лет страна могла уже не закупать электрических щеток за рубежом. А еще несколько лет — и мы с успехом конкурировали с иностранцами. Да и сегодня, когда венгерский метрополитен проводил сравнительные испытания, наши щетки оказались лучшими. Китайский завод, построенный по кудиновским технологиям, успешно работает до сих пор и продает свою продукцию за рубеж. Созданный за 45 лет работы НИИ банк данных, 2 тысячи авторских свидетельств и набор технологий в отрасли называют золотым фондом.

И вот случилось поразительное — он оказался невостребованным как раз тогда, когда рыночная реформа, казалось бы, достигла апогея, когда предприимчивые люди вроде бы взапуски охотятся за приоритетными и перспективными разработками.

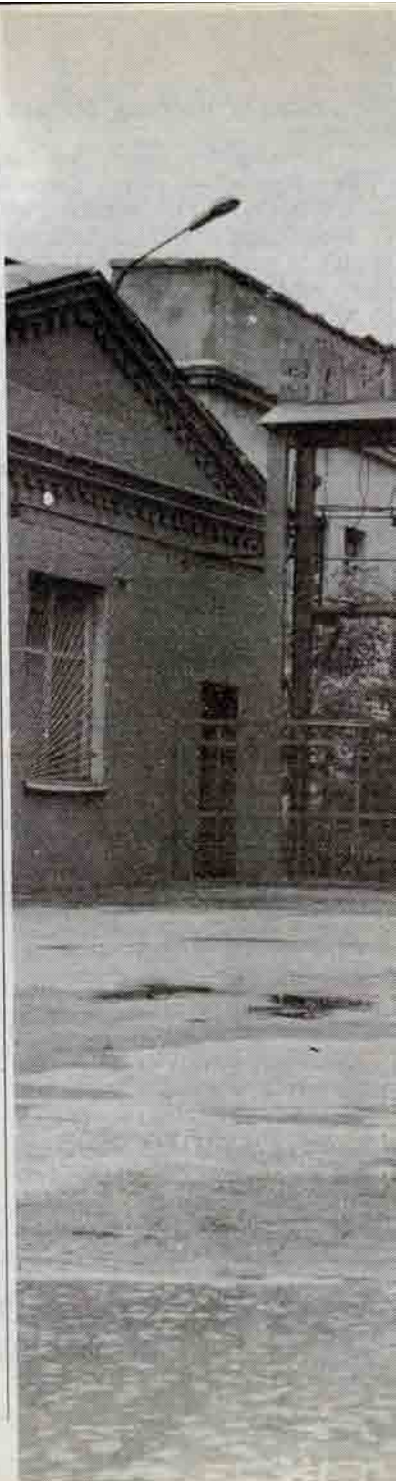
А диапазон применения разработок института: от закалочных печей, выращивания кристаллов до космоса. От «Востока», лунохода — к современным космическим аппаратам и военным системам типа СС-20. Изделия так называемой «мягкой теплоты» из металлокерамики; графитовые источники тока для ракет класса земля — воздух, земля — земля, земля — вода. Именно эта фирма решила проблему полной энергетической

автономии ракетного комплекса, который месяц может жить и воевать без подпитки.

И что же теперь? Ни договоров, ни госзаказа, ни финансирования. Из правительственных документов институт вообще исчез, и события стали развиваться каким-то совсем уж диким образом. К примеру, откололось екатеринбургское предприятие, которое решило самостоятельно выбираться из кризиса. За два миллиона долларов (причем не в деньгах, а в оборудовании) оно запрдало себя с потрохами какой-то капиталистической электроугольной «акуле». А та, отобрав у него все права, скупает продукцию за тридцать центов, чтобы продать за границей за двадцать долларов, а заодно и прибрала к рукам всю передовую технологию, которой так щедро поделились с екатеринбуржцами подмосковные коллеги...

Ведь вплоть до самого последнего момента наши «электроугольщики» свои изобретения за рубежом не патентовали. Основной массив научных разработок выполнялся для ВПК и был, естественно, засекречен. А тут вдруг рассекретились, и, пока зевали по сторонам, как провинциалы на вокзале, «багаж сперли». Причем свои же. И к ответу некого призвать, потому как они теперь ассоциация, концессия или черт его знает что такое, но пользуются полной самостоятельностью творить, что вздумается, и ни перед кем не отчитываться.

Пока наши зарубежные «доброжелатели» прибирают к рукам самое ценное, что есть в отечественном «ноу-хау», родное государство продолжает неусыпно пещься о научно-техническом прогрессе, великодушно разрешив предприятиям вкладывать в него аж полтора процента поступлений от реализации.

ЭЛЕКТРОУСЛ

— Но,— говорит Гелиард Коршунов, директор НИИЗИ,— нам тут же запретили включать в себя стоимость расходы на научные исследования. Велели брать их либо из федерального фонда, либо из прибыли. Но в первый никто не платит, а второй съедает инфляция.

Получается, что Коршунову предлагают самому обойти предпочтения своего объединения со словами: «Я вам не дам техдокументацию, пока вы не заплатите в Комитет по промышленной политике». Идея, сами понимаете, насквозь «рыночная». Но даже если Гелиарду Михайловичу удастся такой своеобразный рэкет, никто не гарантирует, что он получит свои полтора процента на науку. Потому что комитет будет решать — кому дать, кому нет.

И это рынок?!

Ситуация повсеместная и типичная. «Государство от нас отвернулось», — стонут те же самые директора, которые еще вчера громко заявляли, что науку нельзя двигать простым администрированием, что неперемное условие творческого процесса — свобода.

Но вы поймите и Коршунова, у которого 60 процентов общепромышленных заказов, а остальные были на «войну». Их более нигде нельзя применить. Положим, делает он десять аккумуляторов невиданной мощности, и каждый стоит миллион. Кто их у него купит? К тому же и оборудование для их изготовления специально делалось чуть не всеми странами СНГ. Обошлось в 20 миллионов еще «тех» рублей, и ни подо что другое его не приспособишь...

— На конверсию выделили смехотворную сумму,— сокрушается директор.— Компенсация заработной платы один миллион, а на перепрофилирование иссле-

дований — аж двенадцать! Да и то в конце прошлого года. Представитель заказчика к нам приезжает — у него 25 тысяч оклад — курировать наших научных сотрудников, которые сидят на четырехтысячном. Надо думать, это «способствует» их взаимопониманию и плодотворному сотрудничеству...

Коршунов признавался, что институт сегодня одолевают великие соблазны бросить все военные программы, но мешает сознание того, что потом все равно ведь придется восстанавливать. А для этого России потребуются несоизмеримые с нынешними усилия и затраты.

Обиженные «реформой»

На примере этого города еще раз убеждаешься, как далеко было от жизненных реалий наше административное мышление. Напридумывали — «малый город», «город районного подчинения»... Без этих людей ни одна ракета не взлетит, ни одна кофемолка не затарахтит, а они, оказывается, в «районном подчинении». Все же зря царь Петр упразднил боярское местничество. Что бы там ни говорили, а привычка чтить деяния предков налагала достаточно жесткие обязательства на потомков, держала их в страхе уронить честь рода. Такие нравы на протяжении столетий неизбежно должны были проникнуть во всю толщу общества. Может, и история избрала бы тогда у нас иное, менее зверское и разорительное направление.

Вот идешь по улице Центральной, просто невозможно себе представить, что это бывшая деревня Сафоново, принадлежавшая славному роду князей Милославских. Вместе с царевной Софьей они интриговали против Петра и вызвали страшный стрелецкий

бунт. Из их рода была первая жена царя Алексея Михайловича.

Улица Большое Васильево была сельцом, принадлежавшим дворянам Лопухиным. Потом перешло к управляющему императорскими театрами Ивану Елагину, придворному Екатерины II. Еще два с половиной столетия назад сметливые крестьяне обеих деревень успешно занимались производством холстины; привлекли купцов, которые учредили мануфактуры чулочно-шелковые, хлопчатобумажные, ковровые и прочие. Когда нашли, что местные глины ничем не хуже гжельских, занялись производством кирпича. К концу прошлого столетия здесь было 18 кирпичных заводов, на которых 800 рабочих (сегодня на комбинате их немногим более тысячи) вырабатывали кирпич различных сортов — восьмифунтовый, сводный, палистый, кабанчик, а еще — метлахскую плитку. Нынешний комбинат, точнее акционерное общество «Керамик», может похвалиться лишь облицовочным кирпичом (правда, лучшим в России), фасадной плиткой и кислотоупорами. Кирпича делают 45 миллионов штук в год. Плитки — 45 тысяч квадратных метров...

— Приватизация, акционирование?! — переспрашивает некогда директор, а ныне президент правления общества Сергей Зотов. — Это чистая условность. Как раньше все нами заработанное уходило государству, так и теперь уходит...

Между тем Москва, ставшая их потребителем — монополистом, свернула строительство, и со сбытом продукции вышли трудности. А на иждивении липовых акционеров огромный ДК, жилье и даже гордость города — три поколения хоккейной команды — чемпиона области. 102 миллиона из кассы хочешь не хочешь, а вынь.

...Вот так сегодня живут Электроугли, обиженные реформой и военно-промышленным комплексом. Живут в старинной Мещерской низине, где протекает река Клязьма, где славянские курганы XI—XIII веков, где была вотчина великих московских и удельных князей.

А ныне это называют восточным старопромышленным районом, составляющим десятую часть территории области и пятую — ее населения. Он дает треть всей продукции и половину текстиля.

И есть здесь уникальный город, где производят «электроугли», которые никто не берет, но которые всегда всем нужны.

ИЗУЧАЙТЕ ЭСПЕРАНТО!

■ ЭСПЕРАНТО — международный язык, существующий уже более ста лет. Миллионы жителей планеты переписываются и путешествуют с помощью ЭСПЕРАНТО.

■ Интернациональный словарный состав и грамматика, состоящая из 16 правил, не знающих исключений, позволяют за 40—50 часов занятий овладеть ЭСПЕРАНТО настолько, что можно свободно говорить, читать и писать на этом языке.

■ Мы поможем вам установить контакты с зарубежными эсперантистами, в подписке на газеты и журналы, в приобретении литературы на эсперанто.

■ ЭСПЕРАНТО — это единственный язык, который можно достаточно эффективно изучить заочно.

Обращайтесь на наши заочные курсы:

620041 ЕКАТЕРИНБУРГ, а/я 132. «КУРСЫ ЭСПЕРАНТО».

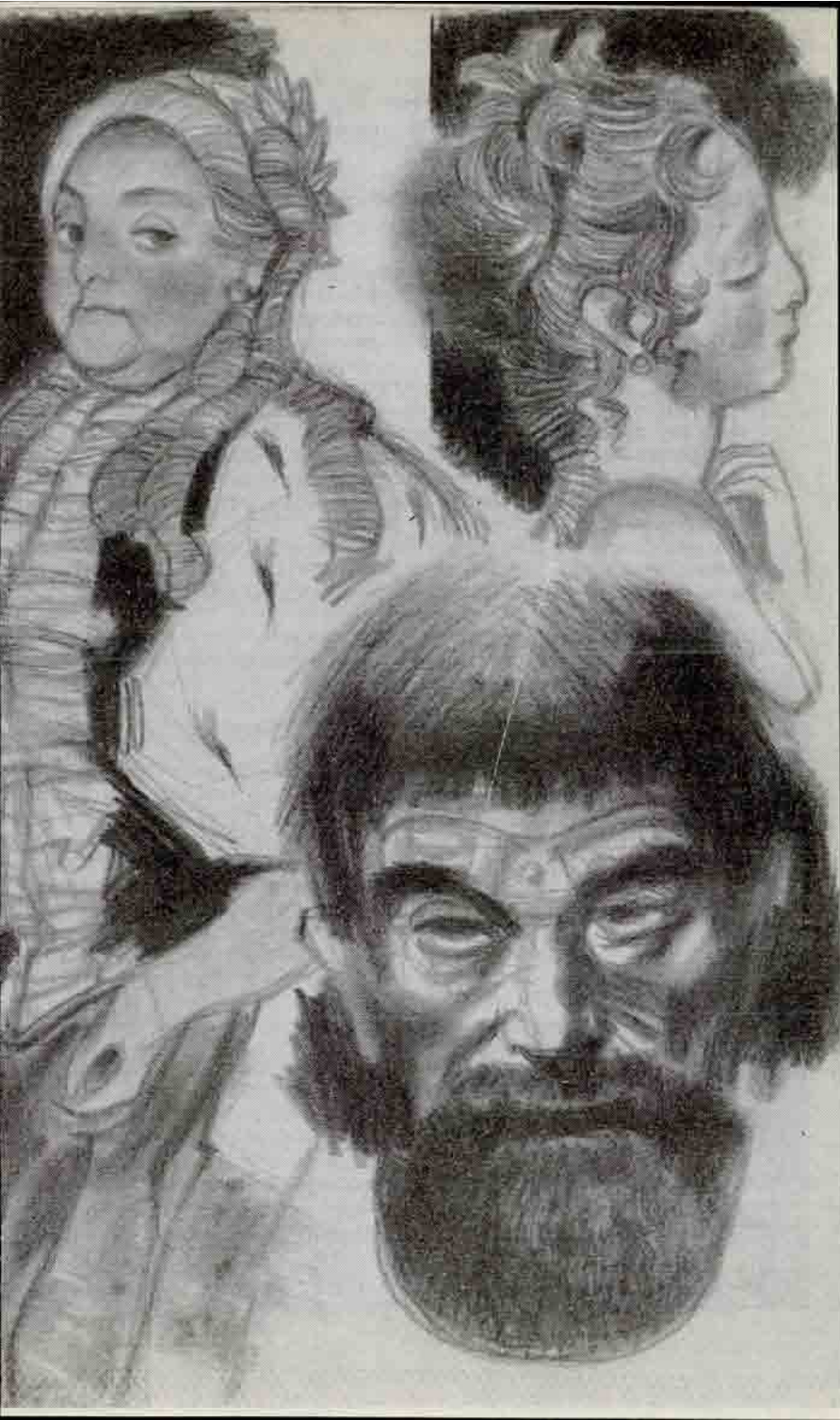
Подробную информацию об условиях обучения и оплаты мы вам немедленно вышлем.

АЛЕКСАНДР АРСЕНЬЕВ

ПЛАЩЕВ-ДЕЛА ДАМУРОНЬЕ

РИСУНОК ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

В числе многих неприятных для императрицы Екатерины Второй вопросов, поднятых заволжским пугачевским пожаром, был один весьма щекотливый для нее как для женщины и императрицы.

Назвавшись именем Петра III, Пугачев вместе с тем стал величать себя ее мужем, и имя его вместе с ее именем поминалось на ектенях передававшегося Пугачеву духовенства.

Он славил ее своей неверной женой, от которой идет отнимать престол, а его приближенные старались распускать среди заволжского казачества, и вообще среди народа, самые невыгодные мнения о ней.

Потому в числе мер, принятых против Пугачева (в особенности для уяснения его личности и несходства с Петром III), было приказание отыскать его жену, Софью Дмитриевну, дочь донского казака Недюжина. Она была отыскана, в октябре или ноябре 1773 года на месте прежнего жительства Пугачева — в Зимовейской станице, и оказалась женщиною лет 32, с тремя детьми: сыном Трофимом, 10 лет, и дочерьми — Аграфеной, 6, и Христиной, 3 лет.

Прихватили за одно и брата Пугачева, Дементия Иванова, служилого казака 2-й армии, и весь этот улов отправили в Казань в острог, «без всякого оскорбления», чтобы ими уличить самозванца в случае поимки.

В казанской тюрьме Софья Дмитриевна Пугачева сделали допрос, причем обнаружилось, что Емельян Пугачев женился на ней лет десять тому назад, жил в Зимовейской станице своим домом, служил исправно в казачестве, а в последнее — перед бунтом — время несколько замотался, расстроился, был в колодках и бежал.

Тут же обнаружилось, что Софья была не очень преданной женой и заслужила сама то пренебрежение, какое оказал ей Пугачев впоследствии. Скитаясь и голодая, Пугачев подобрался однажды ночью, в великом посту 1773 года, к своему собственному дому и робко стукнул в окно, прося у жены пристанища и хлеба. Софья пустила его, но с коварной целью — выдать станичному начальству и, незаметно увернувшись, донесла о нем. Среди ночи Пугачева снова схватили, набили на него колодки и повезли на расправу, но в Цымлянской станице он снова бежал и скрывался вплоть до грозного своего появления уже под именем Петра III.

Софья Дмитриевна с детьми и братом Пугачева остались по взятии ее в Казани в тюрьме.

В январе 1774 года войсковому атаману Семену Сулину пришел из Петербурга указ следующего содержания:

«Двор Емельки Пугачева, в каком бы он худом состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет донское войско при присланном от обер-коменданта крепости св. Дмитрия штаб-офицер, собрав священный той станицы чин, старейших и прочих оной жителей, при всех сжечь и на том месте через палача или профоса пепел развеять, потом

Арсеньев Александр Васильевич (1854—1896), популярный писатель, исторический беллетрист; главные труды — по русской истории XVI—XVIII вв.

это место огородить надолбами или рвом окопать, оставя на нем, все казни лютыя и истязания делами своими превзошедшаго злодея, которого имя останется мерзостью на веки, а особливо для донского общества, яко оскорбленного тем злодеем казацкого на себе имени — хотя отнюдь таким богомерзким чудовищем ни слова войска донскаго ни усердие онаго, ни ревность к нам и отечеству помрачатся и ни малейшаго нареkania претерпеть не может».

Дом Пугачева в Зимовейской станице оказался проданным Софьею от нечего есть за 24 рубля 50 копеек на слом в станицу Есауловскую казаку Ереме Евсееву и перевезенным покупщиком к себе. Дом от него отобрали, вновь поставили на место в Зимовейской станице и торжественно сожгли.

Чтение указа императрицы, как видно из последующего, так подействовало на казаков, устыдя их, что они, по совершении экзекуции над домом, просили через того же донскаго атамана Семена Никитича Сулина за одно уж и станицу их перенести куда-нибудь подальше от проклятого и зараженнаго Емелькою Пугачевым места, хотя бы и не столь удобное.

В то время, когда подобными мерами истреблялась самая память о Пугачеве, самозванец, опираясь на общее недовольство казаков и инородцев — башкир, калмыков и киргизов, делал быстрые кровавые успехи и жестоко расправлялся с дворянством и преданным Екатерине начальством крепостей.

26 сентября 1773 года, совершая свое победоносное шествие к Оренбургу от крепости Рассыпной, покорившейся ему, Пугачев подошел к Нижне-Озерной, где командиром был майор Харлов. Слыша о шествии мятежника и его бесцеремонности с женским полом, Харлов заблаговременно отправил свою молоденькую и хорошенькую жену, на которой недавно женился, из своей крепости в следующую по направлению к Оренбургу, Татищеву крепость, к отцу ее, командиру той крепости Елагину.

С Нижне-Озерной крепостью случилась обыкновенная в Пугачевщину история: казаки передались Пугачеву, Харлов со своей немощной инвалидной командой не мог устоять против Пугачева, и по недолгой битве крепость была занята. Майор думал откупиться от смерти деньгами, но напрасно: суд Пугачева над непокорным ему начальством был короток. Полумертвого от ран Харлова с вышибленным и висящим на щеке глазом повесили вместе с двумя другими офицерами.

Расправившись с Нижне-Озерной крепостью, Пугачев двинулся на Татищеву. Расставив против крепости пушки, он сначала уговаривал осажденных «не слушать бояр» и сдаться добровольно, а когда это не возымело успеха, приступил не спеша к осаде и к вечеру ворвался в крепость, пользуясь смятением осажденных во время произведенного им пожара.

Начались расправы. С Елагина, отличавшегося тучностью, содрали кожу. Бригадиру барону Билову отрубили голову, офицеров повесили, нескольких солдат и башкир расстреляли картечью, а остальных присоединили к своим войскам, остригли волосы по-казацки — в кружок.

Харлова вскоре завоевала симпатию Пугачева, и он начал

к ней относиться не как к простой наложнице, а удостоил ее своей доверенности и даже принимал в иных случаях ее советы. Стала она около Пугачева не только близким, но и любимым человеком, чего нельзя сказать о других, даже самых преданных ему приверженцах, в основе отношений к которым была общность кровавого преступления — связь ненадежная, что и доказала последовавшая через год выдача самозванца сообщниками.

Трудно сказать, что сама Харлова чувствовала к своему завоевателю, но бесспорно, что Пугачев питал к ней непритворную привязанность, и Харлова имела право всегда, во всякое время, даже во время его сна, входить без доклада в его кибитку — право, каким не пользовался ни один из его сообщников.

Это доверие Пугачева к своей наложнице, да к тому еще «дворянке», заставляет нас сделать весьма вероятное заключение, что и сама Харлова не наружно только (Пугачева провести было трудно) была с ним дружна, а почувствовала нечто другое, противоположное страху и отвращению, которые он должен был бы ей внушить началом своего знакомства. Или Пугачев умел завоевывать расположение к себе женщин, или тут кроется одна из тех загадок, каких много представляют нам женское сердце и женская натура.

С сентября же началась осада крепости Яицкого городка, где укрепился с горстью преданных людей храбрый Симонов, тогда как самый город предан Пугачеву и был в его руках, а с начала октября 1773 года был осажден Оренбург с нераспорядительным немцем губернатором Рейнсдорпом, и обе осады затянулись надолго.

Пугачев расположился станом на зиму в Бердской слободе, в семи верстах от Оренбурга, и повел осаду не спеша, не желая «тратить людей», а имея намерение «выморить город мором».

В Берде, которую Пугачев хорошо укрепил, он устроился совсем по-царски, сделав себе маскарадный царский антураж: Чика (или Зарубин), его главный наперсник, был назван фельд-маршалом и графом Чернышевым, Шигаев — графом Воронцовым, Овчинников — графом Паниным, Чумаков — графом Орловым. Равным образом и местности, где они действовали, получили названия: слобода Берда — Москвы, деревня Каргале — Петербурга, Сакмарский городок — Киева.

Харлова поселилась вместе с Пугачевым в Бердской слободе и пользовалась там своим исключительным положением, но пожить на свете ей пришлось недолго.

Скоро любовь Пугачева возбудила ревнивые подозрения его сообщников и главных помощников, не хотевших никого иметь между собою и главою восстания. Может быть, это была и зависть к любимому человеку, может быть, «дворянка» Харлова, опираясь на любовь к ней лжецаря, пренебрегла заискиванием у пугачевских «графов» или обошлась с ними несколько презрительно; наконец, может быть, и то, что «графы» видели и боялись смягчающего влияния молодой прекрасной женщины на их сурового предводителя. Как бы там ни было, но скоро сообщники стали требовать от Пугачева, чтобы он удалил от себя Харлову,

которая-де на них «наговаривает» ему. Весьма вероятно, что Харлова и жаловалась Пугачеву на оскорбления ее грубыми воротилами Бердской орды.

Пугачев долго не соглашался на требование сообщников, вероятно, из сильной привязанности к своей пленнице и чувствуя, что с нею он лишится любимого (а может быть, и любящего) человека, но в конце концов эта борьба кончилась победой его сообщников. Пушкин говорит, что Харлову Пугачев выдал сам, а граф Саллиас в своем романе «Пугачевцы» описывает расправу, как происшедшую в отсутствие Пугачева, и, по нашему мнению, он ближе к истине: Харлову безжалостно застрелили вместе с ее семилетним братом среди улицы и бросили в кусты.

Перед смертью, истекая кровью, несчастные страдалцы еще имели силу, чтобы подползти друг к другу и умереть обнявшись.

Трупы их долго валялись в кустах, как отвратительное доказательство тупой жестокости сподвижников Пугачева.

Пугачев скрепя сердце покорился этой наглости своих сообщников и, вероятно, загоревал о потере любимой женщины, потому как вскоре после этого казаки принялись высватывать Пугачеву невесту настоящую, чтобы стала женою, как следует великому государю, и тут снова вопрос об императрице Екатерине II, как жене Петра III, принял весьма щекотливую и оскорбительную форму, будучи поднят и обсуждаем на казачьих «кругах», то есть собраниях, но об этом будет повествование дальше.

Говоря о женщинах Пугачевского бунта, нельзя обойти молчанием интересную личность жены войскового старшины, Прасковьи Гавриловой Иванаевой, ярой поклонницы самозванца.

Незадолго перед Пугачевским бунтом, когда ей было 26 лет от роду, муж ли ее бросил, или она оставила мужа, но только жили они розно — муж в Татицевой крепости на службе, а жена в Яицком городке в собственном своем доме.

Прасковья Иванаева слыла в Яицком женщиной непорядочной и на язык невоздержанной; завела себе любовников, что строго наказывалось у казаков, словом, была в городке человеком заметным.

Слухи о появлении оставшегося в живых Петра III ходили в яицком войске уже давно, с самой смерти его в 1762 году.

Казак Слудынков, прозванный «алтынным глазом», еще задолго до появления Пугачева уже мучил народ, разъезжая по Оренбургской губернии и появляясь в горнозаводских селениях. Он называл себя «курьером Петра III», которому поручено осмотреть порядки, каково казачество живет да не притесняется ли начальством, чтобы потом император Петр III рассудил всех по правде. «Алтынный глаз» при этом делал сборы на подъем батюшки-царя и хотя был пойман и наказан, но искра в народ была брошена.

Такие события поселили во всем Заволжье непреодолимую веру «в пришествие Петра III», и веры этой не могли поколебать никакие, даже самые жестокие, мероприятия правительства.

Много слышала об этом и Прасковья Иванаева, но до поры до времени крепилась и разговаривала об этом, как все, вполголоса, так, чтобы начальству не очень было слышно и заметно.

Но вот над Прасковьей собирается беда: строгое общество Яицкого городка, скандализованное непотребным ее житьем, вздумало прибегнуть к своим старым законам о наказании за блуд и подало жалобу яицкому коменданту, полковнику Симонову, прося, по старому обычаю, Иванаева высечь в базарный день.

Услышав об этом, разъярилась не воздержанная на язык Иванаева и в таковой крайности начала по всему городку громко проповедовать, что-де скоро придет государь Петр Федорович, который все порядки уничтожит и все начальство сменит. Проповедуя с присущим озлобленной женщине азартом, находила она много сочувствующих ее проповеди людей и голосов, ей вторивших.

Городок замутился, начальство и не радо было, что тронуло такую горластую бабу в такое смутное время, но делать нечего — надо было расправляться.

Симонов донес о смуте оренбургскому губернатору Рейнсдорпу, тот ордером от 17 июля 1773 года, почти перед самым приходом Пугачева, приказал Иванаеву публично выдрать плетью, что и было исполнено — Прасковью жестоко отодрали на площади. Это вконец озлобило неумемную бабу против начальства, но не смирило нисколько.

Прошел только один месяц, и грозный Пугачев явился пред Яицким городком. Казаки встретили его с радостью, и городок передался ему весь, только храбрый Симонов засел с тысячею команды в укреплении и не славался самозванцу.

Городок вооружился против своего прежнего начальства, сами жители повели против него осаду, и между ними особенно яростно отличалась переодетая казаком Прасковья Иванаева!..

Так дождалась она исполнения своей заветной мечты и с радостью пошла служить Пугачеву. С этого времени Иванаева становится преданнейшим Пугачеву человеком, словом и делом ратуя за него, даже с пренебрежением к плетям, которыми неоднократно после этого драли ее.

Пугачев заметил Прасковью Иванаеву, призвал к себе и обласкал; она вызвалась быть у него стряпкой и экономкой, чтобы вести его царское хозяйство. Тут выступает на сцену ненадолго и муж ее, полковой старшина Иванаев: он передался Пугачеву вместе с прочим казачеством при взятии Татишевой крепости и служил при нем, надеясь достичь степеней известных, и, пожалуй, достиг бы этого, если б ему не стала мешать его жена.

Стоя гораздо ближе и интимнее к Пугачеву, Прасковья начала интриговать против своего мужа, и вследствие этого Иванаев оказался у Пугачева в некотором пренебрежении, несмотря на свой майорский чин. Ему предпочитались простые рядовые казаки и ставились над ним начальниками, и Иванаев в конце концов бежал от Пугачева и скрывался, не передаваясь на сторону правительства из боязни наказания за измену.

Прасковья Иванаева торжествовала, и вскоре начинается дело о женитьбе Пугачева, где она принимает живое и деятельное участие. Но тут является новое лицо.

Сообщники Пугачева задумали женить своего царя Петра

Федоровича, чтобы, во-первых, отвлечь его от грусти по убитой Харловой, а во-вторых, чтобы браком на яицкой казачке скрепить еще более узы симпатии и сочувствия, какие питали к Пугачеву яицкие казаки.

В Яицком городке жила в это время красавица девушка, дочь казака Петра Кузнецова, Устинья, со своей матерью Марьей. Выбор пал на нее как на вполне достойную по своей красоте высокой чести быть женою государя Петра Федоровича.

Собран был «круг» для совещания об этом важном деле, и на нем было решено послать к Пугачеву выборных с этим предложением. Пугачев сначала отговаривался, ссылаясь на то, что-де законная жена его, императрица Екатерина II, еще здравствует и что-де хотя она и повинна пред ним и идет он отнимать у нее престол, но все-таки брак не расторгнут и от живой жены жениться нельзя.

А между тем красота предлагаемой невесты прельщала страстного Пугачева; он сначала хотел повернуть дело так, чтобы обойтись без венчания, но казачий круг ревнительно этому воспротивился, представил убедительные доводы насчет недействительности брака с Екатериной, и Пугачев согласился венчаться с Устиньей Кузнецовой, причем со всею возможным в Яицком городке роскошью, как подобает царской свадьбе.

Бесспорно, что если Пугачев не питал к своей невесте любви, то она возбуждала его страсть и нравилась ему красотой; что же касается ее участия в совершении этого брака, то оно было, как и по всему видно, довольно пассивное.

Свадьба совершилась по одним источникам в январе, а по другим — в феврале 1774 года в Яицком городке. Для житья «молодым» был выстроен дом, называвшийся «царским дворцом», с почетным караулом и пушками у ворот.

Устинья Кузнецова стала называться «государыней-императрицей», была окружена роскошью и изобилием во всем — и все это совершалось тогда, когда комендант Симонов сидел в укрытии осажденный, терпел голод, подвергался приступам и ждал смерти. В «царском дворце» пошли пиры горой.

На пирах этих «императрица Устинья Петровна» была украшением и принимала непривычные ей почести и поклонение, от которых замирало ее сердце и кружилась голова. Ей, не разделявшей ни мыслей, ни планов Пугачева, не знавшей — ложь это или истина, должно было все казаться каким-то сказочным сном наяву. Муж окружил ее подругами и сверстницами — казачками, они назывались «фрейлинами государыни-императрицы»; Прасковья Иванова играла в этом грубо-маскарадном антураже важную роль и душевно была предана и Пугачеву, и Устинье Петровне, по простоте души или по расчету почитая их за истинных царя и царицу. Пугачев, чтобы сохранить за этим маскарадным актом все значение, отдал повеление поминать во время богослужения на ектеньях Устинью Петровну рядом с именем Петра Федоровича как императрицу, но это не удалось ему почему-то в Яицком городке: духовенство отказалось, ссылаясь на неимение указа от синода, — и Пугачев по непонятной причине не настаивал. Отказ этот довольно странен: если духо-

венство не боялось венчать его с Устиньей как царя, поминать его на ектеньях как царя, то что же духовенству стоило к этим винам присоединить и новую? Ведь отговорка неимением указа от синода была смешна, если духовенство, хотя наружно, почитало его за царя! И умный Пугачев соглашается с этим смешным доводом, хотя его «царскому достоинству» наносился этим ущерб.

Или ему самому казалось уж это чересчур смешным по отношению к Устинье Петровне Кузнецовой-Пугачевой.

Впрочем, таким упорством было заражено не все духовенство, и есть сведения, что в некоторых местах духовный чин был сговорчивее. Гораздо позже, по переходе Пугачева на эту сторону Волги 27 июля 1774 года, когда он с торжеством вошел в Саранск Пензенской губернии, встреченный не только просто-народьем, ждавшим его с нетерпением, но и купечеством, и духовенством со крестами и хоругвями, на богослужении архимандрит Александр помянул вместе с Петром Федоровичем и императрицу Устинью Петровну, уже бывшую в это время в руках правительства, но саранскому простолodью и духовенству недолго пришлось торжествовать.

На третий день, 30 июля, торжествующий Пугачев направил свое триумфальное шествие к самой Пензе, поставив над Саранском «своих» начальников, а 31-го вошел в Саранск следовавший за Пугачевым по пятам Меллин и начал перевертывать порядки по-старому: арестовал пугачевское «начальство» и «зачинщиков» духовных и светских, а усердный архимандрит Александр был предан суду в Казани, извержен сана (причем в церкви были солдаты с примкнутыми штыками, а на Александре — оковы), острижен и сослан. Этот случай дает основание предполагать, что в отказе яицкого духовенства поминать Устинью были особенные, местные причины, и их уважил Пугачев, не хотевший ссориться с нужными ему людьми.

На самом деле Устинья была царицей только по своей красоте, подругой же Пугачеву, умному и кипевшему жизнью, быть не могла. Таковой могла быть Харлова, но ее столкнули с дороги прежде времени. Неразвитая Устинья могла быть только наложницей, и Пугачев первый это увидел и устроил дела сообразно этому. Он не приблизил свою новую жену к себе, как это было с Харловой, а, живя под Оренбургом, в Бердской слободе, за 300 верст от Яицкого городка, оставил Устинью в этом последнем забавляться со своими фрейлинами-казачками, Прасковьей Иванаевой и ее матерью, Марьей Кузнецовой, ездил лишь к ней каждую неделю прохладиться и нежиться с 17-летней писаной красавицей.

Начальниками осады Яицкого городка были пугачевские предводители Каргин, Толкачев и Горшков, которые вели ее в отсутствие Пугачева, но, кроме того, каждый приезд «самого» ознаменовывался сильнейшими атаками храбро державшихся и изнемогавших уже от голода приверженцев Екатерины II. Осажденные уже ели глину и падали, но не думали сдаваться; уже Пугачев рассвирепел от упорства своих противников и поклялся перевешать не только Симонова и его помощника Крыло-

ва, отца нашего баснописца, но и семейство последнего, находившееся в Оренбурге, а в том числе и малолетнего сына его, Ивана Андреевича Крылова.

Осажденные уже выдержали полугодовую осаду, отрезанные со всех сторон от остального мира, имея врагами своими весь город. Замедли избавление еще немного, и угроза Пугачева была бы приведена в исполнение со всею жестокостью разъяренного упорством победителя.

Но освободители пришли 17 апреля 1774 года. В этот день приблизился и вступил в город отряд Мансурова, мятежники разбежались, начальники осады были выданы, голодные накормлены. Это случилось на страстной неделе, но день этот для осажденных был радостнее самого Светлого Воскресения — они избавились от верной и мучительной смерти.

В этот же день пришел конец и прохладному житью «матушки-царицы» Устиньи Петровны: «фрейлины» ее тотчас же разбежались, а ее самое, ее мать и верную Прасковью Иванаеву вступивший снова в должность Симонов арестовал, заковал по рукам и по ногам и посадил в войсковую тюрьму.

При взятии Устиньи задорная и преданная Иванаева подняла скандал, защищая «матушку-государыню» и грозя гневом Петра Федоровича, но с ней в этом случае поступили «невежливо», и бедная баба все-таки снова попала в руки ее врагов, победу над которыми она уже торжествовала!..

Дома и имущество Устиньи и матери ее были опечатаны и охранялись караулом; дом Иванаевой оказался сданным внаймы вдове войскового старшины Анне Антоновой, и его не тронули.

26 апреля 1774 года Устинью с матерью и Иванаевой в числе других 220 колодников Симонов отправил уже в освобожденный Оренбург, в учрежденную «секретную комиссию» для допросов.

Эти три женщины, быв приближены к Пугачеву, могли сообщить следователям много важных сведений о самозванце, который в это время ловко увертывался от посланных за ним отрядов и особенно от энергичного в преследовании Михельсона.

В Оренбурге женщин допрашивал председатель секретной комиссии коллежский советник Иван Лаврентьевич Тимашев. Дело о Прасковье Гавриловой Иванаевой он нашел не особенно важным, ибо решил его собственной властью. Преступления Прасковьи, которая на этот раз, может быть, и присмирела, было решено наказать трехмесячным тюремным заключением, а после того бить плетью и затем сослать на житье в Гурьев-городок. Но этот последний пункт был впоследствии отменен, и Иванаеву, наказав плетью, водворили на место ее жительства, в Яицкий городок, в собственном доме, о чем и был уведомлен яицкий комендант Симонов вместе с препровождением к нему его «старой знакомки».

Невесела возвратилась яростная поклонница Пугачева в Яицк, в среду жителей, помнивших и позор, и кратковременное торжество ее. Иванаева, затаив злобу, поселилась в своем доме вместе с нанимавшим его семейством войскового старшины Антонова. Устинья Кузнецова с матерью в Оренбурге были

трактованы, как важные для следствия лица, сидели закованные в тюрьме, и все допросные речи их хранились в тайне.

А в это время Пугачев, теснимый Михельсоном, опрокинулся на Казань и 12 июня 1774 года взял ее, предав огню и разграблению своих шаек. К вечеру, оставив Казань в грудах дымящихся развалин, Пугачев отступил, а наутро спасавшиеся в крепости люди, ожидавшие с ужасом полчищ Пугачева, с радостью увидели гусар Михельсона, спешно мчавшихся к городу. Казань была в ужасном состоянии, две трети города выгорело, двадцать пять церквей и три монастыря тоже дымилась в развалинах! Тюрьма, где Пугачев только год тому назад сам сидел в окопах, была им сожжена, а колодники все выпущены на свободу.

Там же, в тюремных казармах, содержалась и первая жена Пугачева Софья Дмитриева с троими детьми. Узнав об этом, Пугачев велел их представить к себе, и ее жалкий вид произвел на него сильное впечатление. Он был растроган и, не помня старого зла, велел освободить из рук правительства и взял в свой лагерь, чтобы они следовали вместе с ним.

— Был у меня казак Пугачев,— сказал самозванец окружающим,— хороший мне был слуга и оказал мне великую услугу! Для него и бабу его жалею!..

Таким образом Софья Дмитриева снова попала в руки Пугачева, но он не мстил ей за выдачу его в трудную минуту.

Правительство приобрело Устинью Пугачеву и потеряло Софью, но она уже не была ему так нужна теперь — все необходимое было высрошено.

В обозе Пугачева Софья Дмитриева с детьми переправилась и за Волгу, сопровождала его во всех дальнейших походах, последовала за ним и тогда, когда, теснимый со всех сторон, Пугачев снова поворотил к Волге.

Между тем в очищенной от мятежных шаек Казани приводилось все в старый порядок.

На смену освобожденной Софье Дмитриевой привезли в Казань Устинью Кузнецову с матерью и снова подвергли допросу в казанской секретной комиссии, где действовали генерал-майор Павел Сергеевич Потемкин и капитан гвардии Галахов.

Тут обнаружилось, что в опечатанном доме Устиньи, в Яицком городке, находятся сундуки с имуществом ее мужа, Пугачева, и за ними тотчас же послали нарочного, чтобы Симонов выдал их и препроводил под надежным конвоем в Казань.

Что найдено в этих сундуках — неизвестно. Вероятно, кроме драгоценностей, награбленных за Уралом, ничего важного.

Вся эпоха Пугачевского бунта представляет какую-то странную игру в прятки: сегодня входит в город Пугачев и расправляется по-своему, завтра он уходит,— по пятам его вступают правительственные войска и начинают все переделывать. Быстрые перемены, от которых хоть у кого закружится голова, и в конце концов — кровь, стоны, пожары, грабеж!..

Пугачев доигрывал свою страшную комедию с переодеванием; он уже, как дикий зверь, загнанный охотниками, свирепо бросался из стороны в сторону и затем вдруг повернул к Волге обратно, питая все-таки какие-то грандиозные планы. Его преследовали

по пятам; в самом войске его открылись измены, начали уходить от него массами; среди самых близких сообщников начались тайные переговоры о выдаче самого Пугачева!..

В этом переполохе, когда преследовавшие Пугачева отряды отхватывали от него кусок за куском от обоза и войск, в августе 1774 года была снова взята правительственными войсками и Софья Дмитриева с обеими дочерьми; малолетний сын Пугачева Трофим остался при нем. Софью Пугачеву опять, во второй раз, отправили в Казань, где сошлись теперь обе жены Пугачева, и с этого времени, кажется, судьба их связана вместе, они терпят одну и ту же участь.

Наконец Пугачева снова угнали за Волгу. К преследовавшим мятежника Михельсону, Меллину и Муфелью присоединился Суворов; они переправились за Пугачевым через Волгу и там оцепили его со всех сторон, отрезав всякую возможность вырваться.

Наконец пробил час Пугачева: 14 сентября 1774 года, в староверческом селении, где отдыхал Пугачев, к нему приступили его сообщники и потребовали, чтоб он кончил наконец морочить людей. Пугачев догадался, в чем дело, увидел свою полную беззащитность и протянул руки казаку Творогову, сказав только:

— Вяжи!..

Теперь начинается развязка всех прошедших пред читателем трагических и комических сцен.

Пугачева, после допроса в Яицком городке, Суворов повез в деревянной клетке, как русского зверя, в Симбирск к Панину; с ним был и сын его от Софьи, Трофим, «резвый и смелый мальчик», как называет его Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта». Из Симбирска их отправили в Москву.

Еще раньше туда же посланы были и «женки» Пугачева, Софья с дочерьми и Устинья с матерью, для новых допросов в тайной экспедиции, к заведовавшему московским ее отделом обер-секретарю сената Степану Ивановичу Шешковскому.

После допросов Устинью Пугачеву посадили под крепкий караул, приберегая для посылки в Петербург, где императрица Екатерина II выразила желание видеть пресловутую «императрицу Устинью», а Софью Дмитриеву, в видах успокоения народной молвы, ибо о Пугачеве в народе говорили «разно» и подчас для правительства неприятно, пустили гулять по базарам, чтобы она всем рассказывала о своем муже, Емельяне Пугачеве, показывала его детей, словом, рассеивала своим живым лицом и свидетельством мнение, что Пугачевым назвали истинного государя Петра III.

Народ, незадолго перед тем с нетерпением ожидавший Пугачева как царя Петра Федоровича, слушал рассказы Софьи, ходил смотреть «самого Пугача» на монетный двор и, должно быть, убеждался.

10 января 1776 года в жестокий мороз была совершена казнь Пугачева, а о женах его в пункте 10 сентенции о казни было сказано:

«А понеже ни в каких преступлениях не участвовали обе жены самозванцевы, первая Софья, дочь донского казака Дми-

трия Никифорова (Недужина), вторая Устинья, дочь яицкого казака Петра Кузнецова, и малолетние от первой жены сын и две дочери, то без наказания отдалить их, куда благоволит Правительствующий Сенат».

Перед «отдалением» Устинью Кузнецову привезли в Петербург, чтобы показать ее императрице Екатерине II, и когда монархиня внимательно осмотрела яицкую писаную красавицу, то заметила окружающим:

— Она вовсе не так красива, как прославили...

Устинье в это время было не более 17—18 лет. Может быть, волокита и маета по тюрьмам, секретным комиссиям и допросам, при которых не раз, вероятно, она попробовала и плетей, сняли с лица ее красоту и состарили...

С этого времени об Устинье и Софье исчезли было всякие сведения, а на Урале так и до сих пор ничего не знают о дальнейшей участи несчастных женщин. Есть только предание, что ни Софья, ни Устинья назад не воротились — и это справедливо.

Судьба их после казни Пугачева, вероятно, была никому или очень немногим известна и из современников-то, а через короткое время память о них по сю сторону Волги и совсем сгубла — убрали, «отдалили» — и концы в воду!

И только через двадцать один год после казни Пугачева короткое сведение о них появляется на свет божий.

Император Павел Петрович, вскоре по восшествии своем на престол (14 декабря 1796 года), приказал отправить служившего при тайной экспедиции коллежского советника Макарова в Кексгольмскую и Нейшлотскую крепости, поручив ему осмотреть содержащихся там арестантов и узнать о времени их заточения, о содержании их под стражею или о ссылке их туда на житье. В сведениях, представленных Макаровым, между прочим, записано:

«В Кексгольмской крепости: Софья и Устинья, женки бывшего самозванца Емельяна Пугачева, две дочери, девки Аграфена и Христина, от первой и сын Трофим.

С 1775 года содержатся в замке, в особливом покое, а парень на гауптвахте, в особливой (же) комнате.

Содержание имеют от казны по 15 копеек в день, живут порядочно.

Женка Софья 55 лет, Устинья — около 36 лет¹; девка одна лет 24, другая лет 22, малый же лет от 28 до 30.

Присланы все вместе, из Правительствующего Сената.

Софья — дочь донского казака и оставалась во время разбоя мужа ее в доме своем (вначале, а впоследствии она была взята под стражу), а на Устинье женился он, быв на Яике, а жил с нею только десять дней².

Имеют свободу ходить по крепости для работы, но из оной не выпускаются; читать и писать не умеют».

¹ Устинья, вероятно, была моложава, что сделали по виду такое заключение. Ей, должно быть, было в то время лет 40.

² Если Устинья считает «житьем» с ней еженедельные его к ней приезды, то она совершенно права. (Примечание автора.)

О матери Устиньи ничего не говорится — вероятно, она померла в крепости.

Так вот какова судьба усладительниц дней Пугачева; после разных тревожений и бед, после разнообразнейших и чудных приключений, а Устинья после титула «императрицы» была отдана на жертву гарнизонных сердцеедов-солдат и офицерства и долгую жизнь свою проводила в стенах крепости, питаясь поденщиной. Что было с ними далее — неизвестно; вероятно, они так и померли в Кексгольмской крепости, сжившись с нею.

Не скоро, однако, улеглось умственное волнение, поднятое в народе Пугачевским бунтом; волной ходили по сию сторону Волги разговоры о Пугачеве, и Екатерина распорядилась запретить всякие разговоры о нем. Пойманных на этом наказывали, и это запрещение имело силу до самого воцарения императора Александра I. Не скоро побледнела и память о Пугачеве в народе, а в среде яицких, переименованных в уральских, казаков она жива и до сих пор. Кстати, сообщим, чем окончилось в Яицке дело об Устинье. Дом ее, запечатанный Симоновым с самого ареста Устиньи с матерью, стоял пустой до самого окончания дела о Пугачеве и много спустя был по просьбе родственников Кузнецовой распечатан и отдан им во владение войсковым начальством.

Прасковья Гаврилова Иванаева не унялась и после казни Пугачева; по-прежнему была она невоздержанна на язык, чуть дело касалось предмета ее преданности и любви, по-прежнему жадно ухватывалась за всякий слух о появлении бунтовщиков, чтобы грозить ими насоллившему ей начальству.

В Астрахани появился разбойник «Метла» или «Заметаев», и вот Иванаева ожила и насторожила уши. Надобен был самый пустячный предлог, чтобы вывести неугомонную бабу из трудно-го для нее молчания; предлог не замедлил явиться: Иванаева поругалась со своей квартиранткой, вдовой Антоновой, из-за дров, а потом вцепились друг другу и в косы. Антонова, вероятно, попрекнула Прасковью Пугачевым и плетями, которыми ее неоднократно потчевали, — и Иванаева рассвирепела!..

— Врешь, дура нечесаная! Пугачева казнили, а батюшка Петр Федорович жив еще и придет еще с войском!.. А не он, так наследник его отплатит вам!.. А в Астрахани вон «Метла» появилась, сметет всех вас и с начальством-то вашим! Вот тогда я посмотрю!..

Антонова донесла на Прасковью Иванаеву по начальству; исправлявший должность коменданта Яицкого городка войско-вой старшина Акутин донес Рейнсдорпу об этом 5 марта 1775 года, и оренбургский губернатор приказал Иванаеву снова выдрать плетью, подтвердив ей, «что впредь за подобные слова и разглашения, по жестоком наказании, будет выслана в отдаленное место от Уральского городка».

Бедной неугомонной бабе снова пришлось отвечать своей спиной за слепую преданность Пугачеву, и с этого раза она, вероятно, присмирела, рассудив, что в конце концов плетью обуха не перешибешь, а своя шкура дороже!..

Публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

"ХЕРБАЛАЙФ"

Муки голодания... Упражнения со штангой...
Ради избавления от нескольких лишних кг? Не
надо!

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ ПРОДУКТ питания на основе целебных трав не только снижает холестерин, выводит шлаки, повышает жизненный тонус, стабилизирует обмен веществ и артериальное давление, но и поможет похудеть на 15 кг. за месяц.

Удивительная новинка: набор кремов «Коллекция Марка Хьюза» из пяти компонентов предназначен для вашего лица. Отдельные препараты американской фирмы «Хербалайф» («Флорафайбер», «Хербалайфлайн», «Киндерминс» и многие другие) нормализуют функции желудочно-кишечного тракта, сердечно-сосудистой системы и т.д.

Предлагаем дистрибьюторские наборы.

Оплата в СКВ.

Справки по телефону: (095) 238-70-41,
231-15-09.

"ХЕРБАЛАЙФ"

Прощай,
 мой водопад!
 Ты — выдумка, каприз,
 над входом
 в тусклый ад —
 обшарпанный карниз.
 Над пыльной мостовой —
 безумный фейерверк.
 Как грустно —
 не с тобой лететь
 не вниз,
 а вверх!
 Лишь сорок дней парить
 бездумно
 над землей...
 И Ариадны нить
 окончится петлей?!

Вот и здесь — на чужом, незнакомом ветру —
 за окном стыннут белые астры.
 Я звонками тебя не бужу поутру,
 не приветствую ласково: «Здравствуй».
 В проводах телефонных терялись слова,
 и по милости их затянулось молчанье.
 На руках наши души носила трава,
 а теперь по полям отпевает ночами.
 Пусть останется ночь.
 Пусть за нами звезда
 в темной шали следит, как колдунья.
 Но уже никогда, никогда, никогда
 моих глаз не увидит тебе полнолуния.
 Ты на белых снегах меня спать уложи:
 постели мне холодные астры...
 Отчего так нескладно устроена жизнь —
 как два слова: «Прощайте» и «Здравствуй».

Жаль мне томный век дистанций...
 Только нам еще дано
 расплескаться в блеске танца,
 как искристое вино...
 Где сжигается дотла
 окрыленный хаос линий,
 где дыханьем белых лилий
 манят юные тела.
 Где прокладывают взгляды
 потаенные пути,
 где туземные наряды
 могут вас с ума свести.

...Без прелюдии, на людях,
то аля, то немея,
головой падешь на блюдо
пред ногами Саломеи.

Мы землю грешную покинем:
здесь грех — не грех, а блуд — не блуд,
здесь каждый Каин или Брут,
но прежде в этом ли повинен?
Не сразу рухнул Вавилон,
не сразу руки разминулись
на прочерках лебяжьих улиц,
что нам отпущены как сон.
Мы все грешны перед Творцом.
Быть иль не быть? — дурак решает,
а гений сразу воскрешает
судьбу, отпетую свинцом.

Век человека равен одиннадцати секундам
вселенского времени.

Воскреснуть —
из живых,
тепло отдать —
за холод,
и выменять
седых
волос —
на все, чем молод
безумный этот мир,
с себя не снявший маски...
О век мой, конвоир
продажных клятв и ласки!
Мы перестали быть,
мы не умеем сметь.
Губами не открыть
лица чужого клеть,
Несите в соты глаз
из снов
волшебных воск,
ведь там любили нас,
а здесь —
не довелось.
Кончайте круговерть!
Не знаю до сих пор —
из двух возможных
зол
что выбрать:
жизнь иль смерть?
Одиннадцать секунд —
за вечность
при свечах,

а ты мне на бегу:
— До встречи через час...

≡
Дай мне дьявольский,
тайный азарт —
колдовать над колодой карт,
где, колени слегка оголя,
умыкнула судьба короля,
где спикает скуднеющий пир,
колобродят колокола,
где уходит в заоблачный мир
сквозь разбитые зеркала.

≡
Не всегда мы были
лживы.
Мы любили крики чаек.
Отчего, пока мы живы,
душ своих не приручаем?
Если жизнь чего-то стоит,
то и к смерти не придраться,
умереть
и попытаться
сделать вид, что все пристойно...
Будет свет настольной лампы
птицей раненой кружиться,
и никто не скажет:
— Ладно...
...свет гаси... пора ложиться...
Но
еще я верю в чудо
и в друзей своих объятья,
ведь не выковал Иуда
звездь для Божьего распятья...

“СПУТНИК”

на орбите

С президентом акционерного общества «Спутник» **АЛЕКСЕЕМ ХОХЛОВЫМ** беседует корреспондент «Смены» **СЕРГЕЙ ЖИЛИН.**

126

Клуб предпринимателей

— Как бы вы, Алексей Николаевич, коротко определили смысл и цель существования «Спутника»?

— Философия организации была сформулирована еще тридцать пять лет назад нашими предшественниками: помочь увидеть мир молодым соотечественникам, а зарубежным сверстникам — посмотреть нашу страну. Главные клиенты «Спутника» — по-прежнему молодежь, невзирая на трудное время. Однако нет системы распределения, которая была еще несколько лет назад. Каждый может купить путевку, независимо от возраста. Задача фирмы стала шире: удовлетворить все запросы — а они очень разнообразны.

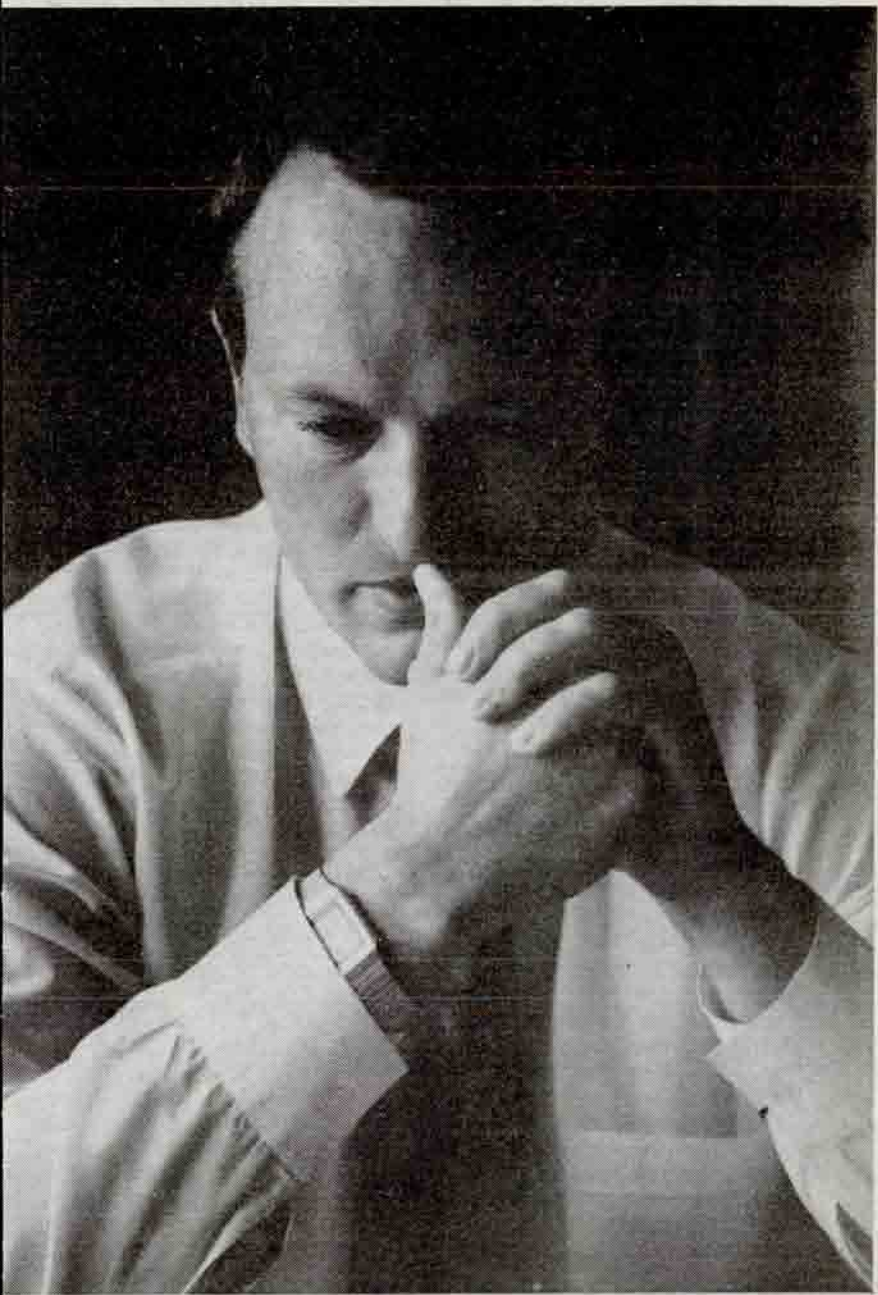
— Лет десять назад для молодого рабочего или специалиста отдохнуть по линии «Спутника» (по крайней мере внутри страны)

было вполне по карману. А сейчас?

— Цены резко подскочили, но что мы можем? Получить не пятнадцать процентов прибыли, а пять, или вообще без прибыли сработать, если выполняем какую-то социально-значимую программу. Однако «Спутник» не в состоянии предоставить клиентам путевки по совсем низким ценам, потому что их диктует рынок, причем часто нецивилизованный. И все же в среднем они на пять—десять процентов ниже, чем у конкурентов.

— Сколько у вас сотрудников, какая прибыль? Как много туристов вы обслуживаете?

— Число занятых в нашем центральном аппарате сократилось в три раза. А в целом — со всеми отелями, центрами, бюро — 4,5 тысячи человек. Средний уровень рентабельности — 12—15 процен-

тов. Если получается 17 — мы считаем много. Хотя на каких-то престижных путевках могли бы заколотить и 50, и 100 процентов. Но для нас важно показать: наша фирма не однодневка. Люди должны знать: программы у нас хорошие, цены — приемлемые, и мы — на года, а не так, чтобы сегодня набить карманы и разбежаться...

Провал в индустрии туризма в стране — капитальный! Объемы сократились в 15—20 раз. В лучшие годы мы отправляли в социалистические страны 250—280 тысяч человек по безвалютному обмену, и примерно столько же приезжало к нам. Сейчас обмен с восточноевропейскими государствами сократился до 20 тысяч туристов с каждой стороны ежегодно. Но! В западные страны ездило раньше тысяч по двенадцать каждый год, а в прошедшем году спрос на такие туры резко увеличился до 46 тысяч... Однако, несмотря на общее падение, в прошлом году мы направили 80 процентов своей прибыли на инвестиции (а в этом — 65). Мы ни на день не прекращали строительство и реконструкцию отелей и центров.

— У вас было много объектов в республиках СССР, ныне суверенных государствах. Вы их потеряли?

— «Спутник» остался практически единственной организацией, которая после распада Союза сохранила свою сеть на местах, отделения, отели, молодежные центры. Мы ни на минуту не прекращали работать на мин в государствах Балтии, ни на Кавказе, ни в Средней Азии. Уже лет семь назад мы раскрепостили экономический механизм и оставляли на местах до 85 процентов заработанной там прибыли, которой они распорядились по своему усмотрению. В украинских, прибалтийских, гру-

зинских, азербайджанских центрах и гостиницах имеется наш значительный капитал — от 25 до 100 процентов в каждой... Мы нигде не шли на баррикады, не стучали кулаками по столу, но решили практически со всеми республиками вопросы собственности на взаимном интересе. И как правило, находили общий язык.

— Каким образом ваша фирма стала акционерным обществом?

— Чтобы сохранить «Спутник», нам надо было сохранить положение транснациональной корпорации.

Другая задача — привлечь не только финансовый капитал, но и, если можно так выразиться, «мозговой» и ресурсный. Это нам удалось. Два года назад у АО было шесть учредителей. Сейчас — более пятисот, причем около сорока процентов вложенного капитала — частный. Кроме того, в процветании компании заинтересованы все наши работники: они стали совладельцами, 35 процентов акций принадлежит им.

— В России сотни туристских фирм. Как чувствует себя «Спутник» в условиях обострившейся конкуренции?

— В России уже не сотни, а около пяти тысяч фирм, в уставе которых одним из пунктов записан туризм. Есть серьезные туристские организации. Не хочу обидеть конкурентов, но многие работают нецивилизованно... Собираются, сколачивают компанию, заманивают любой ценой клиента, берут деньги, уходят от налогов, хватают чемодан с купюрами, одаривают всех и перебивают у нас места в гостиницах, транспорт... Мы же лучше себе в убыток сработаем, но ни в коем случае не позволим вести себя так! Вся эта пена скоро осядет, ситуация меняется. К нам уже приходят представители оте-

лей: хотим сотрудничать с вами... А в целом конкуренция — благо. Рынок заставляет всех шевелиться и гораздо эффективней работать мозгами.

— Ходят разговоры, что некоторые компании просто перекупают у вас путевки и реализуют их дороже...

— Были такие случаи... Мы заинтересованы, конечно, в оптовых покупателях, реализуем им путевки со скидкой, записываем в контракте, что профит (прибыль) должен быть таким-то, и они не имеют права поднимать цены. Но вот однажды продали фирме 45 мест на круиз, а она реализовала их в 1,7 раза дороже... И пока нет законов о конкуренции, о туризме, мы не можем на таких недобросовестных партнеров подавать в суд.

— Мой знакомый собирался отдохнуть в Болгарии и путевку хотел покупать только у «Спутника»: надежная фирма, говорил он, здесь не обманут... Однако репутацию надо поддерживать, в том числе и рекламой, а о вас в отличие от конкурентов, извините, ни слуху, ни духу...

— Доброе имя «Спутника» пока не забыто. И хотя в большой фирме бюрократизм всегда имеет место, для нас клиент всегда прав. Если, скажем, он приобрел путевку и по каким-то причинам не смог поехать, мы рассчитываем издержки, которые понесли, показываем их ему, но не меньше девяноста процентов стоимости возвращаем. Или был, скажем, такой случай: группа отправилась в Болгарию, полагая (из-за ошибки нашего сотрудника), что едут на полный пансион, а им предложили полупансион (без обеда). Мы возвратили всем разницу в стоимости... Пытаясь снизить наши издержки, мы договорились с частной компанией, что она будет осуществлять

чартерные рейсы с нашими туристами в Болгарию. Но... Один раз пассажиры ждали самолета три часа, другой — четыре. Мы сказали: нам не подходит ваше обслуживание, лучше мы заплатим за перелет дороже, однако будем знать, что клиент доволен.

Что же до рекламы, здесь наша беда. Думали, «Спутник» — фирма известная, отделения есть во всех республиках, городских, областных и краевых центрах — к нам все равно покупатели идут... Здесь мы ошиблись. Почувствовали, что надо создавать службу маркетинга — у нас ее никогда не было. Нынче мы предполагаем 10—15 процентов прибыли тратить на рекламу. Но она будет предметной.

Планируем в Москве, Санкт-Петербурге, других крупных городах открыть свои агентства по реализации туристских услуг. Чтобы не надо было человеку ехать через весь город, чтобы он знал: в Москве есть 15—20 наших бюро, где есть каталоги, видеоролики, можно выбрать и купить тур, отдать документы на паспорт и визу...

— Что за мистика происходит вокруг Закона о выезде?

— Это не мистика, а издевательство! Такой Закон — насмешка, если нет механизма его реализации. Сказали: старые загранпаспорта прекращают свое действие. А их на руках — 2,5—3,5 миллиона. Люди ночами стоят в очередях, чтобы получить анкету, кого записывают на четыре месяца вперед, кого — на три... Сразу сработали мафиозные структуры: за 150 долларов могут выписать паспорт. Чтобы нормально функционировать, ОВИРам надо набрать 15 тысяч новых работников. «Спутнику» установили квоту — 60 паспортов в неделю! Мы боремся, встречаемся с руководителями МВД

и МИД, забрасываем правительство письмами... То, что устроили, конечно, кошмар. В нормальной стране за такое уходят в отставку.

Наши убытки только за два месяца составили 150 тысяч долларов и около 170 миллионов рублей. Теряют деньги «Азрофлот», МПС, наши зарубежные партнеры... Не говорю уже о моральном ущербе. И, если такое продолжится, возродить туризм будет сложно. Он вообще очень хрупкая вещь. Как барометр, чувствителен к любым переменам. Произошло московское первомайское побоище, во всех странах его показали по телевидению, соответствующие западные департаменты предостерегли соотечественников — и десятки групп, которые должны были приехать к нам, свои вояжи аннулировали...

И все же Россия, если не будет у нас катаклизмов, может стать одной из самых привлекательных для туризма стран. Доходы от иностранного туризма возможно исчислять у нас миллиардами долларов...

— Раньше на пути к границе стояли райкомы. Теперь мешает тощий кошелек. Неужели для большинства из нас Париж так и останется «праздником, который всегда не с нами»?

— Я тоже над этим размышляю. Моей дочери четырнадцать, мне бы хотелось ее послать на пару месяцев в Германию, чтобы пожила в семье, язык подучила. Но не могу найти средств ее отправить, хотя отношу себя к высокооплачиваемым работникам... Как президент туристской фирмы я анализировал потоки поляков в Турцию. Сначала они занимались только торговлей. Потом большинство стали тратить два-три дня в Стамбуле, чтобы продать-купить, и у них оставалось дней

пять для отдыха на побережье. Удовлетворив какие-то первичные потребности в еде, одежде, люди зарабатывают, чтобы развлечься, отдохнуть, мир посмотреть... И у нас тоже все меньше и меньше становится спрос на шоп-туры.

Появляется в России слой сверхбогатых людей. Заказывают поездки в Майами, на Гавайи, Канарские острова — индивидуальные, с классом обслуживания не ниже четырехзвездного. Наверное, всем россиянам за ними не угнаться, но возник у наших соотечественников стимул работать и богатеть...

Безвалютный обмен, который был раньше, — великая вещь. В год мы обслуживали около полумиллиона человек. И вдруг все это ликвидировали. Мы уж если что-то сжигаем, то дотла. А почему бы не возродить его с ближайшими соседями — Польшей, Чехией, Словакией? Мы попробовали с несколькими группами — получилось. И хорошо получилось!.. Старемся восстановить «детский обмен». Между прочим, царский режим устанавливал почти бесплатный проезд по железной дороге для детей, которые отправлялись на общеобразовательные экскурсии. Японцы не зря дают большие скидки на поездки школьников и студентов по всему миру — они понимают, что благодаря этому повышается потенциал государства.

Конечно, у нашей многострадальной России немало других проблем накопилось. Попробуем помочь юным сами, привлекая молодежные структуры.

Единственный ежемесячный журнал зарубежной фантастики в СНГ

Только первые публикации
на русском языке

Только лучшие произведения
зарубежных авторов,
отмеченные литературными
премиями

Только в «Если»
новые имена на небосклоне фантастики

Только у «Если»
права на журнальную публикацию
повестей и романов
ряда ведущих зарубежных авторов

Журнал, издаваемый «Московскими Новостями», выходит с конца 1991 года. В розницу практически не поступает.

Подписной тираж — 72 тысячи экземпляров.

В первом полугодии 1994 г. в «Если» будут опубликованы новые романы Клиффорда Саймака и Роберта Шекли, повести Марион Бредли и Мартина Коуни, рассказы Филипа Дика, Майкла Муркока, Роджера Желязны, Генри Каттнера и других писателей-фантастов. О каждом из авторов — подробная библиографическая справка.

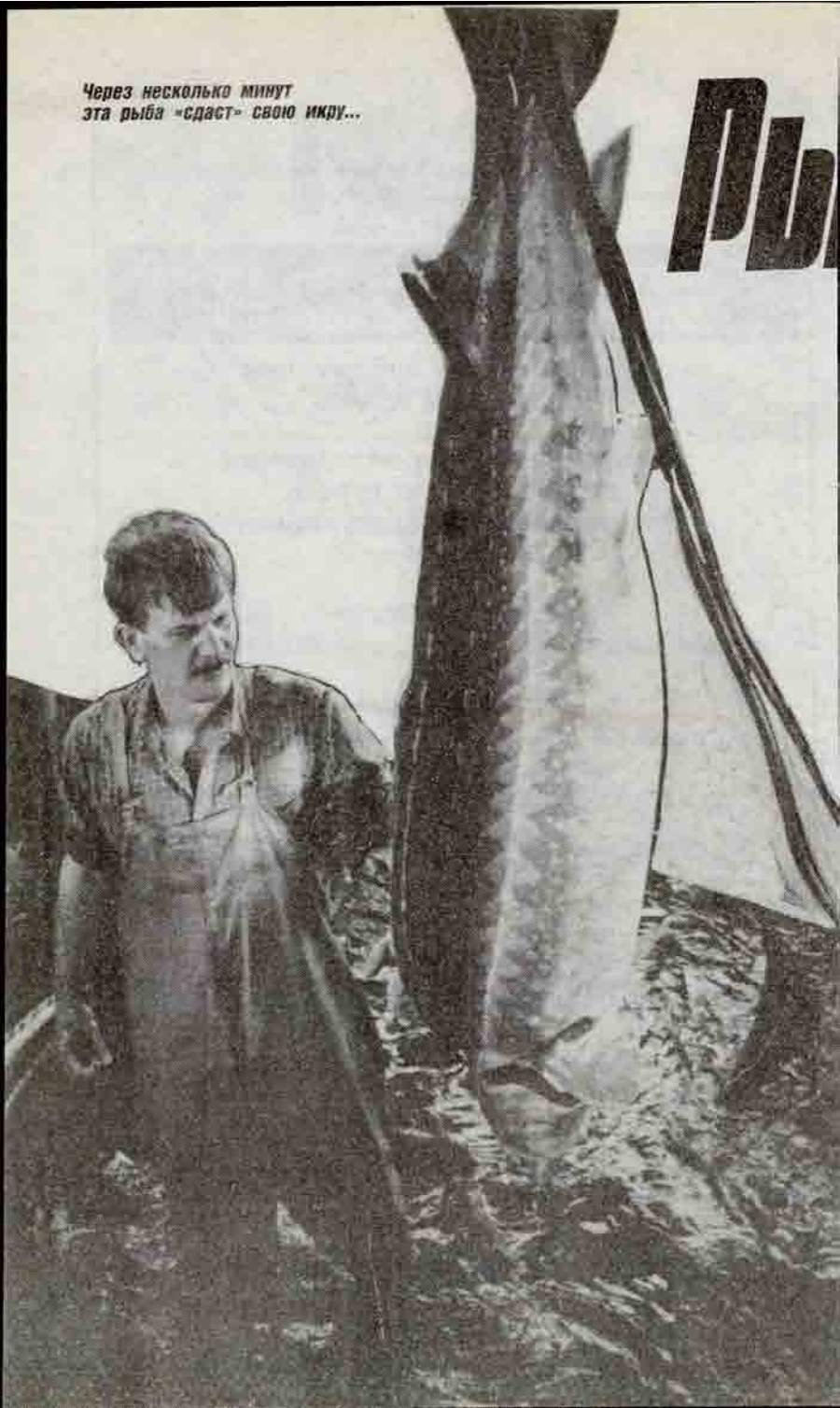
Индекс в каталоге «ИЗВЕСТИЙ» — 73118.

**Подписная цена на полгода по каталогу — 1200 руб.
(без стоимости доставки).**

Sic! Возможна льготная комплексная подписка сразу на три издания: журнал «Если», газету «Московские Новости», газету «Нью-Йорк Таймс» на русском языке (новации в области науки, техники, культуры, портреты «звезд», жизнь за рубежом, наша действительность глазами американских экспертов). Комплексная подписка обойдется читателю на 25% дешевле, чем общая стоимость всех изданий. Индекс — в каталоге «ИЗВЕСТИЙ».

Через несколько минут
эта рыба «сдаст» свою икру...

Ры

БЫЛЫЙ ДЕНЬ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВ

ФОТО ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Когда в общепите в семидесятые годы ввели «рыбный день», мы шутили: это все же лучше, чем если б объявили день «мясной». Рыбу мы тогда считали продуктом... второсортным, что ли. Нам мяса бы! Потом и рыба постепенно стала исчезать из продажи — ни свежей, ни мороженой, ни консервов. Не говоря уже о живой. Правда, кое-что по мелочи из даров моря еще можно купить, но вот вкус речной рыбы как-то забылся. И это в России, с ее многоводными реками и обширными озерами! Вспомним, что одна Волга когда-то кормила полстраны...

Микоян просил — не сделали...

«Рыбный цех» России — Астрахань. Не скажу за все астраханские магазины, но в тех, куда довелось заходить, я не обнаружил ни одного рыбьего хвоста. В гостиничном буфете постояльцам предла-

гались вареные яйца по 34 рубля за штуку и миниатюрные котлетки по 184. Я невольно вспомнил, как, будучи в Астрахани лет десять назад, свободно и за разумную цену покупал жареного сома, запеченную воблу... Рассказал об этом заместителю директора Астраханского рыбоконсервного комбината Виктору Сергееву. Он согласно покивал головой — да, было такое.

— Это вы нашу рыбу покупали. Целый цех кулинарных изделий работал. Поставляли в торговлю по 12 тонн ежедневно. Сейчас — до 20 килограммов. Цех фактически закрыт. А причина одна: торговля отказалась от полуфабрикатов из-за дороговизны.

По той же причине не берут магазины и свежую рыбу: уж очень несуразные цены заламывают рыбаки — да плюс торговые накрутки — никто за такие деньги не купит. Зачем, если рядом с ма-

газином или на рынке можно купить гораздо дешевле?

Продукция рыбокомбината — консервы, за счет этого и держится: их можно долго хранить, поставлять в другие города, где с руками оторвут. Но и комбинат почувствовал спад производства: одну тысячу работающих из трех пришлось сократить. Правда, все они трудоустроены, но если так пойдет и дальше? Пока поставки частиковых — судака, леща, сома, щуки — держатся более или менее стабильно. А вот по осетровым — снижение раз в десять. В прошлом году получили от рыбаков три тысячи тонн, план на этот — 385. Здесь даже перестали учитывать прибыль от осетровых отдельной строкой. Куда же уплыла рыба?

Общеизвестно, что реки Волги сегодня как таковой нет — есть цепь водохранилищ. Достаточно сказано и о пагубном влиянии волжских плотин — из-за них затоплены, уничтожены нерестилища осетровых и частиковых пород. Сделано это было по сталинскому плану преобразования природы... Но, как рассказывал нам специалист по рыбному хозяйству областной администрации Ювеналий Верзин, в чем-то надо отдать должное и тогдашнему правительству. Еще в 1936 году Микоян собрал ученых-рыбников, поведal о планах строительства каскада ГЭС и попросил подумать, предложить, как избежать нежелательных последствий. Ученые не смогли придумать ничего...

Война заставила отложить строительство. А в 1948 году уже Косыгин собирал ученых по той же проблеме. И снова — никаких конкретных предложений. Наконец, в 1956 году правительство постановило построить 20 рыбозаводных заводов. На сегодняшний день построено 13, из них во-

семь — в Астраханской области. Мы побывали на одном из них — в райцентре Икраное.

Плач по осетровым

Подвешенной за жабры осетрихе вспарывают брюхо и руками выгребают несколько килограммов икры в подставленные тазики. Затем икра смешивается со спермой осетра и укладывается в нехитрое сооружение — ряд качающихся металлических лотков с проточной водой. Своего рода искусственное нерестилище. Вылупившиеся мальки отправляются подрастать в искусственные пруды и после «сбрасываются» в Волгу по узкому каналу. Такова, упрощенно, технология рыбозавода; он как бы компенсирует погубленные естественные нерестилища. Поскольку такой способ «икрометания» смертелен для рыбы, приходится каждую путину отлавливать новых взрослых производителей в Волге. Но завод вырастил и свое маточное стадо, живущее в бассейнах с проточной водой, и в принципе сможет работать по замкнутому циклу. Тем не менее главный рыбозавод Александр Ферафонов, работающий тут три десятка лет, заявил категорически:

— Лет через пять осетровых в Волге не будет.

— Почему такой мрачный прогноз? — спросил я. — Ну, ладно — плотины... Тем не менее каким-то образом осетр выживает. Рыбозаводные заводы работают. Почему осетровые должны исчезнуть? Кстати, существуют и лимиты на отлов.

Ферафонов расхохотался:

— Лимиты? Это для рыбозаводов, колхозов. А так — ловят все, кто хочет и сколько хочет.

Присутствовавший при этом разговоре сотрудник Каспийского

научно-исследовательского института рыбного хозяйства Вадим Чуканов добавил:

— Браконьерство повальное, сверху донизу — так и напиши. Причем чем больше охраняющих рыбу — вот еще и водную милицию ввели, — тем больше браконьеров. У кого власть — тот больше и ловит. И второй основной фактор — влияние промышленности.

— Значит, тупик? И ничего предложить нельзя?

— Я бы предложил снести Волгоградскую плотину, — сказал Ферафонов. — Думаю, для государства это было бы выгодно.

Вряд ли государство решится на столь радикальную меру... А вот что касается браконьерства — Вадим абсолютно прав. Браконьеры уже не прячутся. Даже в черте Астрахани совершенно открыто ловят запрещенными крючковыми снастями — раньше на это никогда не решались. Всего за четыре месяца обнаружено 3070 нарушений рыбоохранного законодательства, задержано 3323 браконьера. Конфисковано 15 тонн осетровых. Получено в казну около трех миллионов штрафов — да что толку? На эти деньги нынче «Запорожец» не купишь...

Много еще интересного я узнал. Раньше молодь вывозили в Каспий специальными судами типа «Аквариум» и там выпускали. Сейчас тех судов нет, и рыбу отправляют в реку прямо с завода. Хищникам даже охотиться не надо: стой себе около устья канала, разинув пасть. Между прочим, за выпуск в реку молодки заводу никто не платит. Раньше средства на это выделялись из бюджета КаспНИРХа, а теперь и сам институт на мели.

Даже в годы войны запрещалось вести промысел осетровых в море. (Надо пояснить — почему.

В реку на нерест идет только взрослая рыба. А на Каспии в ставные невода попадалось много молоди, которая могла бы дать потомство, но преждевременно отлавливалась. Потому и запрети.) Запрет этот не отменен, но... кто в наше время смотрит на запреты? Каждое прикаспийское государство норовит добыть рыбы побольше. Также никто не оглядывается на запрет ловить рыбу, идущую на нерест...

Чей же Каспий?

В мае в Астрахани собрались делегации России, Азербайджана, Туркмении, Казахстана, Ирана. Цель была — парафировать «Соглашение о сохранении и использовании биоресурсов Каспийского моря».

Совещались три дня, но протокол так и не подписали. В заключительный день прессу вежливо попросили вон, хотя непонятно почему: ведь итоговую информацию никто не скрывал. Да и какие могут быть секреты? Ситуация очевидна. С распадом Союза «повисли в воздухе» договоренности по морю с Ираном. А с новыми государствами их вообще нет. Все участники совещания выразили тревогу по поводу того, что может погибнуть уникальное мировое стадо осетровых. Коль такое единодушие — в чем же причина разногласий?

Главным предметом спора оказался правовой статус Каспия. Не смогли договориться, чем его считать — морем или озером? Какая, спросите, разница? Оказывается, существенная. Если озеро — граница проводится по воде, каждой стране достается свой «кусочек» водного пространства. Если море — устанавливается... мильная прибрежная зона. Грубо говоря, не сумели «поделить» Каспий.

Договорились встретиться несколько месяцев спустя — в Тегеране.

На море-озере между тем ситуация обостряется. В апреле морская полиция Азербайджана задержала российское судно «Днепр». Рыбаки ловили кильку и перерабатывали ее на рыбную муку. Полиция же искала... оружие и наркотики. Продержав две недели, «Днепр» отпустили, предварительно отняв груз. Но жаловаться грех: судно работало без промыслового билета. Впрочем, полагаю, и при наличии билета результат был бы аналогичным — всегда можно найти повод. В данном случае азербайджанская сторона обвинила рыбаков в том, что они ловили в их территориальных водах. Но таковых официально еще не существовало! А если придерживаться международных правил о 12-мильной зоне, то и в этом случае «Днепр» ни под какую «статью» не подпал — он находился в 25 милях от берега — там же, где и другие суда: российские, туркменские, казахские... Опасный прецедент.

Разрыв межгосударственных связей — дело не только политическое. Две недели обивал пороги астраханских кабинетов ученый из Кишинева, пытаясь добиться разрешения на вывоз нескольких килограммов икры — для чисто научных целей. В прошлом никаких проблем не возникало. На сей раз дали от ворот поворот. Ну, не смогут в Молдавии разводить осетровых — кому от этого лучше?

Наука и рыба

Пять лет назад мы писали, что волжская рыба болеет — в ее мясе нашли полный букет тяжелых металлов, включая ртуть. Ее даже перестали поставлять для «кремлевских» небожителей,

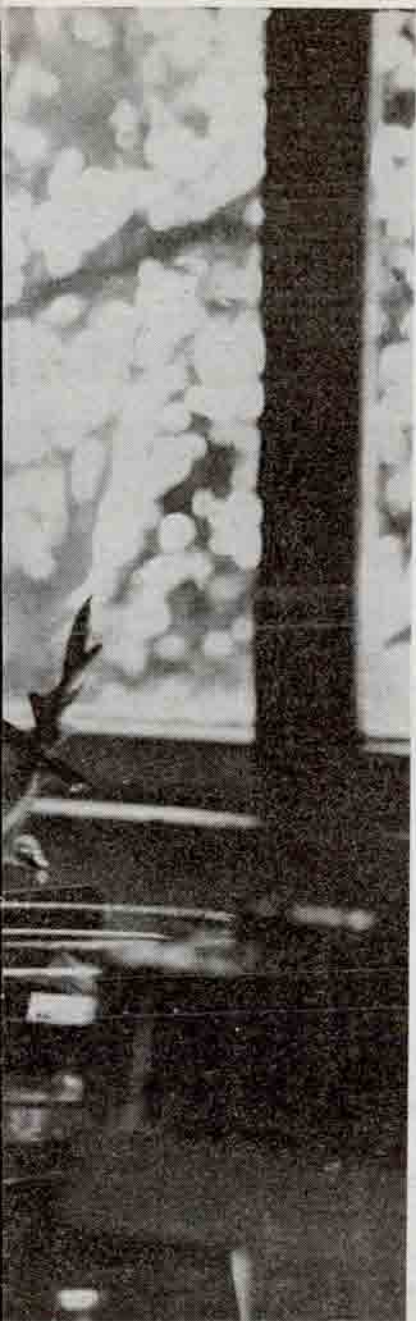
а стали продавать мелкими партиями для «населения». Это как раз результат того, о чем говорил мне Вадим Чуканов, — влияние промышленности. Сточные воды, дымовые выбросы... Одним из виновников загрязнения Волги мы назвали Астраханский газоперерабатывающий завод, выпускающий серу. Помнится, тогда «зеленые» активно протестовали против строительства второй очереди ГПЗ. А как сегодня? Завод продолжает строиться — и никаких манифестаций, митингов. В областной администрации зеленое затишье объясняют повальным увлечением политикой — мол, не до экологии. Но есть и более прозаические объяснения.

ГПЗ — это новые рабочие места, что жизненно важно при наступающей безработице. ГПЗ — это самая высокая в области зарплата, хорошее снабжение. Люди сами рвутся туда работать — несмотря на то, что жить в заводском поселке небезопасно для здоровья. Все мы теперь живем днем сегодняшним...

У заместителя директора КаспНИРХа Анатолия Власенко я поинтересовался: как влияют газовые выбросы завода на состояние Волги? Оказалось, такие исследования теперь не ведутся — нет денег. А кто согласится финансировать? ГПЗ это совершенно не нужно, а других заказчиков не находится. И вообще институт в бедственном положении. Оказавшись на финансовой мели, он вынужден свернуть исследования по генетике рыб, перспективные работы. За прошлую зиму не смогли послать ни одной экспедиции на море, не собрали никакой информации. Но беспокоит Власенко не столько это, сколько массовый уход молодых ученых из института. Никто не хочет работать за ничтожную зарплату.

В лаборатории рыбозавода.

— Уйдет наше поколение, — говорил Власенко, — а кто придет на наше место? Новые кадры мы практически не готовим. Как будет существовать наука?

Между прочим, лет сто назад рыба была в меню любого трактира — без всякой науки. Сегодня времена другие — без науки не обойтись, ибо круто изменились естественные условия жизни — под влиянием человека, разумеется. Для осетра неестественно, например, жить в прудах или в реке, загрязненной ртутью. Вот и приходится ученым разрабатывать кормовую диету, выращивать репродуктивные стада, создавать генетический банк осетровых в искусственных водоемах.

Впрочем, при нынешних ценах не до осетрины — нам бы чего-нибудь попроще.

Прибыль на сторону

«Проще» выращивают в том же Икрыном прудовом комбинате — карпа, толстолобика, белого амура. Плотины им не мешают — а в магазинах все равно нет.

— Снижается производство, — объяснял директор комбината Николай Константинов. — Карпа надо кормить комбикормами, а их нет. Когда-то какой-то идиот поставил комбикормовой завод в Узбекистане, где нет нужных компонентов — ячменя, кукурузы, пшеницы, шрота. Завозили их туда из России. А сейчас все связи нарушены, узбеки сами сидят без работы. Даем рыбам корма не рыбы, а свиные. И стоят они 44 рубля вместо 21 копейки за килограмм. На счету предприятия — ноль. Вот откуда и высокие цены. Мы могли бы продавать рыбу дешевле — если снизить производство еще раз в пять. Вот такой парадокс.

— Один из ваших цехов отделился и стал самостоятельным ма-

лым предприятием. И каков результат?

— Давал 700 тонн в год, сейчас — 160. Причина все та же — нехватка кормов.

Комбинат не только поставляет рыбу в торговлю, но и продает молодь — так называемый посадочный материал — другим рыбноводным хозяйствам. Целый год эти хозяйства не могли рассчитаться за полученный товар, а теперь, в связи с предоплатой, вообще не могут его купить. Немалая часть молодежи на комбинате просто подыхает. Откуда ж рыбе взяться? Константинов просил обязательно написать: он может продавать молодь в больших количествах, были бы платежеспособные партнеры.

В прошлом году правительство России постановило выплачивать рыбводам дотацию — 25 рублей за килограмм. Но вместо предполагаемых десяти миллионов рублей Константинов получил три. Потому что продал часть рыбы за пределы области и в малые предприятия.

— В областной администрации, — рассказывал он, — мне никто не смог объяснить, кто запретил продажу рыбы в другие области и малым предприятиям. А какая, собственно, разница? И какой же в таком случае рынок, если я не волен продавать свою продукцию по своему усмотрению?

О парадоксах нашего рынка можно рассказывать бесконечно. Например, Астраханский рыбокомбинат делает консервы в томате. Но вот что интересно и уму непостижимо — он закупает помидоры где угодно, даже за границей, — но только не в помидорной Астраханской области. Дешевле выходит!

(И еще, к слову, о гримасах отечественного рынка, с которыми столкнулись непосредственно.

В гостинице Икряного после приватизации стали брать с постояльцев залог — тысячу рублей. Я поинтересовался — за что? «А это на тот случай, — объяснила администраторша, — если вы чего разобьете или сломаете». Да ни в каком Зимбабве до такого не додумались бы! Я поинтересовался — а кто владелец гостиницы? Выяснилось — бывший первый секретарь райкома КПСС...)

И прудовое хозяйство, и рыбокомбинат становятся акционерными обществами открытого типа. Что это даст?

— А ничего, — ответил Константинов. — Как работали, так и будем работать.

— Тогда зачем вам это нужно?

— Куда денешься? Есть госпрограмма приватизации...

На аналогичный вопрос: какой смысл отдавать 49 процентов прибыли чужим людям, акционерам, один из работников рыбокомбината ответил:

— Купив акцию, вы приобретаете часть имущества, но не гарантию дивидендов.

— То есть в принципе вы можете мне ничего не платить?

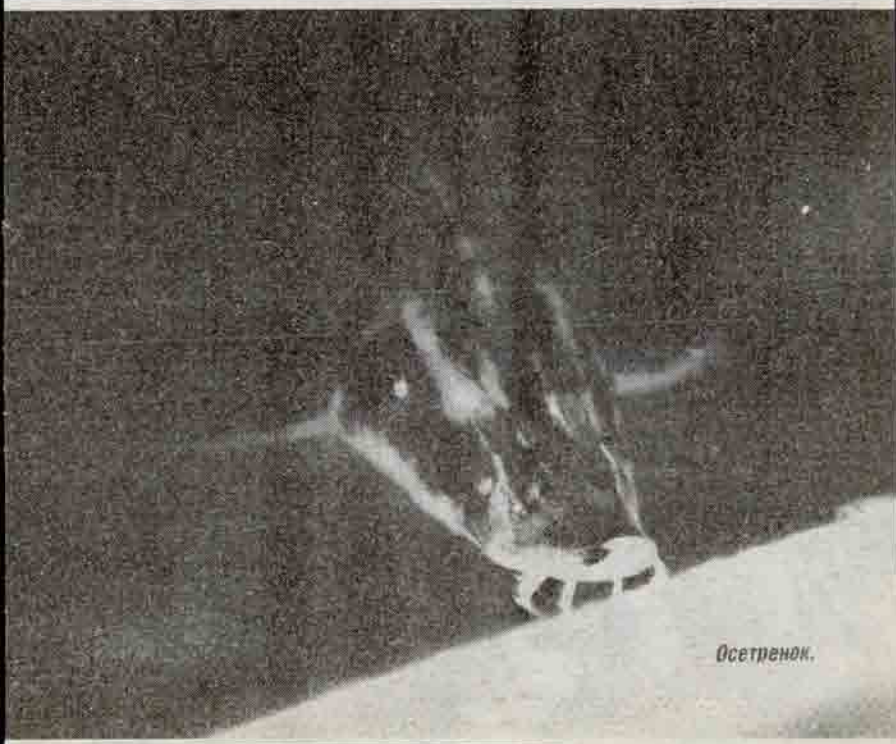
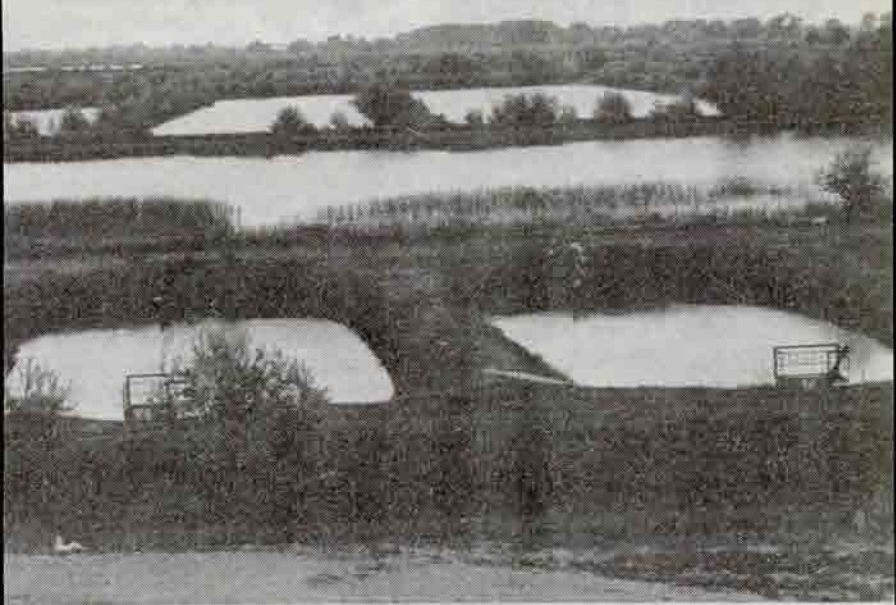
— Естественно.

«Рыбий день», ау!

Финансовые вопросы имеют непосредственное отношение к рыбопроизводству. Скажем, птица баклан нагло пожирает рыбу в прудах — но у хозяйства нет денег купить ружье и патроны. Рыба и в прудах болеет — ведь живет в той же волжской воде, получает свою порцию отравы из заводских труб. Накапливает в организме тяжелые металлы, страдает токсикозом. Но у Константинова нет средств платить ученым за работы по этой проблеме.

Александр Крайников, председа-

В прудах выращивают толстолобика.

Осетренок.

датель рыбколхоза, говорил примерно то же самое:

— Больше рыбы в магазинах не будет. Раньше «частникам» разрешалось ловить только на удочку. Сейчас — кто во что горазд. И еще нас душат налогами — 76 копеек с рубля. А ведь мы не только ловим, но и сеем, пашем. Уже три года не покупаем технику — денег нет. Как будем жить на следующий год? Не знаю. Одно могу сказать точно — овощей и арбузов у вас в Москве не будет. Нет смысла их туда возить: въезд на рынок — плати оброк. Выезжаешь — снова плати. Плюс рэкет...

Неужели ж ситуация столь безвыходная? Об этом мы и говорили с Ювеналием Верзиным.

— Действительно, цифры грустные. Если в семидесятых годах мы добывали 10,5 тысячи тонн осетровых, то сейчас — вдвое меньше. Прогноз на 1994 год — 3,5 тысячи тонн. Но не все так безнадежно. Хотя новых рыбозаводов строить не будет, мы разработали проект реконструкции старых. Выпуск молоди увеличится в полтора раза... Начнем строить и специализированные суда для перевозки молоди в море. А главное — надо создавать элитное стадо осетровых и переходить к индустриальным методам рыбопроизводства. КаспНИРХ ведет подготовку к этому, но его силы ограничены. Опять-таки — нехватка финансов. Должно быть федеральное финансирование этой программы.

Она создана, но вот уже несколько месяцев крутится по московским кабинетам...

По сути, не слишком оптимистично... А неплохо бы и сегодня ввести «рыбный день»...

Перед отъездом из Астрахани прогулялись по величественному

кремлю. Богато ведь жил город, обменивались мы впечатлениями, коль мог позволить себе строительство таких роскошных храмов. Конечно, пришли мы к выводу, ведь жил за счет золотого дна — рыбы...

Владимир ПОРТЯНОЙ

О Владимире Портяном пишут как о художнике, «раскрывшем славянское мироощущение средствами современной европейской живописи». Его картины приобретаются частными собраниями и галереями Европы и США. Парадоксально, что художник, у которого тема России занимает, пожалуй, ведущее место в творчестве, мало известен широкому кругу отечественных почитателей живописи. Возможно, причина в том, что ра-

боты Портяного как-то выбиваются из основных направлений современного искусства: их нельзя отнести ни к реалистическим, ни к авангардным. Кроме того, Владимир не любит заниматься саморекламой. «Мне не нравится та пустопорожня трескотня, которая нередко сопровождает художника. Создание картины для меня не цель, а средство самопознания, путь к самосовершенствованию, постижению гармонии мироздания».

Владимир Портяной родился в Баку в 1946 году, куда его родители вынуждены были переехать после войны в поисках работы и хлеба насущного. Детство провел на родине матери — в тихом провинциальном городке Калаче, некогда станице донского казачества. Там он закончил школу и, проявив интерес к живописи, занялся самообразованием. В конце 60-х Владимир приезжает в Москву и поступает в художественное училище имени 1905 года.

Так как после окончания училища возможности выставяться почти не было, он занялся изготовлением витражей, что и являлось главным источником его существования.

70—80-е годы стали временем возрождения интереса к искусству прошлого, художники-«семидесятники» черпали свое вдохновение в итальянском ренессансе и фламандской живописи XV—XVI вв. Они стремились подражать даже технике письма старых мастеров. Но гладкое лессировочное письмо не привлекло Портяного, гораздо ближе ему оказалась манера импрессионистов.

Когда Владимир обратился к истории, его привлекли романтика и героика начала XIX века. У художника появился целый цикл картин, посвященных декабристам, и прежде всего М. Лунину —

к образу его он неоднократно обращался впоследствии.

Творчество Портяного философично. Художник размышляет не только о судьбах России, но и вечных проблемах бытия: о добре и зле, грехе и расплате, возмездии и жертвенности. В своих работах он использует общеизвестную символику и аллегории, а также вводит символы, созданные собственной фантазией: символ России — слепой гармонист, символ русской деревни — пестрый петух, появляющийся среди ярких цветов и красавиц, расправляющий крылья и кричащий во всю силу, а рядом с ним — колесо, неизменный атрибут российской деревни и одновременно древнейший символ вечности...

Полотна Портяного яркие по колориту и очень близки к народному творчеству. «Декоративность, которой я придерживаюсь, — говорит Владимир, — имеет глубокие корни в народном искусстве, но моя декоративность обращена в себя и нацелена на создание своего мира, новых форм красоты. Я стремлюсь к «таинству брака» между формой и содержанием, плоскостью и пространством, нахожу символы, способные катализировать энергию из предметов».

Портяной работает в разных жанрах: это и сюжетные картины, и натюрморты, пейзажи, портреты и графика, в основном «гуаши» — небольшие по размерам, лаконичные по исполнению, они являются своеобразными страницами «эмоционального дневника», на которых легко читается любовь художника к родным местам.

Часто Владимир пишет один и тот же мотив, возвращаясь к нему не один раз и пытаясь с разных сторон раскрыть, высветить взволновавшую его тему. Например, случайно увиденная у пригородной электрички сце-

на — женщины, торгующие цветами, — привела к созданию цикла картин: «Вечер», «Воспоминания», «После дождя», «Женщины с цветами», «Солнечный день».

Особенно увлеченно художник работает над полотнами, связанными с библейскими и евангельскими сюжетами. Древнерусская икона давно интересовала Владимира удивительным сплавом формы и содержания, звучностью колорита, плоскостным решением пространства и декоративностью. Ведь именно в России отношение к божественным первоисточникам окрасилось особым трепетом и именно русским живописцам удалось ввести персонажей христианской истории в деревенскую избу.

Так появился цикл картин: «Богородица», «Михаил Архангел», «Распятие», «Всадник», «Георгий Победоносец».

Всегда интересна встреча с ху-

дожником, увлеченным своим делом, особенно если это по-настоящему творческая, ищущая личность.

Сегодня Портяной полон творческих сил, азарта и стремления менять окружающий мир по-своему. «Какая бы тема ни занимала воображение живописца, — говорит о нем писатель Игорь Дудинский, — диапазон его поисков необычайно широк. В сущности, его единственной, пламенной и неотступной страстью остается идея реставрации космоса — как божественного, горнего, так и человеческого, земного. Каждый его холст, каждый цикл — это еще одна попытка художника заполнить зияющую брешь бездуховности, отвоевать очередной плацдарм в поистине апокалипсической битве за новый, преображенный мир».

АЛЛА ТРИСТАН

КОРЕЕЦ

Тайна
Марфо-
Марьинской
обители

ФЕДОР

В Москве, на Большой Ордынке, в каменных двух- и трехэтажных корпусах казенного типа разместилась районная поликлиника. Когда-то в этих неуютных, похожих на казарму, помещениях был женский монастырь — Марфо-Марьинская обитель...

Кзданию поликлиники со стороны улицы примыкает высокая каменная монастырская стена со щелями, напоминающими бойницы.

В стене — арочные деревянные решетчатые ворота и такая же калитка.

Через сетку ворот видна приземистая одноглавая церковь. Если бы большой шарообразный купол венчал не крест, а полумесяц, то церковь можно было бы принять за мечеть. В то время, о котором идет речь, там уже была художественно-реставрационная мастерская.

Вокруг церкви таинственно шумит старинный монастырский парк, поскрипывая могучими стволами и ветвями вековых деревьев. Порою этот шум внезапно заглушается многоголосым гортанным карканьем бесчисленного воронья, которое гнездится в парке.

147

Слева, за воротами, к внутренней стороне монастырской стены прилепился каменный домик-сторожка с односкатной крышей и маленькими оконцами.

Там жил дворник, он же сторож художественно-реставрационной мастерской, крещеный кореец Федор Федорович и его семья. Кореец был изуродован огнем в первую мировую войну. Его лицо туго обтягивала пересаженная кожа, похожая на блестящую пленку, в белесых и коричневых пятнах. Глаза у него не закрывались даже когда он спал, полуожженные губы никогда не прикрывали крупных, редких зубов.

Это было страшное зрелище. Мы, мальчишки, избегали встреч с ним. А когда он, подметая улицу, иногда заговаривал с нами, мы, отвечая, старались не смотреть ему в лицо.

Нам хотелось, чтобы он думал,

будто мы не замечаем его уродства...

У Федора Федоровича была жена, сорокалетняя статная красавица, и трое дочерей — ученицы первого, третьего и пятого классов. Дочери у Федора Федоровича уродились очаровательными белокуроыми созданиями с чуточку удлиненным восточным разрезом глаз. Они казались нам очень надменными недотрогами. Может быть, это их качество было защитной реакцией на уродство отца, его метлу и фартук с дворницкой бляхой.

Перед войной корейца арестовали, прошел слух, что он — японский шпион, а жену и дочерей выслали из Москвы неизвестно куда.

Загадочная история семьи корейца интересовала многих, но долгие годы никто не мог проникнуть в эту тайну...

Лишь несколько лет назад мне поведал ее Петр Васильевич Абысов, старожил художественно-реставрационной мастерской, которая сейчас именуется Всероссийским художественно-реставрационным центром имени академика Грабаря.

Мы сидели с ним на скамейке под ветвями могучего дуба рядом с церковью и беседовали. Между делом я спросил Петра Васильевича, не знает ли он, начавший работать здесь еще до войны, историю этой церкви и Федора Федоровича.

— Как?! — удивился Петр Васильевич. — Вы и Федора Федоровича помните?

— Еще бы! И жену его помню, и дочек...

— Да-а, — проговорил Петр Васильевич, — тайну сию я узнал от одной божьей старушки, которая когда-то сама ушла от мирской жизни в Марьинский монастырь. Но язык я крепко держал за зубами. Ведь время какое было? Сами

знаете. Чуть что — и на цугундер... «Зачем болтаешь лишнее?»

— Расскажите, Петр Васильевич, — упрасивал я его, — теперь то уж можно. Теперь и не такое рассказывают и пишут.

— Это вы верно изволили заметить, — сказал он, — сегодня все осмелели, даже, извините, бабы на экране телевизора нагишом прыгают. Тьфу!

— История сия, мил человек, длинная. Началась она аж в девятьсот пятом годе, когда Иван Каляев бросил бомбу в карету губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича Романова. Погоревав год по убиенному супругу, Великая княгиня Елизавета, которая была немкой и родной сестрой императрицы Александры Федоровны, решила постричься в монахини, приняла имя Марфы и стала настоятельницей здешнего монастыря. — Петр Васильевич поднял палец и пояснил: — А православие она еще раньше приняла, когда выходила за Великого князя.

Помолчав, он продолжал:

— В девятьсот восьмом годе заложила она здесь на свои княжеские денежки этот храм. Строил его молодой тогда архитектор Алексей Викторович Щусев, а расписывали — знаменитый Михаил Васильевич Нестеров и тогдашний его ученик, а впоследствии тоже знаменитый Павел Васильевич Корин. В храме настоятельница повелела соорудить для нее усыпальницу. Да только она и по сие время пуста. Пути-то Господни ведь неисповедимы. Судьбу не угадаешь.

Петр Васильевич вынул свою видавшую виды табакерку, набил ноздри табаком, богатырски чихнул и продолжал:

— С тех пор монастырь и стали именовать Марфо-Марьинской обителью. Та самая бабка, с кото-

рой я упомянул, говорила, что настоятельница Марфа была по характеру добрым человеком, ведь недаром просила царя не казнить Ивана Каляева. Но послушниц своих держала в строгости и свято блюла монастырский устав. Были у нее и свои любимые послушницы, которых она приближала к себе. Но с ними она была в особенности строга и зорко следила за их нравственностью и поведением. Одной из таких избранниц оказалась красавица-монахиня Серафима, в миру мещанская дочь Мария. Настоятельница приблизила ее к себе по странной прихоти. Она прекрасно знала, что женихом Марии был студент-революционер, который погиб на баррикадах Пресни в девятьсот пятом годе, что и послужило причиной ухода девушки в монастырь. Что тут скажешь? Может, это было ее покаянием за казнь Ивана Каляева. Воистину пути Господни неисповедимы...

Я слушал его, затаив дыхание, боясь своим вопросом или неловким движением помешать рассказу.

— В начале первой мировой войны, — продолжал Петр Васильевич, — настоятельница Марфа решила оборудовать в храме лазарет для раненых. За ранеными стали ухаживать монахини, превратившись на время, по воле настоятельницы, в сестер милосердия. Сами понимаете, — заговорщически понизил голос Петр Васильевич, — для раненого война уход да ласка молодых послушниц — божий дар. Слово за слово, ласка за ласку, и пошла писать губерния, дело-то житейское. И в Серафиму без ума влюбился молодой гвардейский поручик. Он предложил ей руку и сердце. Серафима ему отказала, заявив, что дала обет безбрачия. Тогда он пригрозил, что покончит с собой,

если она не согласится бежать с ним из монастыря в поместье его родителей где-то под Калугой. Бедная девушка испугалась до смерти и все рассказала настоятельнице. И тут грянул гром! Марфа пришла в великий гнев. Даже по словам моей божьей старушки грубейшие слова сказала: дескать, если сука не захочет, то кобель не вскочит. И погнала ее из своей кельи...

Гвардейский поручик был досрочно выписан из лазарета и отправлен долечиваться в другой город. Серафиму с того дня настоятельница перестала к себе допускать и заявила, что сама решит ее судьбу. Серафима плакала, молила настоятельницу простить ее, грешную.

Настал день, и настоятельница решила судьбу несчастной по-своему. В этом же лазарете находился на лечении солдат-кореец с лицом, изуродованным огнеметом...

— Федор Федорович! — воскликнул я.

— Именно! — кивнул Петр Васильевич. — Марфа отлучила ее от монастыря и повелела выйти замуж за корейца.

— Но ведь Серафима же могла не подчиниться ее воле!

— Наверное, не могла, — вздохнул Петр Васильевич. — Старушка говорила, что она до венчания несколько раз травилась, а сам Федор Федорович ходил к настоятельнице и на коленях молил ее сменить гнев на милость и не выдавать за него бедную девушку. Но та настояла на своем.

Их обвенчали в церкви «Николы на Пыжах», что и поныне стоит наискосок отсюда. Знаешь?

— Знаю, знаю, — проговорил я, потрясенный его рассказом, — а мы ломали себе голову догадками... Ну и ну!

На свет опять появилась старая абысовская табакерка.

— Поначалу она вроде бы какой-то грех искупила. А потом... появились знакомые тебе дочки. В них и было для нее искупление.

— А что Федор Федорович? — тихо спросил я.

— Сгнил, наверное, в лагерьях, — нахмурился старик. — Сами, поди, помните, что тогда деялось. — Петр Васильевич тяжело вздохнул, помолчал, поглядел на купол храма и задумчиво проговорил: — Вот я и думаю, мил человек, как считать, то ли сей храм Марфы Марьянской, то ли памятник Серафиме. Лично я почитаю его памятником Серафиме... — Он опять помолчал и добавил: — И безвинно убиенному корейцу.

— А что стало с настоящей Марфой? — спросил я.

— У нее, брат, участь страш-

ная, — тихо сказал старик. — Усыпальница ее здесь, как я уже доложил вам, осталась пустой. Ее по-бандитски убили в гражданскую войну где-то на Дальнем Востоке, а труп сбросили в шахту. Слышал я, что прах ее нашли добрые люди и перевезли в Харбин, а оттуда — в Палестину, где и захоронили. — Петр Васильевич вздохнул, встал, перекрестился на купол храма и проговорил: «Велик и жесток сей мир. Добро и зло живут рядом. Господи, сохрани нас и помилуй!»

...В августе 1990 года в Марфо-Марьянской обители был поставлен памятник ее основательнице — Великой княгине Елизавете Федоровне. Освящен памятник был Патриархом Московским и Всея Руси Алексием II. На памятнике том слова: «Великой княгине Елизавете Федоровне с покаянием».

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

ВСЕ ЖАНРЫ

РОК-

РОЛЛ

Лет десять назад в Ленинграде родилась группа, которую пресса тут же определила как «самую остросоциальную и политизированную рок-группу». Назывался коллектив без особых претензий — «Телевизор». Тексты песен, окрашенные мрачно-пессимистическими тонами, врезались в память слушателей надолго:

*За нами следят,
начиная с детского сада.
Добрые тети, добрые дяди.
По больным местам,
в упор, не глядя,
Нас бьют, как домашний
скот.
(«Выйти»)*

Михаил Борзыкин, еще учась в 8-м классе спецшколы с английским уклоном, создал свою первую группу, которая, конечно же, пела песни «Битлз». Директор школы называла ансамбль «школьным оркестром» и всяче-

ски помогала ребятам в приобретении аппаратуры. Попытка Михаила поступить на английское отделение филфака ЛГУ закончилась неудачей, и он стал слесарем на одном из ленинградских заводов. Все свободное время было отдано музыке и штудированию языка. После года работы на заводе он все же поступает в университет, но, дойдя до четвертого курса, бросает учебу, чтобы целиком заняться музыкой. Зарабатывать пеннием и игрой на клавишных едва ли было тогда возможно. И все же в 1987 году «Телевизор» вошел в пятерку лучших групп страны, и ребята наконец-то получили возможность ездить на гастроли.

С популярностью у группы появилось и много недоброжелателей... «Телевизор» попал в «черный список», музыкантам запретили давать концерты в Ленинграде и Москве. Но времена менялись, и теперь «Телевизор» выезжает на гастроли в Германию, Голландию, Италию, Бельгию. Четыре года назад вышла первая пластинка «Шестые рыбки», а в 1990 году альбом «Мечта самоубийцы», который попал во все отечественные хит-парады. Сегодня в группе из старого коллектива остался только его основатель — Михаил Борзыкин.

— Трудно сохранить коллектив неизменным на протяжении многих лет, — рассказывает Михаил. — Стабильность удается далеко не каждой группе. Да и необходима ли она? В прошлом году в «Телевизор» пришли новые ребята, со свежими идеями, и вот уже готова программа — «Дым-туман».

— В таком случае новая программа должна резко отличаться от того, что вы делали раньше...

— Разумеется, это и произошло. С самого начала в общественном сознании, между прочим, не без участия прессы, сфор-

мировался образ «Телевизора» как некой плакатной группы. Нам долго приходилось отмываться от этого ярлыка. Хотя, если быть честным, доля правды в подобном определении есть. Потому что время тогда требовало кричать обо всем наболевшем. Мы прибегали к «диким» формам. Но сейчас все изменилось. И музыка у нас стала другой. Но это не конъюнктура. Просто изменилось настроение. Постепенно уходит пессимизм, появляются жизненные силы. А если конкретно, то в нашей музыке присутствует современная ритмика, и окрашена она светлыми тонами.

— Ты создал новый стиль?

— Конечно же, нет. Изобрести что-то кардинально новое очень сложно. Сейчас я пытаюсь синтезировать все жанры рок-н-ролла за последние тридцать лет. Здесь и элементы пост-панка, африканская ритмика и даже хип-хоп. Мне интересна любая музыка.

— Михаил, ты когда-то был активным участником всех акций ленинградского рок-клуба. Теперь тебе приходится наблюдать за постепенным его вымиранием. Что ты при этом испытываешь?

— Ничего страшного не происходит. Меняется время, меняются взгляды, вкусы, привычки. Музыкальная жизнь города перекочевала в маленькие клубы. Что же в этом плохого? Те, кто хочет слушать металл, идут в одно место, кто предпочитает другую музыку, соответственно направляются туда, где ее играют. А как раньше было? Все собирались в рок-клубе, где за один вечер выступали 5—6 групп, играющих абсолютно разную музыку.

— В Питере есть новые интересные группы?

— Появляются. Но многие из них, к сожалению, заражены од-

ной болезнью — пением на псевдоанглийском языке. Такое ощущение, что ребята приходят на сцену не для того, чтобы выразить что-то свое, личное, а хотят получить минимальный контракт в каком-нибудь, например, берлинском клубе. Отыграть там пару концертов и вернуться «крутыми», купив подержанный автомобиль за несколько сотен марок. В музыке вся эта халтура видна. Получается жалкая пародия на творчество.

— Но ведь сейчас одной музыкой не проживешь, потому, может быть, ребята и вынуждены так поступать?

— Нет, это не оправдание для халтуры. Конечно, хочется верить: как только экономическая ситуация улучшится, стабилизируется все и в музыке. Понятно, что молодым музыкантам приходится участвовать в пяти-шести составах и ждать, когда пригласят работать за рубежом. Но тогда при чем здесь творчество? Ведь группы старой закалки — «ДДТ», «Аукцион», «Наутилус Помпилиус» — держатся. У них выработался иммунитет против всех соблазнов. А у некоторых молодых на уме либо алкоголь, либо наркотики, как у Джима Моррисона. Но сначала надо быть Моррисоном... Конечно, и это не причина...

— Сейчас музыкантам, как ты сам говоришь, нелегко. Но тем не менее продолжаешь играть, хотя прекрасно знаешь английский и мог бы найти другую работу...

— Когда я только приходил в музыку, мне хотелось прежде всего сказать что-то свое. Богатства и тогда мое увлечение не сулило. Более того, все тыкали пальцем — «рокер вонючий». Но со своего пути я не собираюсь свсрачивать. Наоборот, с годами у меня крепнет убеждение, что вы-

живает тот, кто делает свое дело, не продаваясь налево и направо.

— Но как ты выкручиваешься из этой ситуации?..

— Со временем выработал определенную неприязнительность. В рестораны не хожу, машины у меня нет, квартира коммунальная. Нет и амбиций по этому поводу. Главное, считаю, чтобы не деньги тебя вели, а чтобы они приходили как бы случайно. Чем меньше внимания на них обращаешь, тем легче живется.

— Что является для тебя толчком к творчеству?

— В основе любого творчества лежит конфликт между личностью и обществом. Для меня моя музыка — посыл информации в космос, некое обращение к Богу.

— Ты человек верующий?

— Я верю в существование абсолютной истины. Мне кажется, это глубоко интимное понимание. У каждого должна быть своя, «персональная» религия. А там, где присутствует толпа, происходит универсализация чувственной области. Когда я смотрю на «стадионы» проповедующих религию, это вызывает во мне реакцию отторжения. Но верить во что-то хочется...

— У тебя несколько пессимистический взгляд на окружающую действительность. Неужели все так плохо?

— Наоборот. Сейчас есть возможность делать то, что хочешь: можно делать деньги, а можно отдаться творчеству. Я за то, чтобы все шло естественным путем...

**Беседу вел
ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ.**

ЕЛЕНА МАСЛАКОВА

БОЛЬШОЕ ЛЮДИ

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

Толстым живется нелегко. Того и гляди обругает кто-нибудь, а то и детскую дразнилку припомнит:

*«Робин-Бобин Барабек
Скушал сорок человек.
И корову, и быка,
И кривого мясника...»*

— Мерзкий поклеп! — комментирует Витя Р., складывая руки на большом круглом животе. — Из нормального толстяка так и норвят людоеда сделать. А, между прочим, толстяк — существо безобидное. Одно спасение — мы стараемся пошутить над собой раньше, чем кто-нибудь другой нас уязвить захочет...

Вот почему, наверное, толстяки и назвали свой клуб «Робин-Бобин»...

Президент клуба Мария Александровна Слободская считает, что признать себя толстяком — уже наполовину решить свои проблемы. Но и второй половины хватит надолго. Поэтому клуб ставит перед собой глобальную задачу — помочь во всем «большому человеку». В клуб толстяков принимают любого, кому мешает лишний вес. Члены «Робин-Бобина» зовутся не толстяками, а «большими людьми».

Они очень условно, конечно, делятся на две группы: кто может и хочет похудеть и кто похудеть не может. Для первой группы разработана программа «Худеем вместе». Говорят, вместе худеть легче и веселее. Когда толстяк садится на диету и начинает приставать к окружающим с рассказами о том, чего он не съел и на сколько похудел, его, скажем мягко, не вполне понимают. А здесь, в клубе, круг единомышленников, которым интересны твои успехи...

Каких только акций не проводит «Робин-Бобин» в рамках этой программы! Вот, к примеру, дегустация низкокалорийных блюд в частном ресторанчике «Аревик». Хо-

зьяка (и тетка) ресторана сама недавно была «очень большой», но похудела благодаря собственной системе питания. Аревик разработала и представила двенадцать очень вкусных блюд из самых обычных продуктов, от которых не потолстеешь.

Играть любят все — и дети, и взрослые. Поэтому игра «Черная касса» увлекает многих членов клуба. Правила очень просты. Участники сдают, например, по 100 рублей в черную кассу и принимают обязательство — похудеть за месяц на столько-то. Разумеется, добровольно. Независимая комиссия взвешивает игроков. Кто выполнил обязательство, получает деньги из черной кассы. Кто перевыполнил — премию от клуба. А остальные — сдают деньги на новую игру.

— Следующее заседание, — говорит Мария Александровна, — состоится в бассейне. У нас специалисты готовят программы физических нагрузок, исходя из медицинских особенностей каждого. Скоро сеть спортзалов у клуба будет по всей Москве.

...Что же касается второй группы, то есть тех, кто похудеть не может, им требуется прежде всего психологическая помощь. Тут нужны прима-толстяки, толстяки-«звезды»! Сергей Крылов недавно выступал в «Робин-Бобине», обещал прийти Василий Алексеев. Главное, убедить «больших людей», что они могут спокойно жить и радоваться, быть любимыми, иметь поклонников.

Скоро «Робин-Бобин» откроет свой детский сад. Кого-то из ребятшек, возможно, удастся подвести к школе с нормальным весом. Уже разработана система питания и физических упражнений. Для детей постарше проводятся занятия с психологом. Им нужно уметь

правильно реагировать на насмешки, научиться, пока не поздно, вести себя так, чтобы особенности фигуры казались второстепенными и для себя самого, и для окружающих.

А личная жизнь? Тоже проблема!

— С третьего класса на школьные вечера не ходила, — признается Таня В. — Стеснялась! У всех ухажеры, юбки короткие... Одна я как белая ворона. Так вся жизнь пройдет...

В службу знакомств «Робин-Бобина» по адресу: 123100, Москва, а/я 63 — приходят ежедневно горы писем. И, что особенно интересно, пишут не только полные, но и худые, мечтающие найти свою половину в клубе толстяков. Чаще всего — мужчины. И такие прочувствованные письма: мол, всю жизнь мечтаю о полной жене, а где ее искать?! Хорошо, хоть вы появились, теперь знаешь, куда обратиться. Многие считают полных женщин не только красивыми, но и наиболее приспособленными для семейной жизни. По их утверждениям, полные — добродушны, не мелочны, больше любят детей и дом, наконец, «с ними уютно». В наше суетливое, недоброе время некоторым холостякам единственным спасением кажется спокойная женственная толстушка. Та самая, что стесняется ходить на вечера и танцы.

Есть и другие проблемы у толстяков — одежда, например. Ее теперь вообще не производят — невыгодно. На ночную рубашку 70-го размера идет ткани в 3—4 раза больше, чем на обычную. Но ведь не может она стоить, как вечернее платье... «Робин-Бобин» нашел одно маленькое частное швейное предприятие, которое занялось моделированием и выпуском одежды для толстяков.

Особенно привлекательным мне показался такой факт: «Робин-Бобин» — небогатый клуб, и вместо того, чтобы тратить деньги на презентацию, он собрал 300 пенсионеров-толстяков на распродажу одежды. Причем членам клуба оплачивали 50 процентов стоимости покупок, а не членам — 20.

«Робин-Бобин» доступен каждому. Взрослый работающий человек платит всего 1000 рублей в полугодие. Дети — ничего. Для пенсионеров, инвалидов, многодетных матерей, студентов взнос снижен до 300 рублей в полугодие. Зато руководители фирм и другие состоятельные толстяки оказывают существенную финансовую помощь своему клубу.

Постепенно планируется наладить помощь медицинскую, психологическую, бытовую: и в соответствии с доходами одни члены клуба будут платить, а другие — получать ее бесплатно. В ближайшее время откроются филиалы «Робин-Бобина» и в других городах...

Мария Александровна Слободская утверждает, что толстяков у нас — треть населения. Рано или поздно государство должно обратить внимание на эту далеко не самую незаметную часть своих граждан. А пока о них заботится «Робин-Бобин».

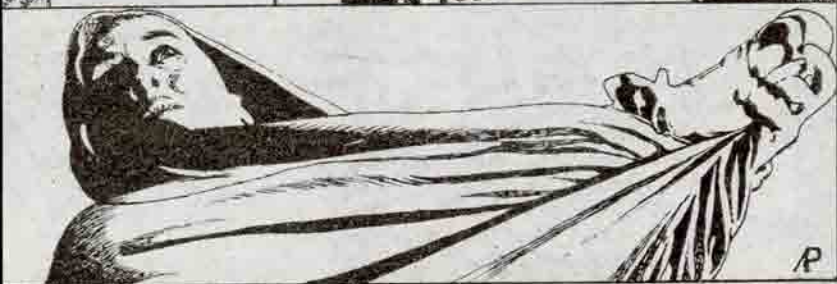
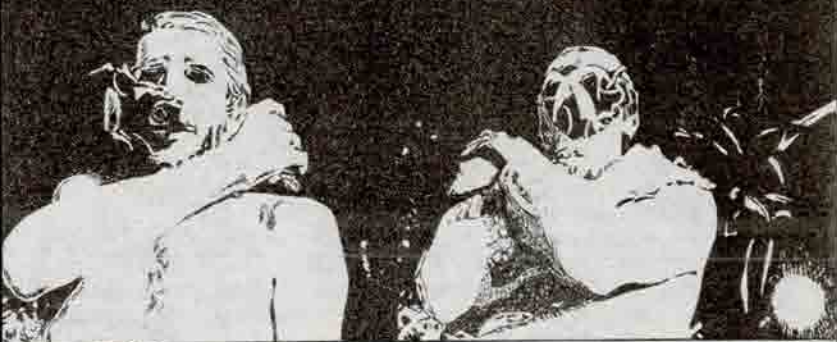
У клуба, между прочим, немало тощих добровольных помощников. Знаете, почему они помогают толстякам? Да потому, что им хорошо рядом с «большими людьми»!

ДЖЕФФРИ КОНВИЦ

СТР

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

P

AW-1

На столе лежала папка, в правом верхнем углу которой печатными буквами было выведено: ЭЛИСОН ПАРКЕР. Холоная рука, державшая листок бумаги с подробным жизнеописанием Элисон Паркер, открыла папку и вложила туда листок. Поверх папки Паркер легла еще одна — с надписью СЕСТРА ТЕРЕЗА.

1

Такси катилось по 1-й авеню мимо здания ООН, мимо моста на 59-й улице и многочисленных баров.

Погруженная в свои мысли, она склонила голову на стекло. Неужели это действительно произошло? Или сейчас раздастся звонок будильника, она проснется, шурясь от солнечных бликов на закопченных окнах, и в тот момент, когда будет сбрасывать с себя одеяло и вытирать испарину со лба, осознает, что четыре последних месяца были лишь кошмарным сном. И все, что она перенесла и увидела за это время — больница, похороны, страдание и отчаяние, ожидание, а порой и желание смерти отца, — все рассеется, подобно миражу. Это было уже однажды, семь лет назад, когда она ушла из дома — как ей казалось, навсегда. Она усмехнулась. Нет, все произошло в действительности. Закрыв глаза, она размышляла о Нью-Йорке. Не такое уж и плохое место, если привыкнуть. Здесь она была счастлива и не могла помыслить о возвращении в Индиану, когда, выскочив из душа, задыхаясь, сняла телефонную трубку и услышала умоляющий, плачущий мамин голос: «Он умирает. Приезжай». Можно было отказаться? Наверное. Каждая клеточка ее тела противилась этой поездке. Но если бы она оставила маму одну, то в жизни бы себе этого не простила. Она должна была вернуться, плюнув на все. Даже на Майкла. И нечего часами перебирать в памяти все последующие события. Она выжила — физически и духовно, — и это главное. Все позади.

Такси свернуло на 71-ю улицу и подъехало к современному тридцатиэтажному зданию.

Дверь распахнулась, появился привратник.

— Мисс Паркер! — радостно воскликнул он.

— Здравствуйте, Джордж.

Она была красива. Высокая и стройная. С шелковистой кожей и длинными темными волосами, струящимися по плечам до середины спины. С изящным носиком и необычайно синими глазами. Элисон выглядела моложе своих двадцати шести лет.

— Как вас долго не было, — сказал Джордж.

— Да, долго, — улыбнулась она. Джордж всегда так любезен и внимателен. Он нравился ей. — Почти четыре месяца. — Элисон вышла из машины и пошла по направлению к дому. — Ну, как вы здесьживаете?

— Прекрасно, — ответил привратник.

— Как ваша семья?

— Хорошо, очень хорошо. Я часто спрашивал мистера Фармера о вас.

— Надеюсь, он говорил только хорошее?

— Самое что ни на есть лучшее, — улыбнулся Джордж, его мощные мускулы напряглись под тяжестью багажа.

«Надо не забыть дать ему хорошие чаевые, — подумала Элисон, — просто в знак дружеского расположения. И поблагодарить Майкла за столь несвойственное ему проявление нежности и благоразумия».

— Мистер Фармер дома? — спросила она.

— Нет, вчера уехал из города.

— Как? — Когда они в последний раз разговаривали по телефону, Майкл даже не упоминал об этом.

— Он оставил для вас записку. И велел передать, что вы можете жить в его квартире.

Они вошли в дом. Джордж опустил багаж на пол, вернулся к машине, принес два оставшихся чемодана, поставил их рядом с предыдущими и скрылся за дверью в маленькой комнатке. Мгновение спустя он появился с конвертом в руках.

— Мистер Фармер велел, чтобы я лично передал это вам. — Он поклонился, явно довольный своей исполнительностью.

Элисон с благодарностью улыбнулась и взяла конверт. Быстро надорвала его, вынула записку и прочла:

«Элисон!

Прости, что не смог встретить тебя. Вынужден был в пятницу уехать в Олбани. Дела. Буду во вторник. Увидимся.

Майкл.

Позвоню вечером в субботу».

Она сложила листок, спрятала в сумочку и обернулась к Джорджу.

— Поможете мне с багажом?

— Конечно, мэм, — ответил он. Легко подхватил чемоданы и пошел по направлению к лифту. — Мистер Фармер говорил, вы съехали со своей квартиры.

— Да, ведь я не знала, на сколько уезжаю. Так было удобнее. — Помолчав, Элисон добавила: — Завтра утром собираюсь поискать новую. Хорошо бы в каком-нибудь старом доме.

Они вошли в подъехавший лифт. Кабина мягко поднялась на десятый этаж, и Джордж отпер дверь квартиры 10-Е.

Элисон щелкнула выключателем.

— Положите все на пол. Я разберусь.

Он поставил багаж и принял от нее пятидолларовую бумажку.

— Спасибо. Если что-нибудь понадобится, позвоните.

Элисон сняла жакет и туфли, повесила одежду в стенной шкаф. С удовлетворением отметила про себя, что к ее вещам, аккуратно сложенным несколько месяцев назад, никто не прикасался. Затем повернулась, ухватила за два чемодана, проволочила их по коридору в спальню и поставила на черный мохнатый коврик перед ночным столиком. Включила настольную лампу и скинула с кровати белое меховое покрывало. Затем разделась, приняла душ, залезла в постель и лежала, глядя на мерцающие

в окне огни, заставив себя не думать о Майкле. Выключила лампу и стиснула пальцами висящее у нее на шее распятие. Прижав крест к губам, она провалилась в сон.

2

Объявление, расположенное в самом низу страницы под рубрикой «Чердаки и складские помещения», гласило:

«Сдается уютная квартира в частично реконструированном старом особняке. Занимает весь этаж. 5 комнат. С мебелью. Телефон агентства по операциям с недвижимостью: 986-1452. Спросить мисс Logan насчет квартиры 3-А».

Странно, почему объявление поместили на этой странице, а не под рубрикой «Жилье». Если бы его напечатали там, где нужно, Элисон не пришлось бы терять целый день, мотаясь от дома к дому, от агента к агенту. Доставая из сумочки десятицентовик для телефона-автомата, она убеждала себя не обольщаться. Квартиру могли уже сдать.

День начался неудачно: она слишком поздно проснулась. Хотя спала не так уж много. Ночью Элисон два раза вставала: один раз, чтобы сходить в туалет, другой — поискать что-нибудь от изнурительной тяжести в висках. Нервное напряжение, явившееся причиной жутких мигреней и головокружения, только начинало ослабевать, и Элисон была готова к тому, что время от времени будет плохо себя чувствовать. Как ни странно, аспирин почти не помог. Боль преследовала ее во сне, усилилась к утру и немного успокоилась, лишь когда она вышла на улицу. К полудню боль исчезла, и от нее осталось воспоминание к тому моменту, когда Элисон, найдя в аптеке телефон-автомат, набрала указанный в объявлении номер и после краткой беседы с мисс Logan пошла по направлению к 74-й улице, где располагалось ее агентство. Она открыла входную дверь, прочла табличку — других контор тут не было — и поднялась по покосившейся лестнице на второй этаж. Увидев раскрытую дверь кабинета, заглянула внутрь. За столом сидела женщина, погружившаяся в изучение стопки документов.

— Мисс Logan? — спросила Элисон.

— А вы мисс Паркер, — отозвалась та глубоким контральто. Одетая она была опрятно, но старомодно. Как и подобает почтенной старой деве. Прямая осанка, прическа, каких давно уже не носят, пресное лицо, лишенное всякого выражения. Она торопливо раскладывала документы по стопкам. — Я уже собиралась уходить, когда вы позвонили. Не люблю засиживаться здесь по воскресеньям, так что хочу поскорее навести порядок. Надеюсь, вы не возражаете?

— Разумеется, нет. Я не слишком...

— Что вы, что вы, все в порядке.

— Все равно спасибо, что задержались ради меня. Описание квартиры в объявлении выглядит заманчиво. Я не хотела ждать до понедельника из-за боязни упустить ее.

— Понимаю.

— По телефону ваш голос звучал неуверенно. Квартира действительно неплохая?

— Надеюсь.

— Надеетесь? — изумилась Элисон.

Мисс Логан пожевала губами.

— Хозяин собирался прекратить печатать объявление. Ни один из претендентов ему не понравился. Мы уверяли, что сумеем найти подходящих жильцов, но он заупрямился и решил вовсе отказаться от сдачи квартиры.

— Может, он передумал?

— Позвольте еще раз прочитать объявление.

Элисон протянула мисс Логан газету.

Та прочла объявление и кивнула.

— Значит, можно взглянуть на квартиру?

Мисс Логан пристально посмотрела на Элисон.

— Почему бы нет? — И, помолчав, добавила: — Дом находится в западной части города, на 89-й улице. Довольно старый, но все еще в хорошем состоянии. — Она пошарила среди бумаг на столе, извлекла какой-то документ и торжествующе улыбнулась: — Вот вопросник. Мы хотим знать ваши анкетные данные. А вот условия договора, который вы должны будете подписать. Заранее вас благодарю. А когда закончите, мы поймаем такси.

Элисон достала из сумочки ручку и погрузилась в изучение вопросов. Через несколько минут она закончила заполнять анкету и прочла условия договора.

— Где я должна расписаться?

Мисс Логан показала. Элисон поставила свою подпись и вернула ей бланки. Та принялась просматривать их.

— «Фотомодель», — читала она вслух. — Очень интересная профессия. Слава, блеск. «Двадцать шесть лет. Не замужем. Родственников в городе нет, зато имеются хорошие рекомендации». Уверена, хозяин дома останется доволен. — Она взглянула на часы. — Ну что, идем?

Они вышли на улицу, испещренную пятнами солнечного света, проникающего сквозь редкую листву деревьев.

Это был типичный нью-йоркский особняк. Пятиэтажный. Очень старый. Изрядно потрепанный временем и непогодой, что придавало ему особое очарование.

Элисон расплатилась с водителем, и они вышли из такси.

— Это один из красивейших и зеленых кварталов Нью-Йорка, — сообщила мисс Логан, приступая к своим профессиональным обязанностям.

Элисон окинула взглядом узенькую улочку, вдоль которой выстроился ряд особняков.

— И к тому же весьма удобно расположенный, — добавила мисс Логан. — На 96-й улице есть станция подземки, еще одна — на Бродвее. Здесь легко поймать такси. И, как видите, парк рядом.

Они начали подниматься по каменным ступеням крыльца.

— Вон там, за углом, супермаркет. Неподалеку — химчистка и хозяйственный магазин.

Элисон прилежно внимала уроку географии, и мисс Логан широко улыбалась: судя по всему, сделка состоится.

- Мы становимся рабами удобств,— вставила Элисон.
- Нью-Йорк вынуждает.
- К сожалению.
- Зайдем? — Мисс Логан распахнула дверь.

Элисон шагнула вслед за ней внутрь. Стены прямоугольного холла были обиты деревянными панелями. На одной из них висело большое зеркало. В центре располагалась подставка для велосипедов.

— Можете оставлять здесь велосипед,— сказала мисс Логан,— хотя, возможно, удобнее делать это в подвале.

Элисон рассеянно кивнула. Чем больше она оглядывалась, тем больше нравился ей этот милый старый дом.

Они начали подниматься по деревянной лестнице. На полпути Элисон остановилась, схватилась за перила и энергично потрясла их. Ничего, крепкие. Удовлетворенная, она преодолела оставшиеся до первой лестничной площадки сорок две ступеньки.

Второй этаж так же, как и первый, был обит панелями из старой древесины, кроме маленького участка в углу, абсолютно лишенного полировки. Начинаясь на высоте примерно четырех футов от пола, он тянулся до самого потолка. Элисон внимательно осмотрела новую древесину, потрогала ее и отошла, не забывая себе голову мыслями о происхождении светлого пятна среди обшарпанных стен. Они пересекли холл, миновали квартиру 2-А и поднялись по лестнице на третий этаж, столь же темный и неприветливый. Освещение состояло из двух маленьких желтых лампочек — по одной в каждом конце холла. Мисс Логан достала из кармана связку ключей и вставила один из них в дверь с табличкой 3-А. Они вошли внутрь.

Квартира, как и было сказано в объявлении, занимала весь этаж. Большая прямоугольная гостиная была обставлена роскошной старинной мебелью в викторианском стиле. Здесь все выглядело необыкновенным от самой крошечной пепельницы до внушительных размеров напольных часов по обеим сторонам камина. Особенно понравилась Элисон софа, стоявшая между двумя тяжелыми антикварными лампами перед низеньким книжным шкафом. Мраморный камин был чист, видимо, им давно не пользовались. Повсюду — изящные резные кресла с выгнутыми спинками. Про себя Элисон отметила, что кресло у окна составляет пару с креслом у стены. Если удастся купить к ним подходящий кофейный столик, получится необычайно уютный уголок. Она улыбнулась про себя, идя по пушистому восточному ковру и разглядывая замысловатый узор обоев на стенах.

Подошла мисс Логан и забубнила:

— Старинная мебель смотрится здесь великолепно: я надеюсь, вы согласны со мной.

Еще бы не согласна! Но вслух Элисон ничего не сказала, а продолжала бродить по комнате, разглядывая всякие мелочи. До чего же много безделушек!

— Как я понимаю, все это прилагается к квартире?

— Думаю, да. Но могу уточнить, прежде чем мы придем к окончательному решению.

— Я была бы вам очень признательна.

Элисон раздвинула шторы на окнах и, обернувшись к нетерпеливо ожидающей мисс Логан, спросила, можно ли осмотреть спальню.

— Разумеется, — ответила та.

Они прошли по узкому коридору в спальню. Элисон присела на кровать с пологом и огляделась. Обшитые полированным деревом стены. Золоченые металлические ручки. Потолок, украшенный ручной резьбой.

— Кто это сделал? — недоуменно спросила Элисон, глядя вверх.

— Предыдущий жилец.

Было странно видеть такой потолок в помещении, сдающемся внаем. Вряд ли кто будет подобным образом улучшать свое жилище, не собираясь задерживаться в нем надолго.

— Вы были знакомы с ним?

— Нет.

Элисон пожала плечами и хлопнула рукой по покрывалу. В воздух поднялась пыль, кружась в бледном луче света и исчезающая в темноте. Она встала и пошла обратно вдоль по коридору. Мисс Логан заспешила следом.

— Мне подходит эта квартира, — заявила Элисон, едва они достигли светлой гостиной. — Именно то, что мне нужно.

— Я в этом не сомневалась.

— Сколько, вы сказали, это стоит?

— Я пока ничего не говорила. — Голос старой девы дрогнул, она, похоже, занервничала. — Четыреста пятьдесят долларов в месяц. Нормально, по-моему.

— Интересно, — произнесла Элисон после продолжительной паузы. — Но, боюсь, у меня другие представления насчет того, что нормально, а что нет.

Мисс Логан улыбнулась.

— Квартира большая, с мебелью.

— И в районе восьмидесятых улиц, — вставила Элисон. — Не самый лучший район города.

— Я бы не сказала.

— А я бы сказала. Четыреста пятьдесят — это немисливо! Если вы не сбавите хотя бы сотню, нам остается лишь поблагодарить друг друга за компанию и распрощаться.

Мисс Логан нервно покусывала губу.

— Вам подходит эта квартира?

Элисон кивнула.

— Честно говоря, триста семьдесят пять в месяц — не так уж много для Нью-Йорка.

— Вы сказали — четыреста пятьдесят.

Мисс Логан подняла брови.

— Неужели? Я ошиблась. Это со мной часто бывает.

— Не сомневаюсь, — усмехнулась Элисон. — У вас не найдется ручки?

Мисс Логан вытасила из кармана пальто дорогую шариковую ручку и положила на раскрытую ладонь Элисон:

— Пятьдесят долларов задатка будет вполне достаточно.

Элисон нацарапала цифры и передала ей чек.

— Вы сделали прекрасный выбор, — заявила мисс Логан.

— Надеюсь, — отозвалась Элисон, выходя следом за ней.

— Кстати, о хозяине. Не забывайте, он должен еще одобрить вашу кандидатуру. Пока он отвергал всех желающих, но кто знает, может, ему надоест привередничать. Что толку от пустующей квартиры?

— Надеюсь, что вы скоро дадите мне знать об этом. Я хочу как можно раньше начать устраиваться.

— Понимаю. В любом случае до завтрашнего вечера я с вами свяжусь.

Женщины пожали друг другу руки и вышли на улицу.

— Подбросить вас до Ист-Сайда? — предложила мисс Логан.

— Нет, спасибо, — отказалась Элисон. — Я немного пройдуся.

Мисс Логан улыбнулась и попрощалась с ней.

Элисон отступила на несколько шагов и еще раз окинула дом оценивающим взглядом.

— Мисс Логан, — позвала она через несколько секунд.

— Да? — обернулась та.

Элисон продолжала смотреть на окна.

— Да, — нетерпеливо повторила старая дева.

— Если я не ошибаюсь, — начала Элисон, — кто-то смотрит на меня сквозь штору из окна пятого этажа.

— Полагаю, на вас смотрят нередко, — хохотнула мисс Логан.

— Да, — ответила Элисон, — но...

— Это отец Галлиран, — не дала ей договорить мисс Логан. — Мэтью Галлиран. Он священник. Живет здесь уже много лет. Насколько я знаю, он не выходит из своей комнаты, слишком дряхл да к тому же слеп. Но он совершенно безобиден. Все время сидит у окна.

— Звучит довольно зловеще, — заметила Элисон, все еще находясь под впечатлением от смутного видения, промелькнувшего в окне.

— Я вам завтра позвоню. — Мисс Логан заспешила прочь.

Элисон проследила, как та скрывается за углом, затем снова задрала голову. Может быть, ей удастся получше разглядеть священника. Нет, шторы были слишком плотными, а освещение — слишком слабым. Она перешла улицу в надежде, что оттуда будет видно получше. Но не тут-то было. Свет предзакатного солнца отражался в стекле, делая невидимым лицо за окном.

Еще мгновение Элисон простояла на месте, сясь различить хоть какое-то движение, но ничего не увидела. Тогда она поймала такси и укатила, довольная проведенным с пользой днем.

3

Элисон, улыбаясь, вышла из квартиры и принялась спускаться по знакомой уже теперь лестнице.

Напротив квартиры 2-Б она неожиданно остановилась. Оттуда доносились женские голоса. Две женщины о чем-то спорили. Элисон подошла ближе и прислушалась. За дверью шел спор насчет десерта. Одна из женщин хотела испечь к обеду ваниль-

ный торт с шоколадной глазурью, в то время как другая настаивала на печенье, мотивируя это тем, что от него меньше толстеют.

Это было первое знакомство Элисон с соседями. Как ни странно, до сих пор ей не довелось никого встретить, хотя пару дней назад она слышала, как кто-то поднимается по лестнице. Но, по правде сказать, ей и самой не хотелось ни с кем знакомиться, так что в собственной изоляции она была повинна сама. Все, что от нее требовалось, — это нажать кнопку звонка и объявить о своем присутствии. Но пока еще она не пришла в надлежащее расположение духа. Может, немного погода.

Элисон вышла из подъезда и пошла вдоль особняков по направлению в парк. Было холодно и пасмурно. Самая подходящая погода для прогулок. Элисон пребывала в чудесном настроении: она возвращалась к работе. Всю неделю она жила в ожидании шелканья фотокамеры, но была настолько занята, что успела лишь заскочить в агентство, сообщить о своем возвращении и забрать папку с фотографиями. За час до этого ей позвонила мисс Логан и сообщила, что все улажено. А еще через час Элисон уже погрузила вещи в такси и назвала адрес своего нового жилища. Началась неделя суматохи и хлопот. Элисон надеялась на помощь Майкла, но он позвонил вечером в воскресенье и виноватым голосом сообщил, что дела займут больше времени, нежели он предполагал, возможно, еще несколько дней. После чего захотел узнать, с какой стати ей понадобилось снимать квартиру, когда она спокойно может жить у него. Элисон, конечно, расстроилась, и у нее не было ни малейшего желания в очередной раз обсуждать вопрос о замужестве. Затем он позвонил в четверг — лишь для того, чтобы сообщить, что не вернется до следующего четверга.

Вопреки ожиданиям его отсутствие сказалось на делах Элисон весьма благотворно. Без него она сумела полностью сосредоточиться на квартире. Первым делом заменила без согласования с мисс Логан стоявшие в столовой стол со стульями на тяжелый дубовый гарнитур. Затем купила часы для спальни, несколько безделушек, две новые «старинные» лампы, «пиратский» сундук и множество разнообразных приспособлений для кухни и ванной.

Другим важным событием недели стало известие о предстоящей новой работе. Элисон узнала об этом в пятницу вечером. Она будет работать со своим любимым фотографом Джеком Туччи. И со своей лучшей подругой Дженнифер Лирсон. Она пыталась дозвониться до Дженнифер всю неделю, но лишь в четверг сообразила спросить о ее местонахождении в агентстве. Оказывается, Дженнифер на неделю уехала из города на съемки и вернется лишь в воскресенье вечером. Создавалось впечатление, будто все ее близкие друзья улетучились из Нью-Йорка к ее возвращению. В воскресенье вечером она снова позвонила Дженнифер. Они проболтали около часа и условились на завтра пообедать вместе перед тем, как идти в студию.

Так что вполне понятно, почему у Элисон было такое хорошее настроение, когда она покинула парк у отеля «Плаза» и вошла

в ресторан на 3-й авеню, где Дженнифер уже поджидала ее за столиком, заказанным накануне.

— Элисон! — закричала Дженнифер, не обращая ни на кого внимания и дав сигарету в пепельнице.

Элисон пробралась сквозь толпу, обняла подругу и села.

— Слишком много куришь, — заметила она с укоризной, кивая на переполненную пепельницу.

— Слишком много для туберкулеза, — улыбнулась Дженнифер, — но вполне достаточно для рака и инфаркта. — Она рассмеялась, откинулась на спинку стула и поинтересовалась, рада ли Элисон своему возвращению.

— Необычайно, — отозвалась та, снимая пальто.

Дженнифер достала еще одну сигарету из лежащей на столе пачки.

— Даю тебе две недели — и ты начнешь жаловаться, что перегружена работой, что тебе недоплачивают, что все фотографии — бабники, а руководители агентства — болваны, и ты непременно найдешь себе более интересное и полезное занятие. — Она рассмеялась. — Ни разу еще не видела фотомодели, чье чувство долга не напоминало бы траекторию полета лопнувшего воздушного шарика.

— Я не спорю с тобой, — согласилась Элисон, — но пока позволь мне потешиться иллюзиями.

— А я вовсе не собираюсь возвращать тебя на грешную землю. У тебя есть полное право заблуждаться ровно столько, сколько ты пожелаешь. — Дженнифер подняла глаза на официанта, склонившегося над покрытым красно-белой клетчатой скатертью столом. — Две «Блэди-Мэри», — заказала она, бросив взгляд на Элисон, которая согласно кивнула.

Элисон взяла папку с фотографиями Дженнифер и принялась листать ее.

— Новые снимки? — спросила она после паузы.

— Так, продукт истерии межсезонья.

— Ты неплохо потрудилась.

— Такова моя тяжкая доля.

— А чего бы ты хотела? — Элисон улыбнулась. — Все трудятся в поте лица.

— Да. Портной, сапожник и пирожник.

— Именно так.

— И даже Майкл?

— Так мне по крайней мере говорили.

— Кто?

— Он сам.

Элисон покачала головой.

— Он ищет сочувствия.

— А у тебя его не находит.

— Все как-то не было удобного случая. Я уезжала, если ты помнишь.

— Ну, а сейчас он дождетя от тебя сочувствия?

— Посмотрим...

— Что «посмотрим»?

— Просто посмотрим.

— А он тебе сочувствует?

— Мне это не нужно.

Дженнифер кивнула.

— Очень романтично.

— Что именно?

— Разлука. Она воспламеняет сердца любовью.

— Другое место она воспламеняет.

— Какое? Печень?

Они рассмеялись.

Вскоре принесли напитки, которые стояли нетронутыми, пока подружки обсуждали некоторые подробности вчерашнего телефонного разговора. Затем они быстро пообедали, поймали, выйдя из ресторана, такси и направились в Вест-Сайд. На 26-й улице такси остановилось, и девушки вошли в обшарпанное здание. Еще одна фотомодель дождалась в вестибюле лифта. Они познакомились — ее звали Луиз — и поднялись на седьмой этаж, где располагалась студия Джека Туччи.

Съемка длилась несколько часов.

— Еще чуть-чуть, — объявил наконец Туччи с легким европейским акцентом.

Камера защелкала — раз, два, три...

Перейдя в другое место, Джек поменял ракурс, стяхнул капли пота со своей аккуратной бородки, снова поменял ракурс. Его гибкое тело перемещалось по студии быстро и элегантно. Опытный. Уверенный в себе. Самолюбивый.

— Чуть левее, — скомандовал он, для наглядности махнув рукой. — Выше подбородки! Слишком высоко! Вот так!

Камера защелкала.

— О'кей. Объявляется перерыв на обед. Затем займемся черн-белыми снимками.

Шурясь от яркого света, девушки сошли с подиума и осторожно пробрались через провода и прожекторы к креслам в дальнем углу студии.

Джек установил камеру на треногу и присоединился к ним.

— Сигареты есть? — спросила Дженнифер.

Джек достал пачку из кармана рубашки и бросил ее на стойку бара.

Элисон уютно устроилась в старом кресле.

— Кому еще? — предложил Джек, протягивая сигареты. Не получив ответа, спрятал пачку обратно в карман, пошарил в шкафу и извлек оттуда стопку фотографий.

— Хочу знать ваше мнение. — Он передал снимки Дженнифер перед тем, как исчезнуть за дверью.

Спустя мгновение он появился с подносом, на котором лежало несколько сандвичей, стояли банки «кока-колы» и бутылка белого вина.

— Черный хлеб с языком, — объяснил Джек, — белый — с рост-бифом. — Он улыбнулся и принялся раздавать еду. — Элисон? — спросил он, когда две другие девушки взяли себе по сандвичу.

— Чуть попозже, — отозвалась она, безвольно свесив руки с подлокотников и вытянув усталые ноги.

— Ну и как? — Джек кивнул на снимки.

— Ничего,— ответила Дженнифер. Она достала из сумочки очки и водрузила их на свой изящный носик.— Что это за девушка?

— Ты ее не знаешь.

— Фотомодель?

— Нет. Так, одна знакомая.— Он хитро подмигнул.

— Качество потрясающее.

— А до чего все естественно!

— Весьма. Как тебе это удалось?

— Ах.— На его губах заиграла сладострастная улыбочка.—

Естественное освещение и уайеризм. Кажется, так называется половое извращение, заключающееся в наблюдении за половым актом? Камера — великий сексуальный маньяк. Когда снимаешь обнаженную натуру, необычайно важна фактура объекта, но если она догадывается о присутствии камеры, натуральная прозрачность тела неминуемо теряется. Взгляни на ее лицо. Смог бы я достичь этой чистоты, этой нежности, знай девчонка, что я щелкаю фотоаппаратом? Смог бы я уловить этот бесстыдный нарциссизм? — заметил он, не скрывая восхищения, и принялся обсуждать вопросы преломления света фотографии.

Тут-то все и произошло.

Элисон продолжала сидеть в кресле, небрежно перелистывая номер «Вог». Первым делом у нее заболела голова. Почти мгновенно, словно боль была с ней всегда, только не прорывалась наружу. Она сконцентрировалась где-то в глубине черепа. Сначала Элисон удивилась, потом испугалась. Всю неделю она великолепно себя чувствовала. Да-да, последний раз голова у нее болела в то утро, когда звонила мисс Логан. Да это и болью-то нельзя было назвать, так, какое-то тупое давление в висках, которое Элисон отнесла на счет нервного перенапряжения. А сейчас что? Всею виной, наверное, многочасовое пребывание в спящих лучах прожекторов. Но будь это просто мигрень, Боу с ней. Что-то творилось с ее спиной, словно к коже прижали кусок сухого льда. Она в испуге выпрямилась, отшвырнула журнал, подошла к окну и взглянула вверх крыш. Луна в последней четверти, дымовые трубы — вот все, что открылось ее взору. Элисон тряхнула головой, тщетно пытаясь избавиться от боли, затем повернулась к бару и прислушалась.

— Ты уверен, что не смог бы достичь подобного эффекта, снимая профессиональную фотомодель? — спрашивала Луиз. Звуча доносились до Элисон словно сквозь толстый слой ваты. Они превращались в неясный гул. И исчезли совсем.

Элисон пошатнулась. Оконное стекло задрожало и треснуло.

Все в изумлении обернулись и уставились на нее.

— Я... я... — бормотала Элисон, и миллионы крошечных иголок поднимались вверх по ее рукам, распространяясь по всему телу и уступая место более грозному ощущению: полному онемению кожи. Она начала ожесточенно тереть руки.

Джек перемахнул через стойку, подхватил ее и отнес к креслу. Дженнифер затушила сигарету и поспешила на помощь.

— Элисон! — кричал Джек. — Что случилось?

— Я не знаю, — с трудом проговорила она, цепеная от ужаса.

— Льда принесите! — велел Джек.

Луиз достала из морозилки несколько кубиков льда, завернула их в шелковый шарф и протянула Джеку. Он прижал узел ко лбу Элисон, вытерев с него пот.

Элисон терла руками шею. Пульс постепенно успокаивался. Сощурившись, она оглядывала комнату, расплывшиеся во время приступа боли очертания обретали четкость. Несколько минут она молчала, не обращая внимания на суетящегося Джека. Затем подняла глаза, глубоко вздохнула и откинулась на спинку кресла.

— Прошло.

— Что прошло? — спросил Джек.

— Точно не знаю, — произнесла Элисон, глядя прямо перед собой. Она еще не совсем пришла в себя, но щеки ее немного порозовели. — Мигрень, и такое ощущение, будто руки и ноги ничего не чувствуют.

Джек пристально глядел в нее.

— Сможешь сама держать лед?

Она кивнула и положила руку на шарф.

— Лечь хочешь?

— Нет. — Элисон решительно замотала головой. — Мне гораздо лучше.

— Ты уверена? — спросил Джек, озабоченно склоняясь над ней.

— Да, — ответила Элисон. Ей действительно стало лучше. Как ни странно, она чувствовала себя почти так же, как несколько минут назад.

— Я хочу, чтобы ты посидела еще пару минут, — сказал Джек.

— Да, пожалуй, — согласилась Элисон.

Она смотрела, как Луиз и Дженнифер заворачивают на 5-ю авеню и скрываются за углом. Затем взглянула на часы. Уже поздно — одиннадцать. Съемка затянулась. Но, несмотря ни на что, первый рабочий день прошел удачно.

Элисон вышла из здания и медленно побрела вдоль по улице, стараясь держаться подальше от темных и грязных подворотен. Пройдя полквартиры, она остановилась, услышав звук шагов, эхом раздававшийся среди нависавших громад зданий. Элисон резко обернулась, но ничего не увидела. Шаги прекратились. Но опять появилось это чувство, возобновившееся с той же внезапностью, с какой охватило ее в студии. Она ощутила, как какая-то волна поднимается вверх по рукам, затем вовсе перестала что-либо ощущать, словно ей разом прижгли все нервные окончания. Охваченная ужасом, Элисон озиралась, пытаясь обнаружить источник шагов, надеясь, что вот-вот появится Джек и снова приведет ее в чувство. Неприятное покалывание вдруг исчезло. Она быстро перебежала через улицу, съезжилась в тени мебельной фабрики и оглянулась. Шаги не прекратились, но теперь они звучали по-другому: человек либо пошел обратно, либо завернул в переулок. Элисон вышла из своего укрытия и со всех ног бросилась бежать. Задыхаясь, достигла наконец освещенного участка улицы, и тут чья-то рука обхватила ее и крепко сжала.

— Эй!

Оцепенев от ужаса, Элисон обернулась: позади нее стоял какой-то человек.

— Полегче, дитя мое, так и убить кого-нибудь можно, — мягко произнес он.

Элисон дрожала от страха, а незнакомец не отпускал ее. Судорожно глотая воздух, она вцепилась пальцами в колечки седых волос, покрывавших веснушчатую кожу, и тут только заметила крохотную монахиню с четками в руках, пытавшуюся укрыться за его спиной от холодного ночного ветра.

Священник немного ослабил хватку и с сочувствием глядел на Элисон, приподняв густые седые брови.

— С вами все в порядке? — спросила монахиня.

Элисон кивнула и отвернулась.

— Что случилось? — поинтересовался священник.

Она замялась, пытаясь пригладить растрепавшиеся волосы. Какое счастье! Это всего лишь священник с монахиней. Она быстро обхватила пальцем распятие и сжала его.

— Мне так неловко, отец мой. Но мне показалось, будто кто-то идет за мной. Я пыталась убежать. Простите, не знаю, право, что на меня нашло.

— Я бы не винил себя, дитя мое. Здесь очень темно, а эхо разносится далеко. Неудивительно, что вы напугались.

— Куда вы идете? — спросила монахиня. — Мы можем проводить вас, если недалеко.

— Нет, спасибо. Мне нужно на 89-ю улицу. Но я была бы вам очень признательна, если бы вы подождали, пока я поймаю такси. Мне все же немного не по себе.

— Конечно, — сказал священник.

Они перешли через улицу. Через несколько минут подъехало такси.

— Еще раз спасибо, — поблагодарила Элисон, усаживаясь.

— Не за что, — ответил священник. — Держитесь подальше от темных улиц. — И закрыл дверцу.

4

— Ой, горячо-то как! — закричала Элисон, выбегая из тесной кухоньки.

Она протискивалась по коридору с двумя круглыми фарфоровыми посудинами в руках. Осторожно поставила их на стол рядом с бокалами и бутылкой самого дорогого французского вина, купленного утром в соответствии со строгими инструкциями Майкла.

Тут раздался звонок в дверь. От неожиданности Элисон подпрыгнула на месте и метнула взгляд на часы. Девять тридцать. Майкл явился на полчаса раньше. Что же он с ней делает? Да он никогда не приходил раньше назначенного срока!

— Иду! — крикнула Элисон. — Иду, Майкл!

Она взялась за ручку двери, отодвинула печочку и начала было поворачивать ключ, как вдруг остановилась. Майкл не звонил снизу по домофону. Как он сумел попасть внутрь? Разве что кто-нибудь из соседей вошел одновременно с ним. Элисон распахнула дверь.

— Чейзен меня зовут. Чарльз Чейзен, — произнес стоявший за дверью тщедушный человечек со сморщенным, похожим на чернослив, личиком. Над ушами у него висели жидкие седые волосики. Огромные перекошенные очки чудом удерживались на кончике острого носа. Впалые щеки были необычайно румяными, что, по всей видимости, объяснялось либо ирландским происхождением, либо состоянием крайнего смущения.

— Я ваш сосед из квартиры 5-Б, — сообщил он.

Мистер Чейзен был одет в бесформенный серый пиджак. Из петлицы свисал увядший цветок.

— А это Мортимер, — произнес он, кивая на золотисто-зеленого попугая, восседавшего на его правом плече.

Птичка что-то прочирикала.

— Да-да, ты прав, — сказал Чейзен.

Элисон озадаченно смотрела на попугая.

— Очень умная птица. Необычайно. К сожалению, ни слова не говорит по-английски, так что если вы не сильны в птичьем языке, боюсь, вам не представится возможности насладиться глубиной его интеллекта.

— Я... э... — бормотала Элисон. — Боюсь, что нет.

— Тц, тц, дорогая. Как-нибудь я научу вас. На самом деле это довольно просто. — Он помолчал, бросил взгляд на попугая и продолжал: — Надеюсь, вы любите птиц?

— Да, конечно.

— Он из Бразилии. Бывали там?

— Нет.

— Говорят, чудная страна.

— Да, я слышала. — Элисон неуверенно затоптала на месте.

Чейзен стоял выпрямившись, почти по стойке «смирно». А на его согнутой правой руке устроилась глуповатого вида чернобелая кошка с прозрачными зелеными глазами.

— А это Джезбель. Она говорит на чистейшем английском, — произнес Чейзен, заглядывая в кошачьи глаза. — Поздоровайся с милой леди, душа моя. Ну же. Да, что-то она неразговорчива нынче вечером. Возможно, у нее расстройство желудка.

Элисон находилась в полном замешательстве. Она ожидала увидеть Майкла, а вместо него появился этот чудаковатый сосед со своим мини-зверинцем.

— Меня зовут Элисон, — представилась она.

Мистер Чейзен широко улыбнулся и протянул руку.

— Очень рад познакомиться. Очень, очень рад. — Он прижал к подбородку кошку. — Ведь правда нам очень приятно? Конечно, приятно, мои ангелочки!

— Я тоже очень рада познакомиться с вами, — произнесла Элисон, пожимая руку Чейзена.

— Да-да, конечно. — Старичок вместе с животными проскользнул в комнату. — Прелестная квартирка, — заметил он, снуя кругом, словно на распродаже имущества с мелочью. — Мортимер одобряет декор, — добавил Чейзен после короткого совещания с птицей.

— Спасибо — отозвалась Элисон.

Он продолжал прогуливаться по комнате, проявляя необычай-

ный интерес ко всем предметам, находящимся в пределах его досягаемости. Наконец остановился и укоризненно произнес:

— Ах, я же прервал ваш ужин.

Элисон посмотрела на празднично накрытый стол.

— Нет, я еще не начинала.

— Это успокаивает. Я бы чувствовал себя весьма неловко, если бы помешал неволью... Прием и переваривание пищи должны проходить без вторжения праздной болтовни. Вы не согласны?

— Почему бы и нет? — сказала Элисон. — Я, например, жду джентльмена к ужину. Его зовут Майкл.

— Вы замужем?

— Нет.

— Помолвлены?

Она покачала головой.

— Ах, просто друзья, — заключил он. — Но цветы дружбы порой приносят неожиданные плоды. Определенно так!

Элисон нахмурилась. Давно не слышала подобной пошлости.

— Спасибо за приглашение, — проворчал Чейзен, усаживаясь во главе стола.

— Приглашение? — переспросила Элисон, не совсем понимая, что он имеет в виду.

— О да, да. Я чувствую, когда мне хотят предложить присесть. По опыту. Я уже не молод, знаете ли. Так что я просто сэкономил ваши усилия, заранее поблагодарив вас. — Чейзен помолчал, погладил кошку и продолжал: — Три дня я собирался заскочить к вам, но как-то все не получалось до сегодняшнего дня.

— Я очень признательна, что вы сумели выкроить время.

— Да, — согласился Чейзен. — Я так люблю новых соседей. Старые, правда, мне тоже нравятся. Но новые — это так прекрасно! Они напоминают о моей первой квартире, которую я снимал в двадцатые годы... Или нет, о моей второй квартире, которую я снимал в тридцатые... Впрочем, не важно. Это было так давно, что я точно не помню, когда, но с новыми соседями мы неплохо проводили время.

— Могу я вас чем-нибудь угостить? — прервала его воспоминания Элисон. — Хотите вина или, может, что-нибудь из закусок?

— О нет, время ужина еще не подошло, а в моем возрасте необходимо соблюдать режим.

— А животным?

— Они питаются вместе со мной, — важно заявил старичок.

Элисон подавила смех. Странный какой-то разговор. Но сосед был забавным, она почувствовала расположение к нему и спросила:

— Вы с кем-нибудь из соседей знакомы?

— Разумеется. Я всех знаю, очень милые люди, хотя, — он жестом пригласил Элисон наклониться, чтобы шепнуть ей в самое ухо, — живет здесь один священник, на моем этаже, так, по моему, его место — в психушке. У него не все дома! — Старичок поднял глаза на потолок, словно раскаиваясь, что позволил себе столь резкое суждение. — Бог меня простит, но у него действительно с головой не все в порядке. Целыми днями сидит у окна,

— Агент по сдаче квартир упоминала о нем.

— В самом деле?

Элисон кивнула.

— Он наблюдал за нами, когда мы выходили из дома.

— Понятно. — Чейзен помолчал. — Но не бойтесь, он никогда никуда не выходит, и он очень тихий. Да, есть еще квартира 4-А.

— А там кто живет?

— Никто. В том-то все дело. Ее никогда не сдавали. А прочий народ здесь вполне приятный, и я.. Хотя нет, постойте, чуть было не забыл о двух женщинах со второго этажа. В них — зло. Они достойны проклятия.

— Вы судите довольно строго, — заметила Элисон.

— О, тц! — ответил он.

— Простите? — переспросила Элисон, не совсем поняв смысл его реплики.

— Тц! Тц! Не спорьте! Зло, я сказал.

Элисон была немного ошарашена. Откинувшись на спинку стула, она ожидала его дальнейших откровений.

— Так о чем я говорил? — спросил старичок. — Дайте вспомнить.

— О соседях? — подсказала Элисон.

— Нет, что-то другое. До того. Нет. Ах, брак! Никогда не связывал себя узами брака. Скажу по секрету, я всегда относился к женщинам со страхом и подозрением. Без обид, моя дорогая.

— Я и не думаю, что вы хотели меня обидеть.

— Нет-нет, разумеется, нет. Дайте вспомнить. Должен признать, у меня есть ужасные слабости. Когда я был ребенком, моя бедная мамочка пыталась...

Элисон украдкой бросила взгляд на часы в то время, как он продолжал монотонно что-то бубнить, словно заезженная пластинка. Уже десять, пора бы Майклу и появиться. Но он, как всегда, опоздает. Элисон начинала сердиться. Неужели он не может хоть раз в жизни прийти вовремя, чтобы избавить ее от экскурсов в историю жизни Чейзена?!

— Боже мой, — вдруг засуетился старичок, — животным давно пора в постель. Вы знаете, что от недостатка сна кошачья шерстка становится клочковатой, а перышки у птичек слипаются?

— Век живи — век учись, — промолвила Элисон с ноткой сарказма в голосе.

— Как это верно! Как верно! Что ж, я собирался лишь заглянуть к вам на пару минут, а проторчал целый час. Весьма эгоистично с моей стороны! Вам же необходимо подготовиться к приему друга, так что я откланяюсь. — Он снял кошку со стола. — Наша маленькая беседа доставила мне истинное наслаждение. Жаль, что Дездемона неразговорчива сегодня. Может, в следующий раз вам повезет больше.

— Не сомневаюсь.

Чейзен поднялся и направился к дверям.

— Не беспокойтесь, я сам открою. Если вам понадобится

какая-либо помощь, не стесняйтесь, стучите в мою дверь в любое время.

— Спасибо за предложение.

— Тц, тц, не стоит благодарности.

— Мистер Чейзен, у меня есть одна просьба. Могу я воспользоваться вашим телефоном в случае необходимости? Телефонная компания никак не подключит мой.

— Будь у меня телефон, я бы с радостью... Но у меня его нет. Мне некому звонить. Спокойной ночи, моя дорогая.

— Спокойной ночи.

Элисон снова осталась одна. Она повернула ключ в замке, накинула цепочку и вернулась к столу. Посмотрела на створенные свечи и заключила, что визит Чейзена доставил ей удовольствие. Вдруг она заметила на столе рядом с солонкой маленькую фотографию в скромной рамке. С черно-белого глянцевого снимка на нее смотрел Чейзен — в черном костюме, черном галстуке, с букетом роз в руке. Он улыбался во весь рот. Элисон покрутила фотографию в руках. Странно, что она не заметила, как он оставил ее. Элисон подошла к камину и поставила фотографию точно посередине. Старику будет приятно, когда он увидит ее, зайдя в следующий раз. Элисон отвернулась и нахмурилась. Она начинала терять терпение. Где же Майкл?

5

— Истерия может вызывать различные заболевания, — заключил Майкл, когда Элисон закончила описывать свое самочувствие во время похорон отца.

— Но я не истеричка! — запротестовала она.

Он поправил манжеты рубашки, звякнув блестящими золотыми запонками с инициалами М. С. Ф. — Майкл Спенсер Фармер. Они были очень красивы. Четырнадцать каратов золота. Подарок Элисон ко дню его рождения в том самом июле.

— Внешне нет, — согласился он, — но мы-то с тобой знаем, а?

Он проследил за ее реакцией. Элисон сидела, выпрямившись на стуле, и наблюдала за игрой отблесков пламени свечи на его смуглом лице. Взгляд его живых темно-карих глаз был испытующим, даже гипнотическим. Майкл казался таким же, как всегда, а Элисон между уходом Чарльза Чейзена и его появлением замучила себя вопросами до умопомрачения. Не переменялся ли он? А она сама? Даже после того, как он вошел в дверь, вопросы продолжали терзать ее. Она лишь кивнула головой в знак приветствия, решив, что так будет лучше всего. В конце концов у нее есть причина сердиться: он опоздал на полтора часа, и это после того, как на полторы недели задержался в Олбани.

— Я всегда говорил, что стресс оказывает влияние на весь организм в целом, — продолжал Майкл. — Человек отгораживается от внешнего мира и сосредоточивается на своих переживаниях до тех пор, пока это не перерастает в настоящую болезнь. — Он приподнял наполовину наполненный бокал вина, оглядывая заставленный посудой стол с остатками ужина. — Ты могла бы заполучить и что-нибудь похуже мигрени.

— Возможно.

— Что говорят врачи?

— Ничего.

— А после возвращения ты хорошо себя чувствовала? — задумчиво спросил он.

— Да, — ответила Элисон, опустив эпизод в студии Джека Туччи.

Они посидели молча. Тишину нарушало лишь тиканье часов да потрескивание поленьев в камине.

— Странно, — заговорила Элисон, — с того момента, как самолет приземлился в нью-йоркском аэропорту, я не могла вынести даже мысли о доме. А сегодня вспомнила все четыре месяца. И осталась совершенно спокойной.

— Ничего удивительного в этом нет.

— Почему?

— Ты просто успокоилась. Я это чувствую.

Она прикрыла глаза.

— Когда я прочитала твою записку, я очень расстроилась. И разозлилась.

— Возможно, это даже хорошо, что я уезжал. У тебя было время как следует подумать, — ответил Майкл.

— О чем?

— О своей жизни. О том, что значит для тебя смерть твоего отца, — жестко добавил он.

Элисон похолодела.

— Я достаточно передумала. — Она резко отвернулась. — С этим кончено! — Она схватилась руками за голову, глядя прямо перед собой широко раскрытыми глазами. Затем улыбнулась, всеми силами изображая, что ничуть не взволнована. — Все! Хватит!

Сидя неподвижно, Майкл наблюдал за ней и думал о чем-то своем. Затем вдруг помрачнел.

— Что-то не так? — спросила Элисон, заметив, как он переменялся в лице.

— Все в порядке.

— Единственное, чему ты так и не научился, Майкл, это лгать мне.

Он поднял на нее глаза и спросил:

— Перечислить все?

— Не понимаю.

Майкл поднялся со стула и не спеша, с бокалом в руке, прошелся к камину. Пошевелил кочергой поленья. Огонь разгорелся ярче.

— Ответь мне на один вопрос. — Он пристально смотрел на нее.

— Пожалуйста, — сказала Элисон. Она знала, что этого не избежать, и лишь удивлялась, что Майкл не начал пытаться ее раньше. Она готовилась к этому весь вечер.

— Почему ты ушла из дома?

— Я хотела стать фотомodelью, а Нью-Йорк — самое подходящее место для этого. — Заметно побледнев, Элисон нервно накручивала локон на палец.

— Это мы уже проходили. — Майкл подался вперед. — Я хочу

знать настоящую причину. Причину, по которой ты ВЫНУЖДЕНА была уйти из дома. Почему за семь лет ты ни разу не навестила свою семью? Почему не позволила мне поехать вместе с тобой в июле?

— Я хотела стать фотомodelью,— монотонно повторила Элисон.

Он тяжело вздохнул.

— Отец сделал твою жизнь невыносимой.

— Да, ты знаешь это.

— И поэтому ты ушла из дома.

— Если тебе угодно.— Она отвела глаза.— Что ж, скажем так: благодаря этому мне легче было покинуть дом. Я никогда это не скрывала.

— Есть что-то еще. Какая-то душевная травма. И на этот раз ты скажешь мне все.— Майкл скомкал салфетку и швырнул ее в салатницу.— Твой отец умер, и таиться больше незачем.

— В тысячный раз говорю тебе: я хотела стать фотомodelью,— мягко произнесла она, но в голосе ее чувствовалось напряжение.

— Что ж, не хочешь говорить, как хочешь,— сказал он.

— Не понимаю, почему тебе это не дает покоя.

— Ты все прекрасно понимаешь. До тех пор, пока ты не расскажешь мне правду, между нами что-то будет стоять, и ты не сможешь до конца избавиться от своего прошлого. Но раз ты еще не готова, я приму версию, будто ты хотела стать фотомodelью. Но с одной оговоркой: на самом деле я этому не верю.

— Ты всегда остаешься юристом,— сказала Элисон, в очередной раз убеждаясь в неспособности Майкла вести разговор, не впадая в риторику.

Несколько минут он молча смотрел на нее. Затем лицо его потеплело.

— Забудь все, что я сегодня говорил,— попросил он. Но в голосе его еще звучали обвинительные нотки.

— Хорошо, Майкл.

Майкл взял со стола бокалы и бутылку и подошел к камину разворошить дрова, чтобы они быстрее прогорели.

— Кто это? — спросил он, снимая с полки фотографию.

— Чарльз Чейзен. Сосед сверху. Из квартиры 5-Б. Нанес визит вместе с кошкой и попугаем перед самым твоим приходом.

Майкл продолжал изучать снимок.

— Какую-то кошку я видел,— сообщил он, облокачиваясь о каминную полку.— Черная с белым. Она бежала вверх по лестнице.

— Это Джезебель. Странно, что Чейзен разрешил ей разгуливать по зданию одной. Он так трясется над ней и над птицей.

— Сколько ему лет?

— Думаю, под восемьдесят, плюс-минус пять лет.

— Немного не в себе?

Она с сожалением кивнула.

Майкл разглядывал фотографию со всех сторон.

— Его физиономия здорово смахивает на чернослив.

Рассердившись, Элисон подошла к камину.

— Очень смешно, — проворчала она, отнимая у него фотографию. Языки пламени тотчас же заплясали на стекле. — Все, что нужно, он соображает. — Она поставила снимок обратно на полку. — Он просидел у меня целый час, рассказывая историю своей жизни. Рассказ, как ты догадываешься, был весьма содержательным. Жалкое зрелище: маленький старичок, у которого ничего не осталось, кроме кошки, птицы и воспоминаний.

— Бывает и хуже.

— Не хотела бы, чтобы моя жизнь пришла к такому финалу: просыпаться по утрам лишь затем, чтобы ждать, когда наконец наступит вечер. И коротать дни за беседой с кошкой.

Он тихонько взял ее за подбородок и поцеловал в переносицу.

— Почему бы нам не поговорить о нем как-нибудь в другой раз?..

6

Элисон взбежала по каменным ступеням крыльца, прижимая к себе пакет с продуктами, купленными в супермаркете на улице Коламбус — именно там, где и говорила мисс Логан. Она устала. Хотя сейчас едва перевалило за полдень, она успела уже съездить на Фоли-Сквер — послушать речь Майкла в уголовном процессе, провести два часа в редакции «Космополитэн» и, наконец, зайти в супермаркет.

Элисон добралась до площадки первого этажа. Дверь в квартиру 2-А была приоткрыта, в холл проникал луч света. Она остановилась и с любопытством заглянула в щелку, но почти ничего не увидела. Тогда она придвинулась ближе и просунула голову внутрь, приоткрыв дверь пошире. Взору ее открылась гостиная.

Элисон стояла, не двигаясь, не решаясь войти без приглашения.

— Хэлло! Есть кто-нибудь дома?

Тишина.

Квартира выглядела абсолютно пустой. Разве можно оставлять дверь открытой! Хозяева рискуют не досчитаться по возвращении некоторых предметов обстановки.

Элисон шагнула в комнату и огляделась. Мебель была ухоженной и чистой. В квартире стояла какая-то неестественная тишина, воздух был странно неподвижен. Элисон с опаской озиралась, втянув голову в плечи.

— Хэлло, — неуверенно повторила она, перехватив поудобнее пакеты. — Есть здесь кто-нибудь?

Никакого ответа не последовало. Элисон повернулась, чтобы уходить и вдруг остановилась.

Прямо перед ней стояла женщина. Ростом примерно пять футов и пять дюймов. Ни грамма косметики на поразительно красивом лице.

Элисон не могла удержаться от восхищения.

В дверях показалась еще одна женщина. Она была повыше первой. Густой слой грима покрывал остренькое личико. Элисон решила, что ей лет тридцать пять. Может, тридцать восемь. Но

не больше. Если от первой так и веяло нежностью, эта являла собой воплощение суровости.

Элисон была озадачена. Как им удалось неслышно подкрасться? Она осторожно разглядывала хозяек, отметив, что одеты они скромно, но со вкусом. Затем взгляд ее упал на ноги женщин. Обе носили балетные тапочки. Элисон снова посмотрела на стены комнаты. Повсюду висели картины с изображением балерин и афиши, возвещавшие о представлениях Королевского Балета. Элисон вновь опустила глаза на тапочки. Танцовщицы? Возможно, именно поэтому она не расслышала их шагов.

В смущении она забормотала:

— Я... э...

— Чем можем вам служить? — сухо спросила та, что повыше.

Элисон смешалась.

— Я шла домой с покупками... Я недавно переехала... Увидела, что дверь открыта, и решила представиться. — Элисон помолчала и, поняв, что ответа не дождется, продолжила: — Уверю вас, никаких других намерений у меня не было.

Она с трудом выдавливала из себя слова.

Женщины по-прежнему с неприязнью смотрели на нее.

— Меня зовут Элисон Паркер, — представилась она, поразившись, что сумела вспомнить свое имя в столь напряженной обстановке.

Высокая женщина приблизилась на шаг и уставилась ей прямо в глаза. Затем криво усмехнулась.

— Вы уж простите нас, — сказала она, проходя мимо Элисон в гостиную.

Дивясь неожиданной перемене, Элисон следила, как обутые в тапочки ноги мягко ступают по ковру.

— У нас редко бывают гости. Я — Герда. Имя норвежское. А это, — она указала на вторую женщину, — Сандра.

Элисон кивнула Сандре, которая хранила молчание и не двигалась с места.

— Проходите, пожалуйста. Увидите, как у нас славно. — Герда размотала красный шарф и положила его на каминную полку. — Особенно я люблю камин. С ним так тепло и уютно. И вы непременно выпьете с нами кофе.

— Честно говоря, я...

— Нет. Я настаиваю! В Нью-Йорке редко предоставляется возможность проявить гостеприимство. Такой уж это город. Жители его слишком подозрительны и ревнивы. И эгоистичны. — Она замолчала, достала с серебряного блюда сигарету и предложила Элисон.

— Я не курю.

Герда кивнула, выражая свое одобрение.

— Кладите пакеты на стол и присаживайтесь, — пригласила она, направляясь в кухню. — Я недавно поставила вариться кофе, должно быть, он уже готов. Если хотите чаю, я могу вскипятить воды.

— Я с удовольствием выпью кофе, — сказала Элисон, садясь

наискосок от Сандры, которая переместилась на потертую коричневую софу.

— Познакомились уже с кем-нибудь в нашем доме? — донесся с кухни голос Герды.

— Да, с мистером Чейзенем. Он зашел ко мне пару дней назад с кошкой и птицей.

— Приятный человек. Мы не часто общаемся с соседями. Сказывается то самое нью-йоркское негостеприимство. Люди, живущие в соседней квартире, с тем же успехом могли бы жить где-нибудь в Сибири. Я вовсе не оправдываю себя: мы тоже грешны.

— Не думаю, что все так уж мрачно. Визит мистера Чейзена доказывает, что надо просто активно искать общения.

— Какая вы отважная, — заметила Герда с ноткой сарказма в голосе.

Элисон нахмурилась и обернулась к Сандре.

— Вы давно живете здесь? — В ожидании ответа она заерзала на стуле. Девушка не шелохнулась.

— Пусть вас не смущает молчание Сандры, — раздался голос с кухни. — Она никогда не разговаривает — только со мной, и лишь когда мы одни.

Обернувшись, Элисон увидела Герду с подносом в руках.

— Угощайтесь, — сказала та, ставя поднос на стеклянный столик.

— Спасибо.

Герда вынула сигарету изо рта и затушила ее в пепельнице.

— Хотела вас спросить, — начала она, откашлявшись.

— Да, — отозвалась Элисон.

— Вы носите распятие. Откуда оно у вас?

Элисон опустила глаза. Так и есть: крест выбился из-под свитера. Обычно она старалась прятать его под одеждой.

— Из дома моих родителей, — отвечала она.

— Где оно сделано?

— Не знаю. Это подарок. — Она засунула распятие под свитер.

— Похоже на французское.

— Вполне возможно.

— Обожаю красивые вещи, особенно распятия. — Герда достала из-под блузки свое, побольше, чем у Элисон. Судя по всему, оно было очень древнее и принадлежало эпохе большого религиозного подъема. — Я приобрела его в Венгрии. Одиннадцатый век. Работа славянских монахов.

Элисон подалась вперед.

— Оно, должно быть, стоит целого состояния.

— Возможно, но не в денежном выражении, если вы понимаете, о чем я. Вы религиозны?

Помолчав, Элисон ответила:

— Нет.

— А мы — да. Так что нам трудно переводить знак Христовой веры в доллары и центы.

Сандра медленно кивнула.

— Можно кофе? — спросила Элисон, нервно облизывая губы.

— Естественно. Для этого он здесь и стоит.

Элисон наклонилась вперед, выбрала себе чашку, налила кофе, добавила чуть-чуть сливок и три кусочка сахара. Краешком глаза она продолжала следить за хозяйками.

— Мы здесь живем уже несколько лет, — заговорила Герда, отвечая на вопрос, который Элисон задавала Сандре.

— А где вы жили раньше?

— В Европе. Девять фантастических лет в Париже, а до этого — в Осло, где я и родилась.

— Я тоже люблю Париж, — вставила Элисон.

— Да что вы? Вот удивительно. Обычно американцы его не любят.

— Почему?

— Они признают, что город красив, еда восхитительна, но им не нравятся французы. И наоборот. Французы, со своей стороны, тоже не в восторге от американцев.

— Вы познакомились с Сандрой там? — поинтересовалась Элисон.

— Нет, она американка. Никогда в Европе не была. — Герда взглянула на подругу, ответившую ей еле заметным кивком головы. — Мы познакомились в Нью-Йорке, вскоре после моего приезда сюда. До этого она жила с мужчиной, который ужасно с ней обращался. — Герда матерински хлопнула Сандру по коленке. — Я убедил ее избавиться от него. Она послушалась. А после переехала ко мне, и теперь я забочусь о ней. — Герда и Сандра обменялись загадочными полуулыбками.

Элисон потягивала кофе, пытаясь разгадать зловещий смысл этих слов и причину их неестественной привязанности друг к другу.

— Мужчины — садисты! — прокричала Герда с яростью.

Чуть не поперхнувшись от неожиданности, Элисон возразила:

— Вы обобщаете. Мои знакомые мужчины в большинстве своем добрые и милые люди.

Глаза Герды сузились, неясная улыбка заиграла на ее губах.

— Понятно, — сказала она. — Тот джентльмен в коричневой спортивной куртке, что ушел от вас вчера утром, он ваш любовник?

Элисон недоумевающе взглянула на нее.

— Да.

Герда медленно потягивала кофе, не сводя с Элисон глаз, затем поставила чашку и скрестила руки на груди.

— Похоже, он недурен в постели.

— А это уж не ваше дело, — вспыхнула Элисон.

Герда потушила глазки, изображая раскаяние.

— Пожалуйста, еще раз простите меня. Я сама человек очень откровенный и, увы, порой забываю об элементарных правилах приличия. Видите ли, мы с Сандрой ничего не скрываем друг от друга, и это уже вошло в привычку.

— Я... э... Я понимаю. — С трудом подбирая слова, Элисон попыталась сменить тему. — Мне очень нравится, как обставлена ваша квартира. Я тоже предпочитаю сочетание различных стилей.

— Мы рады, что вы одобряете наш вкус, — сказала Герда. И без того не слишком оживленная беседа прекратилась вовсе. Все трое сидели и молча смотрели друг на друга.

— Вы... Чем вы зарабатываете себе на жизнь? — выдавила наконец из себя Элисон.

— Ничем, — коротко ответила Герда.

— Но ведь надо что-то делать, чтобы иметь деньги. Неужели вам не скучно?

— Нет. Мы ласкаем друг друга.

Элисон уставилась на нее, раскрыв от удивления рот.

— Ласкаем! Гладим! — Герда говорила раздраженно и резко.

Элисон вскочила на ноги.

— Полагаю, мне лучше уйти, — выдохнула она. — Надо разложить покупки, и потом у меня назначена встреча...

— А я полагаю, что это очень неприлично — поесть и сразу убежать.

— Во-первых, я не ела, я пила. — Элисон покраснела от негодования. — И о каких приличиях может идти речь!

Глаза Герды сузились, словно у кошки перед броском. Она медленно поднялась с места, процедив сквозь зубы:

— Ты, маленькая сучка.

Элисон прошмыгнула мимо нее и принялась собирать свои пакеты! Самый большой упал на пол. Она наклонилась, чтобы поднять его, но Герда наступила на пакет ногой и прижала к полу. Элисон схватила ее ногу и постаралась сдвинуть с сумки. Нога не шелохнулась. Тогда она с силой вырвала пакет. Герда упала и растянулась на полу. Поднявшись, она вцепилась Элисон в волосы, та выронила пакеты и впилась ногтями Герде в запястье. Герда сморщилась от боли и ослабила хватку.

Элисон бросилась к двери, рывком распахнула ее и вылетела в холл. Когда на пороге показалась Герда, она прижалась к перилам и приготовилась защищаться.

Неожиданно Герда остановилась, устремив взгляд на площадку третьего этажа. Элисон подняла голову. На лестнице стоял Чарльз Чейзен и поглаживал Джезебель. Моргимер, оживленно щебеча, перескакивал с одного его плеча на другое. Герда задрожала. Не глядя на Элисон, она шагнула обратно в квартиру и закрыла дверь.

Элисон пошатывало, она почти задышалась.

— Я предупреждал вас! Да-да! С этого момента вы будете остерегаться их. Они — зло. — Старичок спустился с лестницы и ласково взял Элисон за руку. — Идемте. Я провожу вас.

Элисон пошла вслед за ним вверх по лестнице. Он ничего не говорил, она тоже. Мысли теснились у нее в голове. Почему Герда ретировалась, заметив маленького старичка? Она явно боится его. Почему? Элисон не знала. Но не задавала лишних вопросов.

— Советую вам выпить пару таблеток аспирина и лечь спать, — сказал Чейзен, наблюдая за тем, как Элисон лихорадочно пытается нащупать в сумке ключ. — Что за неприятное происшествие. Надеюсь, вы извлечете из этого урок. Теперь будете слушаться Чейзена.

Элисон кивнула, вставляя ключ в замочную скважину.
— Спасибо. Прямо и не знаю, как...
— Не стоит об этом. Идите поспите.
Элисон поцеловала старика в щеку и затворила дверь.

7

В десять прозвонил будильник. Пять с половиной часов сна. Голова у Элисон болела, веки набрякли, лицо было бледным. Но ей ничего не приснилось. Она улыбалась, водя ярко-зеленой зубной щеткой по своим белоснежным зубам. Нет больше привидений! Нет чудовищ! Несмотря на то, что ночь выдалась тяжелой, тот факт, что ей ничего не приснилось, заставлял забыть обо всех ночных мучениях.

Элисон вышла из квартиры в четверть двенадцатого; времени для того, чтобы поймать такси и успеть на завтрак с Майклом, было достаточно. Элисон неслась вниз по лестнице, папка — в одной руке, спортивная сумка — в другой; на лестничной площадке она остановилась. Квартира 2-А находилась на расстоянии не более десяти футов, дверь была заперта. Элисон замедлила шаги. Она кралась, осторожно переступая, стараясь не шуметь. И не переставая наблюдать за дверью. Неужели теперь она каждый раз будет так проходить мимо нее?

Впрочем, не важно. Главное — пройти сейчас, на следующее утро после случившегося.

184

Одолев десять футов практически бесшумно, Элисон остановилась и прислушалась. Никаких подозрительных звуков не раздавалось; она вздохнула с облегчением. Капелька пота стекла у нее по щеке. Элисон вытерла ее и начала спускаться по лестнице. Как всегда, проверила перила и замерла, заслышав доносившийся снизу шорох.

Дверь парадного открылась. Вошел Чарльз Чейзен — без кота, без птицы. С помощью обеих рук и подбородка он с трудом удерживал огромную коробку.

Элисон пошла ему навстречу. Он шумно отдувался, опершись о перила.

— Доброе утро! — воскликнул он. — Прекрасное утречко выдалось!

— Как поживаете?

— Великолепно, милая. А вы-то как? Забыли о вчерашнем неприятном инциденте?

Немного поколебавшись, Элисон ответила:

— Да.

— Вот и хорошо. Вот и правильно. — Чейзен принялся взбираться по ступенькам. — На улице промозгло. Не удивлюсь, если я простудился. Обязательно наденьте жакет.

— Непременно.

Он вдруг заторопился.

— Не могу сейчас болтать. Очень занят.

— Генеральная уборка?

— Нет. Я вам все потом расскажу.

Элисон уже спустилась в вестибюль, а он продолжал подниматься по лестнице.

— Мистер Чейзен!

Он остановился и взглянул вниз.

— Я хочу вас кое о чем спросить.

— Только поскорее.

Элисон покусала губу.

— Почему та женщина так испугалась вас?

Улыбка сползла с его лица, глаза засверкали. Опустив на пол коробку, он поднял руку со сжатым кулаком.

— В свое время они получили от меня вот это, — сказал старичок, потрясая в воздухе кулаком, — и я поколочу их снова, если они станут досаждать моим друзьям.

Элисон озадаченно смотрела на него.

— Ясно, — проговорила она.

— Держитесь от них подальше. Тц, тц. — Улыбка вновь вернулась к нему. Он поднял коробку и продолжил свой путь.

Элисон вышла из дома, поймала такси и успела на назначенную встречу с Майклом.

— Эка невидаль: лесбиянка и ее любовница. — Рот у Майкла был набит мороженым. — Когда влезает в логово льва и играешь с детенышами, надо быть готовым к тому, что тебя укусят.

— Сравнение хромает.

— Почему же?

— Я не играла ни с какими детенышами.

— Ладно, ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Ты должна понять, что лесбиянка, если ее спровоцировать, может быть очень опасной.

— Да.

— Постарайся держаться подальше от них и от их квартиры — и все будет в порядке.

— По правде говоря, меня беспокоят не столько они, сколько то, что произошло на лестнице. Ты бы видел выражение лица Герды, когда она заметила старика! Я в жизни не видела человека, охваченного таким ужасом. Ума не приложу, что за этим кроется.

— Но, судя по твоему же рассказу, старикан говорил, что они — зло. Может, он уже имел с ними дело.

Элисон на мгновение задумалась.

— Я встретила его утром в вестибюле. Он сказал, что они получили от него вот это. — Элисон помахала в воздухе кулаком.

— Вот видишь. Он им дважды уже врзал как следует. А раз так, неудивительно, что тетка струнула.

— Не знаю. По-моему, дело не только в этом.

— Элисон! — Майкл строго посмотрел на нее.

— Хорошо. Я обещаю, что не буду на этом заикливаться.

Возможно, ты прав.

— Как обычно, — довольно хохотнул он.

Элисон взглянула на часы.

— Мне, пожалуй, пора.

— Который час?

— Двенадцать сорок пять.

— Я тоже должен идти. Нужно закончить составлять судебное предписание.

— Моя помощь понадобится?

— Нет.

— А что с судом?

— Отложили до завтра.

— Ты выиграешь дело.

Майкл улыбнулся.

— Что же ты не идешь? Я подожду, пока принесут счет.

— О'кей.— Она потянулась через стол и очень нежно поцеловала его в лоб.— Я люблю тебя,— сказала она. Взяла папку и сумки и поднялась.— Ты звонил в телефонную компанию, я тебя просила?

— Забыл.

— Майкл, пожалуйста. Мне необходим телефон.

— Хорошо. Днем позвоню.— Он о чем-то задумался.— Но только, если ты пообещаешь мне забыть о вчерашнем вечере и выбросить эту парочку из головы.

— Обещаю.— Подарив ему на прощание воздушный поцелуй, Элисон выпорхнула из ресторана.

— Беленькие таблетки — это успокоительное,— говорила Элисон. Она плечом прижала трубку к уху и слушала Майкла, придерживая норовящую распахнуться дверь будки. Если бы они выполнили свое обещание и установили телефон, ей не пришлось бы битый час рыскать по улицам в поисках исправного автомата. Тот, что на углу 86-й улицы, не работал, кто-то повредил механизм, пытаясь извлечь монетки. Как и следовало ожидать, этот тоже был не в лучшем виде: весь в дырах и царапинах, отверстие для возврата монет забито слившимися фантиками. Но, о чудо, он работал!

— Другие — просто снотворное,— отвечала Элисон на вопрос Майкла.

После того как она потеряла сознание на подиуме, ее отвезли в больницу Рузвельта, где продержали целых шесть часов, подвергнув всестороннему обследованию. Но никаких отклонений, кроме слегка повышенного давления, врачи не обнаружили. Ей прописали лекарства и рекомендовали, если подобное повторится, обратиться к невропатологу.

Вместо того, чтобы идти прямо домой, Элисон разыскала телефонную будку, рассказала Майклу о припадке и теперь стояла, придерживая дверь, стараясь укрыться от холода.

— Все будет в порядке. Не надо приезжать.— Она внимательно выслушала его и добавила: — Вчерашний эпизод не прошел бесследно.

Да, благодарить за этот обморок нужно было Сандру и Герду. Разве не из-за них она не спала полночи? Элисон слушала Майкла, а сама пыталась вспомнить ощущение, охватившее ее перед тем, как она потеряла сознание. Головокружение и

топнота. Зал, длиной в бесконечность. Шепот. Бесмыслица какая-то...

— Я позвоню, если мне станет плохо,— завершила она разговор. Повесила трубку, вышла на темнеющую улицу и пошла вдоль домов, считая бетонные плиты у себя под ногами.

К двери была прикреплена записка. Элисон сняла ее. Счет за доставку телевизора. Вот это радость!

Он стоял в гостиной, в точности там, где она пометила. Цветной, изящный, двадцать четыре дюйма по диагонали.

Элисон бросила жакет на диван, вошла в кухню и включила воду. Достала два пузырька; один — с белой крышкой, другой — с голубой. На первом было написано «транквилизатор», далее следовали сложные инструкции к употреблению. Надпись на пузырьке с белой крышкой гласила: «снотворное». Элисон внимательно прочла инструкции на транквилизаторе, достала две овальные таблетки, положила их на язык и набрала в рот воды. Никогда она не умела глотать таблетки. С трудом протолкнув их в глотку, она убрала пузырьки в шкаф и вернулась в гостиную.

Встав на колени перед своим новым приобретением, Элисон щелкнула выключателем, отрегулировала цвет и уселась на диван перед телевизором. Что ж, так вполне можно скоротать вечер. По крайней мере знаешь, что у фильма будет счастливый конец.

Элисон положила уставшие ноги на пуфик и провела языком по пересохшим губам. Похоже, таблетки начинали действовать. Фигуры на экране блекли, движения их замедлялись...

И тут раздался звонок в дверь. Элисон вскочила с дивана. Это точно не Майкл: он работает допоздна. И никто не может войти, не воспользовавшись домофоном. Чейзен? Лесбиянки? Кто-нибудь из соседей?

— Кто там? — громко спросила она, подходя к двери. Ответа не последовало. Элисон впилась ногтями в ладони. — Кто это? — повторила она. Молчание. Она топталась у двери, тиканье настенных часов сливалось со звуком ее шагов, тень металась по стене.

— Это я,— послышался тонкий голос.

— Мистер Чейзен?

— Ну да, конечно.

Элисон облегченно вздохнула и открыла дверь, не снимая цепочки. Сквозь щелку она увидела старичка, одетого в мягкий черный смокинг. Это был Чейзен. Ни Дездембель, ни Мортимера поблизости не наблюдалось.

— Ну же, открывайте цепочку, чтобы я мог войти!

Элисон отворила дверь, и Чейзен вошел.

— Что вы так нервничаете? — спросил он.

— Я не нервничаю.

— Нервничаете, говорю я вам!

— Видите ли, вчерашнее происшествие...

— Ах это,— перебил он.— Забудьте об этом, словно ничего не случилось.

Элисон улыбнулась.

— У вас очень красивый костюм, мистер Чейзен.

— Да. — Он поправил болтающийся на шее старомодный галстук и оттянул полы пиджака книзу, чтобы не было заметно, до чего он измят. — Вам нравится цветок у меня в петлице? Я сам вырастил на подоконнике.

— Он замечательный.

Чейзен взял ее за руку.

— А теперь, моя милая, у меня есть для вас сюрприз.

— Сюрприз? — озабоченно переспросила она.

— Да, приятный сюрприз. Идемте ко мне.

Она ласково сжала его руку.

— Нет, спасибо.

— Ну, Элисон, — строго начал он.

Она не слушала:

— У меня сегодня был трудный день, и я не очень хорошо себя чувствую. Кроме того, я приняла две таблетки транквилизатора и, честно говоря, просто не в состоянии никуда идти. Может, как-нибудь в другой раз.

— Я настаиваю, — не сдавался он, — от моего сюрприза вам станет в тысячу раз лучше.

— Но...

Старик протестующе поднял руку. Спорить было бесполезно. Он просто не уйдет отсюда без нее. Элисон ничего не оставалось, кроме как согласиться. Может, и впрямь ей станет лучше от его сюрприза. Она пожалала плечами.

— Хорошо, но лишь на несколько минут.

Они добрались до пятого этажа и остановились напротив двери, перед которой лежал коврик с надписью «Добро пожаловать!». На двери висела рождественская гирлянда.

— Элисон! — взволнованно вскричал Чейзен. — Я попрошу вас закрыть глаза и обещать не подглядывать, пока я не разрешу.

— Обещаю, — неохотно повиновалась она.

— Стойте здесь, — скомандовал он, открывая дверь. Взял ее за руку и перевел через порог. — Пора!

Элисон открыла глаза. Она стояла в празднично разукрашенной комнате. С потолка свисал серпантин. В воздухе парили воздушные шарики.

— Сюрприз! — завопил Чейзен, швыряя в воздух серпантин.

Общество обернулось ко вновь прибывшей гостье.

На большом, покрытом белоснежной скатертью столе в центре комнаты стояло несколько бутылок вина, содовой и большое блюдо с картофельными чипсами. Между тарелками были разбросаны хлопушки и карнавальные шапочки. В центре стола красовался огромный черно-белый именинный пирог с семью свечами, украшенный сахарными розочками. Дездемел в шапочке с кисточкой и с красной шелковой ленточкой на шее восседала во главе стола на высоком стуле. Гостей было пятеро: три пожилые женщины, одна помоложе, лет примерно тридцати, и мужчина тридцати пяти — сорока лет.

— Сегодня мы отмечаем день рождения Дездемел!

Чейзен вел Элисон сквозь «джунгли» к столу.

— Вот ваша шапочка, две хлопушки, серпантин. А вот это ваш стул.

— Спасибо, — улыбнулась Элисон. Такого она, конечно, не ожидала. Празднование дня рождения кошки! Возможно, Чейзен был прав, и ей станет лучше от его сюрприза.

— Мортимер! — вскричал он.

Птичка чирикнула с верхней ветки папоротника.

— Иди к папочке, — строго приказал Чейзен.

Птичка замахала крыльшками, спорхнула с куста и приземлилась на плечо хозяина.

— Поздоровайся с Элисон.

Мортимер поправил несколько перышек на правом крыле и чирикнул, с достоинством кивнув гостье головой в знак приветствия.

— Привет, Мортимер, — отчего-то смутившись, поздоровалась она.

— Молодец, — горделиво сказал Чейзен. — Я долго готовился к сегодняшнему вечеру. Отловил Дездебелю, когда она копалась в мусорном ведре. Но не думаю, что праздник удался бы без вашего присутствия.

— Вы так любезны, мистер Чейзен.

Дездебеля замурлыкала.

— Она тоже здороваается, но в силу каких-то причин скрывает свое владение английским языком. Думаю, она простудилась. Надеюсь, вы простите нас?

— Конечно.

— Я хочу, чтобы вы познакомились с моими гостями. — Он положил руку ей на плечо. — Это Элисон Паркер. Она недавно вселилась в квартиру 3-А.

Элисон окинула взглядом сидевшую за столом публику.

— Это миссис Кларк из квартиры 4-Б, — произнес Чейзен, кивая в сторону семидесятилетней старухи, седой, горбатой, сморщенной и не улыбкающей.

— Очень приятно познакомиться, — сказала миссис Кларк.

Чейзен продолжал:

— Мисс Эмма Клоткин и ее сестра-близнец Лилиан. Они живут в квартире 2-В.

— Рада познакомиться, — поприветствовала их Элисон. Она пожала руку Эммы, подивившись про себя габаритам женщины: необъятных размеров грудь терялась среди складок жира, из-за пухлых щек выглядывали маленькие глазки.

— Очень приятно, — хихикнула Эмма.

Лилиан была ее «маленькой сестричкой». Впрочем, по сравнению с Эммой она действительно казалась крошкой.

Элисон не могла сдержать улыбки, здороваясь с «крошечной» Лилиан.

— Очень-очень рада, — пискнула Лилиан. — Чарльз говорил мне о вас. — Нью-Йоркское произношение, ярко выраженное у Лилиан, странным образом отсутствовало у ее сестры. Может быть, они воспитывались раздельно. Или Эмма брала специальные уроки.

— Малькольм Стиннет, — представился мужчина на другом конце стола. — Их кузен. А это моя жена Ребекка.

Элисон кивнула. Странная пара. Ребекка была выше мужа дюйма на три. Малькольм носил отлично сшитый черный смокинг, на шее — очень широкий галстук-бабочку, приходившийся строго параллельно пышным коричневым усам. В нем было нечто очень английское. Элисон так и видела его за рулем какого-нибудь «ролс-ройса» — шоферская кепочка, взгляд прикован к дороге. Доволен своей судьбой и положением.

— Как давно вы здесь живете? — спросила Ребекка.

— Чуть больше недели, — сказала Элисон, отвечая на улыбку женщины. У той были плохие, кривые и сероватые зубы. Но, несмотря на это, выглядела она необычайно женственно и привлекательно. — В какой квартире живете вы?

— Мы живем не здесь, — ответил Малькольм. — В Ист-Сайде, в Мюррей-Хилл. Ребекке там больше нравится. Чище и спокойнее.

— Мюррей-Хилл — неплохое место, — улыбнулась Элисон. — Я жила там некоторое время, когда приехала в Нью-Йорк.

— Где именно?

— Лексингтон-авеню, между 37-й и 38-й улицами. У меня там была большая квартира.

— Так это рядом с нами! — с восторгом воскликнула Ребекка. Лилиан взмахнула хлопучкой у себя над головой. Кошка чихнула. Птица чирикнула.

Элисон водрузила на голову золотисто-красную карнавальную шапочку и посмотрелась в висевшее на стене большое зеркало. Смех, да и только. Она взяла со стола «уйди-уйти» и дунула в нее, развернув с режущим ухо звуком длинную бумажную змею.

Все засмеялись и захлопали в ладоши.

— Немного музыки для поднятия настроения! — прокричал Чейзен, подскочил к стоящему рядом патефону 1920 года выпуска и поставил пластинку. Заскрежетав, старый, ржавый механизм начал вращать ее, постепенно набирая обороты, пока не достиг нужной скорости. Чейзен сдвинул старинный металлический звукосниматель, подул на изношенную иглу и установил ее на вращающийся диск. Из усилителя раздалось шипение.

— Полька, — нараспев объявил Чейзен. — Каждую пятницу в течение десяти лет я плясал под нее в казино «Фоксленд» в Бронксе.

— Помню-помню! — прокричала Эмма, заглушая громкую танцевальную музыку. — Мы с Лилиан тоже частенько наведывались туда. Но это, наверное, было немного позднее.

— Да, эта полька будит воспоминания, — включилась в разговор Лилиан, покачиваясь в такт музыке. — В свое время это казино было очень популярным. Помните? Девушки сидели по одну сторону зала, парни — по другую.

— А затем один из трех тамошних оркестров начинал играть, — подхватил Чейзен.

— Точно! Дамы выбирали кавалеров и выводили их в круг. Ах, эти мелодии! Ах, эти оркестры! Я так скучаю по ним.

— Да, было время, — с грустью произнес Чейзен.

— Наверное, это было очень хорошее время, — растроганно произнесла Элисон

Воодушевление охватило всех. Чейзен встал и поклонился, Элисон крепко ухватила за его протянутые руки, и они закружились по паркету. Быстрее! Еще быстрее! Элисон боялась, как бы старик не переоценил свои силы. Но он оказался на удивление хорошим и, по всей видимости, неутомимым танцором.

Наконец она остановилась перевести дух. Озираясь по сторонам, Элисон заметила у входа на кухню миссис Кларк, не разделявшую всеобщего веселья и, судя по всему, отчаянно скучавшую. Лицо ее приобрело восковую бледность, уголки губ опустились, в глазах горел какой-то мрачный огонь.

Она, не мигая, смотрела на Элисон, и это насторожило ее. Было в старухе что-то знакомое. Где-то Элисон уже видела ее, но не могла вспомнить, где. «Странная она какая-то», — подумала девушка про себя.

— Хочу танго! — громогласно возвестила Эмма.

— Танго! — воскликнул Чейзен. — То что надо! Танец каба-льеро. Я еще помню, как танцевал Валентино в «Крови и песке». — Он поставил новую пластинку и привел в действие механизм. Тот зафыркал, откашлялся и завибрировал; пластинка начала вращаться, комната вновь наполнилась музыкой.

Чейзен уселся рядом с кошкой, обернулся и жестом пригласил миссис Кларк занять свое место. Поколебавшись, та подошла к столу, окинула его взглядом и села.

— Шампанского? — предложил Чейзен, доставая из ведерка со льдом початую бутылку. Все с радостью согласились. Он наполнил бокал Элисон, затем поднялся и обошел вокруг стола с видом заправского официанта.

— Я хочу предложить тост, — сказал Малькольм, вставая со стула и поднимая свой бокал. — За Джезебель. Долгих ей лет жизни и процветания!

— За Джезебель! — подхватили все, подняв бокалы. Кошка замурлыкала, словно понимая, что тост обращен к ней.

— Эмма, правда, очень мило со стороны Элисон, что она составила нам компанию в день рождения Джезебель, — заговорила Лилиан, сделав глоток шампанского. Ее сестра кивнула. — Элисон, вы должны как-нибудь заглянуть и к нам. Я очень хочу, чтобы вы попробовали мое фирменное печенье. Мы с Эммой обожаем готовить, впрочем, это видно по нашим фигурам. — Эмма расхохоталась.

— С удовольствием. Обожаю домашнее печенье, моя мама тоже часто пекла его.

— Вот и договорились. Приходите завтра.

— Настало время для пирога, — вскочил Чейзен.

— Отлично! — прокричал Малькольм с другого конца стола, поедая глазами трехъярусный именинный торт.

Чейзен быстро снял с патефона пластинку и отложил ее в сторону.

— С днем рождения тебя! — нараспев произнес он, вернувшись к столу, и поцеловал Джезебель в макушку. Подвинул

пирог к себе, вытащил из-под салфетки нож и вонзил его в глазурь.

— Ни разу не видела черно-белого именинного пирога, — улыбаясь, заметила Элисон.

Оживленная застольная болтовня резко оборвалась.

Седая старуха медленно разжала губы, повернула голову и усталилась на Элисон.

— Черно-белая кошка — черно-белый пирог, — проскрипела она с нескрываемой враждебностью.

Что же это такое? Элисон пожала плечами. Странная-то она странная... Где же все-таки она могла ее видеть?

Позже Элисон лежала в темноте своей спальни, находясь где-то между явью и сном. Два часа она крутилась и вертелась в постели, пытаясь отыскать удобное положение. Она слишком много выпила шампанского и съела слишком много пирога. Голова кружилась, болел живот. И когда она наконец уснула, ее начали преследовать кошмары. Чейзен! Эмма! Лилиан! Малькольм! Ребекка! Все они танцевали и пели «С днем рождения» кошке. Стоял ужасный шум.

Ей приснилась миссис Кларк. Элисон металась по кровати в холодном поту, вновь ощутив ужас, который ей внушала эта женщина. Надо стараться избегать ее, как и тех лесбиянок. Но выбросить их из своего подсознания Элисон была не в силах. Ей становилось все хуже. Она корчилась на кровати, кожа ее блестела от пота. День рождения. Миссис Кларк. Лесбиянки. Образы расплывались, кружились, сменяя друг друга под аккомпанемент непрекращающегося стука и металлического лязга.

От нестерпимого ужаса Элисон проснулась и подскочила на кровати. Внутри у нее все сжалось. Ночная рубашка была насквозь мокрой.

Видения исчезли. Но шум остался. Она прислушалась, включила ночник и взглянула на потолок. Стук? Нет, шаги! В этом не было никакого сомнения. Шаги доносились из квартиры, считавшейся пустой. Элисон задрожала и посмотрела на часы. Четыре пятнадцать утра.

Там, в пустой квартире, кто-то есть! Ходит взад-вперед, словно солдат на часах. Затем шаги стихли, но лязганье металла не прекращалось.

Элисон набросила халат, выскочила в гостиную и метнулась к двери. Проверила замки: все в порядке.

Она стояла, оцепенев от ужаса. Силы покинули ее. В изнеможении Элисон сползла вниз и без сознания повалилась на пол, крепко сжимая в руке распятие.

8

— В этом доме происходит что-то странное!

Обернувшись к Майклу, Элисон ждала ответа. Позади них огромная обезьяна просунула лапы сквозь прутья решетки, свисавшись с перекладины, и словно прислушивалась к разговору. Каждые несколько минут она оскаливалась и с одобрением рычала.

Майкл отошел на несколько шагов, остановился у следующей клетки и перегнулся через барьер, чтобы получше рассмотреть бенгальского тигра, метавшегося из угла в угол за прочными стальными решетками. Особого интереса тигр в нем не вызвал, он отвернулся и облокотился о барьер.

— Согласен, твой Чейзен немного чуждаковат, остальные тоже довольно странные, так что с того? Это Нью-Йорк, и чудачки не относятся здесь к виду, находящемуся под угрозой вымирания.

— Пытаешься острить?

— Вовсе нет.

— Пытаешься, и это мне не нравится.

— А ты ожидала, что я отнесусь ко всему серьезно? Да посуди сама, что мы обсуждаем! Старый дурак, одной ногой в могиле, драная кошка и щебечущая канарейка!

— Попугай!

— Пусть попугай. Но мне что-то не страшно. Скорее смешно.

— Ха-ха, — мрачно произнесла Элисон.

— А еще миссис Кларк — горбунья, измученная годами одиночества и страданий. Не улыбается. Много не говорит. Груба. А чего бы ты хотела? — Майкл подождал ответа, но, не получив его, продолжал: — Похоже, с ней-то как раз все в порядке. Родись ты или я с горбом, мы бы тоже спрятались от окружающего мира в коробочку и заперлись изнутри. Две толстухи? Единственное, чего надо опасаться, — как бы ненароком они не упали на тебя. А этот, как его...

— Малькольм.

— Да, Малькольм с женой. Чудная пара! Они абсолютно безобидны. Теперь посмотрим, что мы имеем: компания стареющих, скучающих неудачников. По-моему, ты слишком много внимания уделяешь своим друзьям. Что с того, что они странные!

— Все равно, что-то здесь не так. Что-то не складывается! — Элисон окинула взглядом аллею, посыпанную битым кирпичом, отметив про себя, что сегодня она более пустынна, чем обычно, и сказала: — Словно кто-то перемешал три разные головоломки и пытается сложить из них одну. Почему, например, лесбиянку охватил такой ужас при виде Чейзена? И что за шаги раздавались ночью у меня над головой?

— Мыши!

— Это были шаги человека!

— Откуда ты знаешь?

— Знаю!

— Ну хорошо, значит, ночью там кто-то был.

— Но в этой квартире никто не живет.

— Значит, он — кем бы он ни был — зашел по ошибке.

— В четверть пятого утра? Майкл, давай рассуждать логически. Случайно в такой час никто в чужую квартиру не врывается. А если кто-то и ошибется, трудно предположить, что он сразу направится в спальню и будет ходить там из угла в угол.

Майкл покусал губы, повернулся к клетке и бросил шимпанзе несколько зерен воздушной кукурузы.

— Меня не волнуют ни привидения, ни потусторонние шаги.

Что меня действительно беспокоит — так это твои обмороки и idiotские фантазии насчет кучки старых дураков и пары лесбиянок. Ты уже не можешь справиться со своими распалившимися нервами. Согласен, последние несколько месяцев были трудными для тебя, но, Элисон, милая, ты же не ребенок. Мне страшно за тебя.

— Я упала в обморок, потому что...

— Потому что?..

Элисон запнулась.

— Не знаю, — пробормотала она.

— Из-за переутомления.

— Я прекрасно чувствую себя.

— Нервного перенапряжения. Недостатка сна. И так далее.

Но главное — из-за не в меру разыгравшегося воображения.

Майкл повел ее прочь от клеток к водоему, занимавшему центральную часть зоопарка. Они подошли к заграждению и молча наблюдали за тюленями.

Он погладил ее по голове.

— Я хочу, чтобы ты обратилась к врачу и прошла полное медицинское обследование.

Элисон пожала плечами.

— Возможно, тебе не помешало бы обратиться и к психиатру.

Элисон метнула в его сторону гневный взгляд.

— Да ты просто кретин! — крикнула она, вырываясь.

Майкл облокотился о холодный металлический барьер и наблюдал, как она поднимается по ступеням к выходу из зоопарка. Затем медленно побрел в том же направлении. Он нашел ее быстро. Элисон сидела под старым кленом, прислонившись спиной к стволу, вытянув ноги. Она сосредоточенно пересчитывала зубчики кленового листа.

Остановившись рядом с ней, Майкл заметил, что руки ее дрожат. Последний раз он видел Элисон в состоянии такого нервного напряжения два с половиной года назад, во время следствия по делу Карен Фармер, за неделю до попытки самоубийства. Неужели все повторяется? И она снова может потянуться к шкафчику с лекарствами? Это не слишком удивило бы Майкла. Он подозревал, что смерть отца выбьет ее из колеи. И он должен предусмотреть все возможные последствия.

Элисон подняла голову, но старательно избегала его взгляда.

— Не возражаешь, если я составлю тебе компанию?

Она покачала головой.

— Я помню, как однажды одна женщина уже убегала от меня.

Я тогда впервые увидел ее. Она наотрез отказалась разговаривать. Я преследовал ее как дурак. И не раскаиваюсь.

— Очень романтично, — сухо произнесла Элисон.

— Но я поймал ее, и потом все было замечательно.

— Все?

— Да, все. И теперь я снова поймал ее.

— И все снова будет замечательно?

— Совершенно верно, если ты будешь меня слушаться.

— А если нет? Я погибну, как Карен?

Майкл ударил ее по лицу. Голова ее откинулась назад, на

щеке появилось красное пятно. Вскрикнув от боли, Элисон принялась тереть щеку.

— Прости.— Майкл взял ее за руку, но она вырвалась.— Ты должна мне верить. Не знаю, что на меня нашло. Не понимаю. Почему Карен? Почему сейчас?

— Потому что.

— Зачем воскрешать то, что должно быть похоронено?

— Должно? — еле слышно выдохнула она.

Майкл подался вперед и обнял ее за плечи.

— Прости меня.

— Это я уже слышала.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего.

— Не дури. Раз ты сказала, значит, что-то имела в виду. Ты все время кого-то мне напоминаешь.

— Кого?

— Никого.

— Перестань говорить загадками.

— А почему тебя это раздражает? Я думала, ты любишь загадки.

— Не очень.

Элисон поднялась с земли.

— Я не хочу говорить о...

Взгляд его стал жестче.

— Я прошу тебя, никогда больше не упоминай имени Карен. Зачем мучить друг друга?

— Нам пора возвращаться к тебе в контору,— тихо произнесла Элисон.

Он кивнул.

Кабинет Майкла был таким же, как и в любой другой адвокатской конторе. Деревянные полки, уставленные книгами по юриспруденции, два диплома в рамочках на стене. Портреты знаменитых судей, карикатуры на судебные процессы в доброй старой Англии. Прямоугольный стол, заваленный бумагами. И купленные совсем недавно, сияющие новизной два стула, диван и резной деревянный столик.

Майкл уселся за стол и закурил сигару.

— Если это прольет бальзам на твою душу,— начал он,— позвони мисс Логан. Хуже от этого не будет.

Элисон присела на краешек стола, достала из сумочки листок бумаги, подвинула к себе телефон и набрала номер.

Через несколько мгновений она уже поздоровалась с мисс Логан и, не вдаваясь в подробности, спросила, могут ли они увидеться. Договорились встретиться в двенадцать часов в кофейне напротив агентства.

— Хочешь, я пойду с тобой? — спросил Майкл, когда Элисон положила трубку.

— Нет. Позже поговорим.

— Я буду здесь,— ответил он с заметным разочарованием.

Она повернулась и поспешила к дверям.

Майкл пошарил на столе и достал телефонную книгу. Раскрыл

ее, перевернул несколько страниц, отыскал нужный телефон и переписал его. Затем поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Бреннер, — произнес он после паузы. — Это я. У меня к тебе дело.

9

Ресторан был полон: как раз подошло время обеда.

Элисон прошла мимо стойки в зал и отыскала взглядом мисс Логан за столиком в углу.

— Надеюсь, это не доставило вам слишком много хлопот? — произнесла она извиняющимся тоном, приблизившись к столику. Она сняла жакет и повесила его на крючок.

— Нет-нет, что вы, — успокоила ее старая дева, поправляя свою старомодную прическу.

— А то я подумала...

— Все в порядке. Мы не могли встретиться в конторе, потому что у моей компаньонки сегодня важная беседа. А вы видели, какая тесная у нас комнатуха?

— Здесь очень мило. — Перед Элисон стояла дымящаяся чашка кофе.

— Я осмелилась заказать, — сказала мисс Логан. — Надеюсь, он не очень остыл.

— В самый раз. В такую погоду приятно выпить горячий кофе.

Мисс Логан откашлялась.

— Как ваши дела, мисс Паркер?

— Прекрасно, а ваши?

— Замечательно. Сдаю квартиры пачками.

— Приятно слышать, что хоть чей-то бизнес процветает.

— А у вас неприятности на работе?

— Не совсем. Последнее время я не высыпаюсь и чувствую себя не очень хорошо, а это не может не отражаться на моей работе.

— Очень плохо. Надеюсь, ничего серьезного? — В голосе мисс Логан слышалось искреннее участие. — В чем же проблема? С квартирой все в порядке?

— Да.

— Рабочие приходили?

— Да, я осталась ими довольна.

— А маляры?

— Они тоже все прекрасно сделали.

— Вам понравился цвет, который я выбрала?

— Да, но... — Элисон запнулась, взглянула на мисс Логан и сделала еще глоток кофе.

— Да?

— Все... э... просто идеально. — Элисон подбадривала себя. Скажи ей! Что тебя останавливает? Критиковать соседей не преступление. Никогда прежде она не стеснялась высказывать вслух то, что думает.

— Пожалуйста, мисс Паркер, что-то ведь определенно беспокоит вас, — нетерпеливо проговорила мисс Логан.

Элисон набрала в легкие побольше воздуха.

— Честно говоря, да, мисс Логан. Не сама квартира, а то, что происходит в доме последние несколько дней.

— Например?

— Ну... — снова замялась она.

— Я предупредила вас о старом священнике.

— Нет, он здесь ни при чем. Его я не видела и не слышала. Но вот другие жильцы.

Мисс Логан как-то странно взглянула на Элисон.

— Другие жильцы? Кто в частности?

— Мистер Чейзен из 5-Б. Две лесбиянки в квартире подо мной. А еще эта странная миссис Кларк... не помню, из какой квартиры. Толстушки — сестры Клоткин — довольно милы, но тоже, вы должны признать, немного странноваты. А прошлой ночью я слышала шаги в пустующей квартире надо мной и какой-то лязг. Все это начинает действовать на нервы. И, честно говоря, я побаиваюсь двух лесбиянок из квартиры 2-А. Каждый раз, когда я прохожу мимо их двери, у меня мурашки по коже бегут.

Она выпрямилась на стуле, ожидая ответа.

— Понятно, — произнесла наконец мисс Логан. Затем вдруг встала, сняла с крючка пальто и принялась натягивать его на себя.

— Куда вы? — оторопела Элисон.

— Я сказала вначале, что у меня есть свободное время. Ну так вот, все изменилось. Я очень занятой человек.

— Не понимаю.

— Неужели?

— Объясните, пожалуйста.

— Моя дорогая мисс Паркер, кроме вас и старого священника, никто не живет в этом доме уже три года!

Элисон побледнела. Она смотрела снизу вверх на мисс Паркер, руки ее дрожали. Да она шутит! Элисон встречалась с этими людьми. Говорила с ними. Прикасалась к ним. А теперь ей говорят, что никого из них не существует на свете. Это невыносимо!

— Как понимать: там никто не живет?

— Так и понимать.

— Но я видела...

— Если вы видели жильцов, рекомендую вам обратиться к психиатру.

— Но я видела их, разговаривала с ними, — еле слышно лепетала Элисон.

Мисс Логан посмотрела на нее.

— Три года назад домовладелец решил больше не сдавать квартиры — уж не знаю почему. В то время там жил один лишь старый священник, уже много лет. Так и получилось. Квартиры не сдавались, жильцы не въезжали. Наше агентство, по сути дела, лишь заботилось о самом здании.

— Почему вы не говорили мне об этом раньше?

— Вы не спрашивали.

Элисон взяла чашку. Она задрожала у нее в руке так сильно, что почти весь кофе пролился на скатерть. Наконец Элисон

медленно допила его, словно надеясь отыскать в жидкости какие-то ингредиенты, способные помочь ей осознать услышанное. — Говорю вам, — отрывисто произнесла она, — в доме живут люди!

Вместо ответа мисс Логан принялась застегивать пуговицы на пальто.

Элисон вскочила и схватила ее за руку.

— Пожалуйста, не уходите, — умоляла она, — пожалуйста!

Мисс Логан отстранилась.

— Не выношу, когда ко мне обращаются подобным тоном.

— Простите. — Элисон была полна решимости во что бы то ни стало удержать ее хотя бы до тех пор, пока не выведает что-нибудь, что поможет объяснить события последних дней. — Вы же видите, в каком я состоянии.

— Я все прекрасно понимаю, но почему нужно срывать свое разочарование на мне?

Элисон с мольбой смотрела на нее.

Мисс Логан помолчала и, поразмыслив немного, села.

— Поверьте, в остальных квартирах никто не живет, — повторила она.

— Когда вы в последний раз заглядывали к нам? — спросила Элисон.

— С месяц назад.

— Вы уверены?

— Конечно, уверена.

— Кроме вас, кто-нибудь проверял квартиры?

— Насколько я знаю, нет.

— Может, эти люди въехали после? Самовольно. Если никто не навещался туда, это вполне вероятно.

— Невозможно. Если бы речь шла об одном человеке, пожалуй. Но пятеро или шестеро в разных квартирах... Нет, уверяю вас, об этом и речи быть не может.

— Как же вы объясните то, что я видела?

Мисс Логан пожала плечами.

— Вы разрешите мне осмотреть квартиры?

— Это можно устроить.

— Сейчас?

— Боюсь, я...

— Я должна попасть туда, — не дала ей договорить Элисон.

— Но...

— Пожалуйста! Сейчас!

— Да, если это убедит вас в том, что там никто не живет.

Обе женщины встали.

— Лучше бы вы поверили мне на слово...

— Не могу, — сказала Элисон. — Это значит — не доверять собственным органам чувств. Разве я произвожу впечатление человека, способного на такое?

Она взяла счет, набросила жакет и пошла сквозь толпу к кассе. Заплатила и вышла вслед за мисс Логан.

Записка была прочтена очень внимательно.

Она была озаглавлена: «ЭЛИСОН ПАРКЕР». В правом верх-

нем углу значился адрес особняка. В записке описывались события в особняке и содержалась еще кое-какая информация, охватывающая период двух последних лет. Далее следовал обширный перечень указаний, коих следовало неукоснительно придерживаться. Завершалась она лаконичным приказом уничтожить ее по прочтении.

Прочтя текст несколько раз, Бреннер бросил листок на стол, рядом с золотой табличкой с надписью «Уильям Бреннер, частный детектив». Он взял конверт с пометкой «Доставка с курьером», разорвал его на две части и выбросил в корзину.

Элисон молча сидела на заднем сиденье такси, бессильно склонив голову, лицом касаясь стекла. Она скользила взглядом по верху серой каменной стены, окружавшей Централ-Парк, по верхушкам вязов и кленов, стараясь не смотреть на восседавшую рядом мисс Логан.

Наконец такси завернуло на 89-ю улицу и остановилось у особняка.

— Приехали, мисс Паркер.

Элисон слабо улыбнулась, но не двинулась с места.

Мисс Логан перегнулась через нее и распахнула дверцу.

— Я не могу терять времени, — вскипела она.

Ничего не ответив, Элисон неловко вылезла из машины.

Мисс Логан расплатилась с водителем и присоединилась к ней у каменного крыльца.

— Идем? — спросила она. . .

Элисон продолжала смотреть наверх. Затем указала на окна пятого этажа. В среднем из них виднелся человек.

К сожалению, разглядеть его как следует было трудно.

Судя по всему человек сидел. Руки его были скрещены ниже пояса. Наверное, он что-то держал. Это был старый слепой священник.

— Старик, — произнесла мисс Логан без всякой интонации. — Я в первый раз так хорошо его вижу.

— И не в последний. Он, могу вас заверить, существует. Как и остальные, — сказала Элисон, поднимаясь по ступеням.

Они прошли сквозь тускло освещенный вестибюль и поднялись на площадку второго этажа. Как обычно, Элисон проверила перила, затем остановилась напротив квартиры 2-А. Она прижала ухо к двери и прислушалась.

— Здесь живут лесбиянки, — сообщила она.

Мисс Логан чуть слышно поцокала языком, выражая свое недоверие. Затем достала из сумки ключ, отперла дверь и жестом пригласила Элисон войти.

Элисон вошла в раскрытую дверь и очутилась в гостиной.

Здесь царили мерзость и запустение. На полу лежал толстый слой пыли. На мебели — тоже. Мебель отличалась от той, что она видела здесь в первое свое посещение. Тем не менее она была знакомой и удивительно напоминала ту, что стояла у Элисон в квартире. Вглядевшись пристальнее, она поняла, что обстановка — от крошечной безделушки до двух напольных часов

у камина — в точности повторяла обстановку ее собственной квартиры, и лишь пыль помешала ей заметить это сразу. Элисон потянула носом тяжелый, спертый воздух и приблизилась к дивану, оставляя следы на грязном полу. Похлопала рукой по обивке, вверх поднялось облачко пыли.

— Мебель такая же, как у меня, — сказала она, кусая губу.

— Да. Прежний владелец одинаково обставил все квартиры с индексом «А» и все квартиры с индексом «Б». Не могу сказать, что одобряю это, но, по-видимому, таким образом он сэкономил немало денег.

— Здесь была другая мебель.

— Помилуйте, мисс Паркер, не ожидайте, что я в это поверю. Здесь годами ни к чему не прикасались!

Элисон подошла к камину и провела рукой по полке, покрытой густым слоем пыли. Затем вытерла ладонь о жакет и принялась осматривать мебель и стенные шкафы в поисках чего-либо, что могло бы объяснить происшедшее. Но ничего не обнаружила. В чем же дело? Может, она была не в этой квартире? Элисон ухватила за эту мысль, но тут же покачала головой. Нет, она была именно здесь.

— Откройте мне квартиру 4-А, — тихо попросила девушка.

Мисс Логан кивнула и, выйдя вслед за ней, заперла дверь.

Квартира 4-А не преподнесла никаких сюрпризов. Такая же мебель, столько же пыли, спертый воздух. Элисон быстро оглядела гостиную и более внимательно — спальню. Никаких признаков жизни. Если кто-то ходил здесь прошлой ночью, должны остаться какие-то следы. Но их не было.

Охваченная чувством тревоги и безысходности, Элисон брела вслед за мисс Логан вверх по лестнице на пятый этаж — в квартиру мистера Чейзена. В ней вообще не оказалось никакой мебели, за исключением стоявшего посредине комнаты стула и книжных полок на стене.

— Вы говорили, что все квартиры «Б» обставлены одинаково, — заявила Элисон.

— Говорила. Мебель отсюда вывезли примерно год назад. Она совсем износилась.

Элисон взялась за одинокий стул и стряхнула с него пыль.

— Остатки прежней роскоши.

Она внимательно разглядывала стул, силясь вспомнить, не один ли он из стоявших вокруг именинного стола. С полной уверенностью утверждать это она бы не смогла.

Элисон присела и начала тихо напевать:

*«С днем рожденья тебя,
С днем рожденья тебя,
С днем рожденья, Джезебель,
С днем рожденья тебя».*

Эхо песенки раздавалось в глубине квартиры.

— Хотите верьте, хотите нет, но прошлой ночью я присутствовала здесь на дне рождения кошки.

— Оригинально, — заметила мисс Логан.

— Здесь была сама кошка — ее зовут Джезебель — и целая

куча народу. Чарльз Чейзен, миссис Кларк, Клоткины, кузен Малькольм с женой. А еще попугай по имени Мортимер. Почти всю ночь мы пели и плясали. Всюду висели воздушные шары и серпантин. Было очень весело. А теперь все исчезли... кроме меня...

Мисс Логан кашлянула.

— Мне пора возвращаться.

— Да-да. Простите, что отняла у вас столько времени. — Элисон подошла к мисс Логан, отряхивая пыль с блузки.

— Что-нибудь еще?

— Да, — твердо произнесла девушка, — старый священник.

— Это пустая трата времени.

— Старый священник, — повторила она.

Мисс Логан с видимой неохотой кивнула. Старый священник жил в квартире напротив. В худшем случае они потеряют еще несколько минут. Мисс Логан повернулась и открыла дверь.

— Знаете, что я думаю, — сказала Элисон, проходя мимо нее. — Я думаю, кто-то затеял некую игру или задумал глупый розыгрыш. И, по-моему, объектом этого розыгрыша являюсь я.

Мисс Логан воздержалась от комментариев. Она подошла к двери старого священника и постучала. Ответа не последовало. Еще раз. Снова никакого ответа.

— Старик, наверное, не слышит, — сказала она.

Элисон шагнула к двери и стукнула еще несколько раз, сильнее. Ответа опять не последовало.

— Вы когда-нибудь видели его, разговаривали с ним?

— Нет.

— А он выходит из квартиры?

— Этого я тоже не знаю.

— Послушайте, мисс Логан, если он не выходит из квартиры и ни с кем не встречается, то как же он живет?

— Не знаю. Спросите у него самого.

— Именно это я и собираюсь сделать.

Мисс Логан отвернулась от двери.

— Меня волнует лишь одно — чтобы квартплата вносилась вовремя.

— И как? Вносится?

— Да, очень аккуратно.

— Кто платит за квартиру?

— Управление нью-йоркской епархии.

Элисон помолчала и сказала:

— Я хочу попасть внутрь немедленно!

— Нет уж, извините. — Мисс Логан решительно замотала головой.

— Почему?

— Потому что я не вправе впускать кого-либо в чужую квартиру, тем более в присутствии жильцов. — Судя по ее тону дальнейшие препирательства были бесполезны. — Идем? — добавила она.

Элисон побрела к лестнице.

— Вы не находите странным, — спросила она, обернувшись, — что человек живет в такой изоляции?

— Нет, — ответила мисс Логан. — Предпочитаю не интересоваться жизнью других.

Они остановились у квартиры 3-А.

— Надеюсь, вы убедились, что никто там не живет?

— Спасибо, что провели меня по квартирам, — произнесла Элисон, игнорируя вопрос. Она вставила ключ в замочную скважину.

— Возможно...

Элисон не дала ей договорить:

— Я должна извиниться, что доставила вам столько хлопот. Мисс Логан холодно кивнула, храня молчание.

Элисон отворила дверь.

— Простите, но мне нужно срочно позвонить по телефону.

— Возникнут еще какие-нибудь проблемы — обращайтесь.

— Еще проблемы? Пока одной более чем достаточно!

— Полагаю, я...

— Спасибо, я дам вам знать, если снова увижу кого-нибудь из этих людей. — Элисон вымученно улыбнулась, вошла в квартиру и захлопнула дверь.

11

На улице стемнело. Дождь, начавшийся около семи часов, хлестал по стеклянным стенам телефонной будки. Элисон было неудобно, тесно, с мокрого зонтика капало на пол. С тех пор, как мисс Логан подвергла сомнению ее психическое состояние, грудь ее словно чем-то сдавило.

Прижав трубку к уху, она набрала номер конторы Майкла и ждала, нервно облизывая обветренные, потрескавшиеся губы. Выглядела Элисон неважно: цвет лица стал бледно-желтым, глаза покраснели от слез и усталости. Она сейчас нуждалась в Майкле, в его спокойствии, уверенности, в его холодном, трезвом уме.

Телефон звонил у него в конторе. Один, два... десять раз. Никого. Элисон со злостью швырнула трубку и вытащила монетку. Снова засунула ее в отверстие и набрала домашний номер Майкла. И на этот раз ей никто не ответил.

Она вышла из будки, раскрыла зонт и побрела обратно.

За надежно запертыми дверьми она поужинала, чтобы немного успокоиться, выпила дополнительную таблетку транквилизатора — между салатом по-русски и бифштексом с грибами. А еще она откупорила бутылку розового вина.

С бокалом в руке Элисон пересекла комнату, мягко ступая по ковру под мерное тиканье часов, и присела на корточки перед стоявшим в углу проигрывателем. После недолгих раздумий она поставила первый акт «Силы судьбы» Верди.

Пока иголка устанавливалась в бороздки, из динамиков раздавалось похрустывание. Элисон наблюдала за вращением пластинки. Удобная вещь — автоматический проигрыватель. Надо будет одолжить его мистеру Чейзену, когда он в следующий раз устроит вечеринку, чтобы у него оставалось больше времени для танцев.

Элисон вернулась к дивану, легла и полностью погрузилась

в музыку. Постепенно глаза ее начали слипаться. Вскоре она уже спала.

На темной улице не прекращался сильный ливень. С порывами ветра его косые струи ударили в стены особняка. Потoki воды переливались через края водостоков и, бурля, неслись вниз, споря с налетавшим ветром.

Улица была пустынна. Фонари еле светили сквозь сплошную пелену дождя, не в силах рассеять крошечную темноту ночи.

В аллее парка раздавались чьи-то шаги. Отсюда очень хорошо был виден особняк. Человек старался держаться темноты, словно прячась от кого-то. Он медленно продвигался меж теней, пока не достиг конца аллеи. Там он остановился, заслонив рукой лицо от ветра и дождя. Некоторое время постоял неподвижно, наблюдая или что-то выжидая. Затем поспешил через затопленную мостовую под защиту навеса над крыльцом особняка. Там он отряхнулся и подошел к тяжелой железной двери, ведущей в подвал. На ней висел ржавый замок. Человек пошарил в глубоком кармане плаща и извлек оттуда связку ключей, самый большой из которых вставил в скважину. Замок не поддавался. Он снова пошарил в кармане и на этот раз извлек маленький тюбик. Вытащил ключ, выдвинул немного жидкости в скважину и, вставив ключ обратно, еще раз попробовал повернуть его. Замок открылся. Человек вошел в подвал и закрыл за собой дверь.

204
Снова сон ее был беспокойным и мучительным. Элисон металась по кровати, терзая подушки.

Возвращались видения прошлой ночи: Чейзен, лесбиянки, все участники вечеринки. Она ощущала их присутствие, слышала их голоса. Раздавалось пение: «С днем рожденья, Дездемона, с днем рожденья тебя!»

Простыни были мокры от пота, от судорожного пинка ногой одеяло полетело на пол, за ним последовали подушки.

И тут она услышала стук. Еще слышный вначале, он становился оглушающим.

Элисон во сне прижала ладони к ушам, пытаясь скрыться от шума. Но все громче и громче раздавался стук, постепенно сливавшийся с лязгом металла.

Элисон в ужасе проснулась, ничего не понимая. Включила ночник и огляделась. Никого. Напряженные мышцы расслабились, дыхание успокоилось.

— Нет, — бормотала она, уронив голову на руки. — Что я такого сделала? Чем я заслужила это? — Она взглянула вверх.

Медленные, размеренные шаги раздавались прямо у нее над головой. Элисон снова заткнула уши. Она не могла больше выносить это. Девушка выскочила из постели, подобрала одежду, быстро оделась и опустила шторы на окне, чтобы свет ночника не был замечен снаружи.

С трудом передвигая ноги, она дошла до кухни. Осмотрелась, выдвинула ящик стола и достала огромный кухонный нож. С ним она будет чувствовать себя увереннее. Затем взяла в кладовой фонарь и вышла из квартиры.

На лестнице было темно. Пот струился по ее лицу, голова готова была разорваться от невыносимого напряжения.

И вдруг она в ужасе отскочила в сторону, ударившись головой о стену, и зажала рот тыльной стороной ладони, чтобы не закричать. Она на что-то наступила. Элисон зажгла фонарь и направила его луч на ступеньки. Постепенно луч достиг площадки четвертого этажа. Там сидела кошка. Дездемона. Покрытое клочковатой шерстью тело неподвижно застыло, зеленые глаза уставились в одну точку. В зубах она держала попугая с откушенной головой. Его изящное тельце превратилось в истекающий кровью истерзанный кусок мяса. Кругом валялись перья.

Элисон содрогнулась, а потом ужасно разозлилась. Эта дура, мисс Логан не поверила ей, ни единому ее слову. Но вот же оно — неопровержимое доказательство. Дездемона. Надменная и враждебная. Мортимер. Мертвый.

Кошка ощерилась впившиеся в мертвое тельце клыки. Элисон крепче сжала нож и сделала шаг по направлению к ней. Кошка положила птицу на пол, выгнула спину и зашипела. Элисон сделала еще шаг. Кошка сильнее выгнула спину. Элисон приблизилась еще на два шага. Кошка выбросила вперед лапу, попятилась с угрожающим шипением, схватила попугая и прыгнула в темноту.

Вновь наступила тишина.

Элисон потушила фонарь, с трудом переводя дыхание, преодолела последние ступеньки и пошла по направлению к квартире 4-А. Несколько минут она простояла неподвижно, прислонившись к дверному косяку. Затем попробовала ручку двери в полной уверенности, что там заперто. Но, к ее удивлению, замок щелкнул, и дверь распахнулась.

Включив фонарик, Элисон осветила по стенам. Мебель та же, что и в тот день, когда они заходили сюда с мисс Логан. Она потянула носом воздух. Запах плесени усилился. Элисон потерла нос, чтобы не чихнуть, и повернулась к напольным часам. Циферблат покрывала пыль, стрелки не двигались. Камин был пуст и холоден, двери стальных шкафов раскрыты. Они тоже были пусты, если не считать старого дырявого зонтика.

Элисон повернула к спальне. Шаги раздались вновь. Она выключила фонарь и вжалась в угол, боясь даже дышать. Казалось, комната сжимается вокруг нее. Элисон порывисто обернулась. Она оставила входную дверь приоткрытой. Каждая клеточка ее тела стремилась скорее убежать отсюда в безопасное место. Но она не могла сделать этого. Спальня совсем рядом. А там — шаги, ключ к ее копмарам и, возможно, разгадка тайны исчезнувших жильцов.

Сжимая нож, она осторожно шаг за шагом пробиралась по коридору, касаясь плечом стены. Шаги прекратились, раздался скрип.

Элисон подошла к открытой двери спальни, выставив впереди себя нож. Поначалу никаких признаков жизни она не заметила. С минуту стояла в нерешительности, затем двинулась к едва различимой кровати. Из темноты донесся слабый шорох, и кра-

ешком глаза Элисон уловила какое-то движение; в темноте проскользнула фигура и встала у окна, спиной к ней.

— Эй,— позвала девушка сдавленным от страха голосом. Ответа не последовало.— Эй,— повторила она.

Фигура не шевелилась и продолжала хранить молчание.

— Что вам от меня надо?

Никакого ответа.

Элисон медленно приближалась к неясным очертаниям человека, не переставая взывать к нему. Голос ее то и дело срывался на плач. Она держала в вытянутой руке нож и в отчаянии трясла фонарь. Никогда в жизни она не испытывала такого страха, казалось, еще чуть-чуть — и она забьется в истерическом припадке.

Подойдя к незнакомцу, Элисон тронула его за плечо. Тот повернулся, но лица его не было видно в темноте.

— Кто вы? — жалобно вопрошала она, и слезы катились по ее щекам. Фигура сохраняла молчание и неподвижность.

Элисон еще раз встряхнула фонарь. Яркий луч света прорезал темноту, ударив прямо в глаза... ее отцу!

Он был бледен, как полотно, лицо превратилось в мертвую маску, глаза чуть не вываливались из орбит, губы раздулись. Лицо, шею и руки пересекали гноящиеся синие шрамы, из которых сочилась прозрачная жидкость. И он был абсолютно голым.

Тишину ночи пронзил ее отчаянный крик.

В ужасе отпрянув, Элисон налетела на стену, не переставая кричать, заметалась взад и вперед, луч фонаря плясал по стенам, описывая огромные круги. Вот он упал на разлагающееся тело отца, который упорно приближался к ней, приволакивая частично парализованную правую ногу. Она пыталась, натываясь на мебель. Луч фонаря, не прекращавший свое хаотическое движение, выхватил из мрака кровать, на которой развалились в непристойной позе две голые жирные женщины. И наступила темнота.

Элисон вбежала в гостиную, налетела на кресло и растянулась на полу, выронив фонарь. Он потух. В ушах ее раздавался звук надвигающихся шагов.

Кресло повалилось на нее, и Элисон судорожно забилась, стараясь высвободиться.

Вдруг приоткрытая входная дверь захлопнулась. Единственный путь к отступлению был отрезан: прямо перед ней стоял человек. Элисон истерически заголосила, вскочила на ноги и бросилась к двери. Одной рукой он схватил ее за волосы, другой уцепился за цепочку распятия. Элисон ткнула ножом куда-то в темноту. Он вонзился в крепкую грудь. Комнату наполнил душераздирающий вопль. Снова и снова она вонзала нож, по руке ее заструилась кровь. Крики перешли в предсмертный хрип. Тело упало. Элисон бросилась к двери и выбежала на лестницу. В ужасе вцепившись в свои спутавшиеся волосы, Элисон неслась по лужам, то и дело падая, не в силах удержать равновесие под порывами ветра. Так, падая на каждом шагу, она добежала до конца квартала.

А в особняке неподвижно сидел у окна старый священник, сложив руки перед собой.

Дождь не прекращался.

Дул сильный ветер.

Дом стоял темный и молчаливый.

12

— Сюда, мэм.

— Надеюсь, это не займет много времени.

— Не могу ничего сказать, мэм.

— Я должна увидеть ее.

— Все зависит от человека, который сидит в этом кабинете, мэм.

Полицейский распахнул матовую стеклянную дверь с табличкой «Больница Беллеву. Полицейское дознание».

— Спасибо,— сказала Дженнифер Лирсон, входя в комнату.

— Посидите пока на скамье,— произнес полицейский официальным тоном.

Кабинет был небольшим, скудно меблированным. На сером цементном полу валялись куски краски, отслаивавшиеся от стен. Мебель выглядела старой и обшарпанной. Вдоль стены стояла длинная коричневая скамья, слева от нее располагался прямоугольный стол.

Дженнифер присела на скамью. Полицейский закрыл дверь. За столом сидел коренастый человек с острым личиком. У него были черные глаза, длинный нос с шишечкой на конце и необычайно тонкие бесцветные губы. Старая мятая шляпа отлично гармонировала со слишком просторным для него пиджаком. Из рта свисала короткая изжеванная сигара. Рубашка была запорошена пеплом.

Он улыбнулся Дженнифер, обнажив ряд острых, как у грызуна, зубов. Видно было, что над его нижней челюстью изрядно потрудились дантист. Он продолжал молча улыбаться, и Дженнифер заерзала на скамье, чувствуя себя не очень уютно в этой голой комнате под буравящим взглядом маленького хорька.

— Меня зовут Гатц, детектив Гатц, пишется через «т». — Гнусавый голос неприятно резал слух.

— Да, сэр,— ответила она, наблюдая, как натянутая улыбка постепенно сползает с его лица.

— Я хотел бы поговорить с вами.

— Да, сэр,— повторила она, нервно теребя пальцами складки на блузке.

— Ваша фамилия Лирсон? Дженнифер Лирсон?

— Да.

— Адрес: 51-я Восточная улица, дом 311. Профессия: фотомодель.

— Да.

— Понятно.

— Я хотела...

Гатц перебил ее:

— Надеюсь, детектив Ричардсон объяснил вам, в чем дело.— Он бросил взгляд на рослого полицейского, молчаливо возвышавшегося рядом.

— Очень смутно,— ответила Дженнифер, помолчав.

— Понятно. Что ж, постараемся вместе прояснить ситуацию. Полагаю, вы знакомы с мисс Элисон Паркер?

— Да, сэр, но... Не могли бы вы все-таки рассказать мне, что произошло? Я очень нервничаю.

— Минуточку терпения.— Это прозвучало скорее как команда, нежели просьба.— Когда в последний раз вы разговаривали с ней?

— Четыре дня назад.

— О чем?

— О тряпках.

— И это все?

— Элисон еще говорила о какой-то вечеринке.

— О какой вечеринке?

— Она собиралась отпраздновать новоселье.

— Когда?

— Она не уточняла. Сказала просто, что собирается, и спросила, кого нужно пригласить.

— Вы посоветовали ей что-нибудь?

— Да, сэр.

— Я попрошу вас записать имена, которые вы назвали тогда. Дженнифер кивнула.

— Все они — ее друзья.

— Хорошо-хорошо. О чем еще вы говорили?

— Больше ни о чем. О вечеринке и тряпках.

— А ничего необычного вы не заметили?

— Нет.

— Ничего странного,стораживающего?

— Нет.

— Вы уверены?

— Да.

Гатц взял другой лист бумаги, пробежал его глазами и сообщил:

— В доме на 89-й улице она проживала неделю.

— Почти две,— поправила Дженнифер.

Он внес изменения в свои записи.

— Вы видели ее квартиру? Бывали в том доме?

— Нет.

— А кто-либо из ваших знакомых?

— Только ее друг.

Гатц ухмыльнулся.

— Понятно,— произнес он, и в голосе его прозвучало неодобрение.

Дверь снова отворилась, вошел Майкл. Кивнув Дженнифер, он подошел к скамье и уселся на нее.

Увидев Гатца, Майкл вскочил, щеки его запылали.

Детектив спокойно улыбался, тихонько постукивая ногой по цементному полу.

— Сядьте! — велел он, и в глазах его засветилась ненависть,

не уступавшая презрению, написанному на лице Майкла. — Сядьте же!

— Что...

— Сесть, я сказал! — грубо оборвал его Гатц.

Майкл нехотя повиновался.

— Что вы здесь делаете? — выдавил он из себя.

— Если вам угодно знать, это — моя работа.

— Но в городе есть и другие сыщики.

— Совершенно верно! Но меня это дело заинтересовало. Когда поступил вызов, я как раз сидел в участке. Похоже, что снова объявился какой-то маньяк-убийца. Я уже было собрался отправить туда кого-нибудь. Психи не очень-то меня интересуют. Люблю убийства, совершаемые умными злодеями. Вам, впрочем, это известно. Ну так вот, я уже собрался сделать всем ручкой, как услышал имя девицы и парня, чью визитную карточку нашли у нее в кармане. И что бы вы думали? Я пулей вылетел из участка, ибо понял, что дело это окажется чертовски грязным, раз в нем замешаны вы.

— Что случилось с Элисон? — спросил Майкл, пропустив оскорбления мимо ушей.

Гатц нахмурился.

— Как звали вашу жену? Карен?

Майкл вцепился пальцами в скамейку, с трудом удерживаясь от того, чтобы не броситься на Гатца и не впечатать того в стену.

Гатц улыбался, упиваясь бешенством Майкла.

— Что случилось с Элисон? — стиснув зубы, повторил Майкл.

— Элисон Паркер? — Гатц явно измывался над ним.

Майкл разжал впившиеся в скамейку пальцы и спокойно ответил:

— Да, сэр. Элисон Паркер.

Игра окончилась. Развалился на стуле, Гатц размышлял.

«Дело Карен Фармер». Шесть месяцев он копался в нем, пока начальство не приказало закончить следствие. После этого его перевели в другой участок, понизив в звании. Но он ни на миг не забывал об этом, так же, как не сомневался в том, что был прав, когда все остальные ошибались. И вот сейчас перед ним Майкл Фармер собственной персоной, но, как бы ему ни хотелось, прошлое ворошить нельзя. Он ведет «Дело Элисон Паркер», и прежде всего надо докопаться до сути в нем. И лишь потом, если повезет, можно будет раскрыть тайну гибели жены Майкла Фармера.

— Я и сам толком не знаю, что произошло. По моим сведениям, никого пока ни в чем не подозревают. Включая и вас, Фармер. Как я говорю — пока вина не доказана, человек невинен.

— Это вы сами придумали?

— Не горячитесь, друг мой. Прошлой ночью произошло нечто странное. Некая Элисон Паркер носилась в истерике по улицам и вопила, что зарезала собственного отца.

Майкл чуть не поперхнулся. Он оцепенел, как и Дженнифер, затем с трудом произнес:

— Это невозможно! Ее отец скончался от рака несколько недель назад.

Гатц посерьезнел. Он взял со стола блокнот, вынул очки в роговой оправе и, аккуратно водрузив их прямо над пишечкой на носу, еще раз с удвоенным вниманием изучил свои записи.

— Вы уверены?

— Абсолютно! Можете позвонить ее матери, если... — Майкл осекся. — Нет, лучше не надо. Боюсь, она этого не перенесет. Позвоните в полицейское управление городка. Они подтвердят.

Гатц достал из кармана рубашки простенькую авторучку, оставившую там темное чернильное пятно, с силой встряхнул ее и, скрипя пером, записал имя и адрес отца Элисон, рядом с которыми вывел слово «мертв». Затем снова уселся на стул и пристально взглянул на Майкла.

— Давайте начнем сначала. Итак, ваши отношения с мисс Паркер?

— Я ее друг.

Гатц неодобрительно поцокал языком.

— Близкий друг, — поправился Майкл.

Гатц цинично осклабился и обернулся к Дженнифер.

— А вы ее подруга?

— Вы это уже знаете.

— И вы знакомы друг с другом? — Вопрос не требовал ответа.

Гатц заметил их молчаливое приветствие, когда Майкл появился в комнате. — На одежде Элисон Паркер была обнаружена кровь, но она оказалась ее собственной — из царапины на руке. Мы обследовали квартиру, где, по ее словам, она зарезала своего старика, но не нашли ни тела, ни крови.

— Какую квартиру? — спросил Майкл.

— 4-А. Бывали там?

Майкл опустил глаза в пол. Квартира 4-А. Та, о которой говорила Элисон. По спине у него пробежал холодок.

— Мало того, мы вообще не обнаружили там каких-либо следов борьбы.

— В квартире?

— Во всем здании!

— Вы разговаривали со старым священником?

— Старикан глух, слеп и давно выжил из ума.

— А с Чейзенем? С остальными жильцами?

— С кем?!

— С жильцами дома! Чарльз Чейзен, миссис Кларк, две сестры-толстушки, не помню их имен, кто-то там еще...

— Фармер, предупреждаю вас, без выкрутасов!

— Минуточку, приятель. Я пытаюсь выяснить, что случилось с моей девушкой, и считаю, что не мешало бы полиции, а тем более столь дотошному сыщику, как вы, побеседовать с соседями, которые могли что-нибудь видеть или слышать.

Гатц с ожесточением пожевал сигару, и в животе у него заурчало.

Майкл озадаченно смотрел на него.

— Последние шесть часов я занимался тем, что обходил квартиры особняка, — начал Гатц, — и ни в одной из них не обнару-

жил ни малейших признаков жизни. Кроме мисс Паркер и старого священника, никто не жил там в последнее время.

— Что? — вскричал Майкл, снова придя в состояние шока от услышанного. — Это невозможно! Элисон их видела! Говорила с ними! Бывала у них в гостях!

— А вы? — поинтересовался детектив, на которого все это не произвело ни малейшего впечатления.

— Я — нет.

— А кто-нибудь из ваших знакомых?

— Нет.

— Что ж, любопытно. — Гатц обернулся к хранившему молчание полицейскому, терпеливо стоявшему рядом. — Пусть Риццо поищет сведения о Чарльзе Чейзене, этой, как ее, миссис Кларк и... — Он вопросительно взглянул на Майкла.

— Сестрах... вспомнил, Клоткин. Еще там была парочка лесбиянок, не помню, как их зовут...

Ричардсон колебался:

— Но там никто не живет, это же ясно как день.

— Знаю, но все равно необходимо проверить. Может, они и не живут там, но зачем-то околачиваются в доме.

Полицейский кивнул.

— Как зовут домовладельца? Вылетело из головы.

— Карузо. Дэвид Карузо, — ответил Ричардсон.

— Велите Риццо проверить, нет ли какой связи между ним и всеми этими людьми.

— Слушаюсь, сэр. — Полицейский вышел, оставив их втроем.

— Когда можно будет увидеть Элисон? — обратился Майкл к Гатцу.

— Медсестра сообщит. А пока можем немного поболтать, как в старое доброе время.

— Так вы говорите, ничто не указывает на то, что в доме что-то произошло? — спросил Майкл.

— Да, так я говорю. — Гатц ехидно улыбнулся и обернулся к Дженифер. — Как давно вы знакомы с мисс Паркер?

— Два года.

— Случались с ней прежде подобные припадки?

— Нет. Элисон — очень рассудительный и сдержанный человек.

— Неужели? — скептически усмехнулся Гатц, и по его тону можно было заключить, что он уверен в обратном.

— Недавно она перенесла нервное потрясение, — вмешался Майкл.

— Какое именно?

— Из-за отца. Болезнь его длилась почти четыре месяца. Со дня его смерти Элисон находилась в постоянном нервном напряжении. Никак не могла прийти в себя. Плохо ела и спала. Ее мучили кошмары.

— Понятно. Возможно, этим все и объясняется. Кошмар. Галлюцинация. Или что-то еще в этом роде. — Последовала долгая пауза. — А возможно, и нет!

— Ищите тогда труп.

— Если он существует — а в этом я не сомневаюсь, — мы

отыщем его. А уж затем я позабочусь, чтобы веревочка, идущая от него, затянулась кое на чьей шее. И уж во второй раз я не оплошаю.

Майкл даже не шелохнулся.

— Где вы находились этой ночью с трех до пяти?

— Дома.

— Не уверен, — с нажимом произнес Гатц.

Майкл взорвался:

— Послушайте, вы! Мне не нравится тон, каким...

— Нет, это вы послушайте! Некая особа заявляет, что только что убила своего отца, заколола его ножом. Факты — а я люблю факты — говорят, что это невозможно. А если она убила кого-то другого, думая, что это ее отец? Это уже больше похоже на правду. Конечно, может случиться и так, что у особы этой просто не все дома. Но интуиция подсказывает мне, что в этой мышеловке может оказаться большая жирная крыса — наживка так хорошо пахнет! Неужели вы на моем месте не сочли бы нужным задать несколько вопросиков? Тем более что действующие лица этой истории уже привлекались разок по подозрению в убийстве. И тем более что крысой-то может оказаться небезызвестный Майкл Фармер.

Майкл промолчал. Гатц был прав по крайней мере в том, что касалось процедуры следствия. Но Майкл знал, что на самом деле было у того на уме.

— Как только появится возможность, я собираюсь получить у мисс Паркер некоторую информацию, благодаря которой вся эта история приобретет некий смысл.

Зазвонил телефон. Гатц снял трубку.

— Да, Гатц у телефона. — Он внимательно послушал и положил трубку на место. — Она проснулась. Можете навестить ее.

— С ней все в порядке? — спросила Дженнифер, все это время с интересом наблюдавшая за поединком между Майклом и Гатцем.

— Спросите у доктора, — сухо ответил сыщик. — Палата номер 211. Спуститесь в вестибюль, первый поворот налево. А после мы продолжим нашу беседу.

— У меня нет времени. — Майкл поднялся со скамьи.

— Весьма польщен, — ответил Гатц.

Майкл повернулся и вышел вместе с Дженнифер.

— Что все это означает? — начала она, спускаясь по лестнице.

— Да так, ерунда.

— Не похоже. Он явно что-то имеет против тебя.

— Говорю тебе, ерунда. Все было слишком давно, чтобы о чем-то беспокоиться.

— Как давно?

— До того, как ты приехала в Нью-Йорк.

Они медленно шли к одному из боковых коридоров. В отличие от центрального вестибюля он был практически пуст. У входа стоял большой стол, за которым восседала сотрудница полиции.

— Чем могу вам помочь? — спросила она.

— Нам нужна палата 211, — объяснил Майкл.

— Как ваши фамилии?
— Фармер и Лирсон.
— Идите вон туда, где сидит полицейский. Это и есть 211-я палата.

Майкл взял Дженнифер за руку и повел ее по коридору. Полицейский встал и открыл дверь.

На пороге появилась медсестра.

— Как она? — спросил Майкл.
— Немножко вялая — это от большого количества лекарств. Но в целом все нормально.

— Можно забрать ее домой?

— Пока нет.

— А поточнее?

— Поговорите с врачом. Он скажет больше, чем я. — Она помолчала и, улыбнувшись, добавила: — Думаю, еще дня два-три, пока она не оправится от шока и не улучшится общее состояние. У девушки жесточайшая ангина. Надо предотвратить возможные осложнения. Надеюсь, вы понимаете, насколько это может быть серьезно.

— Да.

— У вас всего пять минут. Доктор говорит, ей нужно как можно больше отдыхать.

— Спасибо, — сказал Майкл и вошел в палату. Дженнифер — за ним. Они замерли в неловком молчании, устремив взгляд на больничную кровать.

Элисон вытянулась под одеялом. Лицо ее было бледно. Губы распухли. Тело неподвижно застыло. Майкл никогда не видел ее такой. Жизнь, казалось, едва теплилась в ней.

Они приблизились к кровати, и Майкл взял Элисон за руку. Она никак не отреагировала.

— Элисон, — прошептал он. — Это мы: Майкл и Дженнифер.

Губы Элисон разжались. Пузырек слюны задрожал на нижней губе и лопнул. Челюсть медленно опустилась: она пыталась заговорить. Элисон с трудом перевела взгляд на Майкла, глаза ее расширились, она узнала его.

Дженнифер приблизилась ближе, наклонилась к ее уху.

— Ты слышишь меня, Элисон?

Та шевельнула рукой. Снова безуспешно попыталась разжать губы. Никаких слов не последовало, лишь еще один пузырек слюны лопнул на губе.

Майкл взглянул на Дженнифер.

— Нет смысла задавать ей вопросы, — сказал он. — Она не может говорить.

Дженнифер не унималась.

— Элисон, — звала она, — ответь мне.

Элисон перевела взгляд с Майкла на нее.

— Что случилось ночью?

Зрачки Элисон расширились от ужаса, из горла вырвался сдавленный стон, бесцветные губы разжались, тиснетно сясь произнести хоть слово. Майкл пытался вообразить, что же произошло.

Дверь отворилась, и вошел детектив Гатц.

Майкл недовольно передернул плечами.

— Да, выглядит она неважно, — заметил сыщик, — хуже даже, чем тогда, когда выпила те таблетки. — Он метнул в сторону Майкла гневный взгляд. — Помните? Любимая жена «покончила жизнь самоубийством», перерезав себе вены, а вскоре после этого любовница попыталась избавиться от мук совести с помощью таблеток. Неплохой сюжетец!

— Можем мы побыть одни? — поинтересовался Майкл, еле сдерживая ярость.

Детектив помотал головой.

— Меня одолело любопытство. Не возражаете, если я присутствую и, возможно, дам какой-нибудь квалифицированный медицинский совет?

— А подслушивать нечего, — с презрением произнесла Дженнифер. — Элисон не может говорить.

Гатц пожал плечами. Плевать он хотел на их нежности. Он останется. Пациенты такого рода охотнее разговаривают с теми, кого хорошо знают. Это факт. А на всем белом свете не существовало вещи, которую детектив Гатц любил бы больше фактов.

— Знаете, — заговорил он, — а мисс Паркер похожа на вашу бывшую жену. Да-да, Паркер ее мне напоминает. К счастью, есть и различия. Мисс Паркер не умерла при попытке самоубийства. И не собирается сейчас. — Он взглянул на Майкла. — Была ли гибель Карен Фармер самоубийством? Одни говорили: «Да». Она оставила эдакое аккуратное письмецо, в котором прощалась со всеми. А я утверждал: «Нет!» Это не было самоубийством!

— У вас все? — отрывисто спросил Майкл.

— А вам не нравится мой рассказ?

— Предупреждаю вас, господин сыщик. Прошлое умерло и похоронено. И ежели вы попытаете воскресить его, я позабочусь о том, чтобы вас вышвырнули из полиции.

— Вот так штука, — беззлобно произнес полицейский.

Дверь снова отворилась, и вошла медсестра.

— Пять минут истекли, а указания доктора Блейфера должны исполняться неукоснительно. Мисс Паркер необходим отдых.

— Где можно найти доктора?

— Он должен прибыть в больницу через пятнадцать минут.

— Мы сможем еще немножко поболтать, пока вы ждете его, — сказал детектив.

— А стоит ли? — спросила Дженнифер, которой назойливость Гатца начинала уже действовать на нервы.

Тот слабо улыбнулся.

События кошмарной ночи стояли у Элисон перед глазами. Снова и снова оживали в памяти страшные мгновения на лестнице, битва с «отцом», нож, пронзающий его истлевшую плоть. Вновь и вновь перебирала она свои воспоминания, сомневаясь, надеясь и в конце концов признавая, что объяснение может быть только одно. Непросто заставить мозг поверить

в невероятное, прийти, окончательно измучившись, к совершенно нелогичному выводу, порождающему еще больший ужас.

Она лежала в кровати Майкла, натянув до подбородка одеяло. Справа, на тумбочке, стояло множество баночек и пузырьков со всевозможными прописанными ей лекарствами. Многие из них были уже наполовину пустыми. Элисон сжимала в кулаке распятие. Из проигрывателя лилась мягкая музыка.

С вымученной улыбкой на лице вошел Майкл, неся в руках поднос, накрытый салфеткой. Под ней оказалась чашка дымящегося куриного бульона, два кусочка подогретого хлеба и маленький медный чайник.

— Где Дженнифер? — спросила Элисон, беря ложку и приступая к бульону.

— В ванной.

Майкл присел, взял с тумбочки телевизионный пульт переключения программ и начал нервно крутить его в руках.

Открылась дверь, вошла Дженнифер.

— Еще раз привет. — Она пересекла комнату и остановилась у кровати. — Я позвонила в агентство, сказала, чтобы в ближайшее время на тебя не рассчитывали, и попросила выслать все чеки, по которым тебе задолжали.

— Спасибо, — ответила Элисон.

— Все передают тебе привет.

Элисон откусила кусочек хлеба.

— Поблагодари их от меня, — безразлично проговорила она. Меньше всего ее сейчас волновала работа.

Майкл и Дженнифер обменялись тревожными взглядами. Он положил пульт обратно на тумбочку.

— Можно воды? — попросила Элисон.

Майкл наполнил стакан.

— Выпей вот это, — велел он, достав две цилиндрические капсулы из пузырька.

Элисон с трудом удерживала стакан. Она выпустила из правой руки распятие и взяла таблетки, которые с отвращением забросила в рот. Опять лекарство. Элисон поморщилась, глотая капсулы. И снова сжала рукой распятие.

— Ты вроде уже не такая бледная, — заметила Дженнифер.

— Правда?

— Да.

— Ценю проявление чувств. Тебе, надеюсь, знакомо выражение «чушь собачья»? Так вот именно это ты и сказала.

— Денек-другой отдыха — и ты станешь как новенькая.

— Конечно! Сомнений быть не может!

Майкл встал.

— Садись на мое место.

— Нет, — сказала Дженнифер. — Пора домой.

Майкл облокотился о буфет, вслушиваясь в напряженную тишину, повисшую в комнате.

— Можем все вместе съездить в горы, — сказал он наконец, — на эти выходные.

— Это было бы замечательно, — произнесла Элисон без всякого воодушевления.

Майкл задумчиво поскреб подбородок.

— На гору Медведь, например. Поселимся в домике на день, приготовим что-нибудь вкусненькое, намешаем море грога с ромом. — Он выжидательно улыбался. Взгляд Элисон ничего не выражал.

Дженнифер робко проговорила:

— Я утром снова приду. Принести что-нибудь?

— Нет. Не надо.

Дженнифер смущенно улыбнулась и обернулась к Майклу.

— Куда ты дел мое пальто?

— Оно в стенном шкафу.

— А книги?

— Там же.

Она снова посмотрела на Элисон.

— Отдохни немного. И не переживай ты так. Все будет хорошо.

Элисон вяло улыбнулась.

— Я провожу тебя, Дженнифер, — сказал Майкл.

В гостиной он схватил ее за руку.

— Похоже, она совсем расклеилась, — прошептал он, косясь на дверь спальни. Достал из стенного шкафа пальто и книги, протянул их Дженнифер.

— Она очень враждебно настроена.

— Это страх. Плюс депрессия. Сочетание не из приятных.

— Что мы можем сделать?

— Не знаю.

— Если я буду нужна...

— Я знаю, где тебя искать. — Он поцеловал ее в щеку, и они улыбнулись друг другу. — Спасибо.

Майкл тихо закрыл за ней дверь. Бросив быстрый взгляд в сторону спальни, он достал из кармана рубашки маленькую записную книжку, на цыпочках подошел к телефону и осторожно набрал номер. Телефон не отвечал. Он раздраженно швырнул трубку и вернулся в спальню.

Элисон открыла глаза.

Они пристально смотрели друг на друга.

— Думаешь, я схожу с ума, — нарушила она долгое молчание.

— Я этого не говорил!

— А говорить незачем! При всей твоей хитрости и тщательно культивируемом спокойствии тебя можно видеть насквозь.

— Неужели?

Она кивнула.

Майкл потер виски.

— Да, на этот раз я все знаю.

— Откуда?

— Это мое дело. Все можно выяснить, если очень хочешь и можешь за это хорошо заплатить.

Комната погрузилась в тишину. Он стоял, прижавшись лбом к оконному стеклу; она лежала, обложенная подушками, бессильно свесив руки с кровати.

— Что ты знаешь? — спросила Элисон, свыкнувшись с мыслью, что ему что-то известно.

— Все, — мягко ответил он. Выдвинул ящик шкафа, достал картонную папку и вынул из нее несколько документов.

— Здесь отчеты психиатров и полицейские протоколы. Еще кое-какие бумаги. Весьма познавательно. Вот, например, запись, датированная 12 марта 1966 года:

«Папа подарил мне распятие на день рождения, когда мне исполнилось десять лет. Во время обеда. Оно было красивое. Я надела его прямо за столом. Я никогда не снимала его».

А вот другая, от 9 апреля 1966 года:

«Я всегда думала, что мама с папой счастливы. Я ошибалась. Они стали очень холодны друг с другом. Постоянно происходили скандалы. Он приходил домой пьяным и бил ее. Она заявляла, что у него другая женщина. Он вопил как сумасшедший, называл ее «пуританской католичкой». Я бежала вниз по черной лестнице и пряталась в чулане. Однажды он нашел меня там и тоже избил. Я вся была в крови. Я была очень религиозной. Он нет. Тем не менее он требовал, чтобы я постоянно ходила в церковь. Я не видела в этом смысла. Я запуталась».

Вот еще. 16 октября 1966 года:

«Я ненавидела его. Я была в ужасе, когда он проходил мимо меня. Мой собственный отец. Он убил моего щенка. Пнул ногой в живот, и Багль умер».

— Продолжать? — спросил Майкл.

Элисон безразлично кивнула.

— Полицейский протокол, 1966 год. Точной даты нет.

«Мы с мамой уехали на выходные отдохнуть на озеро, примерно в тридцати милях от города. Мы собирались возвратиться лишь в понедельник, но я обгорела на солнце и решила уехать на день раньше. Я доехала на автобусе до почты и остаток пути шла в гору пешком. Было десять часов вечера. Я вошла в дом, поднялась по лестнице на второй этаж, повернула к своей комнате, но остановилась. Из родительской спальни доносился смех. В доме никого не должно было быть. Отец уехал из города по делам. Я подошла к приоткрытой двери, потянула ее на себя и заглянула внутрь. Отец, голый, лежал в кровати с двумя голыми женщинами. Все они были пьяны. Они ласкали друг друга. Меня стошнило. Отец скатился с кровати, он был испуган и взбешен. Он начал бить меня по голове. Я подняла руки, пытаюсь защититься, но он схватил меня за горло и начал тянуть за цепь, на которой висело распятие. Я задыхалась. Он швырнул меня на пол, ту же и ту же затягивая петлю. Разорвал мне кожу на шее. У меня остался шрам. Я ударила его ногой в пах. Он остановился. Я пыталась дышать, но меня снова вырвало. Затем я взглянула на цепь, которую держала в руке; я смотрела, как он корчится от боли и хрипит. Я швырнула цепочку с распятием в него и попала в подбородок. Цепь и крест упали на пол. Я никогда больше не носила распятия. Я ни разу не была в церкви. Мама заколотила дверь спальни. Я уехала из дома в Нью-Йорк».

Майкл взял в руки еще какой-то документ.

— Полицейский протокол. Тоже 1966 год. Здесь описывается попытка самоубийства вскоре после твоего столкновения с от-

цом. Ты пыталась перерезать себе вены. Неудачно. Ты никогда не говорила мне об этом.

— Я все бы рассказала тебе со временем.

— Но не раньше, чем он умер.

— Да.

— Ты могла бы рассказать мне на прошлой неделе. Он был уже мертв.

— Да, я знаю.

Майкл подошел, взял с подноса кусок хлеба и присел на край кровати.

— Семь лет назад ты пыталась убить себя из-за чувства вины, ненависти, одиночества, подавленности. Затем, после смерти Карен, попыталась снова, чувствуя себя виноватой, что была частью этого любовного треугольника.

Элисон ничего не ответила, лишь наклонила голову.

— Как насчет кошмаров? — спросил он.

— Кошмаров?

Майкл взял еще один документ и зачитал:

— «Меня мучают ужасные кошмары». — Он взглянул на нее, ища подтверждения.

Элисон кивнула и сказала:

— Да.

— Ты признаешь, что та ночь снилась тебе в кошмарах?

— Да.

— Часто?

— Да.

— И это может повториться?

— Возможно.

— Что и случилось дождливой ночью на прошлой неделе.

— Нет! Нет! Нет!

— Ты не допускаешь такую возможность?

— Нет.

— Ты говоришь не думая.

— В этом нет необходимости. Я была там. Я в состоянии отличить явь от сна.

— Но...

— Нет!

Он поднял руку.

— Ну хорошо, хорошо. Позволь мне продолжить. Ты бежала от него, он тебя поймал, как и много лет назад, и ты заколола его ножом, который взяла с собой.

— Правильно.

— Но там не обнаружили ни крови, ни тела. К тому же довольно сложно заколоть ножом человека, который умер три недели назад.

— Сложно, не сложно, но я это сделала.

Майкл помолчал, обдумывая ее слова, и возразил:

— Полицейские обыскали квартиру, точнее, весь дом, и не нашли ничего, никаких следов борьбы.

— Здание проверял Гатц!

— Там были и другие. Гатц бы один не справился.

— Разве?

— Уж чего-чего, а прятать свидетельства преступления, в котором замешан я, Гатц не будет.

— Он способен на все.

— До известных пределов.

Элисон судорожно закашлялась и вытерла рот левой рукой, в правой продолжая держать распятие. Оно придавало ей силы.

— Позволь задать тебе один вопрос,— начала она.

— Задавай,— осторожно ответил Майкл.

— Официально установлено, что в том доме никто, кроме меня и старого священника, не живет. Так?

— Так.

— Тогда кто такой Чарльз Чейзен и откуда он взялся?

— Не знаю. Я его не видел. Никто его не видел.

— А все остальные?

— Могу повторить то же самое.

— А фотография, Майкл! Фотография! Ее-то ты видел! Портрет Чейзена в маленькой золотой рамке!

Он покусал ногти.

— Это единственное, чему я не могу найти объяснения.

— Единственное, что ставит под сомнение твое убеждение, что у меня не все дома?

— Возможно. Но фотография могла находиться в квартире и раньше, а в твоём утомленном мозгу родился образ этого человека.

— Ну и кто из нас изобретает сомнительные версии и пытается игнорировать совпадения? — Ему ни за что не убедить ее с помощью своих хитроумных гипотез. Она будет стоять на своем, чего бы ей это ни стоило. Чейзен, Кларк, Клоткины и все остальные существуют, она видела их. И там, где произошло убийство, в ту ночь был ее отец. От одной этой мысли Элисон задрожала и начала читать про себя молитву.

— Так мы ни к чему не придем,— сказал Майкл.

— Отчего же? Надо только попытаться найти ответ на два вопроса.

— И что это за вопросы?

— Чейзен и прочие существуют. Где они? Имеют ли они какое-то отношение к тому, что произошло той ночью?

— Не знаю. Я ничего не знаю. Но я беспокоюсь за тебя.— Майкл подался вперед и обнял ее.— Меня не волнуют ни Гатц, ни твой отец, ни кто-либо другой. Только ты и твое здоровье.

Элисон обвила руками его шею. Цепочка распятия лежала у него на плече. Элисон взглянула на фигурку Христа и крепко зажмурилась.

— Ты больше не вернешься туда,— сказал он,— с этим покончено.

— Разве, Майкл? — Отстранившись, она враждебно взглянула на него.

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

Она рассмеялась.

— В чем дело? — спросил Майкл.

— Порой ты бываешь очень наивным, — ответила она и снова засмеялась.

— Почему?

— Потому что ничего еще не кончилось.

— Откуда ты знаешь?

— Просто знаю. Подобные вещи не кончаются никогда.

Элисон уже час находилась в одиночестве. Слава Богу, Майклу пришлось вернуться в свою контору, чтобы закончить составление апелляции. Она была уже не в состоянии выслушивать его рассуждения и логические объяснения всему на свете. Все же вместо того, чтобы заставить себя думать о чем-нибудь другом, Элисон размышляла. О всей своей жизни, о последних двух неделях. Она читала записи психиатров, полицейские отчеты и начала формулировать свои собственные логические объяснения и проводить напрашивающиеся параллели между событиями.

Наконец, доведя себя до состояния полного изнеможения, она порыскала в картотечном ящике в шкафу в коридоре, извлекла оттуда старую газетную вырезку и положила ее на стол в гостиной. Включила настольную лампу и принялась читать.

«ОСНОВНОЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ — МУЖ УБИТОЙ»

Шеф полиции Морис Лазерман заявил сегодня, что полиция разработала альтернативную версию дела Карен Фармер. В первом заключении причиной смерти двадцатипятилетней представительницы высшего света было названо самоубийство. Тем не менее, по словам шефа полиции, вполне возможно, что Карен Фармер не покончила с собой в ночь на двадцать второе марта, а явилась жертвой тщательно продуманного изощренного убийства.

«Хотя вначале мы пришли к выводу, что здесь налицо самоубийство, — сказал Лазерман, — недавно обнаруженные факты и противоречивые показания свидетелей заставили нас изменить мнение и принять во внимание возможность убийства».

Капитан полиции Томас Гатц, непосредственно ведущий расследование, подтвердил заявление начальника, но отказался пояснить свои слова о том, что муж убитой — юрист Майкл Фармер — главный подозреваемый. Любопытно, что Лазерман в более раннем выступлении допустил возможность того, что Фармер имеет отношение к смерти жены. Как показало последнее расследование, он находился в любовной связи с другой женщиной — фотомоделью Элисон Паркер, и, судя по всему, мисс Паркер не подозревала о том, что Фармер женат.

Было также установлено, что за две недели до так называемого самоубийства Майкл Фармер попросил у жены развода. Согласно показаниям их общих друзей, миссис Фармер в ответ рассмеялась и заявила, что никогда не даст ему развод, и ему, чтобы от нее избавиться, остается лишь пойти на преступление.

У мистера Фармера вначале было железное алиби, но в нем обнаружили некоторые изъяны, по крайней мере так считает детектив Гатц. Он сказал также, что любовница Фармера Элисон

Паркер, которая находилась в отъезде, полностью свободна от подозрений.

Майкл Фармер — адвокат. До того как заняться частной практикой, он был в течение нескольких лет всеми уважаемым сотрудником прокуратуры Манхэттена. Небезынтересны отношения между детективом Гатцем и мистером Фармером. Фармер заявил, что между ними существует давняя вражда — со времени его работы в окружной прокуратуре — и что детектив мстит ему. До сих пор ни одно из этих обвинений не подкреплено доказательствами.

Шеф полиции Лазерман и детектив Гатц обещали, что через несколько дней будут сделаны новые заявления по этому делу. Какова будет суть этих заявлений, остается неясным, ибо точки зрения двух полицейских чинов не совпадают».

Элисон еще раз перечитала статью, затем сложила вырезку вдвое и спрятала обратно в шкаф.

14

Кабинет был крошечным, с зарешеченным окном и доской объявлений на стене. Рядом стоял старый обшарпанный письменный стол.

— Дальше, — велел Гатц. Он сидел за столом, не отрывая взгляда от экрана, на котором сменялись слайды. Изо рта у него свисала неизменная сигара. — Вернитесь к фотографии гостиницы.

На экране появилось изображение.

— Нет, перед этим. Вот оно! — Гатц взял список и просмотрел его. — И то, что перед этим, — сказал он, листая страницы.

Слайды сменяли один другой.

— Как, по-вашему, похоже на то, что в этих комнатах кто-то живет?

Человек, стоявший у проектора, обернулся.

— Нет, — ответил он уверенно.

— Интересно, — бормотал Гатц, — в доме развал и запустение, но все-таки во всем этом что-то есть. — Он порылся в своих записях. — Увеличьте этот снимок.

При ближайшем рассмотрении ничего нового не обнаружилось. Гатц, развалясь на стуле, размышлял, покручивая проводочный крюк между пальцами. Затем открыл лежащую на столе папку и достал протокол. Быстро просмотрел его, так как уже раньше ознакомился с ним в деталях. Взглянул на человека у проектора, который молча сидел, ожидая дальнейших указаний.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Хоган.

— Давно служите?

— Год.

— Ночью в участок доставили женщину, которая заявила, что убила своего отца после того, как обнаружила его в кровати с двумя голыми женщинами и он пытался задушить ее. Все это якобы произошло в одной из квартир дома, где она проживает. Но там не оказалось никаких следов борьбы. Никакого труп.

И нам известно, что к моменту означенного «убийства» отец этой женщины уже три недели как скончался. Нам также известно, что у нее есть склонность к самоубийству, она дважды пыталась покончить с собой. — Гатц взял со стола протокол. — И мы выяснили, что семь лет назад эта женщина застала своего отца в спальне с двумя женщинами — аналогичная ситуация — и он пытался задушить ее.

Несколько минут в комнате царила тишина. Гатц изучал протоколы и свои записи, время от времени посматривая на увеличенный вид гостиной квартиры 4-А.

— Черт с ним со всем! — наконец заявил он, швыряя документы на стол. — Хватит. Я позову вас, если понадобится.

— Оставить аппарат здесь?

— Да.

Хоган кивнул и вышел.

Гатц откинулся на спинку стула и курил, задумчиво покачивая головой.

В дверь постучали.

— Кто там еще? — недовольно спросил он.

— Риццо, — ответил глубокий баритон.

— Входи.

Дверь растворилась, вошел детектив, держа в руках несколько листов бумаги и фотоснимок. Он прикрыл дверь и встал по стойке «смирно».

— Ну? — буркнул Гатц.

Риццо сделал шаг вперед и протянул Гатцу бумаги и фото. Затем снова отступил назад, приглаживая свою редющую черную шевелюру.

— Значит, на Чейзена ничего нет? — спросил Гатц, просматривая бумаги.

— Абсолютно.

Гатц вернул Риццо документы, но фотографию оставил.

— Ты искал эту физиономию в архивах?

— Да. Но там тоже ничего нет. Я даже подверг анализу саму бумагу, пытаюсь установить ее происхождение, но это ничего не дало.

— Черт! А как с остальными?

— То же самое. Ничего. Он помолчал и добавил: — Тело папаши было эксгумировано.

— И?

— Разлагается, как и положено труп.

— Вы побеседовали с агентом по сдаче квартир?

— Пытаемся разыскать ее.

— Плохо пытаетесь. — Гатц недовольно поморщился. — А что говорит домовладелец?

— Он подтверждает, что в течение трех лет никто, кроме священника и мисс Паркер, там не жил. Чем больше я этим занимаюсь, тем больше убеждаюсь, что у девчонки просто крыша поехала. Никого в том доме не было. И, возможно, никого там не убивали.

— Я не уверен.

— Почему?

Гатц покачал головой и взглянул на своего помощника.

— Почему? — повторил он. — Все за то, что у девчонки не все дома, это-то мне и не нравится. Тем более что в деле замешан Фармер. Здесь кроется что-то еще. Может, под всей этой навозной кучей есть потайной лаз. Мой нос говорит мне: что-то здесь не так. И как я уже тысячу раз повторял, мой нос никогда не ошибается! — Он взял портрет Чейзена и принялся разглядывать его. — Глупый вид у этого старого хрена, а?

— Да, сэр, — согласился Риццо.

— Похоже, он здорово наакался перед тем, как фотографироваться.

Риццо кивнул. Он пошуршал бумагами, достал из кармана еще одну и протянул Гатцу.

— Здесь список имен, который составила для нас Дженнифер Лирсон.

— Что-нибудь есть?

— Нет. Никаких данных. Никого, кто мог бы что-нибудь иметь против девчонки Фармера.

— Далеко не убирай. Список может понадобиться.

— Сэр...

— Да?

— Может, снова вызвать Паркер и Фармера на допрос?

— Пустая трата времени. Не стоит. Пока не найдено тело, у нас нет ничего. Обшарьте дом сверху донизу, еще раз опросите жителей соседних домов.

— Да, сэр.

— И ты должен набраться терпения.

— Да, сэр.

— И раздобыть мне факты.

Риццо бочком протиснулся в дверь и тихонько прикрыл ее за собой. Гатц подвинул к себе телефон и набрал номер.

— Ричардсон, принеси мне папки с делом Карен Фармер, а также протоколы с последнего заседания суда, на котором выступал Фармер. Дня два назад...

Он положил трубку. Главное — найти труп. Нет трупа — нет дела.

15

Элисон поднялась в контору по сдаче квартир, с ужасом ожидая предстоящую стычку с мисс Логан. Накануне она решила, что пора бы той дать ответ на некоторые вопросы, и, раз она не подходит к телефону в конторе, а адреса ее невозможно отыскать ни в одной телефонной книге, придется отправиться туда самой.

Элисон подергала дверь кабинета мисс Логан. Та оказалась незапертой, и она вошла внутрь. Судя по слою пыли на столе, здесь никого не было уже несколько дней. Странно. Непохоже, чтобы мисс Логан могла оставить дверь незапертой, а комнату — неубранной. И что случилось со знаменитой компаньонкой? Если она вообще существует. Теперь Элисон не была уверена в этом. Серьезные сомнения обуревали ее и по поводу прочих заявлений старой девы.

Календарь на столе был раскрыт на дате десятидневной давности, последняя запись в ежедневнике была помечена этим же числом. Совпадение? Как раз десять дней прошло со дня ее «веселенькой» прогулки посреди ночи в квартиру 4-А. Элисон пошарила среди бумаг на столе, но не нашла ничего заслуживающего внимания, кроме листка с номером телефона, рядом с которым было написано: «Джоан Логан». Она набрала номер, но в трубке раздался механический голос: «Телефон отключен». Элисон бросила трубку и нерешительно спустилась вниз.

Выйдя на улицу, она заметила рядом цветочный магазин.

— Чем могу вам помочь? — спросила пожилая женщина.

Элисон взглянула на витрину в глубине магазина.

— Я хотела бы купить розу.

— Красную?

— Да.

— У меня есть великолепные розы, только что получила, — гордо произнесла женщина. — Одну минуточку.

— Вы знаете агентов по сдаче квартир, их контора по соседству с вами? — спросила Элисон как бы между прочим.

Женщина подняла глаза:

— Мисс Логан?

Элисон кивнула.

— Не очень хорошо. Она заходит довольно часто, чтобы купить цветов для конторы. — Женщина подозрительно сощурилась.

— А в чем дело?

— Просто интересуюсь. Я их клиент. Пыталась отыскать мисс Логан, но, похоже, она уехала из города.

— Понятия не имею, — сказала женщина. — Нет, подождите. Я не видела ее, наверное, с неделю, а то и больше. — Она отрезала от рулона кусок зеленой упаковочной бумаги.

— Ее компаньонки тоже нет.

— Компаньонки? Впервые о ней слышу!

— Вы случайно не знаете, где живет мисс Логан?

Женщина покачала головой, заворачивая розу в бумагу.

— Вот, пожалуйста. — Она протянула Элисон цветок.

— Сколько с меня?

— Пятьдесят центов.

Элисон положила деньги на стол и взяла розу.

Выйдя на улицу, она бросила взгляд в сторону агентства, поймала такси и уехала.

Вечер был ясным и холодным. Элисон решила смириться с попытками Майкла развлечь ее и покорно следовала за ним сквозь ряды салонов и магазинчиков. Они бесцельно бродили по улочкам, время от времени останавливаясь прочесть афиши и светящуюся рекламу на стенах темных театров.

За несколько минут до полуночи Майкл остановился у входа в музей восковых фигур и заговорил с сидевшим в будочке у входа карликом.

— Зайдем, — предложил он.

Элисон нахмурилась и с отвращением отвернулась.

— Ну же, — подбадривал он.

— Не будь смешным.

— Там интересно.

Элисон бросила взгляд на свои наручные часики и поднесла их к его носу.

— Уже полночь. Я устала.

Майкл посмотрел на будку у входа, ища поддержки.

— Для леди билет за полцены, — сказал карлик. Колокольчики на его разрисованной шапочке зазвенели. Он поднялся со стула и поманил Элисон своими коротенькими ручками.

Она пригляделась к нему. Карлик смутно напоминал ей кого-то. Она так и слышала, как он произносит: тц-тц-тц. День рождения Дездемелы Чейзен. Клоткины. Музейный карлик прекрасно вписался бы в эту компанию. Неужели мир для нее превратился в серию сменяющих друг друга образов той ночи? Она взглянула на Майкла. В его глазах светилось неукротимое упрямство Чарльза Чейзена. Видно было, что он ни за что не отступится: они вместе пойдут в музей. Элисон передернуло.

— В чем дело? — спросил Майкл.

— Я должна объяснять элементарные вещи?

— Если хочешь, — улыбнулся он.

— Десять дней назад я пережила кошмар. С тех пор плохо себя чувствую. И сейчас я плохо себя чувствую. Я не хочу, чтобы мне стало еще хуже. И трудно придумать более неподходящее средство для поправки здоровья, чем прогулка по этой омерзительной выставке человеческих пороков.

— Ты развеешься.

Элисон метнула в него гневный взгляд.

— Да что ты! В самом деле?

— Да. В самом деле.

— Майкл, ты не представляешь...

Тихонько кашлянув, Майкл перебил ее:

— Ты что, собираешься избегать темноты до конца своих дней? Жить, боясь чудовищ, притаившихся за каждым углом? — Он замолчал, губы его дрогнули. — Я не позволю этого! Я намерен вернуть тебя в нормальное состояние.

— Да-да, — неожиданно пропищал карлик.

Элисон подняла на Майкла глаза и кивнула. Он положил деньги в протянутую руку человечка, получил взамен два билета и, взяв Элисон за руку, повел ее через дверь вниз по устланной ковром лестнице.

Музей являл собой переплетение коридоров, небольших залов и закутков, каждый из которых был посвящен определенной теме. В залах царил полумрак, на экспонаты падали косые лучи света. Эффект получался потрясающий: фигуры казались живыми.

У каждого экспоната Майкл останавливался, чтобы прочесть пояснения. Элисон слушала молча, никак не реагируя.

Собрание фигур было типичным: Джек-Потрошитель, Лиззи Борден, Бостонский душитель и прочие губители невинных душ.

Майкл шел не спеша, Элисон брела за ним, склонив голову, изредка исподлобья взглядывала на экспонаты. В любой момент

она готова была услышать пронзительный визг Дездемелы и опутить под ногой округлое мохнатое тельце. Краешком глаза она следила, не появится ли где ее отец, или Чейзен, или другое какое создание ее кошмара. Дурацкие страхи? Возможно. Элисон завернула за угол, и вдруг над ней нависла женская фигура.

Она истошно завопила.

— В чем дело? — Майкл обнял Элисон за плечи.

Она стояла в оцепенении, не в силах двинуться с места, тело ее била дрожь, взгляд был прикован к фигуре. Табличка под стеклом гласила:

МИССИС АННА КЛАРК, УБИЙЦА. КАЗНЕНА НА ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ СТУЛЕ В ТЮРЬМЕ СИНГ-СИНГ В ОССИНИНГЕ, ШТАТ НЬЮ-ЙОРК, 27 МАРТА 1948 ГОДА. ЗАРУБИЛА ТОПОРОМ СВОЕГО ЛЮБОВНИКА И ЕГО ЖЕНУ. КАК ПРЕПОЛАГАЛИ, ЕЕ ЛЮБОВНИК СТЭНТОН РИДЖЕР НАОТРЕЗ ОТКАЗАЛСЯ ОСТАВИТЬ ЖЕНУ, С КОТОРОЙ ПРОЖИЛ ДЕСЯТЬ ЛЕТ. МИССИС КЛАРК ОТОМСТИЛА. ПОЛИЦИЯ НАЗВАЛА ЭТО УБИЙСТВО САМЫМ ЖУТКИМ И ЗВЕРСКИМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ШТАТА. СУПРУЖЕСКАЯ ЧЕТА БЫЛА ЗАРУБЛЕНА В КРОВАТИ ВО ВРЕМЯ ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ.

Миссис Кларк, приятельница Чарльза Чейзена, ее исчезнувшая соседка, канувшая в небытие несколько дней назад, уже двадцать пять лет как мертва! Убийца! Элисон вырвалась из объятий Майкла и бросилась в темноту, не разбирая пути, мчась по коридорам и истерически голося.

Когда она появилась наконец в центральном зале, Майклу удалось схватить ее.

— Элисон! — закричал он. — В чем дело?

Она закашлялась, и ее вырвало. Он стоял, не зная, что предпринять, и держал ее за плечи. Губы ее посинели, на лбу выступил холодный пот. Майкл достал носовой платок и принялся утирать рвоту.

— Не трогай меня! — визжала Элисон.

— Но... — бормотал он.

— Убирайся! — закричала она снова, судорожно пытаясь вырваться из его рук.

В отчаянии он отвесил ей звонкую пощечину. Потом еще одну.

В темноте отворилась маленькая дверца, и из нее выступил приземистый человечек в форме с фонарем в руке. Служитель музея.

— Что здесь происходит? — спросил он.

— Ничего страшного, — ответил Майкл. — Моя подруга просто испугалась.

— Давайте отведем ее в мою комнату.

— Нет-нет, — быстро проговорила Элисон. — Все будет в порядке. — Она высвободила руки и принялась приводить себя в порядок.

Служитель осторожно спросил:

— Вам точно лучше?

— Да, я уже пришла в себя. Не могли бы вы принести мне какую-нибудь влажную тряпку — вытереть лицо?

Человечек засуетился и скрылся за дверью. Через несколько секунд он возвратился с мокрым полотенцем.

— Вы уверены, что все в порядке? Может, посидите у меня в комнате, а я вызову врача?

Элисон схватилась руками за колонну, чтобы не упасть.

— В этом нет необходимости, — проговорила она, вытирая лицо.

Майкл стоял в некотором отдалении, весь мокрый, не зная, что сказать и как поступить.

— Уйдем отсюда, — наконец предложил он.

Элисон кивнула и пошла вслед за ним вверх по лестнице.

На улице он взял ее за плечи и повернул лицом к себе.

— Что там случилось?

Она не отвечала. Майкл попытался взять ее за подбородок, но она вывернулась и прислонилась к кирпичной стене.

— Элисон, ты должна рассказать мне, что там произошло.

Она порывисто обернулась.

— Скульптура старухи. Она была на дне рождения Джезель.

— Я должен был догадаться, — сказал Майкл. — Наши мысли снова в том доме. Но эта женщина была казнена двадцать пять лет назад. Ее не могло быть на дне рождения. Ты что, не понимаешь? — Он помолчал. — Может, кто-то похожий на нее, но...

— Ее представили мне как миссис Анну Кларк.

— Возможно, тезка.

— Перестань! — закричала она. И, помолчав минуту, тихо добавила: — Майкл, я хочу побыть одна.

— Зачем?

— Просто так. Пожалуйста.

— Я отвезу тебя домой и на время уйду.

— Нет. Я хочу побыть одна. Иди домой. Я хочу взять такси и покататься. Я буду через час. Просто хочу побыть одна и подумать.

Майкл попытался возразить. Она подошла к краю тротуара и ждала такси, пропуская мимо ушей все его доводы. Наконец машина остановилась, и Элисон забралась на заднее сиденье. Он попытался последовать за ней. Она захлопнула дверь у него перед носом и нажала кнопку.

Разозлившись, он отступил. Такси тронулось с места.

— Черт бы ее побрал! — в сердцах крикнул Майкл.

Такси завернуло за угол и скрылось из виду.

16

Гатц залез в автомобиль и хлопнул дверцей.

— Холодно, черт побери, — сказал он.

— Я включил обогреватель, — отозвался Риццо.

Гатц потирал руки, чтобы побыстрее согреться. Риццо вывел машину из гаража.

— Что вы думаете обо всем этом? — спросил он.

— Не знаю. Сначала надо взглянуть. У тебя с собой список пропавших без вести?

— Он у меня. — Ричардсон похлопал себя по нагрудному карману.

— Прекрасно! — Гатц обернулся к Риццо. — Кто там сейчас?

— Джейк Берштейн.

Гатц улыбнулся. Берштейн — хороший полицейский.

Риццо припарковал автомобиль в середине квартала, позади другой полицейской машины, стоявшей напротив пиццерии, где уже собралась толпа зевак. Они вышли из автомобиля и двинулись по пустырю, шагая по кирпичам и шатким доскам — остаткам снесенного здесь несколько лет назад здания. Слева располагался двор, усыпанный мусором и отслужившей свое кухонной утварью. Справа — кладбище автомобилей, освещенное лучом установленного неподалеку прожектора. Несколько полицейских копались в ржавом хламе. На скамейке у пиццерии расселась группа подростков.

Гатц подошел к человеку в форме, невозмутимо стоявшему в самом центре этих дебрей.

— Том, — сказал тот, завидев Гатца.

— Джейк, — узнал его Гатц.

— Хочешь взглянуть?

— Да.

— Зрелище не из приятных.

— Как обычно.

Гатц пошел вслед за офицером в круг прожектора, ярко отражавшегося от хромированных поверхностей автомобилей. Из раскрытого багажника одной из машин свисала изуродованная рука, а внутри лежало истекающее кровью тело.

— Страшная смерть, — произнес Джейк, качая головой.

— Не страшнее, чем любая другая, — небрежно бросил Гатц, наклоняясь, чтобы получше рассмотреть труп. — Личность не установлена?

— Нет.

— При нем ничего не обнаружили? Визитные карточки? Записки?

— Нет, — сказал Джейк. — Ребята сняли отпечатки пальцев.

— Сколько всего ранений?

— Трудно сказать.

— А предположительно?

— Пятнадцать, может, двадцать. Это уже не важно.

— Возможно.

— Он пролежал здесь довольно долго.

— Как долго?

— С неделю по крайней мере. Может, и дольше. Труп сильно разложился.

Гатц провел рукой по лбу жертвы, потер пальцы друг о друга и начал разглядывать их в свете фонаря.

— А следов грима на теле не обнаружено?

Джейк непонимающе уставился на него.

— Грима, косметики, — раздраженно повторил Гатц.

— Нет. Никакого грима не обнаружено.

Гатц пожал плечами.

— Кто его нашел?

Джейк указал на самого высокого из сидящих на скамейке парней.

— Ребята играли в прятки. Он попытался залезть в багажник. Тот оказался запертым. Он все-таки открыл его, и оттуда вывалилась рука.

— Да, коробочка с сюрпризом.

— Вроде того, — усмехнулся Джейк. — На улицу ведут следы крови. Хочешь взглянуть?

— Позже.

Берштейн бросил взгляд в сторону своих помощников, копавшихся в мусоре.

— Пустая трата времени. В этом дворе столько хлама. Даже если убийца и обронил что-нибудь...

Гатц махнул Риццо и обернулся к Джейку:

— Когда можно будет узнать группу крови?

— Очень скоро, пробы уже взяли.

Подшел Риццо.

— Собери всю имеющуюся по этому делу информацию, — велел Гатц, — чтоб сегодня же утром все лежало на моем столе.

Риццо кивнул и поспешил прочь. Джейк покусал губу.

— Не похоже на ограбление или сведение счетов между гангстерами.

— Да, непохоже, — согласился Гатц.

— Может, какой-нибудь маньяк?

— Вот это самое вероятное.

— Есть в городе сбежавшие психи?

— Официально? — переспросил Гатц. — Нет. А так Нью-Йорк кишит ими. — Он окинул взглядом двор. — Ножей не нашли?

— Нет.

— Ведь именно нож является орудием убийства?

— Да, и большой.

— Заточен с обеих сторон?

— С одной.

Риццо принес список пропавших без вести.

— Несколько человек подходят по описанию.

Гатц кивнул.

— Проверь их. Достань фотографии. Но я почему-то уверен, что о пропаже этого типа никто не заявлял.

Он подошел к скамье у пиццерии и опустился на нее рядом с высоким мальчиком, обнаружившим труп. Достал из кармана фотографию Майкла Фармера.

— Сынок, ты часто здесь играешь?

— Да, сэр, — ответил тот, заметно смущаясь. — Несколько раз в неделю, это уж точно.

— В какое время?

— Когда как. Сегодня мы собрались около одиннадцати.

— Замечал ли ты здесь каких-нибудь людей? Не хозяев лавок.

И не детей. Ты понимаешь? Посторонних людей.

— Да, сэр. Они приносят вещи на свалку.

Гатц протянул ему портрет Майкла Фармера.

— Этого человека видел здесь?

Мальчик всмотрелся в снимок и помотал головой.

— Ты уверен?

— Да.

Гатц передал фотографию остальным парням; никто из них не видел этого человека.

— Держитесь, ребята, подальше от старых автомобилей, — посоветовал детектив. — Это опасно. — И присоединился к Джейку и Риццо, стоявшим в отдалении.

— Сколько на ваших часах?

— Два двадцать.

— Видели лицо покойника?

— Издалека.

— Он страшно кончил. Здоровый, крепкий мужик, а умер, охваченный ужасом.

Ричардсон пожал плечами, не зная, что ответить.

Гатц начал было открывать дверцу автомобиля, но еще раз оглянулся, чтобы взглянуть на пустырь.

— Не просто испуганный, а охваченный ужасом, — повторил он.

Они залезли в автомобиль и уехали.

В восемь утра Гатц проснулся у себя в кабинете с затекшей спиной, чувствуя себя разбитым. Но все же это было намного лучше, нежели мчаться домой и, наспех вздремнув, нестись обратно на службу.

Он сунул ноги в ботинки и побрел в туалет умыться и побриться. После чего налил себе чашку черного кофе и вернулся в кабинет.

Он почти расправился с чашкой, когда появился Риццо с результатами лабораторных исследований и прочими данными, касающимися потерпевшего. Гатц с нетерпением углубился в бумаги. Он и мечтать не мог о более интересной информации, это было слишком здорово, чтобы оказаться правдой.

— Знаешь этого парня? — спросил он.

— Нет, — ответил Риццо.

— Зато я знаю. Убийца не смог бы отыскать более достойную жертву.

Риццо невольно отшатнулся.

— Не думаете же вы...

— Думаю? — оборвал его Гатц. — Я знаю! Но мне нужны факты. Ты должен раскопать все, что касается этого человека. Если потребуется, используй наших осведомителей.

— Да, сэр, — сказал Риццо и вышел.

Гатц ладонью припечатал листок к столу. И, улыбаясь, откинулся на спинку кресла.

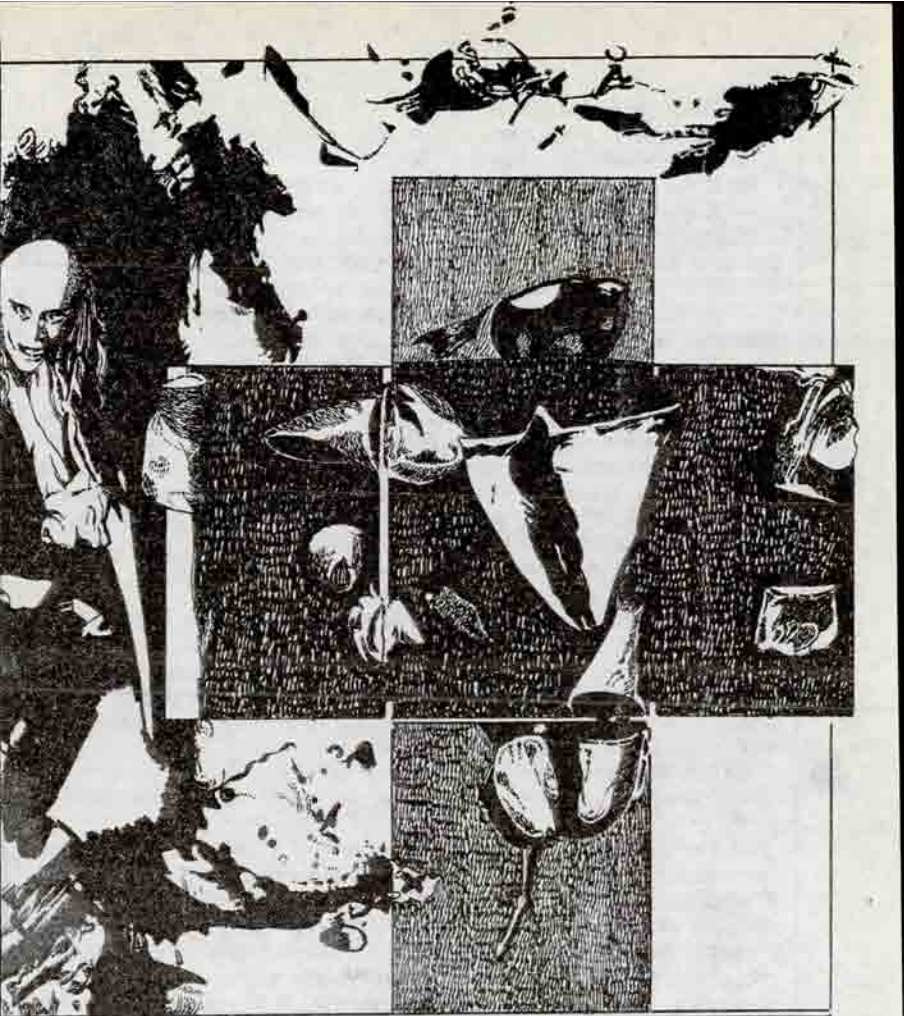
17

— Тот человек стоял спиной к тебе?

— Правильно.

— А потом что? — спрашивал Майкл.

— Я подошла к нему сзади.

- Где были женщины?
- Наверное, в кровати.
- Наверное?
- Я не видела их, пока не стала удирать из комнаты.
- Хорошо, покажи мне, как это происходило.

Элисон протянула вперед обе руки: в одной она как будто держала нож, в другой — фонарь. Она шла, стараясь в точности повторить свои движения, шагая осторожно, как и в тот раз.

— Я тронула его за плечо, и снова встряхнула фонарь, он зажегся. Человек обернулся, я увидела, кто это, и очень испугалась. Бросилась обратно, пытаюсь убежать, и вот здесь, в углу, упала.

Майкл подошел, ступая по пыли и паутине. Провел рукой по полу, оставив на нем следы всех пяти пальцев.

— Полицейские так здесь натоптали, что, если и остались какие следы, различить их невозможно, — задумчиво произнес он. — Слушай, я хочу, чтобы ты в точности повторила каждое свое движение.

— Я не уверена, что все помню.

— Постарайся.

Элисон кивнула, подошла к Майклу и села на пол.

— Кажется, я упала как-то вот так. — Она вытянула одну ногу, а другую поджала под себя. — Когда увидела, что он приближается, вся скалась и пыталась вырваться отсюда. Луч фонаря метался, как сумасшедший, вот тогда-то, наверное, я и увидела тех женщин на кровати.

Майкл внимательно осмотрел пол и стены.

— Ничего здесь нет, — заключил он. — А что произошло потом?

— Он гнался за мной, я слышала его шаги. Я отпрыгнула, врезалась в кресло и полетела на пол. Кресло свалилось на меня. Я услышала, как хлопнула дверь, и увидела, что он стоит вот здесь. Я выбралась из-под кресла, вскочила на ноги и побежала к двери, но в центре комнаты столкнулась с ним. — Она встала посередине ковра. — Вот здесь. Он вцепился мне в волосы, а затем схватил распятие и начал меня душить. Я не знала, что будет дальше, не понимала, что делаю. Все кружилось у меня перед глазами. Я втыкала и втыкала в него нож. Помню, как лезвие опускалось и поднималось. Помню ощущение, как оно вонзается во что-то. А потом раздался страшный крик. Я почувствовала, что падаю, — и все. Потом — больница.

Встав на колени, Майкл тщательно ощупывал пол.

— Будь здесь хоть какие-то следы крови, полицейские отыскали бы.

— А если их отмыли?

— Нет. С помощью химических анализов можно обнаружить мельчайшие частицы. Вот что меня озадачивает. Ты говоришь, он приближался к тебе очень медленно и ему трудно было идти?

— Да.

— У него была частично парализована нога?

— Да.

— Покажи мне, как он шел.

Элисон немного помялась на месте, затем, приволакивая правую ногу, сделала три или четыре шага по комнате.

— И ты хочешь сказать, что к тому моменту, как ты, налетев на кресло, упала, он успел дохромать до комнаты, пересечь ее — а это примерно двадцать шагов — и захлопнуть дверь?

— Я так думаю.

— Да нет, чепуха. Во-первых, к чему закрывать дверь в небоитаемом доме? А во-вторых, он не мог так быстро добраться до двери согласно твоим же словам. Это и для меня непросто, я, конечно, не очень подвижный, но все же не мертвый.

— Очень остроумно, Майкл. Обхохочешься.

— Я вовсе не собирался острить. Допустим, ты кого-то убила. Скорее всего он вошел в квартиру во время твоей схватки с «отцом». Я сказал «допустим». Нет ни тела, ни следов крови. Если и был кто-то в другой комнате — и снова я говорю «если», — ты убила не его.

Элисон медленно кивнула, вполне допуская такую возможность.

— Но от этого случившееся не становится более ясным, — сказала она, присаживаясь на пыльную софу.

— Может, и станет, если мой вывод верен.

— Каким образом?

Майкл закусил губу.

— Пока не знаю.

— Предположим, я зарезала кого-то, кто вошел с улицы. А как тогда быть с той фигурой и женщинами в спальне?

Обдумывая ответ, Майкл пожал плечами. Затем встал и зашагал по комнате.

— О чем ты думаешь? — спросила Элисон.

— Нет ни тела, ни крови, ни следов борьбы. Никаких признаков, того, что кто-то здесь недавно был. Никаких намеков на пребывание в доме Чейзена или лесбиянок. Зато у нас есть предположение: ты убила кого-то, кто вошел в дверь. Но где в таком случае труп? Если рассуждать логически? Кто-то его вынес, уничтожил каким-то сверхъестественным, неизвестным науке способом следы крови и покрыл все вокруг слоем пыли. — Он посмотрел на Элисон и улыбнулся. — Кто мог вынести тело? Воображаемые люди из спальни?

— Они были настоящими, — заявила Элисон.

— Или настоящие люди из спальни?

Элисон подалась вперед.

— А если они были настоящие, то куда же они делись? Давай посмотрим, можно ли попасть в квартиру Чейзена.

Они поднялись по лестнице на пятый этаж и потрогали дверь квартиры 5-Б. Заперто. Майкл достал из кармана связку ключей, вставил в замочную скважину отмычку и открыл дверь.

— Какая роскошь! — воскликнул он с шутливой ноткой в голосе, свидетельствующей о жестоком разочаровании.

Элисон подошла к книжным полкам и сдула пыль, осевшую на лежавших в третьем ряду книгах с того дня, как они с мисс Логан здесь побывали. Протянула руку и достала книгу в голубом переплете. «Пармская обитель» Стендалла. Очень старое

издание, 1839 года. Она швырнула ее на пол, под ноги Майклу.

— Наслаждайся.

Элисон вытягивала старинные книги с полок и бросала на пол, едва взглянув на них, нимало не заботясь об их состоянии. Некоторые вываливались сами.

— Вот самое интересное. «Техника пыток» Аларда.

Майкл поймал книгу на лету и принялся листать.

Элисон достала очередной тяжелый том и, придерживая разлетающиеся страницы, раскрыла его. Быстро пролистала.

— Возьми вот эту для разнообразия. Тебе должно понравиться.

— Дай взгляну.

Она кинула ему книгу.

Майкл взглянул на обложку.

— Что ты имеешь в виду под «разнообразием»? — поинтересовался он.

— То, что все страницы одинаковы.

Майкл раскрыл книгу. Та казалась совершенно обычной, страницы последовательно пронумерованы, на каждой — разные слова и фразы.

— Ну как? — спросила она.

Он недоуменно уставился на нее.

— Не нахожу ничего странного.

Элисон подошла и выхватила книгу у него из рук.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что сказал.

Она еще раз сверила друг с другом абсолютно одинаковые страницы.

— Они все похожи как две капли воды! — крикнула она, возвращая ему книгу.

Майкл полистал том, захлопнул его и положил на колени.

— Очень интересно, — произнес он, глядя на разоренные полки. — Очевидно, один из нас либо видит то, чего на самом деле нет, либо попросту лжет.

Элисон почувствовала, как кровь бросилась ей в голову. Как это на него похоже — признаться в чем-либо и тут же это отрицать! Судя по всему, ее подозрения оправдываются. До сих пор его вину еще можно было объяснить простым совпадением.

— Интересно получается, — осторожно начал Майкл, — Ты видела объявление о квартире, а в газете ничего не оказалось. Может, то, что ты видишь сейчас, — еще одно проявление того же феномена?

— Мне не нравится слово «феномен», — сказала Элисон. — Под ним подразумеваются естественные явления.

— Называй это, как хочешь.

Он достал из кармана рубашки ручку, вырвал из какой-то книги титульный лист и протянул ей.

— Я хочу, чтобы ты переписала все, что видишь, слово в слово.

Элисон продолжала смотреть в пространство, затем подошла к одинокому стулу и села. Взглянула на первую страницу книги, сравнила ее со следующими и принялась сосредоточенно переносить буквы на бумагу.

Майкл постучал.

Подождал немного и постучал снова. Ответа не последовало. Темно-коричневая дверь с табличкой «5-А» не открывалась.

— Меня не покидает ощущение, что между священником, нашими исчезнувшими друзьями и твоими «галлюцинациями» существует какая-то связь. — Он снова поднял кулак, замер в нерешительности и слабо ткнул им в дверь. Элисон прислушалась и облокотилась на перила, нагнув голову, уверенная, что этот небрежный зов останется без ответа.

— Может, он знает, что кто-то здесь есть, но не может подойти к двери, — предположила она.

— Может быть. Но скорее всего он просто не хочет, чтобы его беспокоили. — Майкл достал из кармана отмычку.

— Майкл, — тревожно прошептала Элисон, давая понять, что ей не нравится его затея.

— Тихо, — велел он. Всунул отмычку в скважину, повернул, но ничего не произошло. Качая головой, Майкл вынул ее и положил обратно в карман.

— Кто-нибудь навещает его, заботится о нем?

— Никто, — ответила она. — За квартиру платит Нью-Йоркская епархия — вот все, что я знаю.

Майкл кивнул и повел ее по направлению к лестнице. Они принялись медленно спускаться в окружении таинственных безмолвных квартир, взявшись за руки, не отрывая взгляда от ступеней, ожидая, что вот-вот в гнетущей тишине раздадутся чьи-то шаги.

На улице Майкл достал из кармана белый носовой платок с монограммой и высморкался.

— Возвращайся ко мне домой и жди, — велел он. — Попробую перевести это. — Он помахал в воздухе листочком, на который она переписала буквы из книги. — Затем постараюсь разыскать мисс Логан и домовладельца.

— Почему бы мне не пойти с тобой?

Он покачал головой.

— Отдохни. Я скоро вернусь, сразу как покончу с делами.

Они подошли к краю тротуара и через несколько минут оставили машину. Майкл поцеловал Элисон в щеку и распахнул дверцу.

— 71-я улица, дом 17.

Водитель кивнул. Такси тронулось с места.

Элисон следила, как фигура Майкла исчезает вдали. Прищурившись, она подняла голову, глядя на окна пятого этажа. Без сомнения, там что-то было. Силуэт. Старый священник. Он сидел точно так же, как и... Элисон не знала, как долго он так сидел. Отец Мэтью Галлиран. Какое-то отношение к происходящим в доме событиям он, без сомнения, имеет. Но какое? Элисон продолжала смотреть в окно, и вдруг что-то сверкнуло в лучах солнца, какой-то металлический предмет. Но лишь на одно мгновение.

Такси завернуло за угол.

Путь до Колумбийского университета был недолог. Майкл расплатился с водителем и прошел через главные ворота в университетский городок. Сверившись с листочком бумаги, он повернул налево, к той стороне прямоугольного двора, которая не прилегала к Бродвею, и двинулся по направлению к большому зданию, выходящему на Амстердам-авеню. Он вошел внутрь и остановился перед списком, над которым было начертано название факультета: «Литература и иностранные языки». Майкл вновь заглянул в свой листочек и отыскал в списке преподавателей имя: Грегор Рудзински. Оно было почти в самом конце. Скорее всего поляк. Адъютант-профессор.

Он поднялся по лестнице, нашел 217-ю аудиторию, открыл старинную тяжелую дверь и очутился в небольшой полутемной комнате.

За письменным столом сидел неряшливо одетый человек лет тридцати. По виду — типичный профессор, какими их изображают в кинофильмах.

— Войдите, — сказал Рудзински.

— Спасибо, — ответил Майкл, присаживаясь.

— Судя по всему, вы тот самый джентльмен, что мне звонил.

— Да.

— Очень интересно.

— Что именно?

— Вы. У меня есть одно хобби, в котором я стал уже профессионалом.

— И что это за хобби?

— Пытаюсь по голосу определить внешность человека. Вы именно такой, каким я вас себе представлял, просто удивительно, даже одеты так, как я думал. Но... — Он замолчал.

— Но?..

— По вашему лицу я вижу, что дело, с которым вы пришли ко мне, не терпит отлагательств. По телефону я этого не услышал. Вот что странно.

— Вы так уверены в серьезности моей просьбы? — спросил Майкл, потрясенный проницательностью Рудзински.

— Да, — с важностью ответил тот. — Так что я могу для вас сделать? Вы, помнится, говорили что-то о переводе.

— И вы сказали, что сможете его выполнить.

— Да, если я правильно вас понял. Можно взглянуть?

Майкл залез в карман и извлек изрядно помятый листок бумаги, на который Элисон переписала буквы. Положил его на стол, разгладил ладонью и передал сгоравшему от любопытства профессору. Тот подвинул поближе лампу и пробежал текст глазами.

— Очень интересно. Форма ранней латыни, употреблявшаяся за 300—400 лет до правления Цезарей. Ее можно обнаружить лишь в очень древних рукописях.

«Откуда Элисон выкопала это?» — изумился про себя Майкл, а вслух спросил:

— Вы сможете перевести текст?

Рудзински явно оскорбился и с возмущением ответил:

— Естественно. По сравнению с другими древними языками и диалектами это довольно просто. На самом деле, если у вас найдется несколько свободных минут, я могу сделать перевод прямо сейчас. Это недолго.

— Я располагаю вечностью.

Рудзински извлек из ящика стола желтый блокнот, отточил карандаш и с энтузиазмом принялся за работу.

Она заняла у него около десяти минут, в течение которых Майкл беспокойно ерзал на стуле, разглядывал корешки книг.

— Готово? — спросил Майкл через некоторое время.

— Да, еще одно слово... думаю, вот так... и все! Остальное — повторение первого куска.

Майкл в нетерпении подался вперед. Рудзински зачитал:

*«Судьбою предначертано тебе
Блаженный край сей неустанно охранять
От зла вторженья или приближенья».*

— Это все? — удивленно произнес Майкл.

— Да, — ответил профессор.

— Но страница была...

Рудзински перебил его:

— Фраза повторяется пять раз.

— Понятно. — Майкл кивнул. — «Блаженный край». Что это означает?

— Не знаю, — пожал плечами профессор. — Но меня не оставляет ощущение, что это мне знакомо.

— Да?

— Возможно, отрывок из какого-то литературного произведения, по крайней мере так говорит мой внутренний голос.

— Из какого произведения?

— Вот этого не могу вам сказать. Я лингвист, а не литературовед.

— Спросите у внутреннего голоса.

— У американцев своеобразное чувство юмора, — заметил Рудзински без тени улыбки на лице. — По правде говоря, я читаю крайне мало из того, что написано не на латыни, древнегреческом, древнееврейском или китайском. А этот отрывок явно взят не из произведения, с которым я хорошо знаком.

— А кто может это знать? Кто-нибудь с факультета литературы?

— Может быть. Но скорее всего вы там сейчас никого не застанете: пятница. Подождите минутку. — Он заглянул в список. — Мистер Шеффер или мистер Паулсон могут быть в курсе. — Он повернулся и взял телефонную трубку. Набрал номер, подождал немного, набрал еще раз, снова подождал, затем повесил трубку, убедившись, что нужного человека на месте нет. Снова заглянул в список и набрал другой номер. Там тоже никого не оказалось.

Майкл встал и принялся шагать по комнате.

— Откуда вы взяли этот текст? — заинтересовался профессор.

— Откуда? Из одной старой книги.

— Можно взглянуть?

— У меня нет ее с собой.

— Жаль. Она могла бы пригодиться. А почему бы нам не поступить так? Оставьте перевод у меня до понедельника, а я поговорю с кем-нибудь, кто сможет определить, откуда взят отрывок, если это действительно кусочек какого-либо литературного произведения. И я вам позвоню.

Майкл кивнул. Выбора у него не было, хотя перспектива ждать ответа до понедельника не особенно ему улыбалась.

— А вы не знаете, у кого еще можно было бы спросить? Это очень важно.

— К сожалению, нет.

Майкл взял перевод и переписал его. Затем сложил листок втрое и вместе с оригиналом положил в карман.

— Спасибо за помощь. Вот мой телефон. Если что-нибудь выясните в понедельник, позвоните, пожалуйста.

Рудзински положил листок с номером в карман. Когда Майкл повернулся, чтобы уходить, он улыбнулся и произнес:

— Рад был оказаться вам полезным.

19

Такси остановилось на углу 50-й улицы. Майкл вышел, хлопнул дверцей и поднял глаза на массивное старое здание, занимающее целый квартал между 50-й и 51-й улицами. Золотые буквы над входом слагались в слова: «Управление нью-йоркской епархии».

Церковь была совсем небольшой.

Священник преклонил колени пред алтарем, сложив руки и наклонив голову.

Если не считать тихого его бормотания, в зале царил тишина. Священник полностью сосредоточился на молитве. Даже звук открывшейся и закрывшейся входной двери не нарушил его внимания.

Майкл подошел к передней скамье и сел.

Священник проговорил последние слова молитвы, прекрестился и встал.

— Монсеньор Франкино? — спросил Майкл.

Священник кивнул.

— Чем могу быть полезен, мистер Фармер?

— Я пришел попросить вашей помощи, — ответил Майкл и, помолчав, добавил: — Надеюсь, я не помешал вам?

— Нет, — уверил его священник. — Меня предупредили о вашем приходе. Может, пройдем ко мне в кабинет?

Они покинули церковь, поднялись по ступенькам на первый этаж и пошли по заполненному народом коридору.

— Церковь поддерживает многих своих служителей, покинувших по тем или иным причинам приходы или монастыри, — пояснил монсеньор Франкино. — Помогать людям, посвятившим свою жизнь служению Господу нашему Иисусу Христу, — наш долг.

Монсеньор остановился напротив кабинета и, открывая дверь, спросил:

— Кто конкретно вас интересует?

— Отец Мэтью Галлиран.

Франкино подошел к столу, обернулся и задумался. Судя по всему, имя это ни о чем ему не говорило.

— Отец Мэтью Галлиран?

— Да, Галлиран. Г-А-Л-Л-И-Р-А-Н.

Священник подвинул кресло и сел, жестом приглашая Майкла занять стоящий напротив стола изящный стул.

— Галлиран? — переспросил священник. — Нет, это имя мне незнакомо.

— Его адрес: дом № 68 по 89-й улице, он живет на пятом этаже.

— Я загляну в картотеку.

Монсеньор Франкино поднялся и подошел к шкапам. Достал папку с буквами А—Г. Вернулся к столу, просмотрел ее содержание и извлек нужный документ.

— Мэтью Галлиран, — зачитал он. — Да, что-то припоминаю. Его делами я занимался много лет назад. Видите ли, большинство расчетов производится не здесь. В этом кабинете они лишь систематизируются и хранятся, чтобы вся работа могла выполняться автоматически. Так, дайте взглянуть... Мэтью Галлиран. Проживает в доме 68 по 89-й улице, квартира 5-А. Очень милый человек, насколько я помню.

— К сожалению, не знаю, — сказал Майкл. — Никогда его не видел. Так же, как и агента по сдаче квартир, и теперешнего домовладельца.

— Мистер Фармер, ваши клиенты должны стараться поддерживать хоть какой-то контакт с жильцами.

— Лишь в том случае, если жильцы сами стремятся к этому. Святой отец, похоже, предпочитает общению открывающийся из окна вид.

— Ясно. — Монсеньор Франкино вновь заглянул в папку. — Но это должно быть несколько затруднительно для него. Согласно документам, отец Галлиран слеп.

— Я хотел сказать, что он сидит у окна сутки напролет.

Священник кивнул, удовлетворенный поправкой. Он продолжал просматривать записи.

— Родственников не имеет. В течение многих лет был пастором в церкви Ангела Небесного во Флашинге, Куинз. Покинул службу в 1952 году, после того как приход был распущен, а церковь снесена. Судя по всему, его решение было вызвано частичной потерей подвижности, следствием паралича. Вот поэтому он и вынужден сейчас вести сидячий образ жизни. Отец Галлиран прожил трудную жизнь.

Франкино порылся в столе, достал компьютерную распечатку, внимательно проглядел ее и обвел что-то красным карандашом.

— Как видите, этот документ позволяет заключить, что ваш клиент ошибся. — Он передал лист Майклу. — Все платежи за квартиру внесены исправно.

Майкл бросил взгляд на бумагу.

— Но в принципе ошибка возможна?

Франкино покачал головой.

— Вряд ли. То есть абсолютно исключена. Как я уже говорил, наша работа великолепно отлажена.

— Не представляю, как домовладелец мог так ошибиться. — Майкл вернул ему лист. — Примите мои извинения, право, мне очень неловко.

Монсеньор Франкино улыбнулся с деланной сердечностью.

— Что вы, что вы! Домовладельцы часто не слишком аккуратно ведут счета. Но Господь Бог заботится о том, чтобы ошибки были исправлены.

— Не сомневаюсь, — согласился Майкл. — Могу я на секунду взглянуть на досье священника?

Франкино заколебался, затем передал ему папку.

Майкл откинулся на стуле, прочел документ и вернул его монсеньору.

— Вы не располагаете больше никакой информацией об этом человеке?

— Нет. Но даже если бы и располагал, зачем она вам?

— Обыкновенное любопытство. В течение многих лет я тесно связан с домовладельцем и с особняком, но ничего не знаю об этом давнем жильце.

— У меня ничего нет.

— Я прослежу, чтобы счета были исправлены. — Майкл поднялся.

— Буду вам очень признателен, — отозвался Франкино.

— Есть еще одна вещь, я хотел бы просить у вас совета.

— Да?

— Вот эту фразу я перевел с латыни. И подумал, что она может быть вам знакома — отрывок из какого-то религиозного текста или что-то в этом роде. — Он протянул листок монсеньору.

Монсеньор Франкино взял бумагу и поднес к глазам. Он побледнел и стиснул губы. Узнал! Без сомнения, узнал! Но священник быстро взял себя в руки.

— Нет, я не знаю.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

— Судя по стилю, это что-то религиозное.

— И да, и нет. Скорее всего нет. В любом случае прежде я этого никогда не видел.

— Что ж, — сказал Майкл уходя. — Простите за беспокойство.

Священник запер дверь и застыл на месте. Он нервно пощипывал колечки седых волос на тыльной стороне своих веснушчатых рук. Затем его охватила дрожь. Он перекрестился и отступил назад.

Лицо его исказила гримаса страха.

20

Погруженный в мысли об отце Галлиране и монсеньоре Франкино, Майкл быстрым шагом пересек холл и отпер дверь своей квартиры.

— Я тут зашел... — Он осекся, в глазах его сверкнула ненависть. — Что вы тут делаете? — разгневанно спросил он.

— Неплохая квартирка, — заметил Гатц. Он стоял у письменного стола Майкла и крутил в руках золотую авторучку. Рассмотрел ее со всех сторон, прочитал название фирмы и положил на место.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Мне нравится цвет обоев. Стиль мебели. Я как раз говорил мисс Паркер, что после того, как столько лет живешь в пансионе — а я, знаете ли, полицейский, ищайка, к тому же в свое время меня чуть не турнули со службы, так что особо много я не зарабатываю и не могу себе позволить большего, — так вот, когда попадаешь в такое место, то это, поверьте, впечатляет.

— Что вам надо?

Гатц поковырял в зубах пластмассовой зубочисткой.

— Я рад, что вы вернулись. Я терпеливо ждал вас целых, — он взглянул на часы, — целых полтора часа, которые оплачиваются городской казной. Сказать по правде, я уже собирался уходить. — Он сунул зубочистку в карман рубашки.

Элисон, сгорбившись, застыла на кушетке.

— Я вас не держу, — сказал Майкл. Он бросил ключи на обеденный стол и прошел в гостиную.

— Но я не собираюсь уходить. Это было бы признаком дурного тона.

— Пожалуйста. От вас никто не ожидает демонстрации светских манер. Я даже провожу вас к лифту.

— Вы так внимательны и чутки, что порой я просто восхищаюсь вами. — Гатц обернулся. — А это детектив Риццо. По-моему, вы незнакомы.

— К счастью, нет, — сказал Майкл, взглянув на бесстрастно стоящего в сторонке детектива.

Риццо переложил пачку бумаг из левой руки в правую и протянул ее Гатцу.

— Не сейчас, — отмахнулся тот.

— Что вам надо? — нетерпеливо спросил Майкл.

— Да ничего особенного. Хотел немного поболтать. Чисто по-дружески. — Гатц вынул из кармана судейский молоточек и стукнул им по столу. — Хорошее дерево, — заметил он и, обойдя стол, уселся в кресло, задрал ноги на ореховый стол. — Сегодня утром мы с Риццо были в Томбсе, и я не мог не вспомнить об отважном адвокате, у которого в свое время было очень много друзей за решеткой. Его грязные делишки до сих пор пахивают. Помните запах?

— Уберите свои ноги с моего стола! — оборвал его Майкл.

Гатц помедлил, достал сигару и лишь затем опустил ноги.

— Риццо, я никогда не рассказывал тебе о мистере Фармере? В свое время знаменитому адвокату не понравилось то, как полиция содержит зверей в клетках. Судя по всему, ему вообще не нравилась полиция. Ох, как выступал этот парень на суде! Он умел быть крутым — после того как кто-то другой делал за него всю грязную работу. Да, он был добросовестным и, несомненно, честным, если забыть о том, что он брал взятки у всякой шантрапы. — Гатц растянул губы в улыбке. — Так и не удалось мне доказать существование взяток. — Он обернулся к Майклу. —

Но это дело прошлое. Майкл Фармер прошел долгий путь! — Гатц поднялся, обошел вокруг стола и встал посредине комнаты. — Неудобное кресло. Надеюсь, вы не будете возражать, если я постою.

— Я не буду возражать, если вы умрете.

— Вы как-то однобоко мыслите. Смерть да смерть... Это опасно для здоровья.

— Оставьте свой идиотский юмор! Говорите, что хотели, и убирайтесь или просто убирайтесь, ничего не говоря!

Гатц поднял руки, словно защищаясь.

— Я просто хотел немного поболтать, вот и все. — Он обернулся к Риццо. — Разве не так?

— Да, сэр.

— Так говорите же!

— Хотел я поболтать на некоторые темы, представляющие на сегодняшний день интерес... К примеру, о трупe, найденном на пустыре в верхней части Вест-Сайда. Вам интересно?

— Нет.

— Ну что вы? На мой взгляд, это необыкновенно интересная тема! Что может быть интереснее мертвеца?

Майкл молча смотрел на него.

Гатц продолжал:

— Частный детектив Вильям Бреннер. Семнадцать ножевых ранений. Представьте себе, совершенно мертв! Жутко изуродован.

— И что из этого?

— Насколько мне известно, мистер Бреннер занимался какими-то странными делишками. Контрабанда наркотиков. Поджоги. Убийства. Довольно редкое призвание, вы не находите?

Риццо вытащил из пачки фотографий одну и передал ее Гатцу. Тот подошел к Майклу и ткнул снимок ему в лицо.

— Обратите внимание на характер ранений. Они произведены ножом, заточенным с одной стороны. Убийца — правша. Взгляните на лицо жертвы. Он не умер от удовольствия! Вы знали его, не так ли?

— Нет, — ответил Майкл.

— Конечно же, нет! Что может быть общего у экс-помощника окружного прокурора с парнем, которому полиция пытается прищемить хвост в течение пяти лет!

— Вы разочарованы?

— Само собой. — Гатц нахмурился. — Рано или поздно его бы поймали. Какая неприятность, что кто-то успел шлепнуть его до того. Кровь мистера Бреннера первой группы, РОЭ — отрицательный. Не правда ли, интересно?

— Вы неправильно выбрали профессию. Вам следовало стать вампиром.

Не обращая на Майкла внимания, Гатц продолжал:

— А будет еще интересней, когда проведут ее полный анализ и сравнят с той кровью, которая была найдена на мисс Паркер. Мы все знаем ее историю. Она до сих пор не отказывается от своих слов. Правильно?

— Да, — тихо произнесла Элисон.

— Теперь давайте сопоставим это с подноготной некоторых действующих лиц и добавим главный ингредиент, которого до сих пор не хватало, — труп. Как вы думаете, что получится? Убийство. Или что-то вроде этого. Теперь обратимся к особе по имени Джоан Логан. Довольно симпатичная. Как мне говорили, не лишена сексуальной привлекательности. На любителя, знаете ли.

— На очень большого любителя, — добавила Элисон.

— Она была агентом по сдаче жилых помещений.

— Была? — переспросила Элисон.

— Была, — отрезал Гатц. — Похоже, мисс Логан исчезла с лица земли. Нет никаких свидетельств ее существования. За исключением регистрации агентства в бюро патентов. Судя по всему, она жила в вакууме и в один прекрасный день решила исчезнуть — или была удалена насильно.

— В какой день? — спросила Элисон, заранее зная ответ.

— Скорее всего в тот самый день, когда в нашем общем друге Бреннере кто-то понаделал дырок, — ответил Гатц.

— Это просто совпадение. В нашем городе каждый день кто-нибудь исчезает.

Майкл присел на кушетку рядом с Элисон, обнял ее за плечи и прижал к себе, стараясь унять ее дрожь.

— Факты говорят: никакого совпадения, а факты никогда не лгут. — Гатц ухмыльнулся и пошел к двери, на прощание помахав Элисон рукой. Риццо последовал за ним.

Элисон неподвижно сидела на кушетке. Очередная новость. Джоан Логан пропала. Почему? А этот детектив? Неужели она его убила? Как он оказался на пустыре? «Отец» и две голые женщины отвезли его туда? А что он делал в особняке посреди ночи? Ни на один вопрос ответа не было; каждый из них порождал лишь новые вопросы.

— Куда могла исчезнуть мисс Логан, и почему нет никаких свидетельств ее существования? — еле слышно спросила она.

— Не знаю, — ответил Майкл. Нервы его были на пределе.

— А тот детектив, как он...

Майкл не дал ей договорить:

— Тот детектив не имеет никакого отношения к делу. — Он нежно погладил ее по голове и поцеловал в лоб.

Элисон разрыдалась.

Майкл посмотрел по сторонам: ни со стороны 50-й улицы, ни со стороны 51-й никто не приближался. Тогда он открыл коричневые железные ворота и скрылся за ними. Было очень поздно, около четырех. В свете молодого месяца предметы отбрасывали короткие и почти незаметные тени.

Тихонько крадучись вдоль здания, Майкл поднял глаза на окна первого этажа с тяжелыми железными решетками. Его не покидала мысль, что именно за то, чем он сейчас занимается, он лично отправил в тюрьму бесчисленное множество преступников. Подумать только: его, Майкла Фармера, схватят с поличным во

время кражи со взломом, и не где-нибудь, а в нью-йоркской епархии. Он подполз к четвертому окну, достал из кармана зубило и безуспешно попытался расковырять цемент у основания решетки. Но прутья вдавались слишком глубоко в стену: придется поискать другой путь в здание. Майкл взглянул на окна второго этажа; они располагались футах в восьми над землей. Нужное окно находилось непосредственно над его головой. Он встал ногами на нижний выступ стены, уцепившись за карниз. Переступил на следующий выступ и подтянулся на руках; теперь окно было в пределах досягаемости, подбородком он уперся в карниз. Просунув зубило под нижний край рамы, Майкл принялся ожесточенно распатывать ее. Стекло задрожало, посыпалась краска. Рама потихоньку поддавалась; подняв ее до половины, он вжался в стену, спрятал зубило и залез внутрь. Затем закрыл окно и задернул шторы. Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, достал из кармана фонарь и направил его луч на стену. В круг света попала часть распятия. Майкл замер. Фигура Христа была божественно-прекрасна. Он повернул фонарь, рассмотрел еще раз портреты папы и кардинала, затем на цыпочках подошел к картотечным ящикам, откуда монсеньор Франкино доставал днем папку. Они не были заперты. Майкл отыскал ящик с буквами А—Г, быстро открыл его, изучил содержание и вынул папку со сведениями об отце Галлиране. Еще раз перечитав бумаги, он не нашел ничего интересного и убедился, что ничего нового с сегодняшнего утра там не прибавилось. Он положил папку на место и пролистал несколько стоявших рядом, затем тихонько задвинул ящик, на цыпочках пересек комнату и подошел к несгораемому шкафу. Достал из кармана тряпочку и обернул ею ручку зубила. Вставил зубило рядом с двойным замком, схватил со стола тяжелое пресс-папье и несколькими сокрушительными ударами разнес хитроумный механизм.

Шкаф был тоже заполнен папками, снабженными табличками и, по всей видимости, не имевшими отношения к делу. На одной из них, лежавшей у самой стены, было написано: «Вильям О'Рурк Мэтью Галлиран».

Майкл вынул папку, положил на стол и, усевшись в кресло Франкино, раскрыл ее. Она состояла из двух отделений. Первое было посвящено Вильяму О'Рурку, второе — Галлирану. Майкл решил ознакомиться сперва с материалом об отце Галлиране. Он ничем не отличался от сведений, содержащихся в прежней папке, за исключением того, что в левом верхнем углу была приклеена фотография сухонького старичка, видимо, самого слепого священника. Майкл как следует осветил снимок фонарем. На него смотрело изможденное морщинистое лицо. Особенно жуткое впечатление производили глаза: прозрачные и круглые, они обладали какой-то странной притягательной силой. Майкл внутренне содрогнулся и перевернул страницу, чтобы не смотреть на фотографию. В материалах была изложена биография священника с 1952 года — и никакой информации, относящейся к более раннему периоду.

Наморщив лоб, Майкл взял бумаги О'Рурка. Решил было бегло просмотреть их, но остановился, потрясенный. В этих бумагах

излагалась история жизни Вильяма О'Рурка, учителя из Бостона, родившегося в Броктоне, штат Массачусетс, в 1891 году. Ничего необычного, за исключением подробного описания попытки к самоубийству. Настораживала конечная дата. 1952 год. Был там и полицейский документ, датированный 12 июля 1952 года, сообщающий об исчезновении человека по имени Вильям О'Рурк. И фотография. Хотя изображенный на ней человек был молод, румян, с живыми выразительными глазами, роскошной светлой шевелюрой, без всякого сомнения, это был отец Галлиран.

Майкл размышлял, еще не понимая всего значения и важности информации, которую только что узнал. Он вытащил из папки еще один листок бумаги. Документ, удостоверяющий право владения Дэвида Карузо на дом № 89. Без сомнения, Франкино знал его или о нем, и, без всякого сомнения, он знал, что Майкл не является поверенным домовладельца, так что вся их беседа была спектаклем.

Майкл еще раз быстро перелистал двойную папку, положил обратно документы и убрал ее в ящик. Затем погрузился в чтение остальных. Первая была озаглавлена: «Эндрю Картер/Дэвид Спинетти». Все повторялось. Биография отца Спинетти, священника-иезуита, от июня 1921 года по 9 июля 1952 года — дня начала биографии отца Галлирана. Во втором отделении папки — обширное досье на человека по имени Эндрю Картер. Родился в 1863 году, большую часть жизни был профессиональным военным; участвовал в испано-американской войне, в первой мировой войне в качестве офицера французской армии, а еще раньше был наемником во время русско-турецкой войны, сражался на стороне турок. Ко дню своего исчезновения, 25 декабря 1921 года, ушел в отставку и работал инструктором в военной академии. Кроме этого, в папке были две фотографии — отца Спинетти и Картера, которые определенно являлись одним и тем же лицом, а также подробное описание предпринятых Картером двух попыток самоубийства.

Майкл отложил папку в сторону, открыл следующую. На ней было написано: «Мэри Торен/Анжелика». И вновь та же история. Мирянка, превратившаяся в монахиню. Попытка самоубийства.

Значит, пришел к выводу Майкл, через определенные промежуточные времени люди исчезают с тем, чтобы возродиться с полностью сфабрикованными церковными биографиями. Вопрос в том — зачем? И почему эти документы столь надежно спрятаны?

Он вновь обратился к папкам. Следующая была на французском языке, которого он не знал. Затем — несколько штук на немецком, снова на французском. Единственная информация, которую он смог отсюда выудить, — это даты. Они восходили по крайней мере к 731 году.

Майкл положил папки на стол и пошарил лучом фонарика по комнате в надежде отыскать еще что-либо, представляющее интерес. Ничего не обнаружив, открыл один за другим все ящики стола. Тоже ничего. Но средний ящик справа был почему-

то заперт. С помощью зубила Майкл вскрыл его. Кроме картонной папки, похожей на те, что лежали в нескороаемом шкафу, в ящике ничего не было. Майкл взял ее в руки и остолбенел от ужаса. Надпись на папке гласила «Элисон Паркер/Тереза». Дрожащими руками он раскрыл ее. В отделении, посвященном Элисон Паркер, содержалась ее биография вплоть до 19 декабря 1973 года, включая подробный рассказ о попытках самоубийства, ее отходе от церкви, описание событий, сопутствующих смерти Карен Фармер, и отчет о его собственных действиях в течение последних трех лет. В отделении, посвященном Терезе, была история жизни монахини, начинавшаяся 19 декабря 1973 года.

Сегодня 18 декабря. Майкл внимательно изучил документы и рассмотрел приложенную к ним фотографию Элисон. Затем закрыл папку и положил поверх остальных. В комнате вдруг стало душно. Сидя в кресле, уставившись в одну точку, он постепенно осознал, что обнаружил нечто очень важное и одновременно ужасное. Но до конца понять, что происходит, он был не в состоянии.

Церковь связана со старым священником, с Элисон, против которой замыслилось что-то дьявольское. Почему? Этого он не знал. Где? Это он знал. В особняке на 89-й улице. Когда? Это он тоже знал. Завтра. Возможно, Чейзен и все остальные вовсе не померещились ей. Возможно, они являются частью этого чудовищного плана.

Майкл уткнулся лицом в ладони; что бы ни произошло, он обязан помешать этому. Ради спасения Элисон и ради своего собственного спасения.

Он потушил фонарь, схватил папки, на ощупь пробрался к окну и выпрыгнул в темноту.

22

Утро выдалось безоблачным и по-зимнему сверкающим, что довольно редко случается в Нью-Йорке в эту пору года. Майкл спешил к дому Дженнифер. Он очень нуждался в помощи и надеялся, что Дженнифер ему поможет, в точности выполнит все его указания и не проболтается. Ведь она — лучшая подруга Элисон.

Майкл вошел в квартиру, торопливо поздоровался с Дженнифер, стоявшей в дверях, выложил содержимое своего кейса на обеденный стол, вкратце рассказал о происшедших в особняке событиях и объяснил, сколь велика важность этих документов.

— А кого же она все-таки зарезала? — спросила Дженнифер, приближаясь к нему из дальнего угла роскошно обставленной гостиной.

— Я не знаю, — сказал Майкл, прекрасно зная, что этим несчастным, продырявленным, как решето, был Бреннер, не вовремя вошедший в квартиру. — Я полагаю, ей померещилось убийство. Не забывай, она была на грани истерики с того момента, как проснулась и услышала шаги.

— Почему бы нам не пойти в полицию? — предложила Дженнифер.

— Нет-нет, — торопливо возразил он, перебирая бумаги на столе. — Давай попробуем на минутку поверить во все это. Элисон перестанет быть самой собой и превратится в кого-то другого.

— В сестру Терезу?

— Да в кого бы то ни было!

— В монахиню, — уточнила Дженнифер.

Майкл кивнул. В монахиню или не в монахиню, ситуация не становилась от этого менее абсурдной. Но раз он решил поверить во все это, придется принимать правила игры, какими бы нелепыми они ни казались.

— А Галлиран? — снова спросила Дженнифер.

— Судя по всему, он тоже исчезнет, а Элисон в обличье сестры Терезы займет его место.

Дженнифер глубоко затянулась сигаретой.

Майкл подвинул к себе перевод и зачитал:

«Судьбою предначертано тебе

Блаженный край сей неустанно охранять

От зла вторженья или приближенья».

— Несомненно, это обращено к Элисон. Ее готовят к участи какого-то стража. Отец Галлиран, если продолжать следовать нашему допущению, — тоже страж.

Они молча перелистывали папки.

— А как насчет ее отца и всех остальных, кого она видела в том доме?

— Думаю, это были видения. Возможно, их вызвала к жизни ее давняя ненависть к отцу.

— Возможно.

— Сцена их борьбы явилась отражением событий прошлого. Другого логического объяснения я не нахожу. Что это было? Галлюцинации? Кошмар? Помешательство? Выбирай. Я не знаю, как это назвать. А что касается Чейзена и компании... Думаю, они действительно там были. Ее могли загипнотизировать. Это многое объясняет.

— Майкл, — перебила его Дженнифер, — все это прекрасно, но каким образом ты собираешься остановить их?

— Пока не знаю, но я сделаю это. Согласно бумагам, все произойдет завтра. Я намерен занять пост у особняка начиная с двенадцати ночи. И будь я проклят, если позволю кучке религиозных фанатиков уничтожить Элисон! У меня есть план. Сегодня вечером я приведу ее сюда. Ты устроишь вечеринку. Сядь на телефон и пригласи всех, кого только можешь. Зови гостей к десяти, чтобы к нашему приходу здесь уже было полно народу. Я хочу, чтобы все время, пока я буду в особняке, Элисон окружали люди. — По лицу Дженнифер он понял, что она согласна. — И проследи, чтобы она никуда не выходила! Что бы ни случилось, держи ее здесь!

— А если ей станет плохо?

— Я оставлю тебе телефон врача. Он сразу же придет.

Дженнифер неуверенно кивнула, выбора у нее не было.

Майкл брел по Мэдисон, не обращая внимания на сверкающие витрины, затем свернул на 71-ю улицу и остановился на углу, глядя на серую каменную ограду Централ-Парка. Никого. Лишь пожилой джентльмен в шляпе сидел на скамейке с тростью в руках.

Майкл поворошил ногой опавшие пожухлые листья. Роль героя не для него. Он произнес про себя: «Мистер Гатц, я хочу, чтобы вы умерли». Затем завернул за угол и вошел в дом.

— Добрый вечер, — поздоровался привратник.

— Хэлло, Джордж. — Майкл торопливо шел по вестибюлю.

— Мистер Фармер!

— Да?

— Только что к вам в квартиру поднялся какой-то человек.

— Кто?

— Не запомнил его имени.

На мгновение задумавшись, Майкл отрывисто спросил:

— Как он выглядит?

— Эдакий коротышка с огрызком сигары в зубах.

— Черт бы вас побрал! Зачем вы впустили его?

— Мисс Паркер велела, — растерялся Джордж.

Майкл покачал головой и повернул к лифту. Остановился и оглянулся через плечо.

— Его фамилия Гатц. Детектив Гатц.

— Да, сэр.

— Запомните это имя. И никогда больше не позволяйте ему входить сюда без моего согласия.

— Да, сэр. Я понял.

Майкл нажал кнопку с надписью «Вверх». Подождал. Двери лифта раскрылись, и оттуда вышел Гатц. Завидев Майкла, он остановился и шагнул обратно в лифт.

Майкл замер в нерешительности. Подошел другой лифт, двери его раскрылись. Он проскользнул внутрь мимо выходящего маленького мальчика. Гатц выскочил из своего лифта и ловко сунул руку меж закрывающихся дверей. Двери вновь разъехались.

— Скотина! — заорал Майкл, с трудом сдерживаясь, чтобы не броситься на сыщика.

— Как невежливо, — осклабился Гатц в ответ.

Майкл попытался проскользнуть к дверям, но Гатц быстро среагировал: он закрыл собой дверь, схватил Майкла рукой за горло и затолкал его обратно.

Лифт дрожал, казалось, что тросы вот-вот оборвутся. Детектив приблизился к Майклу.

— А теперь уйми свою задницу!

— Ордер у вас есть?

— Нет.

— Тогда уйми свою.

— Разве для беседы нам нужен ордер?

Майкл попытался нажать на кнопку, но Гатц ударил его по руке и плечами загородил панель.

— Успокойся, приятель, — посоветовал он.

— Сам успокойся и убери руки. — Майкл отодвинулся от него. — Что вам надо от Элисон?

- Ничего.
- Тогда что вы здесь делаете?
- Вас хотел повидать.
- Чтобы поболтать по-дружески?
- Как вы догадались?
- Мне неинтересно болтать с вами.
- Еще как интересно! — Гатц повысил голос.

Майкл бросил на него злобный взгляд и опустил занесенный кулак.

— Не могу устоять перед вашим обаянием, — наконец выдал он.

— С того самого момента, когда я впервые услышал, как вы мелете своим длинным языком, я не переставал подозревать вас, — начал Гатц. — Ни на минуту. У меня есть несколько фактиков — и никаких доказательств. Я могу лишь догадываться, что и зачем вы собираетесь делать. Но мой нос говорит мне...

— А ваш чертов нос никогда не ошибается. Я слышал это уже тысячу раз.

— Я нашел завещание Эндрю Паркера. Большое состояние — и почти все он оставил горячо любимой доченьке. Аппетитная сумма. Это, конечно, любопытно, но ведь люди довольно часто получают от отцов крупные суммы денег в наследство.

— И что из этого?

— Что из этого? Это очень интересный факт. Может, именно поэтому вы хотите избавиться от девчонки или напугать ее до смерти?

— В жизни ничего более нелепого не слышал! Если бы я затеял нечто подобное, то для начала женился бы на ней. А теперь, дружище, я выхожу из лифта.

— Как бы не так! Я не мог до конца разобраться в этом деле, пока мне не позвонил наш осведомитель. Я просил его осторожно навести справки о прошлом Бреннера. Покопавшись в грязи, он отыскал именно то, что мне было нужно. В феврале 1969 года мистера Бреннера попросили кого-то убрать. Ему хорошо заплатили. Если мне не изменяет память, именно тогда миссис Фармер убила сама себя?

— Заткнись, придурок. Сюда тебе лучше не соваться! Что, козел, снова захотел в Бруклин, гонять со скамеек дрыхнувших бродяг?

Гатц улыбался.

— Мои ребята так и не выяснили, ни кого должны были убить, ни с кем он заключил сделку. Но я это знаю.

— Ничего вы не знаете.

— Да знаю же, знаю. Мой осведомитель выяснил, что недавно то же самое лицо вновь наняло Бреннера для проведения некоего «расследования». Какого рода «расследования», он пока не знает, но пыгается выяснить. Обычно тишье вроде Бреннера оставляют какую-нибудь информацию о том, чем они занимаются, на случай, если их обманут. Просто понадобится время, чтобы найти ее.

— Меня не интересуют криминалистические изыски.

— Сразу видно блестящего юриста!

— И я не понимаю, о чем идет речь.

— На мой взгляд, я достаточно ясно выразился.

— Боюсь, что ваши способности к дедукции так ослепили меня, что я не сумел ухватить сути обвинения.

От возмущения Гатц подпрыгнул на месте так, что чуть не пробил головой потолок лифта. Он вытащил изо рта сигару и швырнул ее в угол.

— Что ж, объясню. Вы убили свою жену, наняв для этого Бреннера. Вот откуда ваше безупречное алиби. Но я насквозь видел все ваши козни, я и сейчас вижу их насквозь, только более четко.

— Я не знаю, о чем вы говорите. Не знаю никакого Бреннера и никогда никакого Бреннера не знал.

— Заткнитесь, я еще не закончил. Вы избавились от своей жены не только потому, что она не давала вам развода. Она пригрозила рассказать полиции о крупных взятках, которые вы брали. Затем вы обнаружили, что папаша вашей подруги Элисон Паркер богат и собирается оставить ей почти все, до последнего цента, так как свою старуху терпеть не может. Жадные люди никогда не меняют своих решений. Вы придумали, как завладеть деньгами. Вам нужен был человек, которому можно доверять, и вы вновь обратились к Бреннеру.

— Теперь все? — спросил Майкл.

— Нет еще! Бреннер появился в доме; выглядел он, как мертвый папаша, и мисс Паркер, которая, как мы знаем, находилась в состоянии тяжелого нервного расстройства, зарезала его кухонным ножом. Видите, она оказалась не столь беззащитной, как вы ожидали. Затем она принялась с воплями носиться под проливным дождем, а вы проникли в квартиру, вымыли кровь, спрятали тело и объявились на следующий день в качестве заботливого друга, надеясь, что неожиданный поворот событий вам не повредит. Так бы оно, наверное, и было, если бы не одна заковыка.

— Какая?

— Я. Вы не могли предположить, что к делу подключусь я.

— Вы, по-моему, спятили, — сказал Майкл. — Нельзя так много смотреть телевизор.

— Зря вы так. Телепередачи бывают порой крайне познавательны, — ухмыльнулся Гатц. Он был доволен, что ему удалось припереть Фармера к стенке.

— Позвольте задать один вопрос, мистер Гатц, — сказал Майкл. — Вы прекрасно знаете, что информация вашего осведомителя может быть представлена в суде, а это означает, что никаких доказательств у вас нет. Одни лишь домыслы, раздутые до немых размеров и до краев набитые чепухой. Вы будете последним безумцем, если предъявите мне официальное обвинение.

— Я найду ниточку, за которую можно потянуть, и обмотаю ее вокруг вашей шеи, пока вы не задохнетесь.

— Полагаю, теперь у вас все?

— Да.

Майкл нажал кнопку открывания дверей.

— Смотрите, не заработайтесь, — предупредил он.

Гатц вышел из лифта; Майкл поднялся на десятый этаж. Распахнул дверь квартиры и прокричал:

— Говорил я тебе не пускать эту чертову ищейку на порог? Ты что, ни черта не понимаешь?

Элисон, дрожа, вскочила с кушетки и замотала головой. Заметив, как она бледна, Майкл понизил голос. Последние несколько дней она выглядела немного лучше. А что сейчас? Неужели рецидив?

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он, кладя ей руку на плечо. Хотя вопрос был излишним.

— Ужасно, — сказала она.

— В чем дело?

— Я не знаю.

— Голова опять болит?

— Да, и кружится, и меня тошнит. Такое ощущение, словно я уже не могу управлять своим телом. — Она покачала головой. — Словно я уже вообще ничего не могу.

Майкл насторожился. Неужели это начало? Он поднял руку и провел пальцем по ее векам и щекам.

— Больно?

— Да.

— А здесь?

— Да.

— Глаза по-прежнему жжет?

— Да.

Майкл вглядывался в ее лицо. Теперь кожа стала сухой и безжизненной не только вокруг глаз, но и на щеках, и на кончике носа. Тончайшая сетка морщин затягивала лицо Элисон, врезаясь в нежную кожу. Это выглядело ужасно. Он понял, что битва началась, и ему пора вступать в нее. Больше некому.

Элисон потянулась и обняла его.

— Я люблю тебя, — шепнула она с горечью.

Сказать ей? Нет! Пусть она остается в неведении как можно дольше.

23

Майкл медленно брел по 89-й улице. Людей поблизости не было, стояла почти полная тишина. Казалось, жизнь покинула этот район, где сегодня должно было произойти нечто сверхъестественное. Ужас охватил его при мысли о том, что ему придется войти в таинственный дом.

Он начал переходить улицу, но вдруг остановился, поднял глаза и увидел неясную фигуру, маячившую в окне пятого этажа. Священник. Отец Мэтью Галлиран. Или Вильям О'Рурк? Интересно, он на самом деле слепой? Узнав о существовании заговора, Майкл сильно засомневался в этом. Возможно, слепота — лишь уловка, прикрытые, позволявшие старику целыми днями сидеть и безнаказанно пялиться в окно.

Собрав все свое мужество, он начал подниматься по лестнице, которая, казалось, уходила в бесконечность. В одной руке Майкл сжимал револьвер, другой вцепился в перила.

Элисон кричала, стиснув голову руками, она пошатнулась и упала бы, не подоспей вовремя Джек.

— Принесите льда кто-нибудь!

Элисон еле держалась на ногах. Все обернулись в их сторону.

— Быстрее же!

Махнув правой рукой, Элисон с трудом восстановила равновесие. Прижав ладони ко лбу, она пролепетала:

— Сейчас все пройдет.

Веселье замерло. Никто не двигался с места. Дженнифер бросилась к ней.

— Что с тобой? — встревоженно спрашивала она.

— Все в порядке, — неуверенно отвечала Элисон.

— Иди сюда. — Дженнифер подвела ее к дивану и усадила. — Я принесу лед.

— Не нужно. Сейчас все пройдет. Оставьте меня на несколько минут.

— Но, Элисон...

— Пожалуйста!

Дженнифер встала. Тридцать пар глаз — испуганных, растерянных — были прикованы к ним.

252 Майкл решил начать с квартиры номер 3-А. В уютном гнездышке Элисон он перевернул все вверх дном. Сорвал обивку с мебели в гостиной, опустошил все шкафы и выпотрошил ящики в поисках скрытых микрофонов, громкоговорителей и прочих технических приспособлений. Подобная участь постигла и спальню, здесь Майкл постарался даже еще больше, ведь в основном таинственные звуки раздавались именно в этой комнате. Единственной добычей явился слой пыли и штукатурки, покрывший его с головы до ног, отчего он стал похож на привидение.

Выйдя на лестничную площадку, Майкл взглянул на часы: двенадцать сорок пять. Он обдумывал план дальнейших действий. Можно подняться в квартиру священника, а можно остановиться где-нибудь посередине. Первое казалось более целесообразным, но на положительный результат здесь вряд ли можно было надеяться. Старик прежде ни разу не открывал дверь, вряд ли он откроет теперь — Майклу по крайней мере. Есть еще две представляющие интерес квартиры: 4-А и 5-Б. «Начнем с 4-А», — решил Майкл.

Элисон прижимала ко лбу пузырь со льдом. Гости вернулись к столам с напитками и закусками.

— Тебе лучше? — спросила Дженнифер.

— Да, гораздо, — еле слышно ответила Элисон.

— Подержи лед еще чуть-чуть. А попозже я постелю тебе в спальне.

Подошел Джек. Несколько мгновений он вглядывался Элисон в лицо, склоняясь над нею, затем обернулся к Дженнифер.

— А не позвать ли нам доктора?

— Я... Не надо, пожалуйста. Не надо доктора, — пыталась

выговорить Элисон. Слова звучали невнятно, словно губы и язык не слушались ее.

Джек смотрел на нее, не зная, как себя вести. Элисон силилась улыбнуться и вдруг вскрикнула:

— Голова!

Ледяный душу вопль наполнил комнату.

— Я... я не могу больше! Я...

Пузырь со льдом повалился на пол. Со всей силы сжимая руками голову, Элисон не переставала кричать, а Джек и Дженнифер пытались удержать ее бьющееся в судорогах тело. Рот конвульсивно открывался и закрывался, в уголках губ образовалась пена, язык провалился в глотку, она задыхалась.

— Разожми ей зубы и достань язык, — велела Дженнифер.

Джек засунул руку в рот Элисон, ее зубы тотчас сомкнулись на его пальце.

— Дайте мне ложку, быстро!

— Там, на столе!

Двое мужчин бросились за ложкой. Схватившись пальцами за нижние зубы Элисон, Джек тянул ее челюсть вниз, другой рукой нащупывал язык.

— Готово! — закричал он, вставляя ей в рот ложку и вынимая кровоточащую руку.

Неожиданно тело Элисон перестало содрогаться, она застыла и повалилась на пол лицом вниз.

Освещая себе путь фонарем, Майкл крался по коридору в гостиную. За поясом у него были отвертка и зубило, которые он прихватил с кухни Элисон.

Он устало присел на софу. Поиски ничего не дали. Достав из-за пояса отвертку, он вонзил ее в обивку, выдернул клочок ваты и швырнул его на пол. С каким наслаждением он разнес бы здесь все в щепки, но он сдерживался. Силы могли еще пригодиться.

Майкл пошарил фонариком по комнате.

— Черт побери, — шептал он. — Проклятое логово.

В этой гостиной произошла роковая ошибка, стоившая Бреннеру жизни. Вряд ли необходимо снова обследовать ее, скорее всего он ничего не найдет. Но это единственное, что он может сделать. Пока.

Майкл встал и принялся выворачивать ящики и разбирать паркет. Но ничего не нашел.

Он прошел в коридор и взглянул на часы, их тиканье громко раздавалось в тишине. Час сорок одна. Он уже почти два часа в особняке. Может, он ошибся и ничего не произойдет? Может, они все отменили, поняв, что он слишком до многого докопался?

Майкл начал подниматься на пятый этаж и тут услышал скрип двери. Он оцепенел от страха и покрылся холодным потом, кожей ощущая, что позади него находится нечто злое и ужасное. Надо бежать! Он скользил вниз по ступеням, держа в одной руке фонарь, в другой — револьвер.

Вдруг Майкл остановился. Его оцепеневший от ужаса мозг

пронзила мысль: а может, он сам выдумал этот тянувшийся с древних времен заговор кучки старых дураков и полоумных попов?

Он перестал дрожать, взял фонарик и осветил холл, лестницу, стены. Луч заплясал по новой деревянной панели.

Новая панель! Майкл подошел ближе. Да, выглядит довольно странно, надо проверить, что скрыто под ней. Задрал голову наверх, он оглядел края плиты, постучал по ней кулаком. Судя по раздавшемуся звуку, слой дерева был тонким и неплотно прижатым к стене. Возможно, он нашел место, где спрятаны громкоговорители или что-то в этом роде.

Майкл с громким треском заламывал доски и отшвыривал их в сторону, пока наконец под градом пыли и опилок последние куски дерева не полетели на пол, обнажив то, что скрывалось под ними.

Дженнифер тихонько открыла дверь, на цыпочках вошла в комнату и закричала. Джек лежал на полу с проломленным черепом. Из раны над правым ухом на пол стекала струйка крови. Лампа, стоявшая прежде на тумбочке у кровати, валялась рядом. Кровать была пуста, окно, ведущее на пожарную лестницу, распахнуто.

Гости столпились за спиной Дженнифер.

— Что случилось? — спросил кто-то.

Ответа не последовало.

254 Она подошла к телу Джека и опустилась на колени. Он шевельнул рукой. Дженнифер всхлипнула. Ей стало страшно. Джек лежит на полу без сознания, истекая кровью. Кто следующий? И куда скрылась Элисон?

Она схватила с тумбочки телефон и набрала одну цифру. Слезы текли по ее лицу.

— Соедините меня с полицией. Это очень срочно.

Майкл стер годами копившуюся пыль и стряхнул паутину с засохшими насекомыми. Отошел, поднял с пола фонарь, направил его луч на буквы, вырезанные в дереве, и прочитал:

Я увожу к отверженным селеньям,

Я увожу сквозь вековечный стон,

Я увожу к погибшим поколениям.

Был правдою мой зодчий вдохновлен:

Я высшей силой, полнотой всезнанья

И первую любовью сотворен.

Древней меня лишь вечные созанья,

И с вечностью пребуду наравне.

*Входящие, оставьте упования.**

«Спасибо, Данте», — прошептал Майкл и разразился хохотом. Подумать только: особняк на 89-й улице, в самом центре Нью-Йорка, является входом в преисподнюю! Где-то неподалеку должна быть и река Стикс!

* Здесь и далее перевод стихов М. Лозинского.

Он встал на колени. И похолодел. Кто-то стоял сзади и дышал ему в затылок, часто и сдавленно. Затаив дыхание, Майкл обернулся, светя фонарем и выставив вперед револьвер.

Прямо перед ним стоял отец Галлиран. Лицо было таким же, как и на фотографии в папке. Обтягивающую череп сухую кожу прорезали глубокие морщины. Бровей не было. Как и ресниц. Бесцветные вены и артерии раздувались под разлагающейся кожей, казалось, они вот-вот лопнут от непосильного напряжения. Завершали ужасный облик блеклые свалывшиеся волосы, покрытые комьями грязи, словно старый священник только что восстал из могилы, для чего ему пришлось продраться сквозь шесть футов сырой земли.

Майкл глотнул ртом воздух и обратил внимание на глаза священника. Их покрывали два огромных бельма.

Отец Галлиран был одет в длинную черную мантию; застежка под кадыком поддерживала складки иссохшей плоти, свисавшие с шеи. Мантия окутывала его всего, включая ноги. Руки, с острыми, как у хищной птицы когтями, были сцеплены на уровне груди и сжимали золотое распятие.

Священник не двигался. Майкл не вставал с колен. Глаза их были прикованы друг к другу.

Наконец священник разжал губы и издал еле слышный стон. Видимо, омертвевшие мышцы челюсти не способны были более образовывать слова. Голова начала медленно раскачиваться назад и вперед. Он явно обращался к Майклу. Еле заметными движениями головы отец Галлиран хотел сказать очень многое, но самое главное — предупредить, что ужас еще не начался и что остановить его наступление не может никто.

Старик вновь застонал, повернулся и побрел, держа крест перед собой.

Майкл достиг отца Галлирана на первых ступеньках лестницы. Схватил его за руки и направил луч фонаря в лицо, тщетно пытаясь развернуть его. Но старый священник сопротивлялся с неожиданной силой.

— Хорошо, приятель, — сказал Майкл, — пора и меня принять в свою игру.

Старый священник слегка повернулся в его сторону, вырвал руку, словно отгоняя назойливое насекомое, и отвернулся, полностью игнорируя присутствие Майкла. Он начал что-то тихо напевать на латыни.

— Я хочу знать, что здесь происходит! Кто за этим стоит? Кто является объектом всей этой вашей игры? Что вам надо? И, клянусь, если я не выясню этого, я сломаю крест о твою башку!

Священник добрался уже до третьего этажа. Он не обращал внимания на крики, на цепляющиеся за него руки, на искаженное лицо.

Майкл орал:

— Говори же, ублюдок! Говори или я проломлю тебе череп! Чейзен! Миссис Кларк! Все остальные! Откуда вы все знаете об Элисон? Ее отца? Обо мне?

Он снова тряхнул священника за плечи. Старик остановился

и медленно повернул голову. Широко раскрытые глаза его сверкали, их невидящий взгляд пронизывал до мозга костей.

Майкл отступил, не выдержав этого взгляда.

— Хочешь поиграть со мной? — грозно выкрикнул он. — Тогда позволь мне кое-что сказать! Я только что прочитал, что это местечко является входом в преисподнюю. А ты, значит, местное привидение. Поздравляю. Надеюсь, в вашей лавочке неплохая пенсия. Если нет, я обговорю условия.

Галлиран продолжал петь.

— Скажи же что-нибудь, ради Бога! — из последних сил прокричал Майкл.

Гатц выскочил из подъезда участка и поспешил вниз по ступеням. Лицо его было серьезно. Движения — решительны. Следовавший за ним полицейский открыл заднюю дверцу автомобиля и сел. Гатц расположился на переднем сиденье рядом с Риццо.

— Куда еще они могли пойти, кроме как к Лирсон, как ты думаешь? — спросил Гатц.

— Не знаю...

— Телефон прослушивается?

— Да.

Гатц сосредоточенно кивнул. Машина заурчала, взревела и сорвалась с места.

— Где она живет?

— В районе пятидесятих улиц.

— Езжай через парк, — велел Гатц.

— Хорошо, сэр.

— Риццо, — проговорил Гатц со значением, — у меня такое ощущение, что сегодня ночью что-то произойдет.

Не переставая петь, отец Галлиран отворил дверь и пошел по направлению к окну, у которого обычно сидел. Перед окном стояло старинное деревянное кресло. Выглядело оно крайне неудобным: острые углы, жесткое сиденье. Должно быть, для страдающего артритом старика было пыткой сидеть час за часом на твердом дереве, не меняя положения. Но, посветив вокруг фонарем, Майкл понял, что священнику не приходилось выбирать: другой мебели в комнате не было.

Продолжая держать крест в руках, старик сел и уставился в окно.

— Ублюдок! — заорал Майкл. — Ублюдок! Я сверну тебе шею голыми руками. Я вытрясу из тебя все.

Он обошел вокруг кресла и обхватил шею священника.

Кресло упало. Майкл и священник распластались на полу.

— Я убью тебя! — кричал Майкл, не выпуская старика. — Ублюдок! Ублюдок!

В сочившемся сквозь сероватое окно мягком свете показался вылетевший из темноты тяжелый предмет. Он с силой опустился на череп Майкла. Кровь залила голый пол. Послышался звук: что-то тело волокли по деревянной поверхности. Стоны. Кровь. Тишина.

Элисон открыла глаза.

Она тряхнула головой. Ее била дрожь. Где она была? Где она сейчас? И как сюда попала?

Элисон огляделась и вздрогнула, увидев стоявший на той стороне улицы особняк. Темный, тихий, враждебный.

Мозг ее пронзила мысль: там Майкл. Собрав все силы, она перебежала через улицу и вошла в дом.

Наверху по-прежнему горел свет, наполняя воздух туманной мглой.

Элисон подошла к зеркалу, взяла со столика пару перчаток и внимательно их рассмотрела. Это были перчатки Майкла. Значит, он где-то поблизости. Она отвернулась от зеркала и крикнула:

— Майкл!

Звук ее голоса замер где-то наверху.

— Майкл, где ты?

Ответа не последовало.

— Зачем ты пришел сюда? — уже тише произнесла она. — Зачем?

Вцепившись рукой в перила, Элисон начала подниматься по лестнице.

Она добралась до третьего этажа и остановилась как вкопанная, заметив на полу большое круглое пятно и еще какие-то пятна, тянущиеся вдоль по коридору. Удивившись, Элисон присела на корточки и потрогала их, ощутив под пальцами что-то жидкое, вязкое и теплое. Она понюхала кончики пальцев, потеряла их друг о друга и поняла, что это кровь. Элисон похолодела от ужаса.

— Майкл, пожалуйста, помоги мне! Где бы ты ни был, пожалуйста!

Она упала на колени и поползла к двери своей квартиры — к единственному безопасному месту во всем здании.

Привстав, чтобы вставить ключ в скважину, она вдруг нащупала рукой что-то твердое и холодное на полу и, подняв, поднесла к глазам. Тусклый кусочек желтого металла. Запонка. Четырнадцать каратов. С инициалами «М.С.Ф.» — Майкл Спенсер Фармер.

Элисон вскрикнула и сжала ее в кулаке. С трудом она вставила ключ в замочную скважину, плясавшую у нее перед глазами, толкнула дверь и скрылась за ней. Прижавшись к стене, она закричала:

— Каюсь! Я согрешила! Оставьте меня! Кто бы вы ни были, оставьте меня в покое!

Вся дрожь, Элисон ринулась в спальню, по пути заглянула на кухню и в ванную. Пусто. Тихонько прокравшись в спальню, она включила бра. Здесь тоже никого не оказалось. Элисон находилась в безопасности. Но была ли это настоящая безопасность? Что делать? Некоторое время она озиралась по комнате, затем вдруг бросилась в гостиную. Окна выходят на улицу! Можно открыть их и кричать в случае чего. Кто-нибудь обязательно услышит и вызовет полицию. Она торопливо обогнула диван, пробежала мимо напольных часов, камина. Яростно раздвинула

шторы и оцепенела. Вместо окна она увидела прочную стену. Элисон издала жуткий вопль.

— Нет! — Она колотила кулаками по стене. Костяшки пальцев распухли, сухие глаза нестерпимо жгло. К жестокой головной боли добавились головокружение и тошнота. Она здесь совершенно одна. Отгорожена от всего мира. Кем? С какой целью? А Майкл? Бедный Майкл! Элисон упала на колени и уронила голову на дрожащие руки. Несколько мгновений она простояла неподвижно, но вдруг начала дико озираться. Она услышала шаги. Опять? Как и прежде, кто-то ходил взад-вперед. Раздался стук. И тут она осознала, что шаги доносятся вовсе не сверху. Кто-то был в квартире! Она зажала рот рукой. Это невозможно! Она же проверяла. Дверь она заперла на засов, а вместо окон теперь стена. Тут Элисон вспомнила о стенном шкафе в гостиной, в который не заглянула. Кто бы ни был в соседней комнате, он скорее всего затаился за его створками и выжидал. Опять шаги и чье-то тяжелое дыхание.

Элисон озиралась в поисках спасения. В отчаянии скользнула в стенной шкафу и захлопнула дверцу. Придерживая ее правой рукой, она спряталась среди висящей одежды. И замерла.

Тяжелые шаги раздавались уже в коридоре. Медленно, но неуклонно они приближались к ней, и чем громче они становились, тем большее отчаяние охватывало ее. Она вытерла об одежду потную руку и вцепилась в дверь. В другой руке она сжимала распятие.

Человек двинулся по направлению к стенному шкафу и остановился перед дверцей. Элисон видела тень, падающую от его ног. Ее охватил мучительный ужас, с новой силой возвратились головокружение и тошнота. Ручка двери медленно поворачивалась. Непрошенный гость глубоко вздохнул и резко распахнул ее.

Элисон в ужасе раскрыла рот.

24

— Майкл! — закричала она.

— Что ты делаешь в шкафу? — ошеломленно спросил он.

Элисон буквально упала в его объятия.

— Майкл, Майкл, Майкл, — стонала она, уткнувшись носом ему в плечо.

— Все будет хорошо. Я же здесь.

— Я не могу...

— Успокойся. Я держу тебя. — И он сильнее прижал ее к себе, чтобы дать ей почувствовать, что она в безопасности.

— Я видела кровь, запонку.

— Все будет хорошо, — повторил он. — Все-все-все.

— Голова болит! — вскрикнула она, сжимая руками виски, где бешено пульсировала кровь. — Мне так плохо.

— Знаю. И я знаю, почему тебе плохо. Скоро все пройдет, и ты будешь прекрасно себя чувствовать.

Он перенес ее на кровать и присел рядом.

— Успокойся, тебя никто не обидит, — мягко сказал он, словно и не было никогда никакой опасности.

— Как это, Майкл?

— Скоро, скоро, — сказал он.

— Ты здесь?

— Да, и мне многое нужно объяснить тебе.

— Объяснить?

— Да. За последние несколько часов я раскрыл тайну этого дома. Знаю, в чем заключается роль отца Галлирана. — Элисон вздрогнула при упоминании о таинственном священнике. — Пойми, человеческий мозг просто не в силах это усвоить.

Элисон озадаченно смотрела на него.

— Я расскажу тебе все, но сначала ты должна взять себя в руки и успокоиться. Ты вся дрожишь.

— Со мной все в порядке, — сказала она. — Я хочу знать. Говори.

Майкл взглянул на нее, сомневаясь, готова ли она услышать то, что он собирался сказать, и начал:

— В это просто невозможно поверить!

— Во что?

— Ты когда-нибудь читала это прежде? — Он вытащил из кармана листок с переводом Рудзинки.

Элисон пробежала глазами текст.

— Нет, — уверенно заявила она.

— Латинский вариант фразы внедрили в твой мозг, так что, когда ум твой освободится от всей прочей информации, в нем останутся только эти слова. Это команда.

— Майкл, я...

— Пока тело твое и мозг очищались, тебе постоянно было плохо, у тебя болела голова, тебя мучило.

— Но...

— Я все объясню. Наберись терпения. — Он поднялся с кровати, подошел к шкафу и, достав оттуда книгу, возвратился. — Знакомо тебе это произведение?

— Смутно.

Майкл раскрыл на коленях «Потерянный рай» Мильтона. Найдя нужную страницу, протянул книгу Элисон.

— Ну и что ты скажешь?

Элисон опустила глаза и прочла: «Книга четвертая».

— Но Майкл, это нелепо! Я никогда не читала «Потерянный рай» ни по-английски, ни по-латыни.

— Это отнюдь не нелепо. Отнюдь. — Майкл встал и с книгой в руке прошелся по комнате, словно профессор перед аудиторией. — Данная цитата является предупреждением Ангела Уриила Ангелу Гавриилу, охраняющему Рай. Уриил узнал, что злой дух бежал из преисподней и направляется к Эдему. После его предупреждения Гавриил отправил двух ангелов к Адамовой куще. Они обнаружили там Сатану, который, оборотясь жабой, прикорнул над ухом Евы, и вышвырнули его из Эдема. Но Сатана под видом вечернего тумана вновь проникает в Рай с коварной целью и вселяется в спящего Змия. После этого произошло грехопадение человека. Интересно?

— Да, — ответила Элисон, пораженная блеском его эрудиции. Майкл заглянул в книгу.

— Сторожевые ангелы покидают Рай и возвращаются на небеса, — сказал он и зачитал:

*«Отряды Ангельские, торопясь,
На Небо из Эдема воспарили,
Супругам соболезнуя, грустя
Безмолвно, ибо ведали уже
О их грехопаденьи и безмерно
Дивились: как незримый Враг проник
Украдкой в Рай?»*

Бог простил их и послал Своего Сына судить ослушников. Грех и Смерть, до сих пор сидевшие у врат Ада, последую Сатане — их властелину, стремятся проникнуть в обиталище человека.

— Это смешно, Майкл.

— Ш-ш-ш. — Он прижал палец к губам. — Слушай.

Элисон сморщилась от боли и кивнула. Майкл улыбнулся, подошел к окну, держа раскрытую книгу перед собой, и продолжал:

«Сатана вернулся к своим легионам и поведал о своей победе, о новом мире и призвал их следовать за собой в новое царство. Вместо рукоплесканий в ответ раздаются соединенный свист и шипение всего собрания, обращенного, вместе с Сатаной в змиев, согласно приговору, произнесенному в Раю».

Майкл закрыл книгу и поставил обратно в шкаф.

— Мне плохо. Уедем отсюда, пожалуйста.

— Я не закончил.

— Потом закончишь.

— Нет, сейчас!

— Но, Майкл, какой в этом смысл?

Он строго взглянул на нее.

— Смысл есть. Я пытаюсь объяснить тебе, что здесь происходит и кто ты есть.

Элисон вздрогнула и пристально уставилась на него.

— Кто я есть?

— Ты — страж, — холодно произнес он. — Ты сменишь отца Галлирана, который был им до тебя. А до него были другие, целая вереница стражей, восходящая к ангелу Гавриилу.

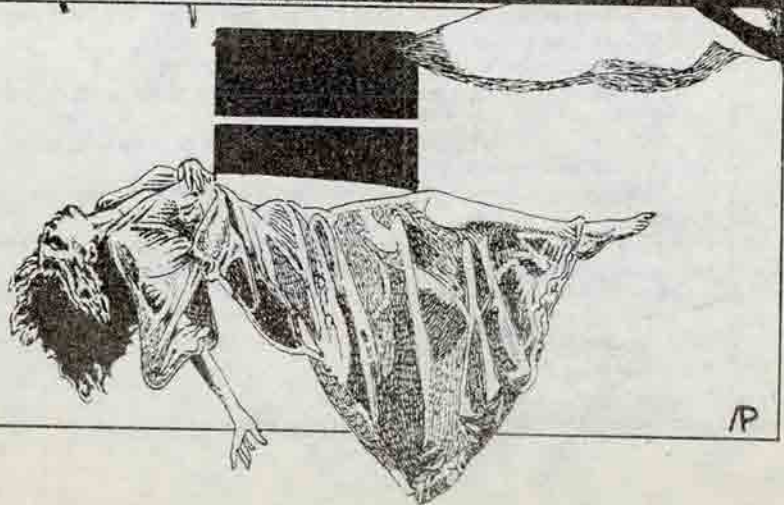
— Что?

— То, что ты слышишь!

— Нет. — Она покачала головой. — Я ничего не понимаю.

— Когда человек был изгнан из Рая и поселен на Земле, Сатана поклялся, что вернется со своими легионами. Так что Богу пришлось поставить часовых и в новом мире. Но он решил, что ангелам не подобает охранять этот мир, ибо в утрате Рая не было их вины. Грехопадение совершил человек, человек и был поставлен на стражу. Как Гавриил... Как отец Галлиран... И вот теперь ты. Все стражи своим избранием обязаны собственным прегрешением. Все они пытались убить себя. Они призваны не только охранять Царство Божие, но и искупить свои грехи против самих себя и спастись от вечно проклятия!

Элисон рассмеялась, преодолевая боль.

— Если бы Бог захотел выбрать часового, он никогда не выбрал бы меня. После всего, что я... И кем я была...

Он криво ухмыльнулся.

— Пути Господни неисповедимы. Знаешь, каким образом ты попала в этот дом?

— По объявлению в газете.

— Тебя заманили. Никакого объявления в газете не было. Его внедрили в твой мозг так же, как и фразу из книги. Тебе просто было приказано прийти сюда и дожидаться момента, когда отец Галлиран передаст тебе распятие и ты займешь его место. Управляя всеми действиями, обеспечивал твою безопасность бдительный священник. Компаньон мисс Логан. Монсеньор Франкино. Он убрал тело убитого тобой сыщика. Которого, кстати, нанял я, чтобы он обыскал здание и подтвердил или опровергнул все то, о чем ты рассказывала. Франкино отдавал приказания мисс Логан, тоже агенту церкви. Он организовал ее исчезновение, когда страсти слишком накалились.

Этот дом — мост, перекинутый через Хаос. Он связывает Врата Ада с границей этого света. Здесь сидит Страж, ангел Божий на земле, и наблюдает за силами зла. — Голос Майкла звучал все громче и громче. — Здесь будешь сидеть ты, когда завершится превращение. Это произойдет сегодня ночью, если никто не помешает. Ты избавишься от всех своих знаний и способностей, станешь дряхлой и страшной, тебя невозможно будет узнать. И ты навсегда усядешься в кресло. Чтобы наблюдать и ждать.

— Что значит «если никто не помешает»?

— Могут помешать. Тебя пытаются уничтожить, заставив отречься от самой себя. Отказаться от собственной жизни. Повторить свой главный грех. Это сложная задача. Вот почему цепь никогда не прерывается. Миссис Кларк, лесбиянки, прочие, кого ты видела, твой отец — все они солдаты легионов Сатаны. Они уже попытались помешать однажды — в ту ночь, когда ты встретила со своим отцом, и сегодня они попытаются вновь. Если им это удастся, адские орды ринутся на Землю.

— Прекрати! Прекрати! Чего ты добиваешься? Чтобы я сошла с ума? Бред какой-то!

Майкл бросился к ней и порывисто обнял ее.

— Успокойся. Я же здесь, значит, все будет хорошо. Я остановлю их, но ты должна поверить мне.

— Майкл... Я... — бормотала Элисон, схватившись руками за голову. — Как можно в это поверить?

— Поверить можно, потому что это — правда. Теперь пошли. Я покажу тебе кое-что.

Элисон начала с трудом приподниматься на кровати, но остановилась и как-то странно взглянула на него. Она прижала руку к губам, мгновение подумала и спросила:

— Почему ты не отзывался?

— Я ничего не слышал.

— Но я просто надрывалась.

— Двери в квартирах толстые.

— Какая разница, ведь я была в гостиной.

— Что-что? — переспросил он, не совсем понимая, о чем идет речь.

— Ты не мог не услышать меня, сидя в стенном шкафу в гостиной!

— Мог, — тихо ответил он.

— Майкл! — взорвалась она.

Он нахмурился:

— Я вовсе не был в стенном шкафу.

Элисон судорожно глотнула воздух.

— Дверь была заперта на засов. Как ты вошел? И откуда ты все это знаешь?

Майкл глубоко вздохнул и уже открыл было рот, чтобы ответить, как Элисон вдруг вскрикнула. В темноте, у двери, стояла, выгнув спину и округлив глаза, кошка. Дездемона.

— Кошка! — закричала Элисон, забираясь обратно на кровать и прижимаясь к спинке, чтобы как можно большее расстояние отделяло ее от кошмарного животного.

Кошка зашипела и приблизилась на дюйм.

— Убей ее!

— Нет. Мне интересно, чего она хочет, — сказал Майкл.

— Убей ее! — истерически визжала Элисон.

Кошка прыгнула на кровать, подкрадываясь к добыче.

Элисон вжалась в спинку, оцепенев от ужаса. Майкл взял ее за руку, пытаясь успокоить.

— Убей ее!

Кошка пробиравась по кровати и наконец замерла прямо перед ними, приготовившись к нападению. Она злобно зашипела на Элисон и прыгнула... Майклу на колени. Уютно свернулась в клубочек и еще раз злобно прошипела в сторону Элисон.

Элисон перевела дыхание и вопросительно взглянула на Майкла.

— Майкл, я не... — бормотала она, буквально каменея от страха перед маленьким исчадием ада.

— Ты не понимаешь? — невозмутимо спросил он, поглаживая кошку.

— Нет! — закричала она. Выскочила из кровати и бросилась к окну. — Я ничего не понимаю, но я чувствую, что ты — это зло!

— Что ты, я добрый! — Он разразился смехом, который становился все громче и громче с каждым разом, как он набирал в легкие воздух. Что-то странное появилось в нем, отчего волосы на голове у Элисон зашевелились. Это было по-настоящему страшно. Майкл кричал:

— Меня убил священник Франкино, когда я пытался задушить отца Галлирана, и я проклят во веки веков за свои прегрешения! За то, что нанял Бреннера для убийства своей жены Карен! — Он продолжал хохотать, тело его содрогалось. — Я из легионов Сатаны!

На глазах Элисон дух его, ласкающий кошку, становился прозрачным, бесцветным, казалось, он мог развеяться от малейшего дуновения ветерка. Смех его словно исходил откуда-то издалека, из царства греха и зла.

Элисон метнулась из комнаты вдоль по коридору к выхо-

ду. Запутавшись в замках, она поняла, что не сможет победить. Если победит он, она будет уничтожена. Но и в случае своей победы она исчезнет, приговоренная к вечному сидению у окна во искупление своих грехов. Но когда наконец ей удалось повернуть ключ в замке, отодвинуть засов и снять цепочку, в это самое мгновение она решила, что, раз суждено ей быть побежденной, пусть победителем будет Бог. Она останется и превратится в стража его, спасая себя от проклятия.

Элисон распахнула дверь, бросилась вниз по лестнице на второй этаж, мгновение помедлила перед дверью квартиры 2-А, пробежала через холл и остановилась как вкопанная.

— Добро пожаловать домой, — ласково проговорил Чарльз Чейзен. Он стоял в дверях, одетый так же, как и в тот вечер, когда впервые появился у нее. — Не бойтесь. Я ждал вас. Я прямо-таки мечтаю о том, как мы вместе произведем перестановку в моей квартирке. У вас такой тонкий вкус. А сами вы такое милое дитя. Я просто млею от восторга, когда вы рядом.

Элисон медленно пятилась назад.

— Дездемона была счастлива, что вы пришли поздравить ее с днем рождения, хотя и не нашли времени купить подарок... В следующем году я дам вам знать пораньше. Непременно!

— Нет! — вскрикнула Элисон.

— Тц-тц, зачем так громко, моим старым ушкам больно. Такое хрупкое дитя и столько шума! — Он начал приближаться к ней.

Элисон похолодела. Она увидела свое отражение в зеркале. Что случилось? Она выглядит старухой. Элисон закричала и закрыла лицо руками.

А Чейзен продолжал неумолимо приближаться мелкими, аккуратными шажками.

— Да, — снова произнес он. — Добро пожаловать домой. — Неожиданно уныние улетучилось с его лица, взгляд посуровел, рот искривился от ярости. Он напрягся, воздел вверх руки, словно проповедник, обращающийся к пастве, и принялся извергать изо рта громовые мольбы. Стены здания задрожали. — Я преуспел в задуманном превыше всех надежд и воротился, чтобы с торжеством вас вывести из адских недр, — кричал он, словно помешанный, — проклятой мерзостной юдоли бед, застенка нашего Тирана.

В глазах у Элисон потемнело.

— Мир обширный достоянием вашим стал, немногим хуже отчины небесной, в опасностях великих и трудах, добытый мною.

Она продолжала пятиться назад, а он медленно надвигался, раскинув руки в предвкушении добычи.

— Долго б повелось повествовать о том, что претерпел, пучину невестественную, хлябь безмерную, где правит искони разлад ужасный; ныне Грех и Смерть соорудили там широкий мост, дабы ваш славный облегчить исход.

Элисон начала подниматься по лестнице, понимая, что попала в ловушку.

— А что теперь вам, боги, остается, как не встать и поспешить в блаженную обитель!

Элисон ощутила вибрацию у себя под ногами. Обернулась и увидела, что лестница и холлы заполнены бесцветными неясными фигурами.

Каждая клеточка ее тела горела, словно ее уже жгли адским огнем. Она не знала, куда идти. Назад? В эту толпу? Или вперед? Она неохотно двинулась назад. Назад! По холлу второго этажа, вверх по лестнице, на третий этаж, где на полу была кровь Майкла. Идти дальше некуда.

Дико озираясь, Элисон прошмыгнула в дверь квартиры 3-Б и вскрикнула. На полу лежало истекающее кровью тело Майкла. Бескровные губы посинели.

Она подбежала к стене и оглянулась. Из спальни вышла миссис Кларк. Вслед за ней выплыли огромные сестрицы Клоткин, их отвратительно колыхающиеся тела внушали ужас. Появился детектив Бреннер. Они остановились в нескольких ярдах от Элисон и замерли в ожидании.

— Оставьте меня! — закричала Элисон. — Дайте мне умереть! — Из груди ее вновь вырвался вопль. В противоположном конце комнаты неподвижно стоял ее отец. Она всхлипнула.

Дверь распахнулась, и вошел Майкл. Остановившись у своего мертвого тела, он обернулся к двери. Вслед за ним появился Чейзен — на плече у него подпрыгивал Мортимер. Он прошел в центр комнаты и поднял руки; голоса его паствы смешались в невообразимом, режущем ухо крещендо. Не переставая шипеть на Элисон, к хозяину подбежала Джезель.

265

Чейзен опустил руки, и шум мгновенно прекратился.

— Ты избранница Господа Бога, Тирана и нашего врага, — обратился он к Элисон. — Ты призвана защищать и охранять вход на Землю. Ты призвана получить знак власти Господа от предыдущего стража и занять его место. Таково твое предназначение, и ты будешь уничтожена, если мы победим. Настал час решительных действий. — Он повернулся к своей Армии. — Мы выполним предначертанное, и превратится она в одну из нас, и восстанем мы, и поспешим в блаженную обитель, и предадим весь мир в добычу Смерти и Греху! — Он снова обернулся к Элисон, потрясая скипетром. — Ты сама предаешь себя проклятию!

Чейзен вновь поднял руки, и вновь пение, бряцание оружия и отзвуки самого Ада заполнили здание. Элисон начала медленно оседать на пол, содрогаясь всем телом. Изо рта у нее текла кровь, ее рвало, она не принадлежала больше самой себе, и она жаждала смерти.

Монсеньор Франкино распахнул дверь квартиры 5-А. Рядом с ним в дверном проеме стоял отец Галлиран. В протянутой руке он держал крест, другую руку прижимал к измученной груди. Он двинулся вперед, даже дыхание давалось ему с огромным трудом. Он должен был разыскать Элисон и передать ей распятие, дабы не разорвалась цепь и не расчистился путь греху и злу.

Армии ночи восстали, звеня оружием и доспехами. Они бросались на крест, но высшая сила сокрушала их. Легионы выходили на бой со старым священником. Но он шел сквозь всю эту суету. Он шел. Он шел. Отыскивая в толпе своего преемника. Избранника Божьего. Стража...

— Все назад! — Полицейский обернулся. — Вторую установите вон там!

Любопытные глаза выглядывали из темноты.

— Всем выйти за ограждение или встать на тротуар!

Множество ног зашуршало по щебенке.

Полицейский оглядел столпившихся позади барьера людей. Прислушался к недовольным голосам, сплюнул на землю и перевел взгляд на прожекторы, освещавшие особняк.

Две полицейские машины прибыли сюда минут сорок назад. Первая доставила Гатца, Риццо и еще трех детективов. Вторая — врача и Дженнифер Лирсон в сопровождении нескольких полицейских. Гатц и Риццо вошли в здание, оставив девушку снаружи.

Они пробыли внутри десять минут, затем Риццо с одним из офицеров покинул здание, переговорил с остальными и сделал вызов по установленной в машине рации. Через несколько минут улицу заполнили полицейские автомобили. Привезли прожекторы и ограждения, чтобы сдерживать собравшуюся толпу.

266 Парадная дверь медленно растворилась, показались Гатц и Риццо. У крыльца сразу столпились репортеры. Гатц остановился, взглянул на них и обернулся к Риццо:

— Позвони в лабораторию, пусть кого-нибудь пришлют.

Тот кивнул и бросился к полицейским автомобилям. Гатц снова взглянул вниз на томящихся в ожидании журналистов.

— Пока никаких заявлений для прессы. Произошло убийство. Больше ничего сказать не могу. Как только инспектор Гарсия даст добро, мы вас позовем и обо всем поговорим. А сейчас я попрошу вас посторониться.

— Кто убит?

— Позже, я сказал. А теперь шевелитесь. — Он махнул рукой стоявшему позади репортеров Ричардсону. — Поставь здесь ограждение и выгони всех за него. — Он обернулся к другому офицеру: — Который час?

— Три сорок пять.

Гатц бодро спустился по ступенькам, окинул взглядом заполненную народом улицу и подошел к пустой патрульной машине. Облокотясь о капот, поправил шарф и оглядел особняк сверху донизу.

— Специалист по крови и дактилоскописты уже в пути, — сказал Риццо, приблизившись к начальнику.

— Отлично.

Риццо развернул листок бумаги и передал Гатцу.

— Здесь адрес женщины, вызвавшей полицию.

— Из какого она дома?

— Вон из того.— Риццо указал на желтое здание на другой стороне улицы.

— А где она сейчас?

— В участке. Ее не будут допрашивать до вашего приезда.

— Ты говорил с ней?

— Нет.

— А кто говорил?

— Джейк.

— И?

— Это была Паркер. Описание полностью совпадает. Женщина смотрела в окно — она страдает бессонницей — и увидела, как девушка вошла в особняк. Как вы думаете, куда она направилась? — спросил Риццо.

— Пока не знаю, но мы найдем ее. Лирсон знает?

— Я только что рассказал ей.

— Переживает?

— Да. Доктору пришлось дать ей успокоительное.

Подошел Джейк Берштейн.

— Врач осмотрел старого священника, — сказал он. — Судя по всему — остановка сердца.

— А что за пятна у него на шее?

— Следы рук и ногтей.

— Удушение?

— Возможно. Но не оно явилось причиной смерти.

— Это точно?

— Нет. Надо подождать результатов вскрытия. Но насчет сердечного приступа врач уверен.

Гатц кивнул.

— При Фармере обнаружили что-нибудь?

— Нет.

Гатц покачал головой.

— Я показал девушке черный атташе-кейс, — сказал Джейк.

— Она опознала его?

— Да, и спросила, где бумаги.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Она, похоже, помешалась. Когда я спросил о них, она лишь твердила, что у Фармера в кейсе были какие-то бумаги.

— Ничего не нашли?

Джейк покачал головой.

— Пусть обьщут все здание. Мне надо поговорить с ней.

Джейк отошел было, но обернулся.

— Не вешай нос, Том.

— Риццо, — позвал вдруг Гатц.

— Да?

— Достань ордер на арест Элисон Паркер.

— Какие обвинения?

— Попытка убийства фотографа. Подозрение в убийстве Майкла Фармера и Карен Фармер.

— Да, сэр, — послушно ответил тот. Мгновение он пристально смотрел на шефа, затем повернулся и ушел.

Гатц снова облокотился об автомобиль и потер затянутые

в перчатки руки. Вот и все. Боже, как он устал! Он подумал об Элисон Паркер. Ведь он полностью освободил ее от подозрений во время расследования «дела Карен Фармер».

Неужели он ошибался? И она была виновна, а теперь убирает соучастников? Он ударил кулаком по дверце машины, потянул носом холодный ночной воздух и взглянул на особняк.

Тяжелая дверь растворилась, ее придерживал полицейский в форме. Через несколько секунд показалась облаченная в белое фигура, за ней — носилки с покрытым простыней телом и еще несколько человек. Носилки поместили в подъехавшую санитарную машину и захлопнули дверь. Водитель завел мотор, автомобиль объехал заграждения и скрылся в ночи.

Дверь парадного вновь отворилась и появилась еще одна группа полицейских с носилками, на которых лежало еще одно тело. Белая простыня пропиталась кровью.

Гатц отвернулся, отыскивая взглядом Дженнифер, чтобы спросить ее о содержимом кейса.

Детектив Гатц завершил сбор свидетельских показаний, большинство из которых принадлежало Дженнифер Лирсон. И хотя показания эти больше смахивали на бред, он все же решил нанести визит в управление епархии.

Кардинал изумленно смотрел на него.

— При всем уважении к властям и к вашему расследованию, — начал он, — могу сказать лишь одно: то, о чем вы поведали, немислимо. Это вне сферы реальности, хотя, безусловно, силы Господа и силы Сатаны находятся в непрерывной схватке.

Гатц почтительно кивнул.

— Уверю вас, — продолжал кардинал, — что истину следует искать где-то еще.

Гатц поднялся.

— Я ни в коем случае не допрашиваю Ваше Преосвященство, но прошу вашего позволения задать еще один вопрос.

Кардинал кивнул.

— В деле замешан священник — монсеньор Франкино. Я пытался отыскать его в управлении, но безуспешно.

Кардинал встал и снисходительно улыбнулся.

— Неудивительно. Под моим началом нет человека с таким именем и никогда не было.

— Понятно. — Гатц покраснел, отчего-то смутившись. — Простите, что отнял у вас время, — вежливо добавил он, повернувшись к выходу.

Через несколько мгновений он забрался в патрульную машину и сел рядом с Риццо, направляясь на последнюю назначенную на сегодня встречу — с Дэвидом Карузо.

Карузо встретил их у дверей в инвалидной коляске. Они с Гатцем обменялись любезностями, после чего он повторил, что сказал уже все, что мог, и не представляет, какой еще полезной для полиции информацией он располагает.

— Всего несколько вопросов, — настаивал Гатц.

Карузо пригласил его присесть.

— Вы слышали что-нибудь о мисс Логан? — спросил детектив. Карузо покачал головой.

— Вы смогли отыскать ее домашний адрес?

— Я уже говорил вам, у меня его никогда не было.

— Вы когда-нибудь слышали о священнике по имени монсеньор Франкино?

Карузо мгновение помедлил и произнес:

— Нет.

— У вас были какие-нибудь дела с представителями нью-йоркской епархии?

— Нет. Прежний владелец заключил договор с церковью. Я купил у него дом перед его смертью. Мисс Логан ни с кем из моих знакомых связей не имела. Мы получали чеки с подписью «М. Лефлер, инспектор».

Гатц покачал головой, затем поблагодарил мистера Карузо за потраченное время и за терпение.

— Идем, — велел он Риццо и, когда они покинули квартиру, добавил: — Отложи пока заявление Дженнифер Лирсон.

Дэвид Карузо перебрался к окну. Он наблюдал за тем, как Гатц и Риццо залезают в машину и уезжают прочь. Затем покачал головой и пощипал колечки седых волос на тыльной стороне своих веснушчатых рук. Он был спокоен. Разорванная цепь замкнулась, и правда навсегда похоронена.

Он опустил штору, встал с инвалидной коляски и отошел от окна.

ЭПИЛОГ

269

На панели загорелась цифра «5».

— Обычно в лифтах играет музыка. К сожалению, сейчас система не работает, но дня через два-три ее непременно починят.

Мужчина улыбался супружеской паре. Молодожены, только что из колледжа. Идеальные жильцы.

— Недавно приехали в Нью-Йорк?

— Да. Компания перевела меня сюда из Чикаго.

— А в какой компании вы служите?

— «Юнайтед Эрлайнз».

— Вы летчик?

— Не совсем. Я работаю в отделе рекламы.

Мужчина снова улыбнулся. Хорошая компания. Хорошее положение. Они определенно ему нравились, эти молодожены.

— Когда появится маленький?

— Еще не скоро. Через три месяца. — Девушка похлопала себя по выпирающему животу и улыбнулась.

На панели загорелась цифра «20». Лифт остановился, двери разъехались в стороны. Агент одернул свой недорогой коричневый пиджак и вышел вслед за супружеской четой.

Стены холла были оклеены роскошными обоями, пол устилал толстый ковер.

— На каждом этаже пятнадцать квартир, — рассказывал агент. — Мусоросжигатель рядом с лифтами. — Он достал из

кармана ключ.— А вот и квартира 20-Л.— Он вставил ключ в скважину и отпер крашенную серой краской дверь.

Они вошли в небольшую прихожую и, повернув направо, очутились в огромной гостиной. Мебели не было, в квартире недавно произвели ремонт.

— Как видите, здесь большая гостиная.

— Можно сказать, слишком большая,— отозвалась молодая женщина. Она прошла по комнате до окна и обратно.— У нас не хватит мебели, чтобы ее заполнить.

— Купим еще, если понадобится,— ответил ей муж и обернулся к агенту.— Меня интересуют кладовые. Не станет ли нам тесновато, когда появится ребенок?

— Я понимаю. Взгляните-ка сюда.— Агент отпер дверцу в прихожей.— Это кладовка.— Он включил внутри свет.— Как видите, довольно вместительная. Сюда вполне можно ставить детскую коляску.

Девушка с одобрением кивнула и прошла на кухню, оснащенную наисовременнейшим оборудованием.

— Мы платим за газ и электричество?

— Нет. Только за электричество.

Она кивнула, подошла к холодильнику. Открыла дверцу, заглянула внутрь.

— Прекрасно. Спальню можно посмотреть?

— Разумеется. Сюда, пожалуйста.

Миновав небольшой коридор, они очутились в спальне.

— Мне нравится,— сказала девушка.— Хотелось бы, конечно, жить в особняке, но, думаю, здесь будет даже лучше. Удобнее и безопаснее.

— Без всякого сомнения. Хотя не могу с вами не согласиться, встречаются на редкость привлекательные особняки. Были они и здесь, в этом квартале, но их снесли пять лет назад, когда возводили это здание.

— Если мы принимаем ваше предложение, когда можно въезжать? — спросил муж.

— Завтра, если угодно.

Молодой человек обернулся к жене:

— Что скажешь?

— Скажу, что нам это подходит.

— Вот и прекрасно. Теперь давайте спустимся и заполним необходимые документы. Договор должен быть одобрен владельцами дома, но, думаю, здесь проблем не возникнет. Надеюсь, сегодня мы все успеем оформить.

— Здесь всегда так тихо? — спросила девушка.

— Это основное требование, которое мы предъявляем к жильцам. Живите и давайте жить другим! Но этот этаж, пожалуй, самый тихий.

— Почему?

Агент пожал плечами.

— Так уж сложилось.

— А что представляют собой соседи? — спросила молодая женщина.

Агент на мгновение задумался.

— Ваши соседи? Так, дайте вспомнить. Во-первых, мистер Дженкинс из квартиры «М». Милейший человек. Играет на скрипке в нью-йоркском симфоническом оркестре.

— Надеюсь, дома он не репетирует?

— Нет. Вы не услышите ни звука.

— А квартира «К»? Она пуста?

— Нет. — Он замаялся. — Наверное, я должен все рассказать, ведь вам здесь жить. Женщина из квартиры 20-К — затворница. Она монахиня и, насколько я знаю, слепая. Можете увидеть, как она сидит у окна, если внимательно посмотрите с улицы. Она поселилась здесь, едва был построен дом. Вот уж кто вас точно не будет беспокоить, так это она. Никогда не выходит из квартиры. И вы не услышите оттуда ни малейшего шороха, даже если будете специально прислушиваться.

— Звучит зловеще, — сказала девушка.

Муж ее улыбнулся:

— Думаю, для наших душ будет полезно пожить рядом с монахиней.

Они рассмеялись.

День был в разгаре, когда молодая пара вышла из дома, покончив со всеми необходимыми формальностями. Они пересекли улицу и направились к Централ-Парку, чтобы сесть там на автобус.

Женщина остановилась.

— Смотри, — проговорила она.

Муж повернул голову в указанном направлении и посмотрел на последний этаж ультрасовременного здания.

— Что там?

— Окно. Предпоследнее. Видишь что-нибудь?

Он прищурился.

— Вроде бы да.

— Слепая монашка?

— Трудно сказать. Но если верить агенту, то да.

— И что ты думаешь?

Он заглянул ей в глаза и улыбнулся.

— Об этом можно будет написать домой. — Чмокнул ее в щеку, и оба зашагали вдоль квартала, довольные, что нашли квартиру.

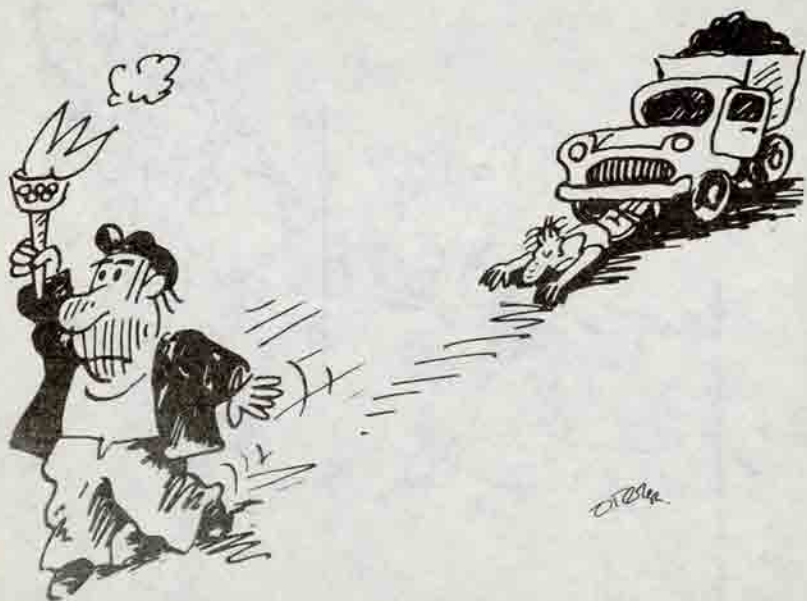
В комнате было темно. Никакой мебели, кроме деревянного кресла с высокой спинкой, стоявшего у закрытого окна, задернутого полупрозрачной занавеской. На сиденье располагалось человеческое существо, обезображенное годами. Выпученные глаза, покрытые жуткими бельмами. Морщинистая кожа, изборожденная трещинами, словно сухая земля. Синие тонкие губы. Свлявшиеся волосы. Восковое бледное лицо.

Существо хранит неподвижность, лишь время от времени вздымается грудь. Застывшие безжизненные руки крепко держат золотое распятие...

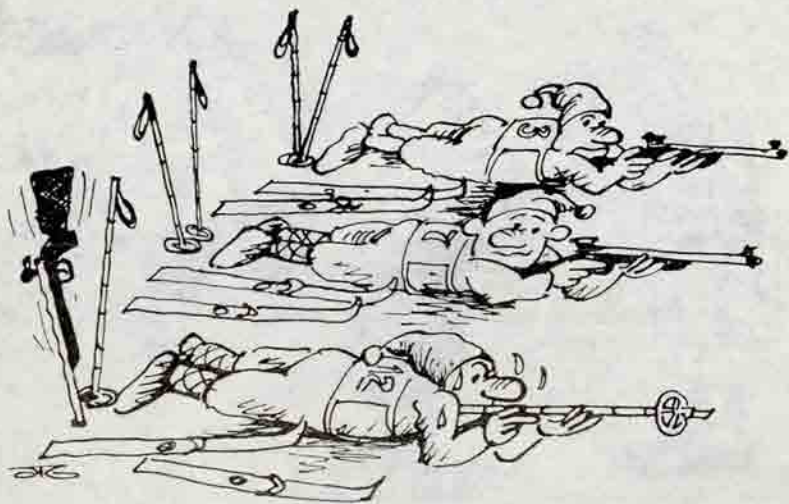

Многоборье Олега ТЕСЛЕРА

В этом номере «Смены» — подборка рисунков Олега Теслера про Спорт. Про тот Спорт, о котором он знает не понаслышке, а через синяки и шишки, полученные в глубокой молодости в гимнастическом зале и на гребном канале, на футбольном поле, гандбольных и хоккейных площадках, и даже на борцовском ковре. И самые первые рисунки Олега, опубликованные в журналах «Смена» и «Крокодил» аж в 1962 году, были тоже про Спорт. Вот как он его любит.

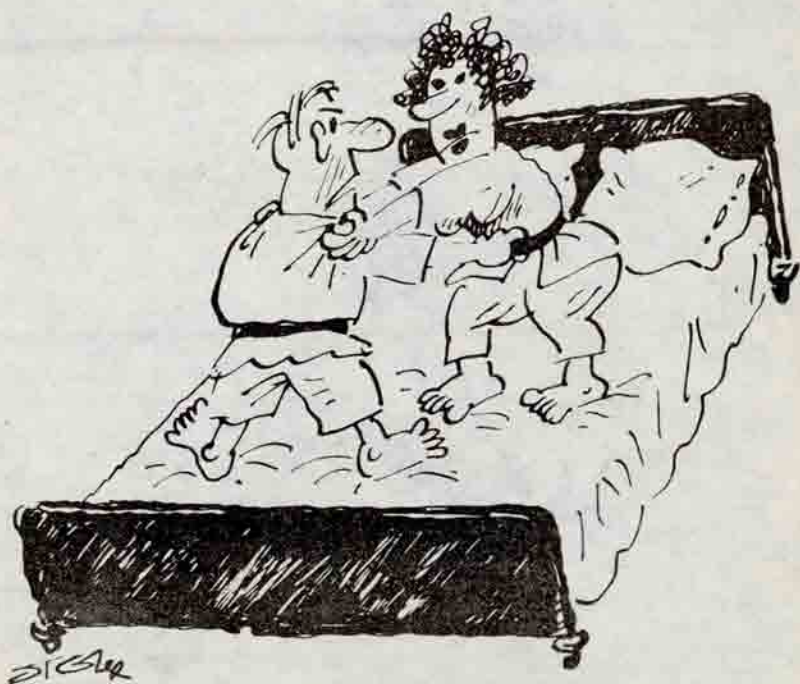
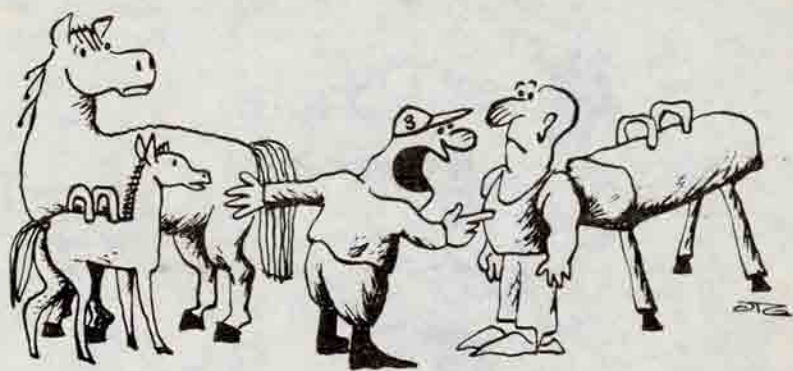

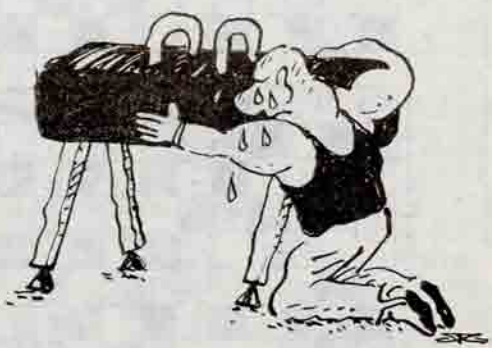
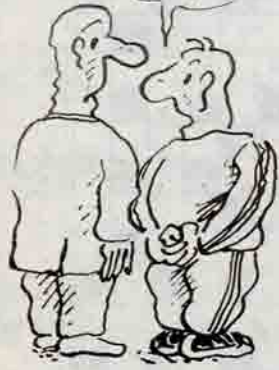

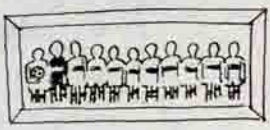

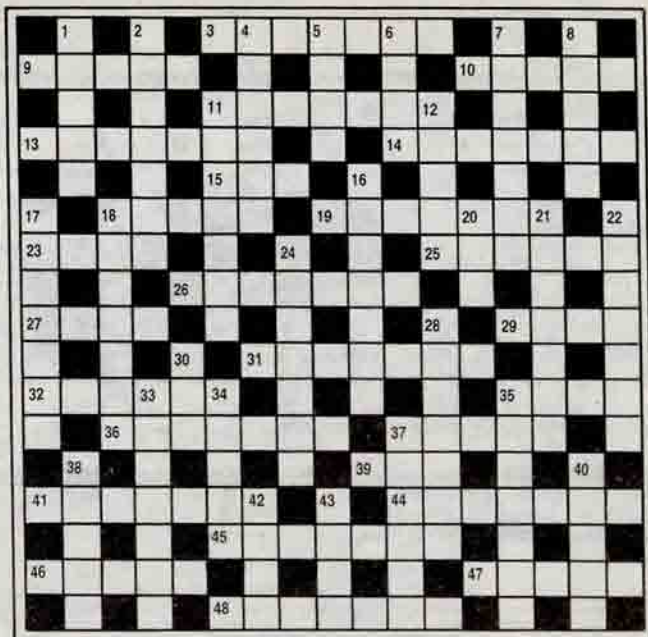

ОН УХОДИТ
ИЗ БОЛЬШОГО
СПОРТА

НЕ ВЕРЮ!

3. Роща, обычное место, где чешские крестьяне еще в XII веке поклонялись богам. 9. Монах, которому три русских императора дали личные аудиенции. Он с точностью до часа предсказал смерть Екатерины Второй, Павла Первого, нашествие иноземцев и захват Москвы в 1812 году. 10. Штат США, где закон запрещает доить чужую корову. 11. Немецкий историк, написавший двенадцатитомный труд о бранденбургско-прусском монетном деле. 13. Страна, где уже в XVII веке издали «Книгу о гусиной речи». 14. Западный ветер на западном берегу Псковского озера. 15. ... что ржа: тлит (старинная поговорка). 18. Самая короткая река Европы. Она впадает в озеро Гарда. 19. Озеро в России, где дует «женатый» ветер (стихает на ночь). 23. Город на третьей по величине реке Африки. 25. Защитный доспех из войлока и кожи у воинов Древней Руси. 26. Религия, чья основа — учение о перевоплощении душ. 27. Наименьшая содержательная единица языка. 29. Любимая спортивная игра самого богатого человека в мире — султана Брунея Муиззадина Болкиаха. 31. У Феокрита встречаются буколика, мим, эпиллий, энкомий, послание (общее название). 32. Поэт, Л. Толстой «просто обмер от величины его творческого таланта». 35. Время года, в какое В. Соловьев начал писать диалог «София». 36. Самая трагическая книга М. Цветаевой. 37. Крупнейшая ружейная пуля. 39. Первая литая японская монета с отверстием. 41. Предмет, без которого не

прочитаешь рукописи Леонардо да Винчи. 44. Лекарственное растение, которое древние славяне называли травой Божьей Матери. 45. Любимый цветок Ниро Вулфа, сыщика в романах Р. Стаута. 46. Физик А. Лавуазье по образованию. 47. Зверь, описанный впервые в 1900 году под именем «лошади Джонстона». 48. Образ в «Кандиде», в котором Вольтер высмеял Лейбница за утверждение, что мы живем «в лучшем из миров».

По вертикали:

1. Протонный, нейтронный, очарованный, странный, прелестный. 2. Пройдоха. 4. Троечная ... — это «ямская гармонь» старины. 5. Травя, чьи высушенные цветы пахнут почти так же, как розовые. 6. Герой в поэме В. Жуковского «Руслан и Зораб» (перевод из Фирдоуси) «одарен такою непомерной силой, что не врагам одним, и самому ему она была во...». 7. Немецкий биохимик и физиолог, доказавший, что организм животного способен перерабатывать углеводы в жир. 8. Самый знаменитый поэт и ученый из родившихся в древнем Мерве. 11. Средневековый солид германской чеканки. 12. Гриб, лакомство старосветских помещиков в повести Н. Гоголя. 16. Чертежный стол для полевых условий. 17. Черноглазая сова, даже в городском шуме способная мгновенно уловить мышинный писк и точно определить, откуда он исходит. 18. Прибор для измерения всех величин электрического тока. 20. Купец, открывший в конце XVIII века первую в Москве парфюмерно-косметическую фабрику. 21. Тренер и секундант М. Ботвинника на мировых первенствах. 22. Сокол, способный обходиться без пищи тридцать пять дней. 24. Скульптор, автор памятника А. Мицкевичу в Париже. 28. Рыба. Троица таких — уже крокодил, согласно поговорке амазонских индейцев. 30. Польский писатель, всерьез считающий, что покупатель должен платить налог за плохие книги. 33. Народ, храбрость которого М. Лермонтов показал в первой из дошедших до нас его поэм. 34. Предмет в руке девушки на типовых советских скульптурах. 35. Птица, в июне нередко поющая всю ночь. 37. Металл, который в гранулах (окатышах) способен самовозгораться. 38. Русская мера, двенадцать литров. 40. ... да Лентини — создатель первого итальянского сонета. 42. Золотой язь, известный только в культурной форме. 43. Учитель фехтования и бокса, впервые записавший правила бокса и в 1719 году ставший чемпионом Англии в этом виде спорта.

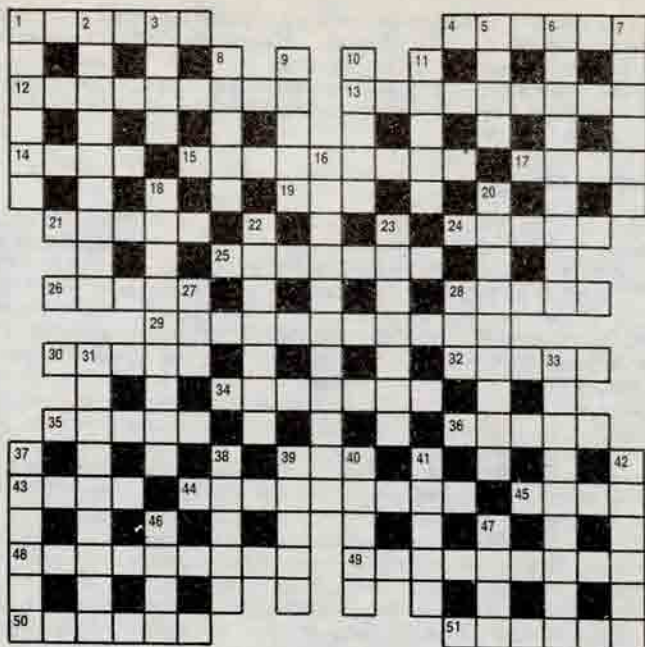
**ОТВЕТЫ
НА
«ЗРУДИТ»
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 9**

По горизонтали:

1. Меандр. 5. Биржевик. 10. Тубан. 11. ...хахаль... 12. ...ресторан. 14. Чидаубо. 15. Луна. 18. Фавн. 19. Глина. 20. Зыбун. 21. «Олег». 26. Волейболист. 27. ...летух. 29. Луара. 30. Аннигиляция. 34. Винт. 37. Шабаш. 38. Горит. 39. Крис. 41. Нары. 42. Неретва. 45. Фельетон. 46. Галеон. 47. Зернь. 48. Трапезит. 49. Синьяк.

По вертикали:

1. Михалков. 2. Архангел. 3. Даль. 4. Рубин. 5. Баратынский. 6. Инеу (Румыния). 7. ...жито. 8. ...варган. 9. Коница. 13. Сбруя. 16. Алгебра. 17. Унаби. 22. ...лопух. 23. Плантагенет. 24. Сенявин. 25. Пуцин. 28. Лимон. 31. ...цитадель. 32. Ятрышник. 33. Балет. 35. Шкафут. 36. ...фиалка... 40. Звенк. 42. ...Неле... 43. Роза. 44. Сати.

КРОССВОРД
Составил
И. ГЕЛЬФМАН,
Минск

По горизонтали:

1. Осторожная восточносибирская птица, которую редко кому удается увидеть. 4. Ветер юго-востока Африки, сопровождаемый миражами, фата-морганами. 12. Пленница ужимок, неестественных манер. 13. «Женщина, чрезмерно щекотливая в своих понятиях о чести» (А. Пушкин). 14. Библейский пророк. 15. Персонаж оперы И. Держинского «Тихий Дон». 17. Пьеса М. Салтыкова-Щедрина. 19. Большой бак. 21. Ромео и Джульетта, Меджнун и Лейла, ... и Зухра. 24. Морские даяки, в основном живущие в штате Саравак Малайзии. В середине прошлого века их считали самыми опасными охотниками за головами. 25. Норма поведения, образ действий. 26. Землеройная машина. 28. Инструмент, каким скульптор пользуется при лепке. 29. Дума. 30. Русское название бекара, музыкального знака. 32. Длинное ложбинообразное понижение в Каракумах. 34. Фронтное оборонительное сооружение. 35. Манильская пенька. 36. Министр финансов России, введший золотую валюту и винную монополию. 39. Выступ на подкове, подошве. 43. Один из Алеутских островов. 44. Растениевод. 45. «Ах, не ... полевой жжет полднейной порой разрушительный зной: сокрушает тоска молодого певца» (А. Полежаев. «Вечерняя заря»). 48. Корабль, на котором в 1620 году в Северную Америку прибыли первые английские переселенцы. 49. Титул Штраль в «Маскараде» М. Лермонтова. 50. Бульдогу свойственна мертвая ... 51. Часть папиросы, сигареты.

По вертикали:

1. Один из героев в романе В. Дудинцева «Белые одежды». 2. Начальник всех войск в крепости. 3. Вероятность удачи, успеха. 5. Одноактное драматическое представление в средневековых Испании и Португалии. 6. Одно из русских названий скатерти. 7. Никотиновая кислота. 8. Крестьянская верхняя одежда из домотканого сукна. 9. Лицейский преподаватель А. Пушкина, упоминаемый в его стихотворении «Пирующие студенты». 10. Советский актер и режиссер. 11. Польский порт. 16. Тяжелый круг с ручкой, каким накрывают посуду с тестом. 18. Действующий вулкан на курильском острове Парамушир. 20. Ближайший родственник самовара. 22. Государственный заговор, мятеж. 23. Молдавский оркестр народной музыки. 27. Прозрачная ткань. 28. Группа североамериканских индейцев. 31. В Мексике — сомбреро, в Средней Азии — ... 33. Вежливость, почтительность. 37. Широта, смелость в поступках, действиях. 38. Цирковая специальность. 39. Деталь упряжи верховой лошади. 40. Самая древняя каша. 41. Не пилося бы, не елось — куда бы и ... делось (русская пословица). 42. Солдатское достоинство по А. Суворову. 46. Простейший механизм. 47. Французский композитор, о котором много говорит М. Пруст в эпопее «В поисках утраченного времени».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

1. ...юноша... 4. Добро. 8. Скопа. 12. Кларнет. 14. Цейтнот. 16. Микроскоп. 18. ...пытраг. 20. Зияние. 21. Навуходоносор. 22. Харч. 24. Леди. 25. Халат. 26. Шулер. 28. Сплав. 31. Сет. 34. Бруствер. 36. Василиса. 37. Наговор. 38. Анакреон. 39. Йодоформ. 40. Туф. 43. Огайо. 44. Шубин. 45. Гонка. 48. Игра. 51. Аваз. 52. Жизнеописание. 54. Критик. 55. Япония. 56. Винипласт. 58. Дебошир. 59. Аронник. 60. Денга. 61. Буран. 62. Устав.

По вертикали:

2. Нарзан. 3. Шлем. 5. Очеп. 6. Ратмир. 7. Алитарх. 9. Кориолус. 10. Пистолет. 11. Солнцев. 13. Титул. 14. Цокот. 15. Эпоха. 17. Девиз. 19. Галантерейщик. 20. Зоопсихология. 23. Чатуранга. 24. Лакировка. 27. Ледоруб. 29. Обрат. 30. Щенок. 32. Харон. 33. Чалма. 35. Ран. 36. Вой. 40. Туловище. 41. Физиолог. 42. Финка. 43. Орхидея. 46. Авентин. 47. Изьян. 49. Инжир. 50. Масса. 52. Жироду. 53. Епанча. 56. Вина. 57. Трос.

Шахматная эпиграмма

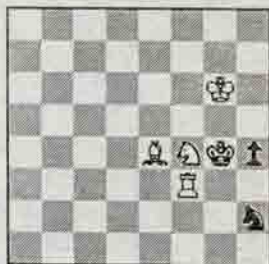

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Продолжаем публикацию задач-миниатюр II международного конкурса «Смены». В трех предыдущих номерах журнала итоги прошлого года конкурса потеснили оригинальные композиции, присланные в этом году. В этом номере им отводятся все три полосы.

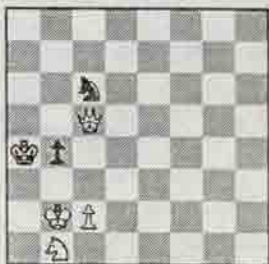
Срок присылки задач на конкурс-93 истек в сентябре. Все задачи, присланные позднее, примут участие в конкурсе 1994 года.

64. Д. БАСАЕВ
Элиста, Калмыкия

Мат в 2 хода

65. Н. ПАРХОМЕНКО
Винница, Украина

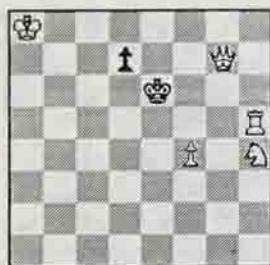
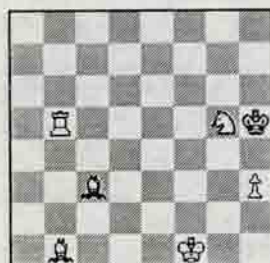
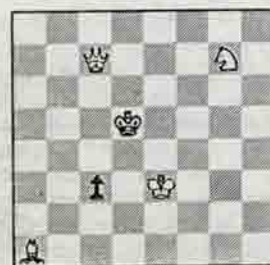
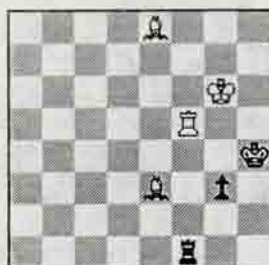
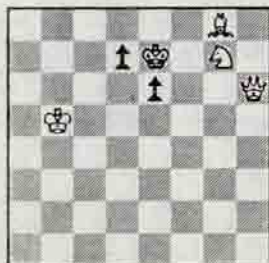

Мат в 2 хода

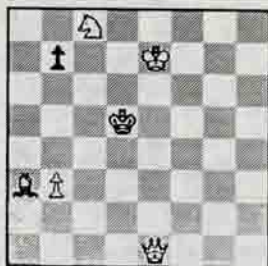
66. Ю. ОВЧИННИКОВ
*Первоуральск
Екатеринбургской обл.*

Мат в 2 хода

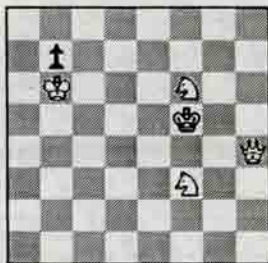
67. М. МАРАНДЮК*Новоселица, Украина***Мат в 2 хода****68. В. ИВАНОВ***п. Повенец, Карелия***Мат в 2 хода****69. А. БЫЛЕВСКИЙ***Ульяновск***Мат в 3 хода****70. З. РЫБАК***Зеленоград Московской обл.***Мат в 3 хода****71. В. КОЖАКИН***Магадан***Мат в 3 хода****72. А. ЛЫСЕНКО***Оренбургская обл.***Мат в 3 хода**

73. М. ВЛАСОВ
 Кудымкар Пермской обл.

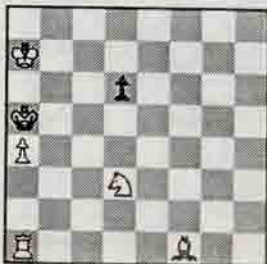
Мат в 3 хода

74. С. ДЕМИДЮК
 Брест, Беларусь

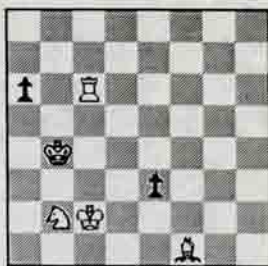
Мат в 4 хода

75. Н. ЧИСТЯКОВ
 Омск

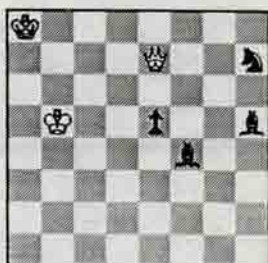
Мат в 4 хода

76. М. МАРАНДЮК
 Новоселица, Украина

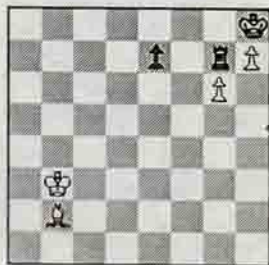
Мат в 4 хода

77. В. ЩЕРБИНА
 Донецк, Украина

Мат в 5 ходов

78. В. ШИЛЬНИКОВ
 Асбест
 Екатеринбургской обл.

Мат в 11 ходов

«СМЕНА»-94

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова «Наемный убийца» с полюбившимся читателям главным героем — полковником МУРа Львом Туровым, фантастический роман Колина Уилсона «Космические вампиры», детектив Эрла Стенли Гарднера «Секрет надгробия», мистические бестселлеры Джеффри Конница «Страж II» и Роберта Кука «Сфинкс» и другие произведения.

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на _____ журнал _____ (индекс издания)
«СМЕНА»

70820

Количество комплектов	I
-----------------------	---

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

_____ на _____ журнал _____ (индекс издания)
 ПВ _____ место _____ литер _____

70820

«СМЕНА»

Стоимость	подписки пере-адресовки	руб.	коп.	Количество комплектов	I
		руб.	коп.		

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-94

Это 990 рублей за один номер, 2970 — за три, полугодовая подписка — 5940 рублей (цены указаны без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи, но если вы хотите получать журнал с января, постарайтесь оформить ее до 10 октября.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

Крик.

Пророк.

ВЛАДИМИР ПОРТЯНОЙ. Пасха,

Музыкальная антенна представляет:

Группа
"ТЕЛЕВИЗОР"

ИНДЕКС 70820